

№ 1(37). 2020

Берега

Калининград

Берега

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Союза писателей России

НАШИ НАГРАДЫ

НАЦИОНАЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ ПРЕМИЯ
"ЗОЛОТОЕ ПЕРО РУСИ"

Серебряное перо – 2015 г., Золотое перо – 2016 г.
Национальной литературной премии «Золотое перо Руси»

Журнал выходит при поддержке Союза писателей России

Февраль 2020 № 1 (37)
Калининград

Главный редактор: Лидия Владимировна Довыденко,
секретарь Союза писателей России
Телефон: +7 9118630467
E-mail: dovidenko_L@mail.ru, <http://www.dovydenko.ru>

Редакционный совет:

Николай Иванов — Председатель Правления Союза писателей России
Григорий Блехман — секретарь Союза писателей России
Александр Герасимов — прозаик, публицист, драматург
Елена Груцкая — поэт
Игорь Ерофеев — член Союза писателей России
Евгений Журавли — поэт, прозаик, публицист
Александр Казинцев — секретарь Союза писателей России, заместитель
главного редактора журнала «Наш современник»
Сергей Кириллов — прозаик, поэт, публицист
Валентин Курбатов — член Союза писателей России, член Совета по культуре
при Президенте РФ
Александр Новосельцев — член Союза писателей России
Сергей Пылёв — член Союза писателей России
Андрей Растворцев — член Союза писателей России
Геннадий Сазонов — член Союза писателей России
Валерий Старжинский — доктор философских наук, профессор кафедры
философских учений БНТУ

Журнал зарегистрирован

Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций по Калининградской области.

Свидетельство о регистрации ПИ № ТУ 39-00302 от 24 сентября 2014 г.

Дата выхода номера в свет: 18 февраля 2020 года. Тираж: 1000 экз.

Адрес редакции, издателя: 236016, Калининград, ул. Артиллерийская, 81, кв. 50

Учредитель: Довыденко Лидия Владимировна,

адрес: 236016, Калининград, ул. Артиллерийская, 81, кв. 50.

Цена свободная

Издание предназначено для лиц от 12 +

Дизайн обложки — Анна Степанова

Фото на обложке Валентины Архиповской

Вёрстка — Елена Балантаева

Корректор — Лада Ковальчук

Отпечатано в типографии «Страж Балтики»

г. Калининград, ул. С. Тюленина, 15, тел. 53-17-05

При перепечатке материалов, в том числе использовании их в электронных СМИ,
ссылка на журнал «Берега» обязательна.

Редакция не несёт ответственности за содержание рекламных материалов,
может не разделять точку зрения опубликованных авторов.

Присланные материалы не рецензируются и не возвращаются.

Правила подачи материалов в журнал «Берега»

Материал, предлагаемый для публикации, должен являться оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях. Присылаемые рукописи сохраняются документом Word (шрифт – Times New Roman, кегль 14, межстрочный интервал – 1). Текст не форматировать, не подчеркивать, разрешается части текста выделять курсивом. Файл называть своей фамилией, в начале текста – краткие сведения об авторе – *курсивом*, плюс фото автора. Мы уважаем все буквы алфавита, в том числе букву Ё. Тексты, где игнорируется буква Ё, не рассматриваются. Решение о публикации принимается редакционным советом журнала.

СОДЕРЖАНИЕ

Приглашаем к дискуссии

Сэда Вермишева. Как мы дошли до такой жизни? Факты и только факты	4
Александр Медведев. Полезные герои. <i>Очерк</i>	10

Проза

Юрий Серб. Счастливые. <i>Трилогия. Книга 1. Венок неудачнику. Продолжение. Начало</i> <i>в № 4 (34)-2019, № 5 (35)-2019, № 6 (36)-2019</i>	14
Сергей Пылёв. Когда дважды пропел петух. <i>Повесть</i>	34
Александр Чумиков. Непал. <i>Винтажный роман. Часть 1</i>	64
Елена Дубровина. Бисер на асфальте. <i>Рассказ-загадка</i>	96

Поэзия

Эд Побужанский. Третий глаз. <i>Стихи</i>	99
Яков Шафран. Берёзовая Русь. <i>Стихи</i>	103
Карина Сейдаметова. <i>Стихи</i>	105
Лидия Соловей. Лидийский сад. <i>Стихи</i>	107

Берега юбилеев

Владимир Скиф. Как над темнеющей водою... <i>Стихи. К 75-летию.</i>	109
Анатолий Байбородин. Русский обычай. <i>Очерк о языческом и христианском в народной</i> <i>этике. К 70-летию писателя</i>	114
Евгений Лушев. Балерина Маша Павлова. <i>К 90-летию автора</i>	127

Берега любомудрия

Валерий Иванов. Цивилизация против нацизма	134
---	-----

Берега Новороссии

Светлана Тишкина. Двое из ларца. <i>Рассказ</i>	139
Лиана Мусатова. Солнышко ты моё... <i>Повесть</i>	144

Берега памяти

Лидия Довыденко. Животные в годы Великой Отечественной войны	163
---	-----

Берега культуры и искусства

Людмила Семёнова, Елена Русакова. Песни со слезами на глазах. <i>О творчестве певицы</i> <i>и композитора Надежды Колесниковой</i>	167
--	-----

Критика

Виталий Даренский. Живой космос русской культуры. <i>О книге Лидии Довыденко «Жерт-</i> <i>венное сияние современной русской мысли»</i>	170
Аркадий Польшин. О романе Е. И. Замятина «Мы»	183

Мир без границ:

Берега Беларуси

Людмила Кебич. <i>Стихи. Перевод с белорусского языка автора и Владимира Сорочкина</i>	187
---	-----

Берега Чехии

Яна Штроблова (Jana Štroblová). <i>Стихи. Переводы с чешского на русский</i> <i>Ольги Беловой-Далиной</i>	191
---	-----

Наши друзья

О приобретении и подписке на журнал	194
---	-----

Приглашаем к дискуссии

Сэда Вермишева

Вермишева Сэда Константиновна – поэт, публицист, общественный деятель. С конца 80-х годов по 2016 годы работала экспертом Представительства Нагорного Карабаха в Москве, а также корреспондентом газеты «Голос Армении» при МИД РФ, помощником, на общественных началах, депутата Госдумы Н. И. Рыжкова. Автор 14 поэтических сборников. О её поэтическом творчестве высоко отзывались Н. Тихонов, В. Цыбин, Е. Винокуров, С. Щипачев, Л. Мартынов, С. Капутикян, а также современники Н. Дорошенко, А. Ревич, Е. Николаевская, Л. Довыденко, С. Демченко, Г. Блехман, М. Письменный и др. Стихи переведены на армянский, польский, словацкий, болгарский, французский, английский и др. языки. На протяжении многих лет Сэда одновременно вела широкую общественную деятельность в качестве бессменного сопредседателя Московского общества дружбы с Арменией при правительстве Москвы, члена Правления и руководителя Творческого Центра Союза Армян России, действительного члена Петровской Академии наук и искусства. Лауреат многих российских литературных конкурсов, член Высшего Творческого Совета СП России

Как мы дошли до такой жизни? Факты и только факты

Продолжая тему, начатую в журнале «Берега», в его предыдущих четырёх номерах, а также отвечая на вопросы писателя Григория Блехмана, опубликованные в газете «Слово», о причинах и следствиях демонтажа СССР, я хотела бы сегодня уточнить и дополнить важные стороны этого непростого направления для анализа, обращаясь к истории России, Советского Союза и периода так называемой Перестройки.

Конструкция территорий многонационального государства

Конструкция территории Российской империи носила унитарный характер, и это отвечало интересам сохранения единства и целостности многонационального государства. В интересах управляемости территориями Российская империя делилась на административно-территориальные образования: губернии, уезды, округа, – безотносительно к проживающим на этих территориях этносам.

Советская же модель имела двойственную природу. Так, границы территорий проживания русского этноса носили административный характер. Названия этих образований в основном, – как в царское, так и в советское время, – соответствовали названиям главных городов данной территории: Смоленска, Курска, Воронежа, Орла и др. На территориях же проживания остальных этносов создавались национальные республики и национальные автономии, границы которых были внутренними, а окраинные – совпадали с общесоюзными. При этом все наименования этих национально-территориальных образований носили этнический характер: Киргизия, Молдавия, Грузия, Ингушетия, Эстония, даже если население этого этноса не составляло большинства в общей численности населения данной территории, подчеркивая и закрепляя этническую принадлежность территории. Кроме того, на республиканском уровне дублировались центральные государственные органы власти, чего не предполагалось в административно-территориальных образованиях. Таким образом, статус национально-территориальных образований был выше статуса административно-территориальных единиц.

С ликвидацией же СССР национально-территориальные образования автоматически обрели статус суверенных государств с соответствующими государственными структурами и этническими наименованиями, а их внутренние границы автоматически – статус внешних границ. Создание национальных образований с национальными границами в рамках единого унитарного государства и есть в конструкции СССР то слабое звено, которое, в конечном итоге, в условиях изменения в стране внутривнутриполитической ситуации сделало возможным распад Советского Союза.

Об эффективности экономики

Полагаю, что успех или неуспех любого начинания зависит от того, насколько оно вписывается в течение естественных исторических, социальных, экономических процессов. Сталинская экономическая модель, основанная на максимальной мобилизации всех ресурсов, природных и людских, на мобилизационной модели экономики, тем не менее, была уязвима. Уязвимость эта берёт начало от идеи и практики Ленина: построение социализма не в ходе естественного развития капитализма, а революционного переворота. В итоге, несмотря на неоднократные попытки и усилия - повысить эффективность социалистической экономики по сравнению с экономикой капиталистической, ожидаемых результатов не наступало. Так, в середине 80-х годов в СССР производство продукции группы А (средства производства и военная техника) по отношению к группе Б (товары народного потребления) были в соотношении 75,3 % к 24,7 %. Для сравнения укажем, что в США это соотношение составляло в те же годы 53,8 % к 46,2 %. Приведённые показатели говорят о хроническом дефиците в СССР товаров группы Б, что экономика – однобока, бюджет СССР по своей структуре – бюджет воюющей страны. Капиталистическое окружение и общая обстановка в мире вынуждала Советский Союз к милитаризации за счёт снижения уровня народного благосостояния. Хотя лозунги гласили, что «нынешнее поколение уже будет жить при коммунизме», и каждый будет получать по потребности, отдавать – по способности. Сегодня услышать такое было бы странным. Но никто и нигде не сказал, что лозунги эти, которые декларировались с каждой трибуны, были фантазией, а не реальной почвой. Лозунги и реальность пребывали в грубом несоответствии.

Планы глобалистских структур и фетишизация власти

Глобальные процессы, особенно после энергетического кризиса начала 70-х годов, говорили о кризисе ресурсной базы человечества и его неконтролируемом усугублении. В этих условиях привлекательность территории Советского Союза – с его запасами углеводородов, водными ресурсами, территориями, лесами – трудно переоценить. Не исключаю, что именно тогда в глубинах глобалистских структур возникли планы «перестройки» и «постперестройки» нашей страны под интересы глобального капитала. До поры до времени скрывавшаяся после Второй мировой войны враждебность капиталистического окружения нарастала, но меняла формы и методы. В частности, она обрела форму перестройки, когда советские вожди своими собственными руками сдали народ и страну со всеми её материальными, социальными, научными достижениями, сделав сырьевым придатком развитых капиталистических стран. И хоть произошло это много позже Сталина, тем не менее, годы правления этой волевой и неоднозначной личности оставили глубокий след и отпечатались в сознании и облике общества, детища командно-административной сталинской репрессивной системы. Иначе не было бы уже в наше время безнаказанного преступного расстрела Белого дома, не было бы официально организованных бандитских, жульнических залоговых аукционов, не было бы, наконец, незаконной Беловежской пуши и рукотворного распада СССР. Я связываю это с именем Сталина, потому что, реализуя мобилизационную модель в экономике, призванную нигилизовать, противостоять несостоятельности ленинской экономической политики, диктаторский режим того времени убил в человеке, под страхом репрессий, расстрелов, ссылок независимую, самодостаточную личность, парализовал способность к действенному самовыражению, противодействию волонтаризму, активному проявлению гражданских чувств. Фетишизация власти в те годы в лице Сталина привела к фетишизации власти как таковой. А в таком случае не надо удивляться, что к власти после Сталина один за другим приходили такие руководители, как Хрущёв, Брежнев, Черненко, Горбачёв, и, напоследок, преступник и пьяница Ельцин. И всё, что было достигнуто ценой величайших жертв и героизма, включая Великую Отечественную войну, оказалось даровой добычей собственных и зарубежных хищников. И процесс этот, к сожалению, продолжается.

Кейнсианская модель и варианты в социалистической экономике

Что касается реформы, предложенной Косыгиным и в дальнейшем свёрнутой, как считается, консервативными кругами СССР. Прежде всего, хочу отметить, что не надо было, в том числе и Косыгину, изобретать велосипед. Существовала кейнсианская модель экономики, опробованная

в годы мирового кризиса (1929–1933 гг.) Ф. Рузвельтом, применение которой способствовало его благополучному преодолению. Косыгинская же реформа, когда она впервые была обнародована, вызвала лично у меня – восторг. С каким упоением я рассказывала о её преимуществах своим студентам... Сейчас же я рассматриваю её под углом зрения не повышения рентабельности и прочих хозяйственных показателей предприятий, а с точки зрения усиления при ней самостоятельности предприятий и, соответственно, независимости республик от центральной власти. На идею децентрализации работали и созданные, а потом распущенные Совнархозы. Косыгинская реформа была ориентирована на повышение эффективности работы предприятий, повышение их прибыльности, то есть материальных показателей, способами, имманентными капиталистическим формам производства. Кроме того, повышение самостоятельности предприятий, предполагаемое косыгинской реформой, автоматически снижало зависимость предприятий от центральных органов власти, что противоречило ведущей государственной идее – её максимальной централизации.

Одновременно хочу отметить, что весь инструментарий экономических реформ, которые проводились или намечались к проведению в нашей стране, брался из арсенала капиталистической системы, и что было полезно для каждого предприятия в отдельности – плохо или вообще не вписывалось в социалистическую, максимально централизованную систему. Мне не раз приходилось цитировать в своих работах закон общей теории систем, согласно которому **«один элемент системы не может быть в состоянии качественно ином, чем вся система»**. Сказанное можно отнести как к реформе Косыгина, так и к предложениям других реформаторов. С наибольшим основанием она может быть отнесена к ленинским положениям о «построении социализма в одной, отдельно взятой стране». Сама же социалистическая система была сменена на капиталистическую после расстрела Белого Дома, но это тема другого разговора.

Принятый же современной демократической властью экономический курс Чикагской школы монетаризма, антипода кейнсианства, - где роль государства в экономике страны сведена к минимуму, курс, являющийся антиподом как марксизма, так и кейнсианства, - уверенно ведёт все страны постсоветского пространства к ещё большей дезинтеграции и к превращению в сырьевой придаток Запада, на что и была нацелена изначально имевшая место перестройка и постперестройка Советского Союза. В качестве аргумента хочу привести недавно произнесённые слова И.И. Сечина, главы «Роснефти, крупнейшей нефтяной компании России, что «на сегодня США остались единственным регулятором на мировом рынке нефти.<...> Если ранее мы говорили, что на мировом рынке нефти действуют три «регулятора»: Россия, Саудовская Аравия и США, то сегодня на рынке остался только один регулятор – США, и это нужно воспринимать как данность». **И теперь становится понятным, в чьих интересах была затеяна «перестройка» и чьими ставленниками были «перестройщики» и их команда**, приведшая к распаду СССР и смене в стране политического, социального и экономического строя. США стали «регулирующими мировым рынок нефти», хотя до этого были всего лишь экспортёрами нефти. К сожалению, экономика бывшего Советского Союза поставлена в рамки Чикагской экономической модели, полностью исключая участие государства в экономике страны, до этого носившей исключительно государственный характер.

О централизации власти

В. В. Путин на заседании Совета по науке и образованию РАН 21.01.2016 отреагировал на процитированный главой Курчатовского института фрагмент поэмы Бориса Пастернака о Ленине: «Он управлял течением мысли, и только потому – страной». Реакция Президента РФ была такова: «Управлять течением мысли – это правильно. Важно только, чтобы эта мысль в конечном итоге привела к нужному результату, а не как у Владимира Ильича. А так – сама по себе идея правильная. **В конечном итоге, эта мысль привела к развалу Советского Союза, вот к чему...** Там много было мыслей таких: автономизация, и так далее. **Они заложили бомбу под здание, которое называется Россией, она и рванула потом...**» (А. Резник. РБК. 21. 01.2016). Далее Путин подчеркнул, что в споре Ленина и Сталина по национальному вопросу Ленин ошибался: «он хотел для республик полного равноправия с правом выхода из Советского Союза. **И это и есть мина замедленного действия под здание нашей государственности** (там же). Кроме того, Ленин считал необходимым «чутко относиться к национализму угнетённых наций» (там же).

Благодаря такому подходу союзные республики уже тогда получили конституционное право на выход из состава СССР. Сталин такой подход называл «либерализмом Ленина в национальном вопросе», сам же он обвинялся в «великорусском шовинизме». Верховенство принципов централизма - как некий абсолют – по самой своей сути исключало возможность распада государства. Сталинский «центристский принцип», в противоположность «ленинскому либерализму», совпадал как с русской национальной традицией, сформулированной ещё Константином Леонтьевым (1831–1891 гг.): «Централизация власти – императив внутренней идеи России», так и с теорией и практикой «демократического централизма» партии большевиков, и этот тандем работал на сплочённость и единство многонациональной страны. Территориальное устройство СССР изначально было связано с Октябрьской революцией 1917 года и берёт начало от ленинской национальной политики, в частности, провозглашением сразу же после захвата власти права наций на самоопределение вплоть до выхода из состава страны. Закончилось всё это в итоге роковым, как мы уже говорили, переходом от унитарной модели территориального деления страны к модели, выражаясь современным языком, смешанного, гибридного типа, таившей в себе все угрозы распада, который хоть и через 70 лет, но произошёл. Оценки Путина свидетельствуют о том же.

Об автономии

Другим слабым местом конструкции Советского Союза, которого в прошлых материалах я коснулась только слегка, была конструкция национальных республик, включавших в себя автономные области. При образовании этих автономий в составе национальных республик Советского Союза центристский принцип был грубо нарушен, так как некий этнос, или этническая группа, вместе с территорией своего исторического проживания на правах автономии включалась в состав по отношению к ней инонациональной, но граничащей с ней территориально республики. В нарушение центристского принципа эта этническая группа подчинялась не центральной власти, а республиканской, а также не имела своего представительства и права голоса в центральных представительских органах власти – ими обладала исключительно республиканская власть, инонациональная по отношению, как было отмечено выше, к включённой в состав республики этнической группе. И это неравенство было закреплено в Конституции СССР, хотя оно противоречило идее центральной, единой для всех в условиях национального равноправия власти.

Истоки актуального расклада

Сегодняшняя ситуация, как в мире, так и на всём постсоветском пространстве, на мой взгляд, берёт начало в 1972–1973 годах, охарактеризовавшихся глобальным нефтяным кризисом, спровоцированным арабскими странами ОПЕК (организацией, на долю которой приходится порядка 70 процентов от мировых поставок нефти) в ответ на поддержку мировыми державами Израиля в его войне с Сирией и Египтом. А в 1972 году, за год до нефтяного кризиса, Римским клубом – главной площадкой формирования политической и экономической мысли и повестки дня современного мира – был опубликован и получил широкое признание и распространение доклад Ф. и Д. Медоузов «Пределы роста». Согласно их расчётам, важнейший невозобновляемый природный ресурс – нефть – приближается к своим предельным минимальным значениям, что при нынешнем, и на перспективу, росте населения земного шара является свидетельством неизбежно приближающегося коллапса. Экспортёры, инициаторы «нефтяного эмбарго» (принятое обозначение нефтяного кризиса 1973 года) не могли не знать этого доклада и его выводов, дающих возможность диктовать цены импортёрам нефти, спровоцировав тем самым в западном мире вышеназванный энергетический кризис. Побочным эффектом противостояния стран ОПЕК коллективному Западу стало возросшее в этих условиях значение Советского Союза как крупнейшего поставщика углеводородного сырья на мировые рынки, не являющегося при этом членом ОПЕК, и таким образом свободного от его ограничений. Возросшие в результате этого объёмы поставок нефти СССР зарубежным странам и высокие цены на экспортируемую нефть пролились «золотым дождём» на советскую экономику брежневского периода. Однако столь благоприятные условия

для развития советской экономики и укрепления положения в мире Советского Союза не могли устраивать США, стремящиеся к мировой гегемонии. И преградой на этом пути им виделся, прежде всего, Советский Союз. И тогда, поставив перед собой цель – разрушение СССР, президент США Рейган, директор ЦРУ Кейси, тогдашний министр обороны Уайнбергер весьма грамотно определили в экономике СССР наиболее уязвимые точки и разработали меры по её разрушению. К таким мерам относилась навязанная нам тогда Соединёнными Штатами беспрецедентная гонка вооружений, включая создание системы СОИ, а также ослабление советской экономики за счёт сокращения поступлений в бюджет страны твёрдой валюты от экспорта энергоносителей. С этой целью ими было инспирировано, прежде всего, снижение мировых цен на нефть путём сговора с некоторыми, ориентированными на США, арабскими странами, в первую очередь – с Саудовской Аравией, мировым лидером по добыче и экспорту нефти. К этой же категории мер надо отнести введение США эмбарго и санкций на поставку в СССР передовой техники и технологий по добыче и транспортировке нефти, ряд других ограничительных мер, весьма схожих с сегодняшними действиями США в отношении теперь уже не Советского Союза, а России. Помимо снижения цен на нефть, США добивались и сокращения закупок советской нефти европейскими странами. Глава ЦРУ Кейси заявлял: «Если бы это зависело только от нас, они (Советский Союз – С.В.) не добыли бы и грамма нефти. Мы сделаем всё, что в наших силах, чтобы другие страны воздержались от покупки советской нефти (П. Швейцер. «Победа», Минск, 1999, СП АВЕСТ). Более того, ЦРУ был специально подготовлен секретный доклад: «СССР. Проблемы твёрдой валюты». И эти проблемы создавались не только за счёт сокращения валютных поступлений в бюджет Советского Союза при падении мировых цен на нефть, но и падающей, вслед за нефтью, ценой на природный газ. Снизились и поступления в бюджет от закупок советского оружия Ираном, Ираком, Сирией и другими дружественными СССР странами -экспортёрами нефти, также страдающими от падения цен на нефть, так же, как СССР, испытывающими дефицит в поступлении твёрдой валюты.

В рамках этой стратегии в США огромное значение придавалось личным контактам, в частности, с королём Саудовской Аравии Фахдом. На одной из встреч «Кейси заверил Фахда, что администрация США по-прежнему будет предпринимать шаги для ограничений советских энергетических программ. Взамен же ожидает снижения цен на нефть. Более низкие цены на энергоносители были бы очень полезны для экономики США. <...> и, главное, вредны для СССР (С.В.). Кроме того, снижение цен на нефть воспрепятствует поиску других источников энергии: таких, например, как советский газ, а также повредит обоим заклтым врагам Саудовского правительства: Ирану и СССР». Кейси, проявил в этом случае «комплексный подход» к проблеме твёрдой валюты СССР и, как показало время, не без успеха.

Демонтаж СССР

Отрицательно отражаясь на состоянии советской экономики, падение цен на нефть одновременно способствовало подъёму экономик стран-экспортёров нефти западного мира. В условиях резкого снижения валютных поступлений в союзный бюджет, советское руководство в лице Горбачёва, при декларируемом сближении отношений с Западом, от саммита к саммиту, от встречи к встрече (Рейкьявик, Мальта и др.), сдавало позиции как вне, так и внутри страны. Наравне с темой прав человека настойчиво зазвучала тема самоопределения наций и права республик на выход из состава Советского Союза. Особенно здесь преуспели республики Прибалтики (как же, Балтийское, Северное море, порты Британии, Лондон...) Одновременно шло обострение межнациональных отношений на Южном Кавказе и, прежде всего, это коснулось слабого звена конструкции территориального деления СССР – автономий в составе национальных республик, на уязвимость конструкций которых указывалось выше. Прежде всего, это касается Грузии и Азербайджана, включавших в себя пять автономий. Азербайджан: Нагорно-Карабахскую и Нахичеванскую автономные области, Грузия: Абхазскую, Аджарскую и Южно-Осетинскую автономные области. Возникновение межнациональных столкновений не заставило себя ждать. Изначально заложенная в конструкцию этих национально-территориальных образований мина в условиях ослабленного, или позиционирующего себя таковым, Центра была взорвана. В ответ уже 24.12.1990 депутатами 4-го съезда народных депутатов СССР, вопреки неопределённости действий Горбачёва, было проведено поимённое голосование и

принято постановление: считать необходимым сохранение Советского Союза. А до этого был подготовлен и опубликован Закон от 03.04.1990 «О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР», в котором были тщательно прописаны все процедуры с выходом как республик из состава СССР, так и автономных образований из республик. Как и предусматривалось вышеназванным Законом, 17.03.1991 года был проведён общесоюзный референдум, на котором за сохранение СССР высказалось 77, 85 % населения Советского Союза. К сожалению, ни Постановление съезда, ни положения Закона о порядке выхода союзных республик из СССР, ни итоги референдума не стали достоянием широких масс.

Замалчивание неудобных тем и событий на этом временном отрезке было принципом работы либеральных СМИ. Во властных структурах тоже не было единства. И если советский народ и депутаты Верховного Совета СССР отдали свои голоса за сохранение Советского Союза, то часть политической элиты мыслила и действовала по-другому. Она готовила «новоогарёвский процесс», получивший название по имени загородной резиденции Горбачёва, где должны были пройти встречи и совещания, с целью реформирования Советского Союза в мягкую федерацию. Подписание документов намечалось на 20 августа 1990 года. Но 19 августа случилось событие, названное путчем. Целью участников этого события было сохранение страны от распада, предотвращение подписания документа, ведущего страну к катастрофе. Горбачёв, инициатор новоогарёвской затеи, был изолирован на Форосе. Однако вскоре за решёткой оказались сами члены ГКЧП, оболганные и ослабленные либеральной прессой, поддержанные обработанными ею москвичами. Горбачёв был возвращён в столицу, а в Новоогарёво – продолжена начатая ранее работа над новым Союзным договором. И если до путча предполагалось, что новый договор будет учитывать итоги проведённого всесоюзного референдума, того, что Советский Союз будет трансформирован в мягкую федерацию, то теперь уже, в новых условиях, речь шла о «рыхлой конфедерации». В Беловежских же соглашениях, подписанных 08.12.1991 года, уже декларировалось прекращение существования самого Советского Союза как субъекта международного права и геополитической реальности. На его месте образовался целый ряд новых государств, очертания и названия которых были определены на территории Российской империи в далёкие годы революционных потрясений и гражданской войны. Запад поспешил с их признанием. **Социалистический строй был расстрелян Ельциным практически, а теоретически – жаждущими частной собственности, священной по римскому праву, и возвращения одной из отменённых при советской власти функций – функции денег. Всё это - узаконенная уголовщина.** Вместе со США они пошли «другим путём». Покончив с СССР и продолжая ту же, что и против СССР, политику против России, устроили переформатирование Ближнего Востока. Сейчас на прицеле Иран. И тогда они – хозяева большой нефти, главного моторного топлива, авиабензина. А войны ныне ведутся не конницей, а самолётами.

Приглашаем к дискуссии

Александр Медведев

Медведев Александр Васильевич родился 03.09.1957 в г. Черняховске Калининградской области. Художник, писатель прозаик, критик. Член Союза художников и Союза писателей России. Автор ряда книг и многочисленных статей по теории изобразительного искусства и литературе. Лауреат нескольких литературных премий. Живёт в Санкт-Петербурге.

Полезные герои

В его главе – орлы парили,
В его груди – змии вились...
Ф. Тютчев

Герой – от греческого – «доблестный муж, предводитель». В теме героизма, да и в любой другой, ничего нового не изобрести, есть только возможность копирования. С каким знаком – вопрос мировоззренческого порядка. Все сказания древности сводятся к одному прототипу: герой покидает дом, совершает подвиги и со щитом или на щите возвращается домой. Герои, в отличие от богов, смертны, жертвуют собой ради общего блага.

И вот здесь начинаются удивительные вещи. Если допустить, словно в хорошо темперированном клавире, в котором можно играть во всех тональностях, в зависимости от желания создать то или иное настроение, произвольное толкование общего блага.

Здравствуй, страна героев,
Страна мечтателей, страна ученых!

Строки песни говорят: страна героев – это благо, счастье жить в ней. Но хорошо темперированный клавир публицистики и литературы меняет тональность, от пьесы общественного сознания переходя к пьесе коллективного бессознательного: «Несчастлива та страна, которая нуждается в героях».

Столь резкий переход... Неужели это принимается? Кто сказал – Брехт? Левый, анти-буржуазный драматург. Интересно. Его спектакли в 1970–80 годах можно было увидеть в ленинградских театрах, как же, помним: прекрасная игра актёров, музыкальные номера. Что ж, авторитет. И раз уж такая величина говорит, что страна, а это, конечно же, наша страна, нуждается в героях, то...

Дальнейшее известно. И виноват, конечно, не Брехт в волне дегероизации, нахлынувшей на советское общество в середине 1980-х.

Да, ленивы и не любопытны. Кто нам мешал пойти в читальный зал и вдали от сцены, музыки и лицедейства высшего уровня – ленинградская театральная школа не пустой звук – познакомиться с Брехтом поближе?

«За время моего девятилетнего пребывания... в аугсбургской реальной гимназии, – признавался Брехт в 1922 году, – мне не удалось сколько-нибудь существенно способствовать умственному развитию моих учителей. Они же неустанно укрепляли во мне волю к свободе и независимости».

Остроумный юноша. Традиционно остроумцы становятся кумирами публики. «Остроумие заменяет всё – государственную мудрость, образование, трудом добытую мысль, знание дела, – писал в 1858 году Герцену Борис Николаевич Чичерин, академик, юрист, философ, – на нём основывались блистательные карьеры, колоссальные репутации; на нём выезжали в министры, в генералы, в дипломаты».

В январе 1918 года двадцатилетнего Брехта должны были призвать в армию. Как и полагается остроумным юношам, он решает «откосить». Отец десять месяцев (!) добивался отсрочек, и, в

конце концов, Брехт увильнул-таки от фронта, оказавшись санитаром в одном из аугсбургских госпиталей. Тут поневоле вспоминается происхождение слова негодяй – негодный к строевой службе. В старину девушки избегали таких молодцев, справедливо полагая, что потомство будет нездоровое. Новое время сделало девушку более податливой, её покоряет неистощимый запас острот, ореол независимости суждений – вот героизм, решает любящая ушами. Но, оставим на минуту девушку, вернёмся к лампе читального зала.

Ладно, не герой Брехт, не он один среди художественных натур такой, не всем же быть на передовой – Николаями Гумилёвыми, Эрнстами Юнгерами или Уилфредами Оуэнами. Может быть, его персонажи – герои? В чьи уста вложил Брехт: «Несчастлива та страна, которая нуждается в героях» – Галилео Галилей?! Разве не герой? Ещё какой, посмел сказать инквизиции: «И всё-таки она вертится!» Человек, изрекающий истины в последней инстанции, земля ведь действительно вертится... Приходится признать: если страна нуждается в героях, она неблагополучна, поскольку для нормальной жизни от людей требуются героические усилия, а не обычный, налаженный социально-государственный порядок.

С такими мыслями отпала охота спешить к девушке. И раз уж мы в читальном зале... Так вот, нет свидетельств о произнесении Галилеем сакраментального «И всё-таки...». Биография Галилея 1717 г. от его ученика Винченцо Виванти не содержит этой фразы. Она появилась через сорок лет из-под пера журналиста Джузеппе Баретти, и относится к временам новой мифологии.

Поздний поход в читальный зал... и девушка не дождалась, ушла с остроумцем, успевшим стать большим человеком, и над страной героев тучи кромешные. Но не падать же духом, как там на «Болотной» говорили: «Мы здесь были и ещё придём» – хороший лозунг, вот бы на двери читального зала.

И всё же ещё не поздно присмотреться к своим героям, к «властителям дум». На слуху одни и те же имена «неистовых вассарионов» – от Белинского до Солженицына. Их отношение к государству: «служить бы рад, прислуживаться тошно» – остроумно в том смысле, какой вложил в это слово применительно к общественным проявлениям Борис Чичерин, но к тому же и лицемерно. Не желающие служить своему государству, вольно или невольно будут прислуживать другому, иного не дано. Публицистика – по пальцам пересчитать сколько раз – едва упоминает Чичерина, о котором поэт и философ Владимир Соловьёв (1897 г.) сказал: «Б. Н. Чичерин представляется мне самым многосторонне образованным и многознающим из всех русских, а может быть, и европейских ученых настоящего времени». В то же время до сих пор выходят сотни статей остроумцев о Герцене, до блеска отполировавших бескостными языками «Колокол» – «The Bell», аналог современных зарубежных и местных СМИ, сожалеющих о существовании страны героев.

Разумеется, современные «колокола» не станут «пиарить» Чичерина, политическое кредо которого «Либеральные меры и сильная власть». Да, «либеральный», но всё-таки консерватор», и ни на грош неистовства! Что он пишет Герцену? «Гражданственность, просвещение не представляются Вам драгоценным растением, которое надобно заботливо насаждать и терпеливо лелеять как лучший дар общественной жизни. Пусть всё это унесётся в роковой борьбе, пусть вместо уважения к праву и закону водворится привычка хвататься за топор – Вы об этом тревожитесь».

Через два года после этой публикации, 1 марта 1860 года «Колокол» помещает письмо за подписью «Русский человек». «Наше положение невыносимо, и только топор может нас избавить, и ничто, кроме топора, не может. Перемените тон и пусть ваш «Колокол» благовестит не к молебну, а звонит в набат. К топору зовите Русь!» Это написал Чернышевский. Так за всех «русских чело-веков» отвечал он на свой же вопрос «Что делать?»

По законам сцены, топор, заявленный в первом действии, непременно должен зазвенеть. Это зрелищно, страстно, это в духе тех звонарей, что заглушают не только нежнейшие, исконные звуки русской души – «Колокольчики мои, цветики степные», её гражданское звучание – «Я лиру посвятил народу своему», но даже и нечто радикальное, медью звучащую «Музу мести и печали».

Между тем, Герцен – герой... Согласно законам мифа он покинул дом, сражался с драконом Самодержавия, и с «колокольным» щитом возвратился в Россию, где в 2012 году довольно широко

по современным меркам отмечали его двухсотлетний юбилей. «Недаром я покоя века любил народ русский и терпеть не мог патриотизма. Это самая злая, ненавистная добродетель на свете», – писал Герцен в «Колоколе» от 10 июля 1863 года.

А вот прокламация «Земли и Воли» за подписью Искандера от 1 апреля 1863 года. «Мы твёрдо убеждены, что нелепость империи, идущей от Швеции до Тихого океана, от Белого моря до Китая – не может принести блага народам. Всемирные монархии Чингизов и Тамерланов принадлежат к самым печальным и самым диким периодам развития – к тем временам, когда сила и обширность составляют всю славу государства.

Да, мы против империи, потому что мы за народ».

Несообразность России, «чудища обла, озорна, огромна, стозевна и лайя», глядя из Лондона, Герцен воспринял не хуже, чем другой наш национальный герой, Радищев, из своей коляски. И этот взгляд настолько ярок и свеж, что менять его и сегодня не хотят те, кто, отвлекая различными бубенцами любимый ими русский народ, смотрят с вожделием на лакомые куски «необустроенной России».

Герои жертвуют собой ради общего блага. Герцен и тут не отступает от канона героя, жертвуя добрым именем дворянина, человека чести. Испытывая непомерную ненависть к Николаю I, он использует недопустимые средства, пороча государя.

К государственному чиновнику Герцену пожаловал на дом жандарм, сопроводить его в Третье отделение для выяснения вопроса о распространении им клеветнических слухов. После беседы с чиновником особых поручений при III отделении Герцена отпустили. «Жену я застал в лихорадке, – пишет Герцен в «Былое и думы» (М.: Художественная литература, 1956, с. 53), – она с этого дня занемогла и, испуганная ещё вечером, через несколько дней имела преждевременные роды. Ребёнок умер через день». Герцен пишет: «Младенец был казнён Николаем. Мертвящая рука русского самодержавия замешалась и тут, – и тут задушила!» (М.: Художественная литература, 1956, с. 91).

По-человечески можно понять горе Герцена и рассматривать его колокольню-топорный звон из Лондона кровной мстостью неутешного отца. Это если мы продолжаем оставаться ленивыми и нелюбопытными, даже находясь в читальном зале. Но если не лень, заглянем в примечания (М.: Художественная литература, 1956, с. 656). А там указано: Герцен был вызван в III отделение 7 декабря 1840 года, сын Иван родился спустя два месяца в феврале 1841 года. Ложь героя – ради общего блага, ради общего возмущения кровожадным самодержцем.

Таких героев, как Герцен и «русский человек» Чернышевский на Западе издавна называют «полезный русский». Но насколько полезны эти герои для школьной программы?

Вероятно, полезны, из песни слова не выкинешь. Но есть и другие слова в русской литературе, и если уж «не выкинуть» Герцена, то почему бы не читать его наравне с не допущенным в неё Аксаковым?

«Уважьте во мне свободу человека. Свобода лица – величайшее дело, на ней только и может вырасти действительная воля народа, – так Герцен объяснял решение остаться за границей. – У нас лицо всегда было подавлено, даже не стремилось выступить... Свободное слово у нас всегда считалось за дерзость». Сегодня это звучит так: «Валить надо из этой страны!»

А вот И. С. Аксаков, редактор отечественной газеты «День», гораздо менее известной, чем лондонский «The Bell». «Наши чужекрайные русские обеспокоились; они хлопочут теперь о том, как бы примирить житьё-бытьё за границей с любовью к отечеству, с живым участием в его судьбах. Одним словом: они хотят любить Россию издали, и прослыть любящими её – не расходуясь на эту любовь никакими пожертвованиями, не разделяя с Россией её бед и напастей, не подсобляя нести общую ношу».

Здесь хотелось бы остановиться на фразе Герцена «Свободное слово у нас всегда считалось за дерзость». Вот пример дерзости: по мнению американского слависта Мартина Малия, Герцена «разбудили» вовсе не декабристы, а немцы – Шиллер, Шеллинг и Гегель. Видимо, славист утруждал себя походами в читальные залы. Мы же не вправе пока сказать, что были достаточно дерзки, и внимательно прочитали наших «диалектических» героев, чтобы увидеть наряду с их орлиными замыслами змеиный клубок противоречий в сердцах. Диалектическое – «с одной стороны... а с другой стороны...» позволяет Герцену ради красного революционного словца не жалеть имени

умершего сына. Возможно, для литературного творчества это допустимо, но разве за литературу считают Герцена «полезным русским»? Наверно, за что-то гораздо более ценное, недаром для Розанова он – «основатель политического пустозвонства в России», а для диссидентки Валерии Новодворской ещё в советское время стал любимым писателем.

Ничего плохого в диалектическом методе нет, если его использовать тактически, стратегически придерживаясь христианского правила: да–да, нет–нет, всё остальное от лукавого. Если в биографии героя пишут о том, что он претерпел гонения в юности в связи с «соприкосновением к делу праздника», где пели «возмутительные песни, оскорбляющие его величество», то неплохо бы привести и текст песни.

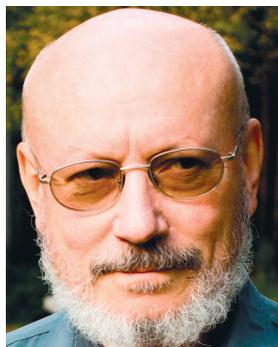
Русский император
В вечность отошёл,
Ему оператор
Брюхо распорол.

Именем человека, искренне считавшего, что необходимо «разрушить все верования, разрушить все надежды на прошлое, разбить все предрассудки, поднять руки на прежние идеалы, без снисхождения и без жалости», и громогласно призывавшего осуществить это, назван педагогический университет в Петербурге, учебное заведение, где учат сеять разумное, доброе, вечное. Неужели там нет читального зала?

Проза

Юрий Серб

Лебедев Георгий Александрович (Юрий Серб) родился в Ровенской области (УССР) 17 апреля 1944 года. Окончил филологический факультет Ленинского государственного университета (ныне СПбГУ), прозаик, член Союза писателей России. Прозаические произведения Юрия Серба печатались в журналах: «Литературная учеба», «Северная аврора», «Аврора», «Берега», «Медный всадник», «Родная Ладога», в сетевых изданиях: «Русский переплет», «Топос», «МолОко», «Русская народная линия», «Филград». Публицистика Ю. Серба, посвящённая главным образом вопросам защиты отечественного языка и культуры, появляется на различных интернет-сайтах на протяжении ряда лет. Сопредседатель Общества защиты отечественной истории и культуры «Петроград» (<http://petrograd.livejournal.com/>). Вёл колонку «Рцы Слово

Твердо» на сайте «Российский писатель» в 2012/13 гг. Книги: «Годовщина прошлой листвы» (1995), рассказы; «Солнце вдоль проспекта» (2009), роман; «Страна Эстремагвай» (2010), «Речка Нача» (2012), повести; «Статьи. Стихи» (2013); «Площадь Безумия» (2016), роман; «Стихотворения» (2018). Член Высшего творческого совета СП России. Живёт в Санкт-Петербурге

Счастливые

Трилогия.

Книга 1. Венок неудачнику

Продолжение. Начало в №4 (34)-2019, №5 (35)-2019, №6(36)-2019

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Незамѣтное, но немаловажное событие – Всероссийское бѣломонархическое совѣщание – состоялось в Петроградѣ в мартѣ 2008 года. Будучи заочно знакомъ съ организаторами совѣщания, Салабинъ принялъ въ нёмъ живое участие. Монархистовъ и националь-патриотовъ изъ Москвы, Владимира, Иркутска, Киева, Минска и другихъ краёвъ привлекло на берега Невы желаніе растормозить интеллигентно-застойное болото космополитичнаго «Питербурха».

Всѣхъ участниковъ было десятка четыре, а главнымъ результатомъ стало личное знакомство людей, прежде знавшихъ другъ о другѣ лишь понаслышкѣ и по перепискѣ. Такъ познакомился Салабинъ и съ питерцами, о которыхъ ничего не зналъ ранѣе. Забѣгая впередъ, скажемъ сразу, что изъ нихъ, вполне предсказуемо, не остылъ и остался на связи съ Салабинымъ только одинъ – тридцатилѣтній Николай Первухинъ. Другихъ, кто помоложе, соблазны или тяготы увели въ сторону, а кое-кто изъ людей постарше даже умеръ или погибъ.

Отъ Геннадія съ Николаемъ повелось неформальное Общество защиты отечественной истории и культуры «Петроградъ». Они поставили задачу добиваться удаленія съ карты города имёнъ вроде Свердлова, Белы Куна и подобныхъ.

Николай пропагандировалъ эти цѣли въ социальныхъ сѣтяхъ, а Салабинъ вѣл страничку Общества въ «Живомъ журналѣ». Въ интернетѣ размѣстили «карту Петрограда», гдѣ, наприимѣръ, официальная улица Белы Куна именовалась проспектомъ Вячеслава Клыкова*, незадолго передъ тѣмъ умершаго; бывшая Полостровская набережная (у троцкистовъ – Свердловская) теперь носила имя Николая Второго; улицѣ Рубинштейна они вернули имя Троицкой – и такъ далѣе... Сѣтевая группа поддержки, собранная Николаемъ, насчитывала полторы сотни человекъ, однако активныхъ «штыковъ», какъ показала практика, едва ли было больше, чѣмъ пальцевъ на одной рукѣ.

* В. М. Клыковъ (1939–2006) – выдающийся русский скульпторъ, авторъ многихъ памятниковъ въ Россіи и за рубежомъ, православный монархистъ.

Тѣмъ не менѣ, нѣсколько разъ они осуществили пикетированіе улицъ съ одіозными именами: упомянутого Куна, затѣмъ Рылѣва (ул. Спасская), Пестеля (Пантелеймоновская), проспекта Энгельса... Послѣдней магистрали, какъ рѣшили въ «Петроградѣ», подобаётъ имя зачинателя русской литературы митрополита Илариона – автора «Слова о законѣ и благодати». А чтобы не обидѣть піаниста Рубинштейна, его имя присудили одной изъ позднѣйшихъ улицъ.

Николай заказывалъ самоклеящіеся таблички съ историческими названіями, которыя они съ Салабинымъ и однимъ-двумя рѣдкими помощниками клеили на стѣны подъ эмалевыя таблички казѣннаго образца.

Тѣхъ магистралей, что были созданы советской властью, Общество поначалу не трогало: во-первыхъ, казѣнные журналисты твердили, что всѣ изначальныя названія неприкосновенны (они же *историческія!* – какъ въ случаѣ съ Белой Куномъ или Энгельсомъ); во-вторыхъ, «Петроградъ» не считалъ себя вправѣ навязывать новыя названія явочнымъ порядкомъ... Предложить новое имя и вести за него агитацію – да, конечно! Писать письма въ Топонимическую комиссію – почему же нѣтъ? А клеить старыя названія подъ железными табличками – на то у Общества было и моральное, и гражданское право. Фасады при этомъ нисколько не страдали.

Но обнаружилась интересная закономерность... Когда они заклеили улицу Ленина (Широкую) на Петроградской Сторонѣ или улицу Рылѣва (Спасскую) въ центрѣ, то ихъ наклейки продержались больше года, но когда они прошлись по «улицѣ Рубинштейна», то наклеекъ уже не стало черезъ полтора часа.

Въ послѣднемъ эпизодѣ былъ невольнымъ участникомъ коллега Салабина по писательскому цеху Иванъ Макаровичъ – и о нёмъ надо сказать особо.

Макарычъ былъ старше Салабина на добрыхъ два десятка лѣтъ, когда-то руководилъ крупными стройками, но это не погасило въ нёмъ любви къ литературѣ и страсти къ писательству. Отвѣтственная работа не позволила ему продолжить заочную учёбу въ Литинститутѣ, начальство ему сказала: баста! – хватить ѣздить на сессіи. Такъ Макарычъ остался «въ будняхъ великихъ строекъ» и не попалъ на праздникъ безшабашнаго творчества... Зато теперь имѣлъ настоящую біографію, а что Литинститутъ? – его даже Горькій не кончалъ и вполне обошёлся... Только теперь Макарычъ не могъ ни говорить, ни думать ни о чёмъ, кромѣ литературы, критики, публикацій, да кто что сказалъ и что не такъ сказалъ въ писательскомъ собраніи. Салабину онъ былъ сначала интересенъ этой одержимостью, Геннадій даже написалъ о нёмъ в «Литературномъ Петербургѣ», а потомъ и предисловіе къ одному-тому Макарыча изготавилъ... Поэтому Макарычъ съ утроенной силой претендовалъ въ своёмъ стариковскомъ одиночествѣ на вниманіе Салабина. При этомъ былъ старикъ ревнивъ, невоздержанъ на языкъ, обидчивъ – оттого-то и былъ одинокъ и оттого дорожилъ Салабинымъ какъ послѣднимъ въ жизни достояніемъ. Старуха-жена его прямо винила въ томъ, что мужнинъ «крюковатый языкъ» оставилъ его на свѣтѣ безъ добрыхъ людей. Пріятели по прежней профессіи были разсѣяны по всѣмъ странѣ, а пріятели по перу – всѣ отшатнулись.

Да и Салабинъ уже начиналъ тяготиться. Только значительная разница въ годахъ не позволяла ему устраняться болѣе рѣшительно.

А проза у Макарыча была неплохая, особенно рассказы о военномъ дѣтствѣ, письмахъ съ фронта и вдовьихъ женскихъ судьбахъ. На фонѣ текущей питерской прозы, когда ушли такіе авторы, какъ Викторъ Курочкин и Федоръ Абрамовъ, писанія Ивана Макаровича должны были выдѣляться и отмѣчаться, но въ лихіе годы новаго тысячелѣтія ихъ мало кто замѣчалъ.

Когда Салабинъ сталъ редактировать Макарычу однотомникъ его избраннаго, тотъ обнаружилъ всю свою строптивость и упрямство: не всѣ свои ошибки авторъ былъ готовъ признавать, на его сторонѣ были его одержимость и два курса Литинститута, на сторонѣ редактора – только филологическое образованіе. Самъ-то ты хоть и можешь писать – но это къ дѣлу не относится, для меня ты только редакторъ. Однако лиха бѣда начало, звѣзда Ивана Макаровича стала восходить, черезъ годъ-другой сталъ онъ лауреатомъ литературной преміи города, а Салабинъ для него уже былъ какъ родной человекъ: то и дѣло вызванивалъ его Макарычъ, чтобы прогуляться съ нимъ по Невскому да вмѣстѣ почаёвничать въ случайномъ «Теремкѣ» подъ присланный друзьями съ Сѣвернаго Кавказа коньячокъ.

Но въ тотъ день, когда Салабинъ съ Николаемъ собрались на «улицу Рубинштейна», пришлось объяснить Макарычу, чѣмъ они будутъ заняты – и старый писатель напросился въ ихъ компанію.

Завершивъ дѣла эти праведныя, Салабинъ и Макарычъ остались вдвоёмъ, и старикъ испросилъ позволенія задать «вопросъ въ лобъ»:

– А не кажется вамъ, что вы сражаетесь съ вѣтряными мельницами? Ваше дѣло – литература! Вѣдь она же страдаетъ...

Салабинъ остановился на широкомъ тротуарѣ Невского проспекта и посмотрѣлъ на Макарыча въ упоръ:

– Какая литература? Да и что такое – литература?.. Въ такое время!

Иванъ Макаровичъ потерялъ даръ рѣчи. Они молча смотрѣли другъ на друга.

И Салабинъ продолжилъ:

– Донъ Кихоть, въ самомъ дѣлѣ – да, съ вѣтряками сражался. А мы сражаемся – со зломъ!

И въ этотъ моментъ позвонилъ ему Николай:

– Геннадій Серафимовичъ? Вотъ, иду я сейчасъ по Троицкой... Ни одной наклейки не осталось! Всѣ сняты!

Николай Первухинъ, какъ оказалось, былъ прописанъ съ матерью на злополучной улице «Белы Куна» – и сталъ естественнымъ соратникомъ Салабина и сопредсѣдателемъ «Петрограда», не желая мириться съ прославленіемъ «краснаго мадьяра»-іудея, заливавшего русской кровью Сибирь и полуостровъ Крымъ – какъ не могъ согласиться и съ журналистомъ Ерофеевымъ изъ Топонимической комиссіи, твердившимъ, что имя Куна неотмѣнимо – какъ «самое первое» для данной улицы, то есть «историческое»: вѣдь мы говоримъ о возвращеніи историческихъ названій – не такъ ли, господа?.. «Можетъ, онъ старается ради премьера Мейвеева, чьѣ дѣтство и отрочество прошли на этой улицѣ?» – высказалъ Первухину свою догадку Салабинъ.

Но не только къ этому сводилась дѣятельность ихъ Общества. Кромѣ официальныхъ обращеній къ губернатору и въ комиссію, они провели два громкіхъ пикета, привлѣкшіхъ вниманіе электронной «прессы». Провластная «Фонтанка» и «Пятый канал» сдали отснятый матеріаль *куда надо*, а православный каналъ «Союзъ» далъ четыре минуты репортажа въ эфиръ. Зато и дали «Союзу» по шапкѣ, отбивъ его сотрудникамъ охоту отвѣчать на приглашенія «Петрограда».

Однако же въ составѣ Топонимической комиссіи произошла *ротация* и губернатору рекомендовали возвратитъ десяти Советскимъ улицамъ имена Рождественскихъ. Тогда православный губернаторъ объявилъ съ перепугу трѣхлѣтній *мораторій* на любыя перемѣны въ городской топонимикѣ. А мелкій публицистъ Салабинъ отвѣтилъ электронной разсылкой своимъ адресатамъ, утверждая, что положеніе страны и народа останется плачевнымъ, пока карта Россіи будетъ смердѣть къ небу Свердловской областью, на мѣстѣ Святаго Креста будетъ торчать Будеённовскъ, а белы куны и ангельсы продѣлывать пачкату улицы Петрограда.

«Ну и чего вы добились? – могъ бы спроситъ его Иванъ Макаровичъ. – Ваше дѣло – это литература!».

На этотъ вопросъ Салабинъ отвѣчалъ себѣ самъ. Грѣшитъ по бумагѣ литературой – это одно, а чистую совѣсть имѣть – всё-таки отраднѣе, Макарычъ...

Тогда знакомство Салабина съ Красовымъ было ещё шапочнымъ, а чай съ коньякомъ отъ старыхъ друзей Макарыча уже начиналъ тяготитъ. Но время знало куда идти, и черезъ годъ-другой Салабинъ далеко не случайно повстрѣчалъ Красова на лѣтнемъ книжномъ салонѣ и подарилъ пріятелю свою книжицу, ещё не думая, что тотъ её прочитаетъ – и вообще не зная, что Красовъ знатокъ литературы, цѣнитель Фолкнера, Чапека, и что эта встрѣча положитъ начало ихъ дружбѣ.

Вскорѣ Красовъ пригласилъ Салабина въ гости.

Ихъ бесѣда началась любопытно: Красовъ съ мѣста въ карьерѣ сталъ говорить о неизвѣстныхъ собесѣднику маркіонитахъ, о смутно памятныхъ со времёнъ «филфака» Оригенѣ, Кириллѣ Александрійскомъ – будто продолжая только что прерванный разговоръ. На самомъ же дѣлѣ это продолжался внутренній монологъ Красова, вызванный прочтеніемъ полученной книги, – только Салабинъ не сразу взялъ въ толкъ, что это вызвано его произведеніемъ.

Съ одной стороны, это было какъ бы лѣстно, а совсѣмъ со стороны – обезкураживало.

По счастью, Салабинъ никогда не стѣснялся обнаружитъ своё невѣжество – онъ переспрашивалъ, а Красовъ охотно пускался въ разъясненія, которыя множились и развѣтвлялись; ему это ви-

димо нравилось, тѣмъ болѣе что Салабинъ понималъ его съ полуслова – чаще по наитію, а не по освѣдомлённости.

Но удивленіе Салабина росло: неужто его бытовая сатира, иронія или гротескъ рубежа тысячелѣтій скрываютъ въ себѣ нѣкую философію – и столь немалую, какъ кажется Красову? И вспомнилось, какъ одинъ русскій философъ благодарилъ Шеллинга за «минуты чарующихъ размышлений», навѣянныхъ работами нѣмца. Салабинъ въ молодости безпечно забылъ русскую фамилію... Теперь же онъ думаетъ: ну что жъ, я самъ вѣдь русскій, и эта забывчивость – увы, характерна для насъ.

* * *

Тѣмъ временемъ линія «бѣломонархическаго совѣщанія» развивалась такъ, какъ только и могла она развиться въ эпоху нео-ельцинизма. Въ сѣти сыскались остряки, чтобъ высмѣять даже слово «бѣломонархическое»: что, молъ, за выдумка – развѣ можно быть красномонархическими?! Имъ отвѣчали, что «бѣлые» были не всѣ монархистами, это во-первыхъ; и что среди всего того, что погубило бѣлыхъ, было не только коварство Антанты, но также и отсутствіе внятныхъ, привлекательныхъ лозунговъ у Доброарміи – роковое *непредрѣшенчество* о будущемъ государственномъ строѣ Россіи...

Движеніе патріотическихъ организацій ещё при Ельцинѣ, по хитрымъ замысламъ «возглавить, чтобы обезвредить», пошло подъ откосъ. Поэтому совѣщаніе 2008 года, даже свободное отъ провокаторовъ, не могло дать вѣсомыхъ плодовъ. Одинъ изъ руководителей той встрѣчи былъ сведень, не совѣмъ по собственной волѣ, къ роли книжнаго издателя; другой оказался вскорѣ выдвинутъ изъ депутатствъ своей области, а позднѣе скрылся за границей; третій просто замолчалъ; четвёртый, побывавъ подъ слѣдствіемъ и въ заключеніи по «русской» статьѣ, сталъ публицистомъ и экспертомъ на темы путинской оружейной славы.

Незадолго до того совѣщанія президентъ РФ произнёсъ свою «знаменитую мюнхенскую рѣчь» – она-то могла отчасти сбить настрой оппозиціи, но Салабинъ не дождался ощутимыхъ переменъ генеральнаго курса и въ 2011 году опубликовалъ статью «Далеко ли отъ Мюнхена до Москвы?» – она даже вышла въ сборникъ за счётъ городского бюджета, въ рамкахъ «помощи писателямъ»... Словно ему говорили: пишите, господа, пишите – хоть бы и въ тысячѣ экземпляровъ! Намъ вы не страшны и намъ вы не указъ, вы только галочка въ нашей Kultur-политикѣ...

Потомъ вѣдь были ещё «русскіе марши» съ полотнищами ДПНИ* и чёрно-жёлто-бѣлыми имперскими флагами, съ плакатами, а потомъ послѣдовало разоблаченіе самага ДПНИ, а потомъ обнаружилось, что нелегальная иммиграція вся теперь легальная, а потомъ ещё было... и потомъ снова было... и чего только не было... Чубайсъ не единожды ухмылялся въ телекамеры: «Что касается отношенія ко мнѣ такъ называемыхъ народныхъ массъ, то тутъ всё въ полномъ порядкѣ!».

Народъ ушѣлъ въ глухое выживаніе, страна РФ-ія громко вставала съ колѣнъ – то съ одного колѣна, то съ другого, то снова съ прежняго – и это всё подъ музыку и телевизоръ, и всё – подъ фанфары, и это – всё.

Салабинъ преподавалъ молодымъ людямъ окаянный англійскій – вѣдь круглосуточно работала реклама – и совѣсть Салабина страдала, конечно. Но дочка Маруся-Елена была передъ глазами какъ смягчающее вину обстоятельство. Изрѣдка онъ посѣщалъ писательскія посидѣлки, иногда они съ Николаемъ что-то затѣвали во славу Петрограда, но это не давало утѣшенія.

Надежда блеснула, когда русскіе генералы (и какъ они уцѣлели въ кадровой чехардѣ?), безъ команды сверху защитили Цхинваль отъ опьянѣвшихъ грузинъ. Дышать стало лѣгче, хотя и тошнило отъ присвоившихъ себѣ «побѣду» тандема Юпитера и Солнца, испугавшихся неминуемыхъ русскихъ автографовъ на обломкахъ «рейхстага» въ Тифлисѣ.

Тогда и началось сближеніе Салабина съ философомъ Красовымъ – ещё не раскрывъ подаренную книгу и отвѣчая на какія-то слова Салабина, Красовъ запомнился эпохальными словами:

– А вѣдь мало быть бѣлогвардейцемъ... Надо быть ещё и черносотенцемъ!

* Движеніе противъ нелегальной иммиграціи.
[Чубайсъ долженъ висѣть въ петлѣ!];

* * *

Тогда нѣсколько лѣтъ подряд случалось жаркое сухое лѣто. Глядя каждый день на чахлые саженцы вдоль проспекта, гдѣ прижился едва ли не одинъ изъ пяти, Салабинъ недѣлю смотрѣль-терпѣль, а потомъ пошѣлъ однажды отъ метро пѣшкомъ, чтобы приглядѣться...

Трестъ озеленителей дѣйствовалъ по правиламъ: опустили саженецъ корневищемъ внизъ, засыпали натуральной землѣй, въ мѣру уплотнили почву вокругъ ствола и даже, судя по виду лунки, однажды полили; лунку окружили землянымъ окаёмкомъ для удержанія влаги... Той влаги, того дождя, которыхъ не было и въ поминѣ. И всё такъ же – въ лѣто слѣдующее. И въ третье такое же лѣто. Но въдѣ всё по правиламъ! Только эти правила, утверждённые легендарно дождливымъ Питербурхомъ, не предусматривали засухи въ принципѣ.

Мало того, углублённая лунка обнажала шейку ствола – прежде защищённую въ питомникѣ землѣй – и та въ засуху трескалась на солнцѣ, а въ зимнюю стужу обмерзала льдомъ. Осѣнние ливни исправить засуху уже не могли, а морозы довершали чѣрное дѣло непогоды и озеленителей.

У саженцевъ текущаго года листья казались ещё зелёными, и Салабинъ подошвами сталкивалъ въ лунку крошачійся бордюръ, чтобы закрыть отъ солнца и зноя уязвимую шейку ствола. При этомъ – зорко озирался, опасаясь быть обвинѣннымъ въ самоуправствѣ. По счастью, на него никто не обращалъ вниманія. Дома онъ наполнялъ водой канистру, а дочка, если уроки были сдѣланы, брала воду въ пластиковыхъ бутылкахъ, и они отправлялись на проспектъ.

Слѣдующей весной какая-то часть ихъ подопечныхъ оживала; озеленители убирали мертвечину и высаживали новое пополненіе мучениковъ. И то сказать: высаживались деревья слишкомъ близко отъ дорожнаго полотна, вибрація имъ тоже укорачивала вѣкъ.

Салабинъ написалъ письмо въ городскія газеты и высказалъ свои пожеланія озеленителямъ, но ни одна газета не обратила вниманія на этотъ вопль сумасшедшаго: миновали тѣ времена, когда подобныя письма достаивались хоть какого-то вниманія. Современнымъ критеріямъ скандальности информация Салабина не отвѣчала.

Къ счастью, періодъ засушливыхъ сезоновъ прошѣлъ, но ещё нѣсколько лѣтъ Салабинъ слѣдилъ изъ окна троллейбуса, какъ мучительно выживали «его» липки. А поздней осѣнью надо было снова разрушать окаёмъ новыхъ стандартныхъ лунокъ – во избѣжаніе обледенѣнія.

Потомъ возникло Общество «Петроградъ» и борьба за праведную топонимику; потомъ появилась Ирина и незамѣтно подросла Маруся; а потомъ пришлось принять Салабину должность въ русскоязычной турецкой компаніи...

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

За то время, что Салабинъ пробылъ въ Туретчинѣ, въ морскихъ компаніяхъ Петрограда произошло рѣшительное омоложеніе кадровъ: логистика, агентированіе и ужъ тѣмъ болѣе морскія перевозки теперь полностью находились въ рукахъ увѣренныхъ молодцовъ, воспринявшихъ переходъ отъ ханжества къ цинизму, отъ соціального государства къ невменяемому рынку какъ естественную перемѣну. По слухамъ, ротация кадровъ не обошла и компанію Лѣни Воденко: дочь старика Тарасыча утратила бразды правленія и пропала въ неизвѣстномъ направленіи, самъ Тарасычъ незадолго передъ этимъ умеръ, да и прежнихъ сослуживцевъ не было въ предѣлахъ видимости.

Маруся была уже студенткой выпускнаго курса юридическаго факультета (на платномъ отдѣленіи, конечно), Салабинъ былъ теперь гораздо свободнѣе, но почти всё время уходило на попытки трудоустройства. Но тутъ въ его жизнь вошли одарѣнные дѣти малообеспеченныхъ семей, а вслѣдъ за тѣмъ – удалыя матроны и тѣтушки-методистки: «Мы знаемъ – КАКЪ!..»

«Но не знаете, чему!» – договаривалъ за нихъ Салабинъ. Ученіе въ Аничковомъ сводилось къ овладенію формами отчётовъ, плановъ, программъ и къ составленію методическихъ указаній для всякихъ массовыхъ мѣропріятій. Салабинъ догадался, что это всё тотъ же троцкизмъ, насаждавшій когда-то въ арміи институтъ комиссаровъ: «Вы умѣете воевать, но не знаете – за что! Мы вамъ расскажемъ!..»

Несмотря на то, что Салабинъ скоро сжился съ дѣвчонками и мальчишками изъ малоимущихъ семей, составлявшихъ его «паству», онъ черезъ годъ сбѣжалъ отъ самодурственныхъ тѣтокъ УДОДа

въ морскую академію – «Макаровку», гдѣ требовались неприхотливые преподаватели англійскаго, согласные тянуть полную ставку за шесть тысячъ тогдашнихъ рублей. Но это отдѣльный сюжетъ на тему начальственного произвола и двойной бухгалтеріи.

А вскорѣ онъ пересталъ посѣщать и альтернативные сходки «городского союза писателей» у *бывшаго поэта*. Въ ушахъ стояли слова одного сѣдовласаго историка, который какъ-то процитировалъ Пушкина: «Война важнѣе всѣхъ собачьихъ комедій литературы.» Но гдѣ ты, настоящая война, а не мышиная возня самозванныхъ вождей между собою?

* * *

Настоящій ли былъ писатель «Васенька» Ардальоновъ, познакомившій Салабина съ Павломъ Свѣтовымъ, про то совѣсть Салабина умалчиваетъ, однако диссидентскій стажъ Ардальонова былъ самый настоящій – съ советской поры. Первый срокъ онъ отбылъ за самиздатскіе публикаціи, второй срокъ получилъ отъ демократовъ – по иску одного популярнаго актѣра въ раввинской шляпѣ, ссудившаго Ардальонова нѣкоторой суммой на изданіе энциклопедіи «Храмы Россіи» и каковую сумму Ардальоновъ не вернулъ, проигравши её въ подпольномъ казино; отпечатанный тиражъ энциклопедіи оказался подъ арестомъ. Въ Союзъ писателей Россіи Ардальоновъ былъ принятъ изъ уваженія къ его трѣхтомнику прозы, изданной за счётъ автора; издаваться «за счётъ милостей безбожной власти» Василій рѣшительно отказывался. Поэтому далѣе онъ ограничился изданіемъ только журнала о «топорѣ», тиражомъ отъ четырёхъ до шестнадцати экземпляровъ (въ зависимости отъ числа публикуемыхъ авторовъ). По профессіи Ардальоновъ былъ астрономъ или астрофизикъ, это не имѣло народнохозяйственнаго значенія. Уже извѣстный читателю старикъ Иванъ Макаровичъ, человѣкъ советскаго воспитанія, говорилъ объ Ардальоновѣ не иначе какъ «очаровательный Василій Ивановичъ». Кто-то привлёкъ Салабина на собраніе «Русскаго философскаго общества имени Н. Н. Страхова» – тамъ тоже подвизался Ардальоновъ. Свѣтовъ Общества не посѣщаль, но имъ обоимъ звонилъ.

– Гена? Привѣтъ тебѣ, Гена! Маленькій вопросъ, не болѣе того... Что ты думаешь о Ротшильдахъ? Вотъ же крапивное сѣмя, а?!

Провентилировавъ тему, онъ переходилъ къ приглашеніямъ на кубанскій борщъ и на кубанскую картошку, или на азовскую тараньку подъ завѣтную «Бѣленькую».

– Посидимъ по-христіански, глаза въ глаза! Ты вѣдь христіанинъ, Гена! Такъ или не такъ?

Если бы не Павелъ, ожидающій Салабина сегодня, то могъ бы Салабинъ и не узнать кой-чего новаго о «талантливѣйшемъ советскомъ поэтѣ». А такъ, по дорогѣ къ Павлу, онъ угодилъ въ «литературный» поѣздъ метро, изукрашенный узорочьемъ цитатъ, орнаментомъ изъ книжныхъ корешковъ – и сразу вляпался въ нѣчто знакомое со школьной скамьи...

«Я – поэтъ. Этимъ и интересень. Объ этомъ и пишу. Объ остальномъ – если только отстоялось.»

Гмъ! Въ школѣ намъ скармливали только первую часть цитаты... А теперь сообщаютъ продолженіе.

А вѣдь могъ бы всё это выразить и покороче, думаетъ Салабинъ: «Я – поэтъ. Остальное – отстой.»

И вспоминается Франсуаза, писавшая, что дѣлаетъ диссертацию по Аполлинэру, Сандрару и этому Маякоцкому – о поискѣ человѣкомъ себя въ этомъ мірѣ. Поиски Аполлинэра и Сандрара – возможно, но поиски Маякоцкимъ себя?!. Онъ просто самоутверждался любыми доступными способами. Но Франсуазѣ очень хотѣлось добавить въ диссертацию, какъ въ тортъ, ещё и русскую вишенку. «Русскій языкъ – это моё приключеніе», говорила она не безъ гордости.

Чтобъ не видѣтъ маяковской саморекламы, Салабинъ переходитъ на другую сторону вагона... Ихъ флиртъ съ Франсуазой не имѣлъ перспективъ и былъ обречёнъ; но однажды онъ позвонилъ ей по телефону, который она оставила:

– Когда будете во Франціи, позвоните.

«Прошли тѣ времена, когда я бывалъ во Франціи!» – сказалъ себѣ тогда Салабинъ. А когда онъ позвонилъ ей въ Бордо, Франсуазы тамъ уже не было: она работала в университетѣ Кана – въ Кальвадосѣ. Объ этомъ сообщила словоохотливая мама Франсуазы.

Выѣхать изъ морока девяностыхъ и повидать Франсуазу на ея родинѣ – объ этомъ думать было

нечего: онъ еле могъ кормить семью, которая была ещё семьёй, несмотря на движение къ разводу. Поднимая голову воспоминаний, Салабинъ утыкается взглядомъ въ другую цитату того же автора:

Изругивая,
 вымаливая,
 рѣзая,
Продираясь за кѣмь-то,
 вгрызаясь въ бока,
Въ небѣ,
 Красномъ, какъ Марсельеза,
Вздрагиваль,
 околѣвая,
 закать.

Ахъ! Уххъ! Угу-гу... Не пошѣлъ бы ты, аффторъ, въ баню?

«Бѣдная Франсуаза! Хотя спасти её можетъ Сандраръ. За Аполлинэра не поручусь...».

При первой же возможности она, патриотка Аквитаніи, изъ Кальвадоса вернётся на свой любимый югъ, на свой Midi de France. А что ей дѣлать, напримѣръ, въ Россіи? – «искать себя въ окружающемъ мірѣ»? Это было бы даже не смѣшно. Салабинъ сильно подозрѣвалъ, что диссертация Франсуазы – спасибо Маякоцкому – всё-таки смѣшная. Даже на разстояніи и даже априори – Салабину смѣшно.

Но вотъ и Васильевскій, который совсѣмъ не выглядитъ островомъ. Павелъ, предупрежденный домофономъ, будетъ поджидать Салабина у лифта, а увидѣвъ гостя поднимающимся по лѣстницѣ, картинно воздѣнетъ руки въ восторгѣ изумленія.

Затѣмъ будетъ хлопотать на кухнѣ, усадивъ гостя за пока ещё пустынный столъ, будетъ балагурить, разогрѣвать свой борщъ, вскрывать консервы, потомъ вознамѣрится рѣзать овощи, не отряхнувъ даже воду, которой тѣ омывались, и Салабинъ отниметъ у него огурцы съ помидорами, потребовавъ полотенце.

Наконецъ онъ извлечётъ изъ шкафа и торжественно водрузитъ на столъ «Бѣленькую», «Кубанскую» либо «Майкопскую», разставитъ стопки – и Салабинъ украдкой посмотритъ свою на свѣтъ: благо что салфетки на столѣ имѣются.

Выпивъ и наговорившись, Павелъ пойдѣтъ провожать Салабина къ троллейбусу/автобусу, держа гостя за локоть, но, слава Богу, троллейбусъ ли, автобусъ ли – долго ждать себя не заставитъ.

ЧАСТЬ ЧЕТВЁРТАЯ

– Папа, это ты меня такъ ненавидишь?.. что чайники скидываешь въ унитазъ – и не смываешь!

– Какъ у тебя, дочка, повернулся языкъ такое сказать?

– Ну а какъ ещё понимать?

– Ужъ лучше понимай, что я, какъ французъ, воду экономлю... Накопятся чайники – тогда солью!

– А французъ тутъ при чѣмъ?

– А мнѣ рассказывалъ пріятель... онъ дочку выдалъ за француза... Свѣкоръ со свекровью подгадываютъ время въ туалетъ, чтобы воду спускать обоимъ за разъ.

– Уу-у!.. Не можетъ быть!

– Всё можетъ... Говорить, видѣлъ самъ. Но у нея теперь новый мужъ, у дочки его... Нѣтъ, но какъ ты мнѣ такое сказать могла?! Лена! (*Въ сердцахъ онъ называетъ её не Марусей, а согласно паспорту.*) Мало ли какъ бываетъ, по разсѣянности... Да телефонъ зазвонилъ!..

– А потомъ унитазъ чернѣть!

– Да, чернѣть... – съ убитымъ видомъ говоритъ Салабинъ.

Зато свой выговоръ отцу она начала словомъ «папа» – а такое рѣдко отъ нея услышишь. Она взрослая теперь, безъ пяти минутъ замужемъ. Ея Андрей Салабину нравится: мастеровитый, вежливый, неглупый, неоконченное высшее... Понялъ парень, что Политехъ его мало чему для жизни научить: владѣть и такъ полудюжиной профессіей – и въ каждой по-настоящему мастеръ. Ну, дай-то Богъ!

А дочка – это недостаток воспитания. И отцовская наследственность. Он сам не раз ловил себя на том, что редко обращается к собеседнику по имени, обходится голой фразой и мѣстоименіем... Хотя Маруся ещё школьницей прочла однажды вслух из «Родной рѣчи» – о том, что нѣтъ пріятнѣе музыки для человѣческаго слуха, чѣмъ услышать обращеніе къ себѣ по имени. И Салабинъ ударилъ себя въ грудь: какой же я дундукъ! И самъ такой, и дочку не приучилъ, а прочитанное не пошло ей впрокъ... Пока была маленькой, сама говорила «папа». А взрослую уже не научишь, когда самъ дуракъ. Привычка – вторая натура; когда нѣтъ привычекъ, полезныхъ или вредныхъ – ты ни самъ себѣ, ни кому другому не интересенъ.

А ещё, возможно, отецъ и дочь одинаково мнительны. Съ тѣхъ поръ какъ дѣтямъ въ школѣ преподали уроки *валеологии* и сдѣлали ихъ *процессуально самостоятельными*, имъ палецъ въ ротъ не клади...

И конечно, ей обидно, что отецъ уже не молодъ – и не тотъ авторитетъ, какимъ для нея былъ прежде... Теперь – Андрюша авторитетъ. Ну, дай имъ Богъ.

Помнить ли она, кто научилъ её кататься на велосипедѣ? Наверно, всё-таки помнить – дѣтство же! Когда-то онъ пришѣлъ домой, купивъ утюгъ съ прибабасами, и удостоился восклицанія:

– Папа, ты – гений!

Школярское восклицаніе, а было всё равно пріятно.

– Маруся, какія ты знаешь примѣты весны?

Дочка трясѣтъ головой и кладѣтъ наушники на столъ.

– Что ты говорилъ?

– Знаешь примѣты весны?

– Не помню.

– Грачи прилетѣли!

– И что?

– Поздравляю!

Голосъ у дочки смягчился:

– Ты видѣлъ грачей?

– Видѣлъ, видѣлъ...

Какой же ты мнительный, Салабинъ!.. Если дочка днями ходить молча мимо, значитъ – она въ наушникахъ.

А вѣдь былъ ещё случай, когда Салабинъ навѣщаль деревья-подростки «у себя въ саду», то есть въ тенистомъ углу двора, и вдругъ въ начинавшихся сумеркахъ передъ нимъ возникла дочка, возвратившаяся изъ города... Она съ молчаливымъ вопросомъ смотрѣла на отца.

– Смотри, дуся, какой каштанчикъ!.. Его годъ назадъ скосилъ таджикъ своей косилкой, но я поймалъ его по горячимъ слѣдамъ, привѣлъ сюда за шкурку и ткнулъ носомъ... «Я не видѣлъ, я не видѣлъ!..» И тотъ самый таджикъ, я думаю, потомъ построилъ клетки вокругъ этихъ малышей – дубковъ, рябинъ, и этому каштану тоже... Я думалъ, онъ уже пропалъ!.. Ан нѣтъ, хоть слабые листочки, а выпустилъ!

И онъ повѣлъ её къ прошлогоднимъ саженцамъ-липкамъ, поставленнымъ коммунальщиками, изъ коихъ одна стояла съ набухшими сѣро-зелѣными почками, но никакъ не распускалась...

– А что съ ней? – спросила Маруся.

– Я поливалъ – и долго не могъ понять, въ чёмъ дѣло. Живая вѣдь! А это она корни отращиваетъ, ей оторвали ихъ при посадкѣ. Не повезло!

Зато повезло Салабину: онъ устроилъ маленькую экскурсію дочкѣ, и она не уклонилась, а раздѣлила его впечатлѣнія...

* * *

У созерцателя всегда копятея, накапливаются вещи и мысли – и сохраняются *на всякій случай*, который никогда не наступитъ: вѣдь съ нами происходятъ далеко не всякіе случаи, а только *наши*.

Напримѣръ, когда-то молодому Салабину нравилась одна дѣвушка, встрѣчаемая въ метро; онъ представлялъ себѣ, какъ съ ней знакомится, они начинаютъ видѣться, встрѣчаться...

Напримѣрь, онъ говорить ей:

– Когда вижу васъ въ метро – значить, опаздываю на работу!

Она дѣлаетъ непонимающее лицо... Или молча пролетаетъ мимо.

Или, въ лучшемъ случаѣ, онъ поясняетъ ей:

– На самомъ дѣлѣ, я другое хотѣлъ сказать: что не могу васъ видѣть такъ часто, какъ хочется...

И удаётся выяснить, въ какое время она бываетъ здѣсь на обратномъ пути, возвращаясь домой. А можетъ, пуще того, они договорятся о свиданіи...

Но никогда онъ съ ней не заговорилъ. Это не его былъ случай – это былъ *всякій*.

А потомъ онъ пересталъ её видѣть: перемѣнила работу, вышла замужъ, повстрѣчала *свой* случай.

Это надо быть британскимъ lawyer*омъ, чтобы ни единого случая не упустить – ни своего, ни всякаго чужого. Когда Нйль Эвероттъ защищалъ якобы интересы Балтійскаго пароходства противъ мошенника изъ Новой Каледоніи, то ежемѣсячно выставлялъ счета на оплату своей работы, съ такими вотъ строчками:

– переписка съ адвокатами нашихъ оппонентовъ;

– посѣщеніе контрагентовъ нашихъ оппонентовъ;

– чтеніе судебныхъ постановленій;

– переговоры съ адвокатами нашихъ оппонентовъ;

– составленіе заявленій и апелляцій;

– обсужденіе хода процессуальныхъ дѣйствій съ вашимъ мистеромъ Салабинымъ по телефону;

– авиабилеты Лондонъ-Петербургъ-Лондонъ (апрель 1994);

– авиабилеты Лондонъ-Марсель-Лондонъ (августъ 1994);

– проживание въ гостиницахъ...

И каждая подобная строка сопровождалась внушительной суммой въ фунтахъ стерлинговъ.

«Ибо въ потѣ лица ты будешь добывать свой хлѣбъ – отнимая чужой.»

А русскіе, говорить Салабинъ, торопятся не по Ветхому Завету, а какъ Богъ на душу положить. Кстати, синагога – это греческое слово: «помѣщеніе для собраній». Какъ это на ивритѣ – мало кому извѣстно, а на постсоветскомъ идишѣ – тусовка... Какъ-то такъ.

И, видно, это неспроста. Какъ сказала одинъ писатель, читать котораго нравилось Салабину, *život je jinder, la vie est ailleurs**... А въ советское время это внушалось намъ специально: диссиденты это знали даже мозгомъ своихъ костей.

Едва прошагавъ эту мысль, Салабинъ спотыкается: О!.. Теперь не только въ метро – уже и на троллейбусныхъ остановкахъ улыбается изъ шарфика мадамъ Вершебунская: «Давайте будемъ говорить по-петербургски!»

Что за сепаратизмъ такой! Однако понять её можно: если бы «говорить по-русски!» – это же *экстремизмъ и разжиганіе*... Да вы разбудите среди ночи Пучина, онъ вамъ тутъ же это подтвердитъ (Салабинъ замираетъ и спрашиваетъ себя: это опечатка? – или это я такъ сказалъ?!)

Конечно, «русская» статья УК мадамъ Вершебунской не грозитъ, но она и сама не горитъ желаніемъ говорить именно «по-русски»: ея столбики учатъ насъ удареніямъ – это эскортъ, пикникъ, паноптикумъ, апофеозъ, и гдѣ-нибудь случайно – договоръ. Она просто подхалтуриваетъ: работая при губернаторѣ въ Совѣтѣ по интеллигентской рѣчи, такую возможность она имѣетъ и никому не отдастъ.

Съ минуту Салабинъ смотритъ на кокетливо сложенный ротикъ и шарфикъ: мадамъ будто вышла сейчасъ изъ французскаго консульства, получивъ тамошній орденюкъ. Сморгнувъ обаяніе мадамъ, Салабинъ шагаетъ дальше. Но передъ глазами ещё порхаётъ «крылатая» цитата изъ Максима Горькаго, проставленная подъ столбиками словъ «по-петербургски»: «Слова – одежда всѣхъ фактовъ, всѣхъ мыслей.»

Здѣсь Горькій чего-то недодумалъ, торопясь на революцію. Голые факты свободно обходятся безъ «одежды», а вотъ съ мыслями всё сложнѣе. Безъ словъ онѣ не существуютъ. Слова – это *мыслетформы*? Форма существованія мыслей. Стало быть – не одежда, а само тѣло. Иероглифъ тогда – что? Это не слово, какъ будто... Это образъ, картинка, знакъ понятія – идеограмма. Но чтобы къ выводу прійти, надо познакомиться съ китайскимъ...

* Жизнь – это не здѣсь. (*чешск., франц.*)

И Салабинъ беззвучно хохочетъ надъ собой – уже и такъ неудавшимся полиглотомъ...

Мысли кажутся ему собраніями словъ, группами заговорщиковъ, которыхъ преступная власть можетъ изобличить только посредствомъ внедрённой синтаксической ошибки.

Красовъ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Когда-то, по прибытіи Салабина въ Стамбуль, они съ Калашниковымъ рѣшили, что турки-захватчики были не въ состояніи правильно произнести «Константиноуполи» – и сократили имя города въ «Истанбуль». Но потомъ оказалось, что это не такъ. Турки взяли со слуха греческое сочетаніе «ис-тын-пóли» (εις την Πόλη) – то есть «въ Городъ, въ Городъ». Для Византіи слово Городъ – это уважительная кличка столицы. Да и сейчасъ Городъ съ большой буквы – η Πόλη – для любого грека какъ нашъ «Цареградъ».

А звукъ «п» послѣ «м» и «н» всегда озвончается. Такъ и получился Istanbul. Произнести Константинополь турки даже не пытались – а вотъ владѣютъ же имъ больше четырёхъ столѣтій. Жестокіе побѣдили изнѣженныхъ, самонадѣянныхъ...

Теперь, по возвращеніи въ Стамбуль, возобновилась для Салабина безцвѣтная рутина. Но, къ счастью, за предѣлами рутины оставались: греческое телевидѣніе, на худой конецъ – дебильное россиянское, и – русская публицистика въ интернетѣ, переписка съ людьми... Въ эти вечера на Босфорѣ, вспоминая спонтанныя, нерѣдко сбивчивыя речи Красова, смогъ Салабинъ понять, насколько цѣнна для него эта дружба.

Какъ философъ, Красовъ былъ достаточно страненъ – настоящая бѣлая ворона. И карьера у него была странная, а ещё болѣе странной стала его посткарьерная жизнь. Его сужденія, перемежаемые переходами на школьные годы или офицерскую службу, а потомъ опять на какого-нибудь Оригена или Филона Александрійскаго, – возникали теперь въ памяти Салабина, и онъ радовался, что память, слава Богу, его ещё не подводитъ.

Красовъ родился въ Днепропетровскѣ въ родильномъ домѣ на Философской улицѣ; мать пріѣхала на сносяхъ въ этотъ городъ къ сестрѣ. Но узналъ онъ объ этомъ уже взрослымъ, когда прочёлъ адресъ кондитерской фабрики на коробкѣ конфетъ.

– Смотри, мама, улица – Философская!

– Такъ ты же, сынокъ, на этой улицѣ родился! – воскликнула мать.

Выходить, было на роду ему написано...

Мать потому поѣхала къ сестрѣ, что осталась передъ родами одна: мужъ её бросилъ и подался по міру на гастроли. Этотъ мужъ окончилъ музыкальное училище и руководилъ дѣтскимъ оркестромъ въ Домѣ пионеровъ; тамъ увлѣкся мастерицей рукодѣля – будущей матерью Дмитрія Красова – и женился на ней; но потомъ скрылся въ неизвѣстномъ направленіи – отъ суда за растленіе малолѣтнихъ... Мать Красова получила разводъ черезъ нѣсколько лѣтъ какъ съ «безвѣстно отсутствующимъ супругомъ». Всѣ фотографіи бѣлаго мужа она сожгла, Красовъ росъ при отчимѣ-агрономѣ, а всѣ его вопросы объ отцѣ были матерью упразднены. «Просто жидяра!» – вырвалось однажды у неё.

– Правда, что ли? – спросилъ сынъ.

– По паспорту – русскій, а по натурѣ – либераль-гастролёръ!

Отчимъ сталъ Красову отцомъ, а красавицѣ женѣ – прекраснымъ мужемъ, но рѣчи объ усыновленіи Дмитрія и смѣнѣ фамиліи никогда не возникло. Что мать, что отчимъ говорили ему «Митя, сынокъ» – и всё было прекрасно.

Мать очень хотѣла, чтобы сынъ ея сталъ учёнымъ, а все способности к этому у парня были. Митя окончилъ школу съ золотой медалью и поѣхалъ въ Петроградъ, какъ говорилъ отчимъ, или въ Ленинградъ, какъ говорила мать, – поступать на философскій факультетъ. Поступилъ и сталъ учиться, дружа съ библиотекой больше чѣмъ съ прекраснымъ поломъ – да и влюблялся исключительно въ читальныхъ залахъ. Впрочемъ, эта пора его жизни была затронута вскользь и Салабину не извѣстна.

На философскихъ факультетахъ хорошо преподавали математику и естественныя науки, а воен-

ная кафедра готовила артиллеристовъ. Красовъ, не будучи потомственнымъ философомъ и, главное, не будучи гражданиномъ Сѣверной Пальмиры, былъ по окончаніи университета призванъ на службу офицеромъ – и служилъ за Полярнымъ кругомъ, въ Ленинградскомъ ВО. Эти два года службы – старшимъ офицеромъ гаубичной батареи, потомъ командиромъ батареи – остались въ его памяти самой безмятежной и счастливой порой, несмотря на ночѣвки на снѣгу у костра, когда просыпаешься каждая пятнадцать минутъ: одна сторона тѣла замѣрзла, а другая вотъ-вотъ подгоритъ. Но это бывало только на ученияхъ. Онъ былъ холостъ, на хорошемъ счету у начальниковъ и былъ справедливъ съ подчинѣнными. Въ первый же отпускъ – двухмѣсячный! – онъ оформилъ себѣ маршрутныи листъ, включавшій Камчатку, Командорскіе острова, Владивостокъ, Бухару, Самаркандъ, Душанбе, Нижній Новгородъ и Калининградъ. А когда былъ въ командировкѣ въ Ленинградъ (Петроградъ), то успѣлъ жениться – и не пожалѣть объ этомъ.

Пожалѣть успѣлъ черезъ мѣсяць-другой, когда вернулся изъ арміи. Они были съ женой обречены заниматься безконечнымъ перетягиваніемъ каната каждый въ свою сторону, потому что женщина была диктаторомъ по натурѣ – къ тому же мнительнымъ, подозрительнымъ, какими всегда въ исторіи становились диктаторы. Супруги въ теченіе года развелись.

Красовъ уже работалъ научнымъ редакторомъ въ Библиотекѣ Академіи наукъ: перечитывалъ и классифицировалъ диссертации и монографіи философовъ, социологовъ и религіовѣдовъ (тогда именовавшихся научными атеистами, то есть безбожниками). Безъ вниманія прекрасныхъ дамъ Красовъ не остался: Питеръ – городъ большой, огорчѣнныхъ и притомъ привлекательныхъ женщинъ достаточно. Методомъ пробъ и ошибокъ Дмитрій къ четвертому году службы въ академической библиотекѣ нашѣлъ себѣ мать своихъ будущихъ дѣтей и возобновилъ попытки устроиться въ учебный институтъ преподавателемъ.

Тутъ впору сказать, что онъ всю жизнь оставался безпартійнымъ человѣкомъ.

И здесь надо намъ остановиться и задуматься. Дѣйствительно, могъ ли такой философъ какъ Дмитрій Красовъ быть членомъ какой-нибудь современной политической партіи? Всѣ вороны должны были имѣть чѣрные крылья и сѣрую шею: бѣлой воронѣ не удалось бы выжить. Тѣмъ не менѣе, какъ ни странно, Дмитрій Красовъ прошѣлъ черезъ вереницу высшихъ учебныхъ заведеній, гражданскихъ и военныхъ, всюду задерживаясь на два года, въ теченіе которыхъ готовились условія для его ухода. Въ партію онъ не вступалъ, въ аспирантуру его не брали, но главнымъ его недостаткомъ – самымъ нетерпимымъ въ косной вузовской средѣ – былъ студенческой спросъ на Красова-лектора. Стоило ему замѣнить заболѣвшаго преподавателя, какъ студенты переставали посѣщать лекціи прежняго и начинали просить, чтобы дали имъ «этого новаго». Такое особенно было недопустимо въ вузахъ военныхъ.

Зато въ вузахъ былъ у Красова продолжительный отпускъ, и онъ уѣзжалъ на провинціальныя стройки маляромъ-высотникомъ, достигнувъ на этомъ поприщѣ 5-го разряда.

– Мы на любой высотѣ ходили по трубамъ безъ страховки...

– Какого діаметра? – обезпокоился Салабинъ.

– Десять сантиметровъ.

– Не можетъ быть!

– Ещё какъ может! – пояснялъ Красовъ. – С поясами да цепями много не наработаешь. Ходишь – и даже не думаешь, на какой ты высотѣ. Тутъ главное – знать, что дѣлать, если оступишься: падать вдоль трубы или балки, хватаясь за неё всѣми конечностями – а дальше перехватывай руками, добрайся до крестовины или площадки. Если твѣрдо это знаешь, зазубрилъ до рефлекса, то ничего не случится: не оступишься. Но вотъ алкоголь – категорически нельзя. Если наканунѣ выпилъ, то уже и по доскѣ не пройдешь. Страхъ появляется.

Потомъ возвращался Дмитрій Михайловичъ къ студентамъ и книгамъ, посѣщалъ очередного завѣдующаго кафедрой и говорилъ, что хочетъ диссертацию защищать.

– Голубчикъ, да зачѣмъ это вамъ нужно?! – изумлялся очередной завѣдующій.

И означалъ этотъ вопросъ самое искреннее участіе: зачѣмъ, миль-человѣкъ, тебѣ и намъ это надо? Ты же не членъ партіи, ты же просто счастливый человѣкъ, любимецъ студентовъ и женщинъ и прочая, и прочая...

Всё же Красовъ защитилъ диссертацию въ 1989 году, уже въ возрастѣ 38 лѣтъ, въ сибирскомъ университетѣ, а сумѣлъ проработать въ должности доцента очередные два роковые года...

– Словно я въ какой-то реестрѣ Кашея попалъ! – восклицалъ Красовъ. – То ли Вербицкая меня вычеркнула, то ли деканъ-сенаторъ?..

Салабинъ думалъ иначе: неугодныхъ декановъ, какъ профессора-историка Фроянова, должна была выкидывать Вербицкая, а доцента выкидывать – это ей не по чину, и не къ лицу. Доцента, яшень пень, выкинулъ деканъ философовъ и онъ же сенаторъ Совѣта Федераціи...

Читатель, вѣроятно, давно уже понялъ, что предъявленная Рославлеву карточка Красова была, мягко говоря, устаревшей – и, строго говоря, недѣйствительной. Для университета онъ былъ теперь человѣкомъ съ улицы. Только съ его учёной степенью администраторы не могли ничего подѣлать.

* * *

...Теперь, съ подачи Кремля, какъ только появляются два-три «бѣженца съ Кавказа» или «несчастные» таджики или азербайджанцы, имъ немедленно отводятся земельные участки подъ строительство мечетей. Происходить это по всѣй Россіи, въ городахъ и сѣлахъ, которые никогда не были мусульманскими, причѣмъ даже въ земляхъ, которыя являлись для русскихъ сердцевиной православія и откуда расходилась вѣра по всѣй землѣ.

Валентина Сологубъ, «Русь Православная». 2004

Швыдкой – удивительный министръ культуры. Разъ за разомъ онъ дѣйствуетъ противъ интересовъ Россіи практически въ любомъ вопросѣ, будь то вопросы русскаго языка на Украинѣ или вывозъ культурныхъ цѣнностей за границу. Русскому языку – нѣтъ, вывозу культурныхъ цѣнностей – да. Въ любой другой странѣ пребываніе подобнаго человѣка на высокомъ посту вызвало бы массу вопросовъ.

Людвигъ Ларсень, «Консерваторъ», 04.04.2003

Тогда не долъжно ли удивляться самому президенту РФ? Но не всѣ удивляются. Мистеръ Гринда – не удивляется. Онъ даже гордится. Но зрячихъ – всегда меньшинство.

Салабинъ видитъ на сайтѣ «Русскаго вѣстника» уже восьмую, кажется, петицію людей науки и культуры съ просьбой къ пьрезиденту уволить такъ называемаго министра культуры Швыдкого. Отовсюду подписи – отъ Питера до Кабардино-Балкаріи и до Улань-Удэ, въ которомъ будущій министръ когда-то толковалъ студентамъ зарубежную литературу. Но какъ онъ можетъ, пьрезидентъ, уволить своего министра, котораго самъ же и назначилъ – лучшаго изъ всѣхъ немислимыхъ? Одно же изъ первыхъ его рѣшеній, какъ пьрезидента, было: назначить Швыдкого и одарить гражданствомъ зарубежнаго хасида Берла. Неужели непонятно? – это самая дорогія сердцу пьрезидента рѣшенія! Генераловъ онъ пачками мѣняетъ ежегодно, тамъ высокая взаимозамѣняемость, а вотъ въ культурѣ – попробуй-ка найди ещё одну такую дренть! И гринды говорятъ, что нѣча намъ стыдиться, если по первому закону Швыдкого «русскій фашизмъ хуже нѣмецкаго!» Гдѣ онъ отыскалъ этотъ «русскій фашизмъ»? Навѣрное, ночью у себя въ почесухѣ.

А по 2-му закону того же самага министра такъ называемый «русскій мать» есть проявленіе идентичности, патриотичности и даже самъ чѣртъ не знаетъ, ещё чего.

Нѣтъ, что ни говори, навѣрное, недѣшево достался этотъ министръ пьрезиденту, вотъ онъ и дожить имъ вопреки всему и вся.

А Салабину дорого заочное знакомство съ Валентиной Сологубъ, публицистомъ изъ Москвы: они съ ней, не сговариваясь, одновременно стали говорить о «швыдкультурѣ» – да только Михель Фимычъ ещё пуще возгордился, а пьрезидентъ не публицистовъ читаетъ, онъ читаетъ рапортички довѣренныхъ помощниковъ.

Но вот летучая гряда патриотической публицистики рѣдѣть и рѣдѣть. Не видно больше статей Валентины Сологубъ, не стало работъ Ксеніи Мяло, неизвѣстно, что съ Валеріемъ Герасимовымъ въ Нью-Йоркѣ, возникъ ненадолго и сразу пропалъ Александръ фонъ Бринкенъ изъ Швейцаріи, упекли въ колонию главъреда «Руси Православной», а профессора-юриста побили о поль институтскаго туалета («мочить въ сортиръ!») и еле отпустили на лѣченіе.

На эспланадѣ у Гостиного Двора ещё продаются газеты «Завтра», «Дуэль», «Спецназъ Россіи»... Пока ещё не достають чужія руки до «Русскаго неба», чей серверъ устроенъ въ Техасѣ по благословенію зарубежной Р П Ц... Но персистентъ умѣло убѣждаетъ іерарховъ зарубежья воссоединиться – а это онъ умѣетъ. Персистент – это не хухры-мухры, это цѣлое англійское прилагательное!

Несмѣняемая секретарь «Русской мысли» Вѣра Мелентьевна оповѣстила всѣхъ состоявшихъ по списку, что клубъ вынужденъ перейти подъ покровительство партіи Зюганова, поскольку стало невѣроятно трудно съ помѣщеніемъ. Но Салабинъ помнилъ выборы 1996 года и рѣшилъ, что подъ крышей «Исава» Зюганова дѣлать ему нечего.

А партіи продолжали плодиться и размножаться. Прежняя «НДР» переименовалась въ «ОВР», а послѣ серіи пересадокъ и перелицовокъ оказалась на томъ же мѣстѣ подъ фанеркой «ЕдРа» – «Единой Россіи». Параллельно создали, въ подражаніе двухпартійной схемѣ англосаксовъ, «Справедливую Россію».

Что и требовалось доказать, – резюмируетъ Салабинъ, – и эсеровъ есть у насъ, и троцкистовъ полноъ классъ!

Старые гайдари-чубайситы теперь назвались «Союзомъ плавыхъ силъ»... Надѣются, что ихъ не уличатъ въ подлогъ!.. И Салабинъ пускается поучать всѣхъ и вся, въ томъ числѣ и васъ, читатель, что исторически правые – это національ-консерваторы, черносотенцы, православные люди – и не обязательно богатые, ихъ было множество очень скромнаго достатка. А внезапные «правые» сегодня – потомки выходцевъ изъ Речи Посполитой и съ родины предковъ Чубайса, которымъ ненавистна Русь. Только кой-кого изъ нихъ чубайсы оттерли отъ лакомыхъ мѣстечекъ – вотъ и возникло «гражданское общество».

И, наконецъ, поочередно тонуть и выныриваютъ партія «Родина», «Патріоты Россіи», «Великое Отечество», «Великая Россія», «Партія развитія», Движеніе развитія... Даже сочинитель побѣдоносныхъ романовъ Александръ Андреевичъ рѣшилъ возглавить партію «Союзъ» (потомъ она растаяла – и онъ пошелъ въ «Изборскій клубъ»).

А то есть ещё и національ-большевистская – и тоже во главѣ съ писателемъ!.. Послѣдній, правда, отличился: хотѣлъ своихъ людей вооружить вполне желѣзнымъ образомъ – и пришлось ему нѣсколько лѣтъ провести съ соратниками въ тюрьмѣ.

Но говорить о былыхъ предтечахъ партійныхъ соцветій и соплодій – почти забытой «Памяти», полузабытомъ «Русскомъ Национальномъ Соборѣ» генерала (КГБ) Стерлигова, задушенномъ РНЕ* – не просто горько, а просто стыдно.

Красовъ утѣшается той мыслью, что *время, значитъ, ещё не пришло...*

* * *

А Красовъ человекъ наблюдательный: подмѣтилъ у брадатаго Маркса уязвимое мѣсто – всѣй марксовой теоріи лукавство. Кумиръ міровыхъ революціонеровъ бѣетъ исключительно по национальной промышленности, которая создаётъ настоящую *прибавочную стоимость*, – по реальной экономикѣ бѣетъ. Но этотъ смѣльчакъ, ниспровергатель и прочая – и на десять шаговъ не подступаетъ къ ростовщикамъ, банкирамъ, спекулянтамъ, жрецамъ ссуднаго капитала – кто деньги творитъ изъ воздуха биржи. И вѣдь умно поступаетъ, не обижая своихъ соплеменниковъ – творцовъ распила, отката, разводки и прочихъ достижений лѣваго еврейскаго генія!

Всѣхъ национальныхъ, правыхъ, *отечественныхъ* р-разоблачаетъ – и прячетъ за декораціями революцій – кого? – капиталъ международный, транснациональный: планетарныхъ управителей разбоя.

Ничего страннаго въ томъ, что хозяева денегъ – враги всего національнаго. Всѣ, что для человека

* «Русское национальное единство» (ООПД РНЕ) А. Баркашова.

своё, *отечественное*, для международного банкира – помѣха и препятствіе. Банкирь желаетъ «раздавать» кабальные кредиты и умножать свои барыши, нагромождая пирамиды фиктивныхъ цѣнностей. На нихъ онъ скупаєтъ сразу же реальную, физическую собственность «*независимо отъ національности*» – и только такъ!..

Банкирь-глобалистъ – врагъ всему, что ни на есть отечественнаго, а въ первую очередь – культурѣ. Какъ только онъ присвоилъ себѣ чужую національную экономику, то принимается за культуру, информацію, образование – за воспитаніе транснациональной черни, пролетаріата, интеллигенціи, охлоса.

Даже не такъ: не «какъ только»... Къ моменту завладѣнія шахтами Донбасса, сахарными заводами Малороссіи и банками Петербурга они *уже* владѣли всею печатью, всѣми шинками и почти всѣми кабаками имперіи, всѣми кафе-шантанами, львиной долей философіи, военной медицины и немалой частью церковныхъ кафедръ.

А пролетарій, уточняетъ намъ Красовъ – онъ совсѣмъ не тотъ благородный герой, желавшій счастья человѣчеству, о которомъ сочиняли стихи свѣтловы и безыменскіе. Это малоцѣнный, неквалифицированный разнорабочій, не владѣющій мастерствомъ, но всегда готовый бунтовать. Теорія брадатаго экономиста держится на внутренне напряжённой конструкціи натяжекъ, умолчаній и перегибовъ.

Это уразумѣвъ, человѣкъ неминуемо скажетъ: «Пріѣхали!». Далѣе онъ дѣлаетъ выводъ, что надо либо подчиниться хозяевамъ денегъ, попросту ставъ ихъ рабомъ, либо защищать всё то, что ещё сохранилось отъ его культуры, отъ его государства и отеческихъ традицій.

У Салабина къ хозяевамъ денегъ отношеніе инстинктивно-брезгливое. Онъ съ дѣтства ихъ различалъ очень ясно; а потомъ ещё интернетъ показаль ему всякихъ баруховъ, рокфелей и ротшилей – въ придачу къ примелькавшимся и скоро позабытымъ гусинскимъ, ходорковскимъ и путинскимъ. Они не унаслѣдуютъ царствія Небеснаго, да у нихъ и помысла нѣтъ о нёмъ, кромѣ понятій обращенія съ деньгами и съ партнёрами.

Если баруховъ и боруховъ Салабинъ сторонился инстинктивно съ самага дѣтства, то осознаннымъ поведеніемъ это стало позднѣе – не вдругъ, а постепенно... Совсѣмъ незамѣтно: стало, случилось, произошло. Читенію благодаря, навѣрно. А можетъ, матери благодаря. И можетъ быть, благодаря телевизору позднѣйшихъ времёнъ.

А преподобные усопшаго времени по-прежнему намъ говорятъ, какъ слѣдуетъ себя вести... «Ибо время близко». Ο καρός γαρ εγγύς...

* * *

- Маруся, ты съ Ростикомъ давно не общалась?
- Давно!
- Даже по телефону?
- Какъ-то такъ...

Когда ей было годъ-другой, – говоритъ себѣ обезкураженный отецъ, – а Ростиславу одиннадцать-двенадцать, то онъ охотно возилъ съ сестрѣнкой... Вѣдь я Наталью настроилъ родить второго ребёнка, чтобы Ростикъ не остался въ мірѣ одинъ. А теперь онъ выбираетъ одиночество.

Какъ совладать съ этой жизнью? А никакъ. Уже столькихъ суетильниковъ разума повидаль Салабинъ, а конецъ одинъ. Уже и великій ужасный Кацкунъ истлѣваетъ въ могилѣ – бывший богъ морей, а потомъ – карабась постсоветскихъ колбасъ. Земной конецъ – одинъ. А далѣе – не намъ судить.

- Телефонный номеръ сына онъ набираетъ, самъ замѣчая, что волнуется.
- Ростикъ, это отецъ. Какъ дѣла?
- Нормально.
- Ты уже освободился?
- А ты чего хотѣль?
- Услышать, узнать... Я въ городѣ проѣздомъ. Послѣзавтра улетаю.
- Счастливо!
- Думал, повидаемся.
- А зачѣмъ?
- Ну, какъ?.. Мы же родные люди.

- Нѣтъ. Мы чужіе.
- Ростикъ, ты что говоришь?
- Ну а что мнѣ говорить?
- Это кто тебя научилъ?
- Меня никто не училъ.
- Дуся-Маруся тебѣ привѣтъ передаётъ.
- Будетъ надо, я ей позвоню.
- Ожесточѣнный ты... Ладно, Богъ съ тобой!..
- Какой ещё богъ?
- Счастливо.
- Пока!

Дѣти намъ не принадлежать, это понятно. Но мы имъ хотимъ принадлежать. Только какъ этого хотѣть, если мы имъ не нужны, а видимую жизнь они воспринимаютъ не какъ постепенную порчу, а какъ норму вещей. Вотъ сынъ уже вычисляетъ, сколько ему до пенсіи лѣтъ. А отецъ прикидываетъ, успѣетъ ли что-нибудь стоящее написать. А кто читать-то будетъ?

Однако жъ и заявленіе, что я ему чужой... Это съ голоса Натальи. Съ нея могло стать и такое: сказать сыну, что не онъ ему отецъ. Раздѣляй и царствуй!.. Подлость, подлость!..

А вѣдь Ростикъ не поздравилъ отца съ днёмъ рожденія – это въ первый разъ такое. Салабинъ дней рожденія своихъ не отмѣчалъ и поздравленій себѣ не бралъ на замѣтку, но... чтобы Ростикъ?!.

Эхма!.. Не поѣхать ли въ Рыбацкое къ Красову? Когда ещё увидимся? Поѣду!

Изъ Улянки до Рыбацкаго – полтора часа на метро. Достаточно, чтобы оглохнуть отъ грохота вагона и прійти въ стоическое состояніе духа. Потому что наше метро самое гремящее въ мірѣ – только кievскому уступитъ...

* * *

Созвонившись съ Дмитріемъ Красовымъ, который искренне ему обрадовался, Салабинъ сначала выслушалъ не очень краткую лекцію съ критикой нечистаго разума, а когда предложилъ «не по телефону», тотъ пригласилъ его къ себѣ, поскольку ему «суставы прихватило».

«Молодь ещё жаловаться на суставы! – удивился Салабинъ. – Хотя у каждого своя біографія съ біохиміей...»

Домъ, гдѣ была квартира Красовыхъ, стоялъ на высококомъ берегу Невы, отдѣлённый отъ рѣки только проѣзжей частью улицы. «Красота!» – отмѣтилъ Салабинъ.

День былъ выходной, Красовъ съ женой были дома; отсутствовала только дочь 25 лѣтъ. Едва представивъ гостя женѣ Вѣрѣ Николаевнѣ, Красовъ потащилъ его въ свой кабинетъ, на ночь превращаемый въ спальню. Квартира была типичной двухкомнатной, зато кухня въ два съ половиной раза превосходила салабинскую.

– Пока тамъ жена столъ готовить, мы тутъ побесѣдуемъ!..

Хорошо, что Красовъ по телефону упомянулъ про жену – и Салабинъ не ударилъ въ грязь лицомъ: прибылъ съ виномъ и цвѣтами.

Они пробесѣдовали почти три часа – и это тоже было пиршество, хотя прозаическую цѣль своего визита – спросить совѣта о будущемъ трудоустройствѣ – Салабинъ не осуществилъ.

– Я вамъ развѣ не говорилъ, что меня выкинули изъ высшей школы?.. Я теперь люмпень – центральный привратникъ Маріинскаго театра.

Салабинъ хлопнулъ себя по лбу.

– Я это какъ-то упустилъ... А про Маріинскій впервые слышу. И жаль, что я не настолько театралъ, чтобы воспользоваться!..

Посмѣялись оба.

– Былъ забавный случай: я стою на контролѣ, подходитъ мадамъ и шестеро сопровождающихъ... «Я на концертъ моего сына, а эти – со мной!..» И тутъ я опростоволосился. Спрашиваю: «А вы кто?» – Я Солженицына! – «Простите, и что?..» (Тутъ меня толкаютъ и яростно шепчутъ: «Игнатъ Солженицынъ – ея сынъ!»). Ладно, онъ ея сынъ – и что? И тутъ вижу афишу въ вестибюлѣ: Игнат СОЛЖЕНИЦЫН, фортепиано. Такъ что и въ Маріинкѣ почва подо мной зашаталась было!..

А то ещё как-то вечером: подкатывает к театру лимузин, а из театра одновременно выходит ну вылитый Генри Киссинджер, передь ним распаивают салон, он садится, дверь захлопывают – и лимузин буквально исчезает!.. А потом мнѣ коллеги говорят, что это был-таки он!

– Да, философу работать привратником театра противопоказано! – печально произнёс Салабинь. – А вѣдь нѣсколько лѣтъ назад, Дмитрій Михайлович, питерское радио докладывало, что на каком-то форумѣ Киссинджера назначили уполномоченным по Петербургу и сѣверо-западу Россіи. Съ той поры наш главнокомандующій разъ или два обѣдалъ въ домѣ у Киссинджера и даже гладил его домашних животных.

– Да, есть вещи, мой другъ Гораціо... – кивнулъ Красовъ.

– А когда одинъ публицист, казачій полковникъ Наумовъ, сталъ возмущаться тѣмъ, что Клинтонъ похлопывает нашего главкома по плечу, то его убили на полпути къ подмосковной дачѣ.

– Да, мой другъ Гораціо... – повторилъ Красовъ; а послѣ паузы продолжилъ:

– Философъ можетъ быть привратникомъ подобно Платону, написавшему на воротахъ своей Академіи: «Не-геометрамъ входъ воспрещёнъ». Потому что безъ математики – идею просто не на что привить! А идея рождена математикой! Геометрія – это вѣдь наглядная часть математики: самый минимумъ, проходной балл!..

– Да, было время, и было мѣсто, гдѣ проходной баллъ измѣрялся не имущественнымъ цензомъ.

– Да, и время, и мѣсто... – повторилъ хозяинъ дома, выразительно посмотрѣвъ на гостя.

– А ваши суставы, Дмитрій Михайлович, простите, это не вслѣдствіе службы въ Заполярѣ?..

– Нѣтъ, нѣтъ, не думаю... Даже знаю, что не въ этомъ причина... Когда-нибудь расскажу... Было время и мѣсто! Было!..

– Неужто «скелеты въ шкафу» ?

– Но сначала надо будетъ рассказать вамъ о чудесномъ мѣстѣ на землѣ, о городѣ Полтавѣ... Не бывали тамъ?

– Нѣтъ, въ Полтавѣ не бывалъ!

– Одно изъ прекраснѣйшихъ мѣстъ на землѣ. Но Кравчукъ и Ельцинъ отобрали мою малую родину.

– И у васъ никого тамъ не осталось?

– Осталось, какъ не осталось: пропавшій безъ вѣсти братъ, куча одноклассниковъ, даже квартира родителей осталась... Молодая семья её снимаетъ, но тѣ деньги, что они должны переводить, такъ обезцѣнились, что теперь они ихъ тратятъ на текущій ремонтъ.

– А братъ вашъ какъ пропалъ?

– Мой младшій братъ... Онъ выпивалъ. И вообще любилъ срывать съ мѣста и пускаться куда глаза глядятъ. Куда поѣхалъ – туда не пріѣхалъ... Пропалъ!

Замолчали.

– Благодаря вам я познакомился съ Петромъ Николаевичемъ, но знакомства пока не получилось, потому что неожиданно-негаданно намъ встрѣтилась Ирина... Ничего не узналъ о нёмъ, кромѣ того, что инженеръ, что бѣлоэмигрантъ... Вы давно знакомы?

– Около полугода. Время отъ времени встрѣчаемся, бесѣдуемъ – но никогда о личномъ. Я чувствую въ нёмъ какую-то тайну, или хуже – личную трагедію...

«Ну, этимъ никого не удивишь...», – молча вставилъ своё Салабинь.

– ...Мнѣ кажется, онъ очень одинокъ.

– Даже здѣсь, въ Россіи?

– Онъ сказалъ мнѣ, что въ Россію бѣжалъ отъ одиночества. Но не пояснилъ, а я не сталъ спрашивать. Придѣтъ время – расскажетъ.

– Самое ужасное, по-моему, это за границей резидентомъ... Пострашнѣй, чѣмъ камера-одиночка. И онъ инженеръ – почему бы нѣтъ?.. Могъ быть советскимъ агентомъ, оттого и бѣжалъ. Но это я фантазирую. И не мой это сюжетъ, не мой интерес...

– Это мой интересъ, – сказалъ Красовъ и показалъ на книги съ торчащими изъ нихъ закладками: «Б.С. Антоновъ. Начальники советской военной развѣдки». «Ованесянъ. Трагедія 1941 года». – Вѣдь когда товарищъ Ежовъ смѣнилъ товарища Ягóду, Сталину что было нужно? Обезопасить агентурную сѣть, состоявшую на девять десятыхъ изъ лицъ интересной національности, – и плавно её заме-

нить менѣ колоритными персонажами. Но Ежовъ поступилъ грубо и топорно: вызвалъ въ Москву сразу всѣхъ резидентовъ, а тѣ вѣдь постоянно обмѣнивались «температурными» сводками... Сообразили, что къ чѣму. Переметнулись, покупая себѣ жизнь. Одинъ сдал сотню агентовъ-нелегаловъ. Другой – шесть десятковъ. А третій – ещё сотню!.. А всего по Европѣ было порядка трёхсотъ советскихъ агентовъ. Четвёртый резидентъ, под кличкой Орловъ, предупредилъ московское начальство, что если съ его головы или членовъ его семьи упадѣтъ одинъ волосъ, то он сдасть «кембриджскую четвёрку»!.. А цѣнность этихъ агентовъ изъ высшаго британскаго общества затмеваетъ всё и вся, что мы знаемъ въ исторіи развѣдокъ! Такъ остались неприкосновенными самые безкорыстные и самые свѣдущіе агенты Кремля въ Западной Европѣ. Косвенно и мнѣ развѣдка помогла... – Красовъ хитро улынулся.

– Интересно!.. Какъ?

– Когда я былъ старшимъ офицеромъ батареи, у меня произошёлъ конфликтъ съ комбатомъ, рѣдкой сволочью, это всѣ признавали, кто его зналъ. Но это я когда-нибудь потомъ... Въ итогѣ, выходя на гражданскую службу и надѣясь послужить философіи и народному образованію, я получаю замѣчательную во всѣхъ отношеніяхъ характеристику, кромѣ двухъ послѣднихъ строкъ: «Презираетъ комсомоль и высмѣиваетъ учебную дисциплину – исторію КПСС». Всѣ! Кранты! Каюкъ! Это полная невозможность работать по квалификации. Но я съ ослинымъ упорствомъ ходилъ по отдѣламъ кадровъ, и на второмъ году мытарствъ и случайныхъ подработокъ встрѣтилъ наконецъ кадровика, который оказался бывшимъ резидентомъ ГРУ въ небольшой европейской странѣ... Онъ пострадалъ изъ-за одного перебѣжчика и былъ вынужденъ срочно спасаться... Но голова-то у него на мѣстѣ! Сталъ вѣдать кадрами въ академической системѣ. А какихъ людей берутъ въ резидентуру? Обладающихъ феноменальной памятью. Онъ можетъ сидѣть съ удочкой въ камышахъ, а въ головѣ у него – чтò, гдѣ и какъ у того и другого, третьяго и сотаго изъ его подотчѣтныхъ. Вотъ такой человекъ первымъ понялъ, какъ и почему я оказался въ безвыходной ситуаціи, а ещё лучше онъ понялъ, что я за человекъ – и взялъ меня научнымъ редакторомъ въ академическую библіотеку. Тамъ и отработалъ я почти пять лѣтъ. И моя новая характеристика перекрыла прежнюю, армейскую.

– Свѣтъ не безъ добрыхъ людей...

– Онъ просто честный и компетентный. Ну и, само собой, не трусь, не чинуша – а настоящий полковникъ.

– Да, полковникъ ГРУ – это не какой-нибудь «генералъ арміи Крючковъ» во главѣ КГБ и въ составѣ ГКЧП.

– Ой не напоминайте!.. – Красовъ сдѣлалъ видъ, будто сплюнулъ. – Карьеристъ, приспособленецъ, трусь...

– Дмитрій Михайловичъ, я собирался спросить, знаете ли вы такого философа – Гурулёва...

– А вы мои мысли читаете! Я уже думалъ спросить васъ о писателѣ Гурулёвѣ!..

Они оба воззрились другъ на друга и невесело разсмѣялись.

– Когда я жилъ одинъ послѣ перваго развода, – началъ Красовъ, – въ тёмной комнатѣ на Чайковскаго... Гурулёвъ приводилъ ко мнѣ изъ Дома писателей молодыхъ вундеркиндовъ для продолженія банкета... Я ихъ наслушался тогда. Лысо-кудреватые городскіе мальчишки, трепачи безъ понятія о настоящей жизни, а непревзойдённымъ среди нихъ былъ, конечно, Гурулёвъ, трепачъ-профессиональ...

– Тогда вы не могли не читать его беллетристику, такъ сказать.

– Я пробовалъ. Но не пошло. Поэтому и спрашиваю васъ какъ его коллегу – писателя.

– Мнѣ трудно считать его коллегой...

– Вы не философъ, а онъ не писатель – такъ понимать?

Салабинъ задумчиво потѣрь переносицу.

– Съ вами, Дмитрій Михайловичъ, у меня сложились довѣрительныя отношенія, которыми я допущу... Не скрою: я болѣе кажусь себѣ философомъ, чѣмъ Гурулёвъ мнѣ кажется писателемъ.

– Я такъ и думалъ! – подхватилъ Красовъ.

– Конечно, не мнѣ судить доктора философіи, – поскромничалъ Салабинъ (тутъ Красовъ произвёлъ нарочито шумный выдохъ), – но...

Договаривать Салабинъ не сталъ, а Красовъ ловко измѣнилъ предметъ бесѣды.

– Вотъ за кого благодарю судьбу – такъ это за Генриха, за Батищева... – голосъ Красова замѣтно потеплѣлъ. – Онъ всегда говорилъ со мной напрямикъ, безъ обиняковъ, какъ съ равнымъ себѣ.

Убъждалъ, что всё, мной усвоенное отъ него, я долженъ высказывать какъ своё собственное, потому что человекъ буквально всё перенимаетъ по-своему... И такъ же напрямикъ онъ высказался обо мнѣ въ письмѣ моему начальству: «съ искрой, но безъ фундамента...». Само письмо Батищева – поступокъ удивительный. Возможно, онъ хотѣлъ облегчить мнѣ выѣзды въ Москву на конференціи въ Институтъ философіи, но хорошо уже то, что письмо и не помогло, и не помѣшало... Зато лысокудреватые мальчишки-философы перемывали мнѣ косточки: «О насъ бы такъ, хотя бы такъ» – съ искрой, но безъ фундамента!.. Вообще судьба мнѣ дарила подарки. Жена у меня – такой подарокъ. Для нея мужъ, безъ преувеличенія, что гарантъ конституціи. У меня вѣдь случались періоды, когда я вылеталъ съ кафедры, былъ безъ работы... И хотя бы стонъ или упрёкъ отъ нея!.. Наоборотъ: она добытчица, кормилица, хозяйка лѣсныхъ даровъ и прочая. И умница притомъ! Она видитъ суть лѣса за деревьями. Читали мы съ ней «Войну съ саламандрами», а потомъ случилось читать «Тихаго американца». Она и говорить: «Слушай, такъ это же объ одномъ и томъ же!»

«Потому она и мужа понимаетъ!», – молча воскликнулъ Салабинъ.

Имя Гурулёва вскорѣ снова прозвучало.

– Въ питерскихъ философскихъ кругахъ многіе годы правилъ такъ называемый «каганатъ» – по фамилии профессора Кагана, обладавшаго непререкаемымъ авторитетомъ. Однажды молодой кандидатъ наукъ, Вася Назаровъ, публично всталъ на сторону профессора-марксиста Лифшица въ его спорѣ съ Каганомъ. А потомъ Гурулёвъ молодому Васѣ и говорить: «Вася, ты забылъ, гдѣ живёшь? Тебѣ въ Питерѣ дѣлать больше нечего! Уѣзжай!»

– Но это, какъ ни крути, не можетъ прибавить уваженія къ Гурулёву въ моихъ глазахъ, – сказала Салабинъ.

– Ну, онъ просто человекъ съ крестьянской смекалкой, хуторской самородокъ. Всегда былъ на карьеру нацѣленъ.

– Тогда зачѣмъ ещё подался въ беллетристику?

– Ха! Въ советское время писатель имѣлъ офиціальнѣйшій статусъ и котировался какъ властитель думъ, хотя бы въ радиусѣ своего района. Недаромъ Горбачёвъ, не читавшій книжекъ, вообще говорившій безсвязно, поѣхалъ въ больницу къ Леониду Леонову поздравлять его розами съ юбилеемъ, а въ «партийную сотню» горбачёвскаго съѣзда депутатовъ включили пятерыхъ русскихъ писателей.

На это Салабинъ ничего не отвѣтилъ и о писателѣ Гурулёвѣ больше ничего не сказалъ, но продолжилъ о Гурулёвѣ-философѣ. А тутъ и хозяйка призвала ихъ къ столу.

– Когда собчаковцы отмѣнили улицу Гоголя, я сталъ собирать подписи противъ этого рѣшенія и поѣхалъ въ педвузъ къ нашему Гурулёву. Тотъ пробѣжалъ глазами текстъ и говорить: «Пусть сначала подпишетъ NN» – это нашъ общій знакомый, почти академикъ, только я съ нимъ былъ шапочно знакомъ – и отправляетъ меня въ кабинетъ метровъ за двести. Пока я шёлъ туда, Гурулёвъ позвонилъ ему и застращаль «академика». Конецъ ихъ разговора я засталъ. NN покраснѣлъ и говорить: «Нѣтъ, не могу!»

Я вернулся къ Гурулёву просто чтобы посмотрѣть на него. А тотъ развѣлъ руками: «Вотъ видишь, даже люди намъ не чета подписывать не хотятъ!»

Вѣра Николаевна Красова не участвовала въ ихъ бесѣдѣ, но внимательно слушала, слѣдила за предпочтеніями гостя и подкладывала ему на тарелку. Она была сѣверянка: свѣтловолосая, съ тонкимъ удлинѣннымъ лицомъ и свѣтлыми глазами, оказалась уроженкой тверскихъ лѣсовъ и даже землячкой великаго князя Александра Невскаго.

На Салабина она смотрѣла какъ на хорошо знакомаго, и это поселило въ нёмъ предположеніе, что супруги о нёмъ уже поговорили межъ собой.

– А вѣдь Герцена тоже отмѣнили, – сказала Вѣра Николаевна, – сдѣлали Большую Морскую. Можетъ, поэтому нельзя возвращать имя Гоголя? Есть Большая – должна быть и Малая!

– Да, они такое могутъ намъ сказать. Но есть у насъ Большая Московская, а Малой нѣтъ. Навѣрно, должны теперъ её строить?

Вѣра Николаевна разсмѣялась.

– А вы молодець! Вамъ палець въ ротъ не клади!

– Напротивъ: дочка меня жалѣеть! «Папа, какъ тебѣ трудно живѣтся! Ты бы у всѣхъ ошибки исправлялъ!» Но она со мной заодно: стала склонять Колпино, Пулково, Купчино...

- Въ Купчинѣ? – спросила Вѣра Николаевна.
- Да, – упрямо кивнулъ Салабинѣ, – такъ было всегда на Руси: въ селѣ Карачаровѣ, въ селѣ Шамординѣ и на поляхъ Бородина.
- Ты видишь, Вѣруня, какой боець у насъ въ гостяхъ!
- Вижу! – со смѣхомъ откликнулась хозяйка. – Даже хочется ему помочь! Геннадій Серафимовичъ, вы ещё этого не отвѣдали!..
- Потому что глаза разбѣгаются!.. Спасибо, спасибо!
- Вы кушайте, кушайте...
- Вы спрашивайте, спрашивайте!.. – срифмовалъ Красовъ.
- Обязательно! – отозвался Салабинѣ. У него складывалось приподнятое настроеніе, какъ въ памятный штормъ на Мраморномъ морѣ, а тутъ и заброшенная философія, не помня обидъ, сама просится въ руки.
- Дмитрій Михайловичъ, а въ чёмъ расходились Лившицъ и Каганъ?
- Въ чёмъ расходились – это вторично и несущественно. Имъ было что дѣлать: авторитетъ и власть въ такъ называемой наукѣ. Надо понимать, что чистая философія закончилась давно. Можно сказать, что послѣднимъ настоящимъ философомъ былъ Сократъ... и отчасти Платонъ. Но всё испортили Сократъ и сократики... Помните, что Хайдеггеръ сказалъ? – «Философствованіе какъ образъ жизни было испорчено политикой.» Вспомните, какъ Сократа заставили яду принять! Правда, британские учёные считают Сократа, наоборотъ, первымъ настоящимъ философомъ, повернувшимся отъ природы къ человѣку...
- Именно британскіе?.. – озадаченно переспросилъ Салабинѣ.
- А вы не слышали такого выраженія? – удивился Красовъ. – Это же фольклоръ, когда надо высмѣять глупую теорію, заводятъ рѣчь о «британскихъ учёныхъ, которые доказали... ну и такъ далѣе, ну и молодцы!»
- Митя, да и ты не зналъ бы этого, – вступилась Вѣра Николаевна, – если бы не слушалъ «Бизнес-ФМ».
- Вѣрно, – кивнулъ Красовъ. – Такъ на чёмъ я остановился?.. Сократъ выпилъ яду, а Спинозу лишили средствъ пропитанія и обрекли на голодную смерть, потому что философія стала политикой. Въ новое время было одно свѣтлое исключеніе – Григорій Сковорода...
- Салабинѣ терпеливо ждалъ, когда Красовъ станетъ отвѣчать на его вопросъ.
- А уже въ наши дни каганы и лившицы боролись за распределеніе благъ и привилегій, и Мамардашвили мнѣ лично сказалъ, что религіозная философія не можетъ имѣть никакого значенія, – конечно, былъ неправъ, и послѣ этого умеръ.
- Какъ это было?
- Мамардашвили – крупный, въ общемъ-то, философъ, хотя не чуждый эстетизма. Я задалъ ему любовой вопросъ: признаётъ ли онъ значеніе религіозной философіи? Подразумѣвалъ, конечно, что вся русская философія – религіозна по опредѣленію. И такъ, спросилъ... А онъ нервно отвѣтилъ: нѣтъ! Но когда я напоследокъ уходилъ, уже при шапочномъ разборѣ, то вижу: онъ ищетъ кого-то глазами – и наши взгляды встрѣтились... Пока я дѣлалъ шагъ-другой къ выходу, онъ смотрѣлъ на меня, не отпуская, словно вотъ-вотъ кивнѣтъ: да, значеніе имѣеть. А можетъ – и кивнулъ... Хотя, можетъ, показалось... Но думается, онъ пожалѣлъ о своёмъ «нѣтъ». А какъ онъ умеръ, ты въ курсѣ?
- Нѣтъ.
- Гамсахурдіа, оказавшись президентомъ Грузіи, лишилъ Мамардашвили гражданства. Философъ кинулся въ аэропортъ летѣть въ Тбилиси – и умеръ у стойки регистраціи. Да, вотъ такъ политика портитъ философію... Марксъ и Энгельсъ политиками были больше, чѣмъ философами – а почему? Потому что уже не истину искали и не «чарующихъ размышленій», а создавали систему... И русофобія была въ ней краеугольнымъ камнемъ. Фобія – слово ещё слабое! Оба просто ненавидѣли Россію...
- Для Салабина это новостью не было, и онъ Красова не перебилъ.
- Напримѣръ, свою теорію классовъ они выдерживаютъ строго, но... Пока рѣчь не заходитъ о Россіи! Они пишутъ, что къ націямъ непримѣнимо дѣленіе на реакціонные и прогрессивные – но, говорятъ эти мудрецы, могутъ быть исключенія: «...напримѣръ, Россія». И это клейменіе Россіи было такъ прочно, съ такимъ удовольствіемъ усвоено Западомъ, что всѣ социалисты приняли его

на вѣру, нѣмецкіе соціаль-демократы съ энтузіазмомъ голосовали за военные кредиты на войну съ Россіей, а Ленинъ мечталъ о пораженіи Россіи въ этой войнѣ и добивался капитуляціи уже красной Россіи («Брестскаго мира»), практически въ одиночку выкручивая руки членамъ ЦК: «Иначе я обращаюсь прямо къ народу!» А вѣдь запугаль!.. Всякая «кухарка, управляющая государствомъ», абсолютно не хочетъ войны! И сегодня мы видимъ, какъ русофобія – нѣтъ! – русоненавистничество! – опредѣляетъ ходъ міровой политики.

– Я зналъ иностранцевъ, влюблённыхъ въ Россію... И даже – просто въ русскихъ, – сказалъ Салабинъ.

– Но не въ Турціи же?

– Въ Турціи любятъ русскихъ невестъ, но чтобы Россію?.. А въ Европѣ находятся люди, какъ правило, образованные, которые любятъ и Россію, и даже русскихъ... Самый замѣтный случай, по моему – поэтъ Рильке. Онъ даже стихи началъ писать по-русски. Любилъ православную Русь... Вотъ не знаю, сталъ ли онъ православнымъ. Но Европа не знаетъ о Рильке самага главнаго для насъ, ихъ энциклопедии сообщаютъ, что Рильке былъ какое-то время секретарёмъ Огюста Родена, и перечисляютъ названия его книг, но заикнуться о томъ, что вотъ конкретная книга – вся посвящена Россіи, это свыше ихъ силъ... А ещё я зналъ немца изъ Мюнстера, который говорил: «Россія – это мой наркотикъ!» – бредилъ Россіей...

– Кьеркегоръ и Шеллингъ, отходя от лютеранства, сильно сближались съ Православіемъ на почвѣ патристики...

– Это... богословіе Отцовъ Церкви? – спросилъ Салабинъ.

– Да, въ первые семь вѣковъ.

– Неудивительно, что изученіе богословія требуетъ всей жизни. А изученіе Россіи, славистики, или той же арабистики? – то же самое!.. На это и жизни не хватаетъ! Какъ тутъ не «убояться бездны премудрости», подобно Цыфиркину у Фонвизина!

– Поэтому многіе учёные доктора и кандидаты ничего не изучали и не изучают. Въ отдѣлѣ диссертаций академической бібліотеки мнѣ открылась преисподняя макулатуры, переписанной по многу разъ!

Салабинъ сочувственно улыбнулся. Онъ за недолгое время вращенія на философскомъ факультетѣ усвоилъ эту печальную истину.

Однако за окномъ уже темнѣло, пора была и честь знать. Всѣ слышанное, сказанное и невысказанное сплелось и проросло одно въ другое, пульсируя въ головѣ у Салабина тихой музыкой.

Она ещё долго будетъ оживать у него въ турецкой мебелированной квартирѣ, а онъ станеть дѣлиться ея варіаціями съ новыми товарищами на родинѣ. Къ счастью, черезъ полгода онъ съ чужими берегами простится окончательно.

Проза

Сергей Пылёв

Сергей Прокофьевич Пылёв родился в 1948 году в Украине (город Коростень) в семье военного. Вырос на Сахалине. В Воронеже с 1956-го и поныне. Окончил филфак ВГУ. Работал электриком-осветителем, грузчиком, сборщиком покрышек (шинный завод), редактором отдела прозы журнала «Подъём», гл. редактором журнала «Воронеж», с 2014 по н.в. – редактор газеты «За кадры» Воронежского ГАУ им. Императора Петра I, член правления РО Союза писателей России. Автор 9 книг, романов, повестей и рассказов, выходявших в Воронеже и Москве. Публиковался в журналах «Подъём», «Москва», «Берега», «Сура», «Волга-XXI век», «Гостинный дворъ», «Воин России», «Мысли (!)». Лауреат премии «Кольцовский край» (И место) и дипломант Всероссийского фестиваля «Во славу

Бориса и Глеба» за книгу «Божьи искорки», изданную в Москве Сретенским монастырём в 2017 г., дипломант журналов «Берега» и «Сура». Награждён медалью общественного Совета ВДВ России «За верность долгу и Отечеству»

Когда дважды пропел петух

Повесть

И был тот год на исходе времени Второго храма, когда вызрел плод ненависти, и перезревал. На улицах Иерусалима толпы простых людей смело выкрикивали своё презрение к языческой римской власти, продажным первосвященникам и патрициям.

Люди Торы не видели и не слышали этого, увязнув в обрядовых спорах. После назначения пятый префект Иудеи эквит Понтий Пилат приказал римскому гарнизону вступить ночью в Иерусалим с ликами его тестя императора Тиберия на золотых штандартах. Никто из римских правителей ещё так не оскорблял здешний Закон. Едва не случилось восстание в Кесарии.

И тогда навстречу всеобщему отчаянию вышел из Иудейской пустыни с вестью о спасительной близости Царствия Небесного некто Иоанн, – из рода Аарона, старшего брата Моисея. Он же Креститель, он же Окунатель и Предтеча, он же будто бы воскресший Илия. Вышел после тридцати лет строгого поста и покаяния приуговаривать иудеев к принятию уже идущего долгожданного Мессии, Царя Освободителя.

Более четырёх веков Израиль не слышал глас пророков о намерениях Божиих. Но все ждали «торжества праведных». Так что поначалу всяк принял Иоанна по-своему. Кто насмеялся над его видом и словом, кто зрил в нём самого Христа.

В изначалье первого часа дневной летней стражи с упреждающим близкий восход Солнца бледно-серым глухим светом на крутой гадаринский холм, отороченный зубцами каменной стены, как выплеснули здешние греческие боги, любящие повеселиться, большую текучую росу, предупреждающую день ясный и добрый. Вот-вот переливчато замерцает она серебристой искрой на прохладной траве, на плоских глиняных крышах домов, на каменных мостовых богатого города Гадара, строго смотрящего со своего высокого холма на беспокойное холодное Галилейское озеро. Отсырели цепкой росой даже царственные мраморные колоннады эллинского театра. Как видно, накрыло этот десятиградский город сирийской провинции стылым сырым дыханием быстробеглого Гиеромакса, во множестве пробитого в этих местах кипящими донными источниками. Бывает момент, когда они по неведомому указанию все вместе берут такую силу, что дерзко фырча, разом фонтанно встают над рекой, далеко раскидывая горячие струи.

В это сумеречное подутрие перед восходом Солнца Елизар, старший сын каменотёса Гальята, аккуратно проехал на отцовой, ещё достаточно молодой семилетней серой ослице мимо террас Запад-

ного римского театра с проблёскивающей беломраморной сценой. Здешние представления любили посещать богатые римляне и сирийцы, легионеры и даже жрицы и жрецы храмов Зевса и Вакха. Тайком от Симхи, его мамы, иногда приходил сюда и Елизар поглядеть на неистовые танцы, которые она называла не иначе как «бесовскими», и послушать «неприличную» музыку греческих инструментов. Нередко маленький Елизар пугался и убегал домой, когда актёры и музыканты начинали представление с руганью и оскорблениями, предварительно хорошо выпив вина и пива.

Дальше пролегла улица каменных лавок, которая вывела Елизара на идущий вдоль склона горы декуманус максимус, – главную улицу Гадара, обустроенную длинной изящной беломраморной коринфской колоннадой и мощёную плитами зеркального смолисто-чёрного базальта. Старательно подкованные в дальнюю дорогу щегольски высокие копытца ослицы чётко пощёлкивали по гадаринской мостовой, пока не затихли, пригложив, – она сошла на известковую караванную тропу, которая вела между холмов в бесконечную долину напряжённо извилистого Иордана, который сверху напоминал гигантскую змею из породы тех, что убила по легенде Лаокоона и его сыновей за непослушание богам.

После Галилейского озера на своём покатоми пути вниз к загадочному Солёному морю Иордан петлял по долине, похожей на дно бывшего огромного высохшего моря, окружённого горными берегами, скальными хребтами и гигантскими покатыми холмами. На древнееврейском «иордан» – спускаться. А то даже – спускаться к воде. Мудрые персы, знающие толк в поэзии не менее эллинов, называли Иордан так: «Река, текущая весь год».

Проезжая через высокие главные Восточные городские ворота, Елизар зябко поёжился от сырости, несмотря на своё добротное дорожное облачение – дорогой тканый хитон и шерстяной чёрный римский плащ-паллий с костяной иглой на груди. На нём ещё был розовый льняной хитон почти до пят с длинными рукавами, перехваченный плетёным из тончайшей виссоновой волшебной нити египетским поясом пурпурного цвета, – смотревшийся просто-таки царственно. По крайней мере, такую ткань мать Елизара Симха видела только в обителях первосвященников Иудеи и однажды на самой Иродиаде, второй коварной и злобной жене тетрарха Антипы, на пире в замке Махерон. Учитывая такое достойное одеяние семнадцатилетнего Елизара, вполне можно было предположить, что он выехал, скажем, для обручения с уже назначенной ему «ктаной», скажем, лет от трёх или несколько старше. Однако версия с обручением не выдержит никакой критики, если знать, что в роскошном поясе Елизара лежали припасённые всего лишь два серебряных денария кесаря, каждый из которых ни много ни мало составлял ежедневную плату римскому воину.

Ехал Елизар настороженно ещё и потому, что уже какой раз ему на пути попадались стада суетливых свиной, – полусонные пастухи как раз в это время выгоняли их на пастбища к нависшей над долиной гряде рыжих гор. Там нагасканные свиной нередко находили целые поляны гадарских трюфелей, тех самых, за которые в Иерусалиме, а особенно в роскошном мраморном Дамаске знавшие толк в гастрономических изысках богатые римляне платили столько, что удачливые охотники за такими грибами могли быстро обогатиться. Потом же и за сало неплохо платили начальники легионеров, потому что оно в их армии считалось первым по важности продуктом, будто бы придававшим воинам нужные силы для великих побед.

Охочие до поросят, здесь по утрам объявлялись своры юрких аравийских волков-недоростков и нахальных шакалов. Для защиты от них вокруг стада визгливых прытких свиной плотным кольцом строго подвигались большие, грубошёрстные собаки. И их тоже опасался Елизар. Но главная опасность была в другом: двое здешних бесноватых.

Именно в этом месте неподалёку от Гадара почти на берегу Галилейского озера с недавних пор объявились два наводившие на всех ужас человека; невесть откуда переселившиеся. Жить они себе выбрали место за городом в гробах-пещерках для мертвецов, вырубленных гадаринцами в известковых горных кручах. Бесноватые не одевали одежду и имён не имели. Многие гадаринцы говорили, что они им всем как Божье наказание за прельщение римской верой в бога Вакха и за дикие распутные празднества в его честь. Один, непомерно рослый, со свирепым рылом, которое постоянно судорожно кривилось в разные стороны, второй был меньше меньшего на своих коротких, кривых ножках, но бегал на них так резво, страшно быстро и цепко, что мог взлететь по скалистому откосу на самую вершину, поймать на лету грифа или загнать до изнеможения горного козла. Оба бесноватых были не по-человечески сильны: запросто могли свалить с ног разъярённого быка, для забавы с

хохотом скатывали в море большие прибрежные камни и ломали для забавы как спички гигантские хермонские дубы метров трёх в объёме. Там, где проходили бесноватые, мором умирал скот, а плодородные поля и виноградники непроходимо зарастали тростником. Людей, что приближались к ним, вскоре валили невиданные страшные болезни. Чаще всего покидали они этот мир, съеденные чёрными, сально сочащимися язвами. Или вся их кровь исходила прочь через уши и глаза. У некоторых несчастных от одного взгляда бесноватых навсегда останавливалось дыхание, а у женщин рождались дети с двумя головами или вовсе без рук и ног.

Каких только жрецов-заклинателей и колдунов не зазывали гадаринцы из разных мест Египта, Сирии и даже Индии, какие только могущественные заговоры не произносили тамошние знатоки тайных наук, – спасения не было.

«Злой дух, злой бес должен уйти... – корчась, хрипели врачеватели, разжигая по всему городу священные огни из змеиных шкур. – Злой дух смерти, злой демон должен уйти, Злой бог, злой страж должен уйти, «злое дыхание», «злая слюна» должны уйти. Все великие боги заклинают тебя, Сатана: уйди прочь!»

Ничто не помогало.

Поначалу находились смельчаки из местных, чтобы сковать бесноватых цепями и сбросить со скал в Галилейское озеро, но безуспешно. Бесноватые срывали всякие железные путы, точно нитки гнилые раздёргивали.

Тем не менее была какая-то неведомая мучительная сила выше их обоих: через неё они, почти не прекращая, днём и ночью оглушительно завывали и колотились в конвульсиях о камни до крови, ломая кости. Раны на них быстро заживали.

Елизар однажды видел, как они, обнявшись, плакали будто бы над своей бедственной судьбой, на которую их облекли некие таинственные бесы. Никто в Гадаре не сомневался, что в этих людей вселились демоны. Целый легион из тех, что люди шёпотом называют «духами смерти», «скелетами» или «дыханием смерти».

Никто из гадарян не решался проходить там, где устроились в могилках бесноватые. Только отца Елизара, каменотёса Гальята они сами, хрипя и кривляясь, обходили стороной. Само собой, до поры до времени... Был этот филистимлянин роста великого, способного в волнении заплести в косу корабельные гвозди, так что гадаринские эллины, евреи, сирийцы и даже римляне кто с восторгом, кто со злобой, называли его Голиафом.

«Пусть так... – гулко говорил им в ответ Гальят с высоты своего более чем двухметрового роста. – Но Давида среди вас нет! Всё бы вам развратные забавы греческие, игрища пьяные и безотказные шлюхи в языческих римских храминах!»

Так длилось годами. Многие жители покинули Гадарию из-за бесноватых. Оставшиеся не знали, на что и надеяться.

...В пятнадцатый год правления Тиверия кесаря, как назван тот в Евангелии от Луки, когда Понтий Пилат начальствовал в Иудее, Ирод Антипа был тетрархом в Галилее и Перее, при первосвященниках Анне и Кайафе до Десятиградия дошла новость о появлении некоего пустычника Иоанна. Он будто бы после тридцатилетнего поста пророчесствует возле Солёного моря возле устья Иордана о близости Царствия Божьего. Которого он есть Предтеча, определённый Господом.

«Готовьтесь! – не уставал возвещать Иоанн. – Уготовайте покаянием Путь Господу! Порождения ехиднены! Кто внушил вам бежать от будущего гнева? Уже секира при корне дерев лежит!»

И был это год 28-й конца эпохи Второго Храма, когда каменотёс Гальят решил идти к Иоанну за заступничеством от бесноватых. Он надел в дорогу праздничные светлые одежды с позолотой, из тонкой верблюжьей кожи сапоги, наалаим, и взял инкрустированный посох из жёлтого ароматного сандалового дерева с оловянным навершием, который перед своей женой Симхой нередко с торжественной улыбкой называл жезлом Моисея.

Гальят многое мог себе позволить: он хорошо зарабатывал – почти все здешние скальные могилы были вырублены в известняке его сильными руками. Он же старательно добывал у подножия старого вулкана среди горбатых потёков застывшей лавы тёмно-серый базальт, каким гадаряне утепляли стены своих домов, сложенные из грубого плетня, обмазанного глиной с кизьяками, – коровьими лепёшками. За таким редким базальтом приезжали люди даже из Скифополя, Пеллы, Гераса, Филателфии и самого Иерусалима.

«Покайтесь! Господь приближается! – тревожа, волнуя Гальята, летели в сторону Гадара Иоанновы откровения. – Он идёт; Он придёт, чтобы царствовать над Своим народом, придёт, как Судия, с лопатою в руке, очистит гумно, будет веять Свою пшеницу и отделит зерно от соломы, пшеницу соберёт в житницу, а солому сожжёт огнём неугасимым. Он – спасение Божие, всякая плоть узрит Его!»

«У меня, конечно, свои филистимлянские боги... – настороженно размышлял Гальят. – Но они то ли состарились, то ли потеряли к нам всякий интерес из-за своих распрей?! Почему бы мне не познакомиться поближе с Иоанном? Вдруг его боги сильнее?..»

– Я паду на колени перед Иоанном, и он изведёт наших бесноватых! Собирайте меня в дорогу... – наконец решённо объявил он жене и детям. – Готовьте великую жертву вашему Яхве!

На другой день Гальят нежно обнял Симху, потряс поднятыми над собой руками и уверенно, с достоинством зашагал по склону, ведя под уздцы своего отменного, лёгкого на ногу рыжего мула, терпению и выносливости, а также добродушию которого не было предела. Гальят мог выбрать в своём стойле достойного арабского скакуна, но горными дорогами уверенней ехать на спине мула. Оттого курьеры и почтальоны, знавшие цену скорой доставке, особо ценили именно этот плод любви осла и кобылы. А если пересаживались, так только на верблюдов. Вообще-то у Гальята для дальней дороги была лучшая во всём Десятиградии ездовая ослица, бухарская: быстроногая, шелковистая, с вихрастым смоляным чубчиком, на какую было бы не стыдно сесть даже самому Ироду, но у хозяина на ней, как ноги ни поджимай, пятки скребли дорогу.

Отца не было год или около того.

Погибла Симха, защищая семью от бесноватых. Сорвалась с обрыва, убегая от них с детьми. И это через день после того как ей было предложение стать переводчицей при самом Понтии Пилате, префекте Иудеи. Род Симхи по мужской линии шёл напрямую от колена левита Корея, двоюродного брата Моисея и Аарона. И хотя родным языком Симхи был арамейский, она умела хорошо, красиво говорить и на греческом, и на римском, том же сирийском. Только она ничего не хотела себе, и желала лишь одного: чтобы её старший сын Елизар, когда исполнится ему тридцать лет, был окроплён священным мирром, смешанным с жертвенной кровью, и стал левитом Ерусалимского храма. Пусть даже Елизар и не поднимется выше чем играть в дни праздников на «шофаре», роге барана, когда у алтаря будут совершаться жертвоприношения, быть певчим или почётным храмовым стражником. А может быть, всё-таки он станет казначеем? Как бы там ни было, она настойчиво учила его грамоте и математике. Вон ведь её двоюродный племянник Мелеагр Гадаринский, сын Эвкрата, родившийся здесь же, так-таки стал известным греческим поэтом. И, кстати, каждый раз при встрече настойчиво убеждал Симху, что у её старшего сына тоже есть все предпосылки занять достойное место на Олимпе стихотворцев. Но Елизар знал, что мама непреклонна: даже заранее на вырост купила ему ефод левита с тонкими золотыми нитями и хитон из тончайшего белоснежного дорогого виссона, а также белый тюрбан, белые штаны и длинный шерстяной пояс. Симха очень сожалела, что священникам и левитам не полагалось особой обуви во время службы: они исполняли свои обязанности босиком. Но зато как радовало её, что эти великие люди не могут жениться на блуднице или разведённой женщине!

Когда набежали бесноватые, Елизар был далеко за Галилейским озером: на зиму кедровые дрова заготавливал. Ему потом рассказали, что и умирая, мама мечтала, как её старший сын вместе с другими левитами будет петь в храме своим женственным светлым голосом, от которого ей почему-то так хочется умиленно, восторженно плакать: «Хвалите Бога в святилище Его, хвалите Его в небесах мощных. Хвалите Его за могущественные деяния Его, хвалите Его по множеству величия Его. Хвалите Его звуком шофара, хвалите Его арфой и киннором. Хвалите Его тимпаном и танцем, хвалите Его струнными мэйнами и свирелью. Хвалите Его цимбалами звенящими, хвалите Его цимбалами громкогласными. Всякая душа да хвалит Господа. Аллилуйа!»

Похоронив мать, Елизар решил искать отца и вместе с ним сразиться с бесноватыми. Его младших братьев и сестёр разобрали добрые люди.

При повороте дороги в сторону русла Иордана под раскидистым кедром гадаринские свинопасы грелись у костра. Тот уже почти прогорел, последние искры судорожно металась на утреннем ветру по чёрным, ещё жарким поленам. Его зыбкий дым наискось длинно выстался над приречной долиной.

Елизар вздрогнул: ему вдруг послышался близкий рык бесноватых. Это во сне громко подал голос вожак пастушьих собак. Поднял свою большую мохнатую голову, тупо посмотрел на подъехавшего к костру Елизара и снова откинулся, густо всхрапывая чуть ли не человеческим голосом.

– Сын Гальята?.. – полусонно проговорил один из свинопасов, поёживаясь под большим жёстким плащом.

– Да... – тихо сказал Елизар. – Еду отца искать.

– Правильно, сынок... Тебе нельзя здесь оставаться. Бесноватые рано или поздно и до тебя доберутся. Если уж они взялись какой род извести... – раздумчиво, твёрдо сказал другой, по всему старший среди пастухов, так как держался уверенно, почти властно, и говорил с достоинством. Звали его Исхак.: – Мы только что держали разговор про вашу семью. Правильная была семья... Нам всем горько, что такие беды навалились на вас. Особенно жалеем мы Симху. До чего же была она умная и красивая... И какая страшная участь выпала ей... Эти проклятые бесноватые!..

Исхак сурово оглянулся по сторонам. Ночи уже и следа не оставалось. По склону горы наискось юрким белёсым пятном подвигался в их сторону, тревожно повизгивая, отбившийся от стада поросёнок. Он словно тянул за собой всё удлинявшуюся на глазах тёмную полосу по густой траве, зеркально поблёскивающей созревшей тяжёлой утренней росой.

– Даже римские воины не хотят связываться с бесноватыми... – глухо сказал кто-то себе под нос.

– Люди говорят, твой отец ушёл просить у пророка избавления от бесноватых?.. – спросил у Елизара старший, Исхак, говоря умно, внушительно.

Елизар машинально поднёс руки к костру и стал их греть, потирая одну о другую.

Где-то далеко за рыжеющий при свете наступающего утра горой, там, где сейчас вызревало Солнце, вдруг хрипло, нескладно пропел петух. Всего на один раз его и хватило. Он умолк, как споткнулся.

– Да! – гордо сказал Елизар. – Отец хочет навсегда избавить нас всех от бесноватых. Я должен быть рядом с ним и помочь, если что.

Все у костра надолго замолчали. Было слышно, как вздыхают во сне собаки. Их очень много лежало вокруг. Все они были мокрые и поэтому какие-то отощавшие, так что совсем не страшные. Куда им против тех же бесноватых?

– Тяжело тебе придётся, – строго поморщился старший. – Ни меча у тебя нет на поясе, ни секиры...

– Я ими не умею пользоваться, – уныло усмехнулся Елизар. – Зато я очень хорошо знаю греческий язык.

– Вот-вот... – Исхак похлопал его по плечу и вдруг так резко щёлкнул своими грубыми сучковатыми пальцами, что все собаки тотчас вскочили на ноги, ошалело оглядываясь по сторонам и тревожно, звучно приносясь, хлюпая носами. – Я тебе дам добрый совет: ты в Иудее на этом своём греческом не особо болтай, и обычаи греческие не обнаруживай. Палестинские Иудеи знаешь, как говорят? – «Учить детей греческому больший грех, чем кормить их свиным мясом». Кстати, насчёт харча... Что ты взял в дорогу?

– Ничего... – по-детски наивно вздохнул Елизар.

– Я не хочу, чтобы этот мальчишка умер по дороге от голода, – строго сказал своим товарищам старший свинопас. – Вдруг его отец в самом деле найдёт пророка Иоанна и тот согласится изгнать бесноватых? Надо помочь сыну уважаемой Симхи.

На прощание свинопасы насыпали в мешок Елизара жареные зёрна, положили испечённые на раскалённых камнях увесистые лепёшки из тонкой сирийской муки, сладковатый, сытный овечий сыр, инжир, а также щедро прибавили три копчёных на густом грушёвом дыму и матово лоснившихся жиром больших семикилограммовых дивных рыб, усачей. Были это крупные тилапии из озера Галилейского, где они в основном и водились.

– В какую сторону ехать знаешь-то?.. – негромко спросил Елизара старший. Возможно, он опасался, чтобы бесноватые не подслушали их и не бросились следом за Елизаром. Им ничего не стоило догнать даже лошадь.

– К Солённому морю... – строго поджал губы Елизар.

– Будь осторожен... – старший аккуратно положил руку ему на плечо. – Дорога туда идёт вдоль русла Иордана. А он в этом году очень беспокойный. Не всякая птица решается охотиться за его рыбой. Говорят, на днях Иордан так разбушевался, что поглотил большой караван в Сирию. Его берега сейчас очень опасные. А в пещерах немало разбойников.

– После наших бесноватых я никого не боюсь... – простодушно проговорил Елизар.

– Езжай с Богом... Прощай... – глухо сказал Исхак и резко захлопал в ладоши, поднимая для работы ещё дремавших свинопасов и собак.

Мягко покачиваясь на аккуратной, заботливо ступавшей ослице, Елизар долго слышал у себя за спиной запыленный, нетерпеливый лай псов. Как видно, они так старались, оправдывая готовящуюся им еду: разбухшие свинопасы обливали для них вызревшим, бурным кипятком мясные кости, шкуры и жилы. Слащавый мерзкий для иудея пороссячий запах свиного варева, смешанный с пряным дымом разыгравшегося вёрткого костра, ещё долго тянулся вслед за Елизаром. Тем не менее это была словно нить связующая с родным домом. Последняя нить.

Елизар сосредоточенно, глухо вздохнул.

Нижний Иордан, змеисто извилистый после Галилейского озера, тем не менее встретил его сейчас водами покойными и даже словно бы радостными: он празднично переблёскивал во всю свою ширину мелкими яркими искрами, лишь на отмелях ненадолго меняя ласковый зеленовато-серый цвет на угрюмо-рыжий. Точно радуясь появившемуся человеку, из реки высоко подпрыгивали большие игриво-гибкие рыбины, подманивая строго-медлительных суровых орлов. Здешняя базальтовая дорога длиной в неделю пешего пути до устья была за тысячелетия отполирована копытами навьюченных верблюдов, мулов и лошадей. Именно по ней можно было дойти до загадочного Солёного моря, будто бы в своё время поглотившего густыми ядовитыми водами нечестивые Содом и Гоморру, испепелённые молниями Бога. Там, на берегу, если верить разговорам, поныне стоит жена праведного Лота, сделавшаяся окаменевшим соляным столпом. А едкая солёность этого моря, проваливающегося год от года под землю в Царство мёртвых, – от слёз, какие грешники проливают над своими посмертными страданиями. Так говорила Симха маленькому Елизару.

При всём при том сверху, на подходе, Солёное море смотрится очень красиво, словно гигантский малахитовый перстень в оправе красно-буро-оранжевых гор. Будто бы его обронули здесь творившие эти края боги-великаны, которым были по щиколотку даже самые высокие в израилевых землях холодные Хевронские горы.

Когда Елизар был ещё ребёнком, Симха рассказывала ему, что из тех мест привозят летом в Тивериаду и в Иерусалим для удовольствия пирующих смёрзшийся подслащённый, пропитанный вином снег. И она однажды ела его, морщась от ломоты в зубах, когда ей довелось быть переводчицей на пиру, устроенном во дворце префекта Иудеи Понтия Пилата, безжалостного, упрямого и развратного старикашки лет сорока. А потом, засмеялась, Симха, у неё долго болело горло. И не у неё одной. Только почётные гости Пилата, какие-то видные люди из далёкой северной страны, то ли Галлии, то ли Британии весело ели тот снег пригоршнями и ничего с ними не случилось.

По обеим сторонам Иордана топорщились горные кряжи: на склонах ни травинки, ни самого захудалого кедра или дуба. Точно он вступил в царство мёртвых. Елизар невольно чувствовал себя одиноким, ничтожным и ненужным этому миру. Не было, казалось, более безрадостного зрелища, чем эти древние, устало распластавшиеся горы. Казалось, что это окаменевшие волны океана, некогда тяжело, властно лежавшего здесь от горизонта до горизонта.

Лишь иногда на пути Елизара объявлялись зелёные холмы с редкими малорослыми оливами, кипарисом или диким виноградом.

День был во второй половине, когда Елизар остановился, приглядев возле подножия горы более-менее прохладную тень.

Только принялся он со вздохом развязывать свой походный мешок, как неподалёку раздался тонкий нежный высвист. Как будто бы соловьиный.

В это время эта птичка ещё подаёт голос. Правда, длится такое совсем недолго. Зато её пение ни с какой другой птахой не сравнить. Даром что с виду она более чем скромна и не имеет в своём одеянии ни одного более-менее щегольского пера. Но как вдруг озорно, разлиvisto просвистит своё «фьють-фьють» да украсит его звонкими задорными щелчками, так и веселет, загорается душа. Симха говорила, что настоящая родина соловьёв в далёких северных краях. Где-то в землях неведо-

мых славянских племён венедов, склавинов и антов. И будто бы эти птицы возвращаются туда вить гнёзда да такие рулады-коленца при этом раскидывают по ночным лесам, такой яркий перезвон лихо затевают в неуёмном соревновании друг с другом, что самые заматерелые в боях славянские воины вдруг растерянно обнаруживают, откуда у человека истекают слёзы.

И всё же звук, который сейчас услышал Елизар, был искусным голосом тростниковой флейты. Он то бархатно густел, то становился пронзительно острым или загадочно постанывал на живой трепетной ноте. Эта дудочка словно хотела что-то рассказать ему, в чём-то убедить его...

Елизар вскочил и огляделся.

Звук будто шёл от самой горы. Он разглядел, что в её белой известковой плоти на большой высоте вырублена пещерка, чем-то напоминавшая могилы, которые готовили в скалах гадаряне для будущего упокоения себя и своих родных. Кажется, оттуда и доносилась вёрткая волшебная мелодия.

Вдруг из пещерки, точно птица из берегового гнезда, выглянула девушка. Засмеявшись, она бросила вниз узловатый канат и быстро скользнула по нему к подножию. Оправила раздувшуюся синюю юбку, подтянула на затылке белый платок и глянула на Елизара дерзко, хотя, в то же время, радостно. Глаза у неё были ярко-голубые, как у белых коз со светлой кожей.

– Рахель! – весело назвалась она.

– Ты – самаритянка? – нахмурился Елизар.

– А как ты догадался? Гляжу на тебя свысока? Это так мне полагается. Потому что я вон где живу! А ещё наша храмовая гора Гризим выше вашего Иерусалимского святилища!

– Пусть так... – нахмурился Елизар. – Скажи лучше, здесь не проезжал очень высокий и широкоплечий всадник на рыжем муле?

Рахель резво улыбнулась, как искрой пыхнула.

– Да, я видела твоего отца. Нельзя не запомнить такого великана!

– А ты откуда про нас с ним знаешь?.. – оторопел Елизар.

– Я знаю гораздо больше... – строго проговорила Рахель. – Скажем, как Господь наказал бесноватыми гадарских языческих распутников...

– Моя мама была достойной женщиной... – тихо сказал Елизар. – Вот какой молитве она меня научила: – Прости нас, Отче наш, ибо мы согрешили. Отпусти нам, Царь наш, ибо мы провинились, ведь Ты отпускаешь и прощаешь! Благословен Ты, Господи, умолимый, многопрощающий.

– Твоя мама слышит сейчас тебя и умиляется... – аккурратно вздохнула Рахель. – Она по-прежнему очень мечтает, чтобы ты стал левитом.

– Ты говоришь как всевидящая гадалка... – нахмурился Елизар. – Или чародейка.

– Я прорицательница...

– Что это такое?

– Я сама не могу толком объяснить...

Елизар машинально поглядел вверх, где над ними сдержанно, строго разворачивался большой, тяжёлый белоголовый сип, – с каким-то недовольным болезненным клёкотом и шипящим присвистом.

Елизар брезгливо поморщился: ему были отвратительны все птицы, жравшие падаль, но особенно эта с такой длинной змеиной шей.

– Я найду отца?.. – осторожно спросил Елизар.

Рахель задумалась, закрыла лицо руками и что-то прошептала.

– Вижу... Как тебя сейчас... Он у Иоанна... У Иоанна Пустынника... В Вифаваре. Всё, какая-то пелена... Точно серебристая ширма у меня перед глазами... Крещение какого-то Иисуса... Я ничего не понимаю... Мне словно кто-то не даёт сейчас видеть будущее... А когда я пытаюсь, мне становится больно!

– Никакая ты не прорицательница... Хватит ерунду выдумывать, – безобидно усмехнулся Елизар. – Давай я тебя лучше финиками угощу! Ты вообще-то хочешь есть?

– Очень... – смутилась Рахель.

Елизар уверенно и деловито, как настоящий мужчина, снял с ослицы свой походный мешок и принялся с удовольствием выкладывать припасы гадаринских свинопасов.

– Их уже нет в живых... – вдруг глухо сказала Рахель. – Их убили ваши бесноватые. Они гнались за тобой... Да поздно спохватились.

– Я тебе не верю, – поморщился Елизар. – Так что не порть аппетит ни себе, ни мне.

Рахель на прощание хотела дать Елизару заговорённый от бед и напастей жёлтый зуб детёныша бегемота, но он отказался. Будущему левиту не полагалось верить в магию. К тому же мама говорила, что бегемоты происходят от свиней, а это нечистые животные.

– Тебе сделать в дорогу для питья вино с водой? – молитвенно сложила перед собой ладони Рахель.

– Я привык, как римляне, пить воду, разбавленную уксусом, – строго нахмурился Елизар.

Как бы там ни было, ему почему-то было грустно расставаться с Рахель. И чтобы заглушить в себе эту неожиданную томящую тоску, какой он до сих пор ещё ни разу не испытывал, Елизар начал громко читать молитвы. Правда, это полагалось делать стоя или, в крайнем случае, на корточках, а не сидя на тёплой уютной спине молодой резвой ослицы, но он решил, что путнику Господь такое отступление от правил простит.

Как бы там ни было, дорога отвлекла Елизара, и он повеселел. Впереди была Перея, и чем ближе он подъезжал к этому городу, тем зеленее и радостней становились холмы, тем чаще попадались большие пастбища. Но по-настоящему захватило у него дух, когда дорогу Елизару запрудили большие торговые караваны. Иные – до двадцати навьюченных товаром высоких верблюдов, размашисто шагавших, смачно пофыркивая, кто в Гадару, кто в Капернаум, Вифсаиду, Тивериаду или Дамаск. Своими длинными гибкими шеями они чем-то напоминали Елизару гигантских грифов, правда, не имеющих возможности летать.

Несмотря на тяжесть пути, на женственных бровастых мордах верблюдов блуждали какие-то загадочные высокомерные улыбки. Отрывисто покрикивали погонщики, хохотали охранники, суетились, взбрыкивая, маленькие верблюжата и ослики, мулы и даже совсем никудышные слабосильные лошадки. Иногда шли караваны с музыкой, с пением, правда, чаще заунывным, нагонявшим на Елизара горячую, мутившую взгляд печаль. Рыжие, серые и белые верблюды, одни почти голые, иные, в основном двугорбые, с обвислыми кучерявыми бакенбардами на шеях, – какие с тюками, какие с кибитками или всадниками, – все как один, несмотря на свою неказистую внешность, вышагивали с царственным достоинством. Некоторые так вовсе с надменным презрением ко всему, кроме собственной персоны с комичными губами: то смеющимися, то сердитыми, то угрожающими или надменными. Вдоль караванного пути мелькало множество жителей окрестных селений с большими плетёными корзинами – эти люди с утра до вечера собирали усеявшие дорогу между холмами на многие десятки солдатских римских миль сухие шарики блестящего угольного цвета – верблюжий помёт, лучше и удобней которого нет топлива для домашней печи.

В этот вечер Елизар хорошо усвоил, что такое густой пенистый плевок верблюда и можно ли он него увернуться, если ты даже достаточно проворен.

В горах ночь наступает быстро. Елизар этого не знал, поэтому устроился спать уже в темноте. Хорошо ещё, что в этом месте между гор оказалась достаточно глубокая ложбина, чтобы защитить от копыт лошади или верблюда какого-нибудь запоздалого путника или взявшегося за своё дело разбойника.

Дорога затихла. Правда, где-то неподалёку расположился караван: было слышно, как его верблюды, прежде чем заснуть, смачно дожёвывают жвачку, а погонщики о чём-то неугомонно спорят у костра. Один раз Елизару показалось, что он уловил в их дерзких криках имя «Иоанн».

Елизар вздохнул: не тот ли это пророк, за помощью к которому отправился отец?

Лёжа на спине под большими и словно бы любопытными звёздами, думать о чём угодно было приятно, радостно. Это Елизар давно знал. Все мысли тогда кажутся особенно глубокими и значительными. Он всегда любил смотреть на вызревшие звёзды. Но таких огромных и ярких как здесь даже на их холмистом Гадаре Елизар никогда не видел.

Палестинское небо располагает к сосредоточенности...

Звёзды казались живыми, и словно бы шевелились. Было такое впечатление, что они рады Елизару и приветливо тянутся к нему своими мерцающими блестящими лучиками.

Вдруг вспомнив, как мама иногда ночью поднималась вместе с ним на крышу их дома и рассказывала ему о небе, он почувствовал на глазах лёгкий слёзный холодок. Симха так вдохновенно, так бережно объясняла Елизару, что небо есть твердь, стоящая на двенадцати колоннах по числу колен

Израилевых... А звёзды, Луна и Солнце прикреплены на ней. Они даны людям для знания знамений Бога и счёта числа дней их бренной жизни.

Елизар слушал маму уважительно, но ему не верилось, что звёзды не живые. Они больше напоминали ему забавных паучков, ткущих небесное полотно.

Пока в Гадаре не объявились бесноватые, они с мамой, бывало, взбирались даже на вершину холма, где стоял огромный римский мраморный амфитеатр, и здесь на белоснежных ступенях было особенно удобно разговаривать со звёздами. Отсюда они казались такими близкими, что Елизар украдкой от мамы не раз пробовал сорвать с неба, как персик с дерева, хотя бы одну из них. Казалось, достаточно ещё чуть-чуть стать выше на цыпочки, потянуться – и вот она уже у тебя в руках. Но звёзды всегда ускользали...

Елизар вдруг, как защищаясь, вскинул перед собой руки: над блестящими зубцами горных вершин всплыл оранжевый шарик, похожий на покотившийся по небу апельсин. Ничего подобного Елизар никогда не видел. Шарик не спеша подвигался между звёзд, словно проверял, всё ли там с ними хорошо, все ли они на положенном им месте. А ещё это было похоже на сосредоточенный полёт строгого шмеля, деловито собирающего с цветков сочный нектар.

– Эй! – глухо вскрикнул Елизар. – Ты ангел?! Кто ты?! Отзовись!!!

Кажется, какой-то смутный гул послышался в поднебесье, словно тяжёлые раскаты далёкой грозы. Но не более того. «Оранжевого Ангела», кажется, совсем не интересовали ни лежавшие внизу горы и города, ни тем более устроившийся на ночлег на придорожной пыльной траве какой-то там мальчишка Елизар с заплаканным лицом.

«А вдруг это Рахель?... – вздрогнул он. – Она же, кажется, прорицательница... Значит, колдунья. Вот и прилетела на меня посмотреть...»

Елизар почувствовал, что думать о Рахель ему даже приятней, чем об устройстве небесной тверди. Он вдруг радостно решил, что когда отец найдёт Иоанна и тот согласится изгнать гадаринских бесноватых, он заберёт Рахель к себе и станет её мужем.

Это Елизар уже додумывал во сне, который незаметно стал продолжением яви.

Во сне он смеялся. Смех был совсем детский.

Из долины доносился тонкий, плаксивый вой шакалов. По ночной прохладе большие стаи крупных, сильных птиц, как видно серых журавлей, шумно летели через земли Израилевы в сторону Великого, или Среднего, моря, которое отец Елизара называл по-своему – Филистимским, а ещё – Последним.

Утром Елизар, только приоткрыв глаза, испуганно вздрогнул. Нет, не утреннее Солнце пыхнуло ему в лицо. Он не узнал того места, где вчера устроился ночевать. Вокруг настоящими горами мяса лежали верблюды, блаженно развалив свои горбы, налитые густым жиром; ходили шумной пёстрой толпой неизвестно откуда взявшиеся люди в хитонах, халатах, нелепых накидках, ещё и говорившие на разных языках. Кто-то был из Галилеи, кто-то из Десятиградия, Греции или Финикии, потом же Сирии, даже Персии. Неподальку у старых, иссыхающих дубов на привязи беспокойно стояли, взбрыкивая, всхрапывая, лошади, ослы и мулы.

Елизар поначалу так растерялся, что готов был поверить, будто под покровом темноты некие демоны подхватили его и перенесли в неведомые края. Как бы в караван-сарай, какие служат стоянкой и кровом для путников. Вполне может быть, что в этом хитром и коварном предприятии, устроенном тёмными силами, не обошлось без особого участия прекрасной Рахель. И может быть она даже сейчас где-то здесь, но только скрывается до поры до времени.

Елизар встал, смущённо отряхиваясь.

– Доброе утро... – поклонился он на все стороны.

Никто не обращал на него внимания. Он же, напротив, вглядывался в каждое лицо. Нельзя было не заметить, что у всех путников имелось одно общее выражение: непонятная ему восторженная радость и словно бы предощущение некоего близкого, заветного чуда. И в этой суетливой, спешащей толпе часто звучало слово, которое Елизар понимал на всех здешних языках и наречиях: арамейских, греческом, филистимском и даже латыни. Это имя было «Иоанн». Все произносили его с особым волнением, с особым восторгом.

– Как поживаешь, парень? Ты тоже идёшь к Окунателю, как и все эти добрые люди?! – вдруг крикнул Елизару одетый бедуином молодой безбородый мужчина. Он низко склонился к нему

с небольшого, но вёрткого аравийского ярко-рыжего скакуна с влажными чёрными ноздрями, ловко выщёлкивающего копытами, – и дружески коснулся плеча.

«Окунателю?.. – озадаченно смутился Елизар. – А кто это?»

Елизар с трудом, но узнал всадника: его, измождённого, спавшего с лица, в позапрошлом году слуги аккуратно приносили на носилках к их дому в Гадаре, и отец дорого продал ему пахучий смолистый галаадский целебный бальзам. Только Гальят знал, где тот можно добыть по весне. Дело это было непростое и опасное. Он забирался высоко в горы, и в тот раз едва не погиб, вскарабкавшись на вершину скалы с ножом в зубах к распутившемуся душистому бальзамному дереву, усеянному мелкими белоснежными цветами.

«Наверное, бальзам всё-таки помог!..», – с радостью подумал Елизар.

– Я иду искать своего отца... Его зовут Гальят, – тихо сказал он.

– Гальят из Гадара? Я перед ним в большом долгу! – крикнул мужчина с желанием, чтобы его услышали многие. – Он поднял меня со смертного одра!

– Кто тебя излечил, Иоанн?! – бросились к нему люди с разных сторон, толпой отгёрли от Елизара.

– Хочешь, я подарю тебе коня?! – крикнул тот уже издалека. – Не пожалеешь... Добрый конь! Выносливый!

– Всякая душа да хвалит Господа... Благодарю Вас, у меня добрая ослица... – Елизар сдержанно поклонился, настороженно поглядывая на двоих мужчин, одетых в белые туники, поверху прикрытые сагумом, – коротким шерстяным солдатским плащом. Судя ещё и по их сапогам на прочных ремнях, это могли быть римские легионеры.

– Как знаешь! – помахал всадник. – На всякий случай запомни: я – Аполлос из Александрии, и держу путь навстречу Учителю!

– Иоанн! Иоанн!! Иоанн!!! – нестройно вскричала толпа.

– Его зовут Христос!!! – перекрикивая всех, гордо возвестил Аполлос.

«Иоанн... Христос... – напрягся Елизар. – Не пойму... Это разные люди или один человек с разными именами? Да какая мне разница... Я простой человек, и не хочу ни во что вступать. Я ищу отца! И мы отомстим бесноватым! А потом я стану левитом, женюсь на Рахель. Если она оставит играть с колдунью. И мы вырастим с ней моих младших братьев и сестёр, а ещё больше наших общих детей».

Елизар вздохнул, усаживаясь поудобней на спине своей напряжённо ожидавшей его ослицы.

Когда едешь горной дорогой, всегда испытываешь такое ощущение, что она вот-вот оборвётся, стиснутая мощными каменными уступами. Они громоздко надвигаются, нависают со всех сторон всё ниже и ниже, и кажется, что путь перед тобой вот-вот окажется закрыт. Елизар слышал, что в некоторых местах над пропастью здешние тропы становятся так узки и обрывисты, что сошедшимся на них путникам, чтобы продолжить путь, приходится меняться друг с другом лошадьми, ослами или верблюдами. Поэтому, оказавшись возле такого места, надо громко петь или разговаривать, чтобы предупредить и вовремя остановить идущих тебе навстречу.

Елизару повезло: он не только счастливым образом миновал такую «тропу смерти», словно это Рахель стала его заботливой берегиней, но вскоре, за очередным перевалом, горы уже начали заметно понижаться, как бы уходя, утопая в земные глубины.

Открылись во все стороны уныло уходившие далеко за Иордан покатые бежевые холмы с блестяще зелёными, словно сияющими рощами кипарисов, сосен, древних дубов и ещё более древних смоковниц да олив.

Наконец десятиградские края остались за спиной, начались Перейские земли тетрарха Ирода Антипы. Вскоре Елизар уже подвезжал к Пелле, издалека видной на холме. Со всех сторон города, как когда-то рассказывала Симха, проблёскивали топкие непроходимые болота, поросшие тростником и ярко-жёлтой кубышкой. В некоторых местах, выглядывая лягушек, жаб и ужей, бродили пеликаны. Мама, помнится, говорила Елизару, что Пелла была столицей Древней Македонии, и здесь любили жить великие греки: поэты, художники и философы. Имён всех она не помнила, но в одном была точно уверена – в Пелле похоронен сам великий Еврипид.

Тем не менее в город Елизар заезжать не стал. Тот оказался ему безжизненным, мёртвым. Это ощущение усиливали руины здешней крепости и городской стены, оставшиеся после недавнего землетрясения.

Как-то через день-другой пути, проснувшись утром, он вдруг оторопел: веками протоптанные между гор и холмов караванные пути стали словно бы живыми реками – так плотно по ним шли и ехали люди, как охваченные единой и какой-то заполошной торопливостью. Елизару не раз приходилось со стороны наблюдать большие толпы народа и находиться среди них. В том же его родном Гадаре в амфитеатрах, когда приезжие греческие актёры ставили пьесы или римляне устраивали гладиаторские бои. Но в этих людях было что-то особенное, яростно-восторженное и надрывное до исступления. Видеть это было почему-то страшно. Притом вся эта людская мешанина, суетливо струящаяся по горам и холмам, подвигалась молча. И это её сосредоточенное суровое безмолвие, лишь изредка прерываемое ржанием лошадей или грохотом камнепада, было почему-то словно громче самых душераздирающих криков.

Невольно подхваченный этим напористым суетным потоком, Елизар вдруг взволнованно понял, что вокруг те самые люди, которые одержимы стремлением увидеть Иоанна и принять от него священное крещение: «Покайтесь, ибо приблизилось Царствие Небесное!» Он ещё никогда не видел столько людей, хотевших одного и того же: пропуска в Царство Божие на земле, какое им мог дать окунанием в мутно-жёлтой иорданской воде Предтеча. Казалось, они сейчас в своём стремлении обрести некогда утерянный прародителями Рай способны повернуть вспять реки и разрушить горы. И ничто не способно их остановить, ничто не способно переменить их настроение.

Было страшно стать частицей такого бесконечного людского течения. Словно слившись с ним, ты навсегда перестанешь быть собой или даже вовсе исчезнешь.

В первые минуты, оказавшись в таком лихорадочном потоке человеческих тел, ослица Елизара впервые за всю дорогу проявила норы и напряглась, надолго прикинувшись оцепеневшей от робости.

Столько народа здешние земли Израилевы знавали разве что накануне праздника Пасхи. По крайней мере, если судить по воспоминаниям Симхи, которая не раз бывала на этом священном празднике в Иерусалиме. Тогда город не вмещал всех жаждущих крещения. Большинство их останавливалось в предместьях и караван-сараях или во множестве ставили на склонах палатки, издали восторженно любясь беломраморным иерусалимским Святилищем, ослепительным, как Солнце, и похожим разве что на крепость Бога.

Елизар скинул с себя шерстяную накидку, опустился на колени, и, раздвинув густой жёсткий тростник, торопливо окунул лицо в реку. Елизар долго, азартно пил, пофыркивая, как верблюд. Отрывался, с улыбкой, щурясь, – оглядывался по сторонам, и снова взахлёб глотал воду.

Он уже давно утолил жажду, но никак не мог остановиться. Эта тёплая, пахнущая глиной иорданская вода на самом деле была необыкновенно вкусна.

Священные воды Иордана...

– Приближается Бог, приготовьте Ему путь, покайтесь... – раздался над ним сдавленный, утомлённый голос. Кажется, тот сделался таким оттого, что в течение дня ему приходилось слишком часто произносить эти слова. Тем не менее в нём не чувствовалось и малой толики усталого равнодушия.

Роняя брызги с лица, Елизар обернулся.

Над ним стоял молодой бородатый мужчина в грязно-рыжей накидке из жёсткого верблюжьего волоса, подпоясанной очень широким мокрым до черноты от пота кожаным поясом – свидетельством постоянного пребывания в труде и усмирении плотских страстей. Елизар помнил, что в своих рассказах о пророках древности мама не раз описывала, что на них была именно такая перевязь, которая, как и грубые одежды, причиняла постоянные неудобства и страдания. Но ради претерпевания оных, они во всё это облачались сознательно, невзирая на причиняемые таким одеянием язвы.

Елизар судорожно вздрогнул:

– Ты – Иоанн?..

– Я – Аврум... – глухо рыкнул мужчина. – А тебе нужен Иоанн? Какой Иоанн тебе понадобился?

Елизар напрягся.

– Вообще-то мне нужен мой отец. Мой отец, Гальят из Гадара. Он хотел избавить наш город от бесноватых. Год назад отец ушёл искать помощи у Иоанна. Окунателя. Так назвал его Аполлос из Александрии.

– Ты знаешь этого человека?.. – презрительно нахмурился Аврум. – Я бы на твоём месте не очень

доверял ему. Он двуличен и пытается быть хорошим как для нас, учеников Иоанна, так и для учеников Христа. Нельзя Великого Пророка унижительно обзывать «окунателем» или «полоскателем», а то и «пожирателем печёной саранчи», как позволяют себе мерзкие саддукеи!

Аврум излил душу и дружески подал Елизару сильную руку. Такие разве что бывают у каменотёсов или кузнецов, и такая была у Гальята. Хотя, честно говоря, мощней рук Гальята просто не бывает. Иначе бы его не прозвали Голиафом.

– Ступай за мной... – устало усмехнулся Аврум. – Я приведу тебя к твоему отцу. А по дороге лучше помалкивай насчёт Христа, чтобы не навлечь на себя гнев учеников Иоанна.

– Почему? – наивно смутился Елизар.

– Тебе рано это знать... – напряжённо проговорил Аврум. – Ты не поймёшь, пока не поживёшь с нами.

– С кем с вами?

– Я ученик Великого Пророка Иоанна... – строго вздохнул Аврум. – И нас таких много. Нас более пятисот человек. И твой отец среди нас. Пророк крестил и крестит тьму народа. Тысячи тысяч! В духе и силе Илии! И Христа крестил, и Андрея, и Иоанна... Которые оба теперь предательски отбились от нас и стали ходить только с Назарянином...

Аврум напряжённо задумался, скрутив бороду в тугую рыжую косичку.

– Ни стыда ни совести у них!.. Ученики Иисусовы стали в открытую бессовестно отнимать у нас хлеб праведный... Наверное, у их казначея совсем опустел кошелек! В общем, они наладились тоже крестить народ в Иордане. Да только бестолково, без Иоанновой суровой строгости. У него люди с воплями исповедают свои грехи и в знак покаяния с рыданием окунаются в Иордане. А ученики Христа всё это тшчатся повторить, но нет у них ни Иоанновой праведности, ни его силы увещевания! Но при этом они не стыдятся называть себя ловцами человек! Только к ним мало кто идёт... Народ чувствует Иоаннову истинность!

Вдруг его взгляд машинально остановился на каких-то людях на отмели в том самом месте, где впервые вступил Израиль в Землю Обетованную. Было тех человек шесть или семь. Одни в лёгких простых хитонах, у других нарядно блистали золотые украшения и драгоценные камни. Однако большая часть стояли нагишом, даже редкие здесь женщины. Кажется, они тоже готовились войти в воду, собравшись кучкой у воды. Слышались молитвы. И чей-то покаянный плач. Какие-то молодые мужчины, человек пять, облепленные мокрыми белыми рубашками до пят, заботливо, неторопливо выстраивали этих людей небольшими группами и с пением, слов которого было не разобрать, торжественно вели их к воде.

Елизар наблюдал это с каким-то непонятным особым волнением.

– Это ученики Иисуса соблазняют народ креститься у них... – напрягшись, проговорил Аврум. – Гиены проклятые. Я бы давно их разогнал, но наш Иоанн, когда не надо, становится жутко легковёрный... Как дитя малое! Он вбил себе в голову, что недостойн даже развязать ремень обуви у Назарянина. И долго отказывался его крестить. Мол, это он должен у него креститься!

– А Иисус тоже там?.. – тихо, точно сам себя, спросил Елизар.

– Не видать как будто... – усмехнулся Аврум, дерзко глядя в противоположный берег. – Наверное, опять направился куда-то со своими проповедями. Хлебом его не корми – только дай внушать людям всякую нелепицу, чтобы только они называли его Сыном Божьим!

К Вифаваре шли долго, – солдатскую римскую милю, а то и две, – глиняными скользкими тропками сквозь мрачное сплетение низкорослых, почти непроходимых плакучих ив, терновых зарослей и шипастых многоголовых кактусов. Иногда перед ними вдруг вырастали многометровые зелёные стены лохматого папируса, похожего на заколдованных сказочных человечков. И тотчас объявлялся от их корней нежный усыпляющий запах миндаля. В зарослях то и дело резко повизгивали выдры и заполошно, взахлёб щебетали по-птичьих их детёныши. Но более всего удивили Елизара раскидистые пальмы с большими листьями-опухалами: на некоторых из них висели сочные гроздья когтистых бананов, таких непривычных всем своим видом для молодого гадарянина, выросшего среди северных сосен и дубов. Есть бананы ему иногда приходилось, когда маму приглашали в дома знатных гадаринцев, чтобы сделать перевод какого-нибудь важного документа или письма, но видеть, как они растут, – никогда.

Аврум всю дорогу раздражённо говорил и говорил, машинально ломая ветки на своём пути. Даже

если попадались толстые и колючие, это его не останавливало. Он как впал в какую-то напряжённую лихорадочную отрешённость и, кажется, то ли не видел уже капавшую с его ладоней кровь, то ли в горячке не придавал этому значения.

– Этот твой Иисус ох как любит из города в город таскаться да дураков искать, чтобы их облапошивать разными глупыми чудесами и невозможными выдумками. Я как-то специально пошёл за ним следом. Так вот в его словах ничего толком понять невозможно. Несёт невесть что. А в его родном Назарете так вообще срамота с ним получилась! Мне даже стало за него неловко. Он было начал людям что-то втолковывать про грядущее Царство Божие и что он есть долгожданный Мессия. И тогда тамошние книжники, – а они, поверь, далеко не дураки, люди учёные, – стали требовать от него наглядных чудес. Но он им дерзко отказал! Тут весь народ и понял – перед ними простой сын плотника Иосифа. И он их явно за нос водит. Одним словом, возмутились назаряне и изгнали Иисуса из синагоги. А самые разгорячившиеся, которые искренне ждали его как Мессию-избавителя, Мессию-Царя, яростно потащили сына плотника подальше за город: замыслили сбросить с горной вершины. Но такого я уже не стерпел. Они задумали для него наказание явно больше его вины. В общем, я кое-как смог уговорить их простить его... С помощью тридцати серебряников – всех моих тогдашних сбережений. А он мне даже «спасибо» не сказал...

Наконец открылась внизу широкая пойма по ту сторону Иордана и парусиновые палатки временного лагеря ионитов в местечке, исстари известном как Бет Абара, «Дом перехода», или Вифавара, покрытая душистыми оливковыми рощами, банановыми и финиковыми садами. Соловьи здесь такими вёрткими россыпями да хлёткими щелчками пыхали, что почти заглушали пение псалмов, доносившееся оттуда. К реке медленно подвигался людской поток, разделённый надвое – одни направлялись к Иордану, другие – возвращались. Казалось бы, между ними не должно быть никакой очевидной разницы, но она была. Первые только шли к Иордану для исповеди и омовения, так что в каждом из этих пришельцев были и опасливая напряжённость, и даже робость; обратно же они спешили вдохновенно и бодро. И так было со всеми, кто пришёл сюда: богатыми и очень богатыми, учёными и безграмотными пастухами, иудеями из разных земель, египтянами, сирийцами, германцами, греками, даже римлянами разных званий и должностей, а то и вовсе людьми никем не знаемыми, без роду и племени, языка которых никто не разбирал. Во всяком краю Иудеи, Самарии, Галилеи и в Заиорданье призывно звучало имя Иоанна Крестителя.

К Авруму и Елизару тотчас подошли большой толпой какие-то люди, явно хорошо знавшие друг друга. Все как один они были, несмотря на жару, в накидках из грубой овечьей шерсти и перетянутые взопревшими от пота толстыми широкими кожаными поясами, больше похожими на вериги. Это были ученики Иоанна. Накоротке отдыхая, они ждали свой час крестить в Иордане новопришедших.

– Это Елизар из Гадара. Он ищет у нас своего отца... – устало проговорил им Аврум, тупо оглядывая свои окровавленные руки и словно не понимая, как такое с ними случилось.

– Мой отец Гальят... – тихо уточнил Елизар. – Год назад он ушёл из дома искать встречи с пророком Иоанном. Чтобы тот освободил наш город от бесноватых. Житья от них не стало никому! У меня мама через них погибла...

Аврум задумчиво оглянулся на стоявших вокруг него учеников Иоанновых, измученных строгим пощением и непрестанными покаянными молитвами, которые многие из них для большей страстности совершали, стоя на коленях на острых скальных камнях.

– Пока люди идут к нам креститься со всех концов Святой земли, мы не можем оставить их без исповедания. Ни мытарей, ни римских солдат, ни сборщиков дорожной подати и даже падших женщин... – строго склонил голову Аврум. – Пусть твои соотечественники наберутся терпения. Придёт черёд и ваших бесноватых.

– Им придётся очень долго терпеть! – вдруг крикнул кто-то из толпы. Елизар узнал Аполлоса: – Всякому по силам ниспослано Господом! Изгнание бесов дано только Иисусу. И, может быть, ученикам Его...

И как летучую искру обронил он в китайский порох:

– Отступники! Двучиные ехиднены! Ваш плотник не Мессия! Иоанн – истинный Христос! Он выше всех! Для чего ваш Сын Божий ест и пьёт с мытарями и грешниками?! Почему он переманивает наших людей? По какому праву его ученики едят и пьют в посты и субботу не соблюдают?!

Ученики Крестителя, как по чьей-то неведомой команде, разбежались на две половины, и, кажется, они обе были готовы немедленно пойти друг на друга. Самое малое – с кулаками. Кто-то размахивал над собой факелом, кто-то сторожевой дубиной. Воздух помутнел от пыли. При всём при том самым грозным оружием сейчас всё-таки были слова, которые летели от одной толпы к другой с такой яростью, что их вполне можно было принять ни много ни мало за греческий огонь, горшками с которым римские катапульты сжигают вражеские крепости.

На всякий случай Елизар отступил в гущу низко нависших больших листьев ещё молодой столетней смоковницы и здесь в мерцающей тени настороженно вслушивался в крики спорщиков. Уловить их настоящий смысл ему никак не удавалось.

И тут вдруг стало тихо. Пронзительно тихо, как в камнепад, когда с гор прыгуче слетит последняя глыба и её куски глубоко вонзятся в песок у подножия.

Ученики Иоанна, словно вдруг волной поверху накрытые, повалились на колени. Кто-то из них быстрым шёпотом уже читал покаянную молитву. Подхватив её, там, там и там ему глухо отозвались ещё несколько человек.

Соловьи вновь взяли верх над всеми здешними звуками. Их ядрёные трели обложили Вифавару со всех сторон, точно это был некий песенный штурм.

Но и они умолкли, когда какой-то средних лет человек устало, не спеша вышел на середину между только что вразлёт споривших людей. Взгляд у него был сугубо напряжённый, как будто нечто неразрешимое, крайне важное мучительно терзало его. Лохматая туника на нём, похожая скорее на мешок с дыркой для головы, была свалена из грубой, почти чёрной наружной зимней шерсти старого верблюда. Такая защитит не только в холод, но и спасёт в жару от перегрева. Конечно же, он, как и многие тут, был тесно опоясан жёстким кожаным сыромятным ремнём, снабжённым ещё и медными зеленоватыми шипами для нанесения самому себе нестерпимых ран. Это был смуглый иудей с лицом болезненно худым, с небольшой тёмной клочковатой бородой, но притом мальчишески пышно кудряв. В своих явно сильных, вернее, очень даже сильных руках он хватко держал заострённый железный лом, с каким, если требовалось, выходил в одиночку против бегемота, а в иную минуту просто служивший ему посохом. Подмышкой у него торчали медовые соты, похожие на очищенный от вызревших семечек подсолнух. По ним вёртко лазали яростно зудящие дикие пчёлы, явно не причинявшие ему ни малейшего беспокойства, разве что кроме обыкновенной щекотки.

Общий вид пришельца был неистовый и отчаянный. Это был Иоанн...

Обратив внимание на новичка, он едва уловимо улыбнулся, было протянул руку, чтобы отечески прикоснуться к плечу Елизара, но только вновь посуровел и сдержался.

Иоанн тотчас отвернулся и могучим разоблачительным голосом неистово рыкнул:

– Что за бедлам?! Среди учеников Иисуса разве случается такая драчка?! Сейчас же всех загоню в реку! И будете у меня до следующего утра каяться и омыwać грехи!

Вскинув голову, Аврум слёзно проговорил:

– Равви! До нас дошло известие, что Тот, Который был с тобою при Иордане и о Котором ты свидетельствовал «се Агнец Божий», вот Он крестит, и все идут к Нему.

Иоанн отозвался неожиданно тихо, нежно:

– Иисус есть Христос... Это доказано писаниями. Это открылось мне... Разве вы не слышали прежде таких слов от меня об Агнце Божьем? Не может человек ничего принимать на себя, если не будет дано ему с неба. Вы сами мне свидетели в том, что я сказал: не я Христос, но я послан пред Ним. Имеющий невесту есть жених, а друг жениха, стоящий и внимающий ему, радостью радуется, слыша голос жениха. И сия радость моя исполнилась. Оттого следует нам всем идти к нему.

– Только всё равно мы почитаем тебя выше сына плотника... – строго, напряжённо проговорил Аврум, приподнявшись с колен, чтобы его слова стали для всех очевидными.

Вдруг он сделал глубокий вздох. Такой глубокий, что с треском полопались крепкие костяные застёжки на его одежде. Аврум строго улыбнулся и рыкнул во всю мощь:

– Ты тридцать лет провёл в Иудейской в пустыне в молитве и покаянии, а сын плотника – только сорок дней! Ты сын священника и родился от неплодной матери. Иисус же произошёл от незнатной девушки, воспитывался в обычном доме и носил обычную одежду...

В это время затрещали прибрежные ивовые ветки, и со стороны Иордана вскарабкался по прибрежному откосу на своём рыжем ушастом муле, нервно скользившем по здешней глине, каменотёс Гальят. Было похоже, будто большой жук подвигается верхом на муравье.

Елизар глухо вскрикнул и радостно сжал ладони перед собой, прижавшись к ним губами.

Гальят медленно въехал в середину толпы, перемахнул правую ногу через покорно замершего мула, и тоже стал на колени вместе со всеми.

Он склонился перед Иоанном, и хотя здесь, среди учеников, включая Аврума, было немало рослых мужчин, более чем двухметровый каменотёс возвышался над толпой. Точно посреди коричнево-красной мёртвой пустыни гора Джебель-Рам, с которой видно всю Иорданскую долину, и даже можно рассмотреть у горизонта мертвенный блеск Солёного моря. Когда-то с неё Господь показал умирающему Моисею Землю обетованную.

О таком своём росте Гальят любил ссылаться на Библию, в которой сказано, что исполины на земле появились с тех пор, как сыны Божии, увидев, что дочери человеческие красивы, стали входить к ним, и они стали рождать от них сильных, очень высоких и славных людей.

– Пора бы, братья, прекратить наши распри с учениками Христа... – твёрдо и в то же время смиренно проговорил как бы себе под нос Гальят-Голиаф, но все отчётливо услышали его.

Аврум поднял над собой большую, блиставшую живым серебром чашу для крещения младенцев, подаренную Иоанну тетрархом Иродом Антипой. Это было в прошлом месяце после тайного исполнения правителем Галилеи и Переи обряда окунания в водах Иордана. Повелитель тогда так проникся всем тем высоким, что произошло в его душе после покаяния, что долго плакал и несколько раз, стоя на коленях, жадно целовал руку Иоанна. Правда, всё это было совершено в зарослях бамбука не на виду у всех.

– Люди! – глухо вскрикнул Аврум прямо в лицо Крестителя. – Хватит нам скрывать правду! Мы, истинные ученики твои, почитаем тебя, Иоанн, Христом. Твоё крещение более свято и правильно, чем Иисусово. А кто из нас думает иначе, пусть уходят на все четыре стороны! Наша община без них не обеднеет. Только окрепнет! Так ли, братья?..

– Та-а-а-к!!! – вскипела одна из сторон.

– Тщеславные и гордые... – удручённо поморщился Иоанн и, кажется, лицо у него несколько приняло синеватый оттенок, как это бывает, когда бледнеют густо-смуглые люди. – Я крещу водою, – Христос крестит Духом! Он пришёл взять на Себя грехи мира! И ваши, глупцы, в том числе... И мои... Се Царь истинный. Ему должно расти, мне – умяляться...

Печально поморщившись, Иоанн хотел уйти. Только ученики так тесно обступили его, что он не смог тотчас укрыться в своей палатке. Пчёлы яростно мелькали над ним. Иоанн чувствовал, что какое-то перевозбуждение, какой-то надрыв развивается во всём, что окружало его. В своих многолетних размышлениях в Иудейской пустыне он верил, что принесёт этим и многим другим людям счастье и покой, однако всё вокруг предвещало обратное. Может быть, даже кровь.

В чём же ошибка? И кто её совершил? Он ли?..

Он криком кричал богатым, чтобы они смиренно кормили бедных; сборщикам налогов он яростно внушал: «Не берите больше, чем положено вам». Он наставлял воинов кротости: «Никого не обижайте и не вымогайте денег – довольствуйтесь своим жалованием». И всем каждый день настойчиво, иступлённо повторял: «Приготовьтесь к концу прежней мерзкой жизни, ибо приблизилось Царствие Небесное».

Возможно, он был слишком резок и прямолинеен?

– Покайтесь и смиритесь... – тихо проговорил Иоанн и удалился в свою палатку, со слезами на глазах слушая летевшие вслед ему крики: «Что он имел в виду?! Перед кем нам надо смириться?!»

Ученики долго не расходились. Разговор между ними снова пошёл по прежней стезе, словно и не было его, Иоанновых наставлений о том, кто есть кто из них двоих с Иисусом Христом. Они по-прежнему отчаянно ждут Мессию, который провозгласит Себя Царём Израиля, свергнет римлян и покорит евреям все народы земли. Однако, по их мнению, Иисус Назарянин и шагу не сделал на этом пути, если не напротив. Он общается только с бедняками и падшими женщинами. И, следовательно, он не может быть Мессией. Может быть, он даже и не пророк?..

Гальят в этом крике не участвовал. Он считал себя недостаточно образованным для подобных

высоких разговоров. Он вообще пришёл сюда не за Великим Царством Божьим, а по вопросу сугубо жизненному, даже житейскому – избавить свой город от бесноватых.

Он обнял сына и привёл к своей палатке. Узнав о смерти Симхи, Гальят не заплакал. Слушая, как это произошло, каменотёс лишь до крови искусал свои пальцы, твёрдые, словно древесина железного коричнево-чёрного дерева. Всю ночь он молчал, лёжа ничком. Гальят не спал. Кажется, он был занят непривычным и особо тяжёлым для него делом: Гальят о чём-то напряжённо думал.

Елизару снилась мама. Он тихо нежно плакал во сне. Так плачут только дети.

Рано утром Гальят поднял сына помогать крестить кающихся: заводить их в нужном месте в реку, подавать, кому потребуется, полотенца, читать молитвы, которые им дал Иоанн.

Даже ночью народ всё прибывал в лагерь, а учеников Иоанна осталось немного. Большинство из них в эту ночь, оставив свои вещи, припасы и даже деньги, – правда, тех было немного, денариев десять, – налегке тайно покинули лагерь. Они последовали за Иисусом.

– Может быть, эти люди ещё одумаются и вернуться? – осторожно проговорил Елизар. – Я бы никогда не оставил Иоанна...

– Не говори, чего не знаешь... – вздохнул Гальят. – Кто уходил к Иисусу, уже никогда не возвращается вспять... Один Аполлос бежит то к нам, то к ним. Первыми из наших ушли Андрей с Иоанном. И Креститель этому только радовался!

Прежде чем выбраться из палатки, Гальят машинально ударил кулаком по медному тазу для бритья и смял днище:

– А по тому делу, что меня сюда привело... Я тебе пока ничего хорошего сказать не могу. Как я ни надеялся, Иоанн не взялся изгонять бесноватых. Он так сразу и объявил мне, что это ему не по силам. Он всего лишь человек, хотя и пророк. И велел обратиться к Иисусу. Но я как-то всё не решаюсь...

– А почему ты не ушёл к нему сегодня ночью вместе с учениками? Из-за меня? – смутился Елизар.

– Рылом я не вышел быть среди учеников Бога... – хрипло проговорил Гальят. – Может быть, у тебя получится? Ты образованный. Зря что ли Симха тебя в левиты метила пристроить! А ещё, признаюсь, какая-то оторопь меня берёт от одного имени Иисуса. Да и неловко перед своими. Без меня они с голоду помрут. Кто добытчик мяса гиппопотама? Конечно, дядька Гальят!

Елизар опустил голову и прочитал молитву.

– Отец, хочешь утреннюю чашу вина с водой? Как мама тебе всегда готовила после сна?

– У нас вино строго запрещено... – усмехнулся Гальят. – Погоди, Иоанн присмотрится к тебе недельку-другую, а потом наложит и на тебя очень даже суровые требования. После них все правила фарисеев покажутся забавой. Отдыхай. Набирайся сил. Мы, может быть, скоро пойдём охотиться на бегемота! И тебя возьмём, если не побоишься.

– Конечно! Я уже взрослый и сильный! – вскрикнул Елизар и замялся. – Только мама говорила, что это нечистое животное...

– Во-первых, Гальята это не касается, – усмехнулся отец своей большой разворотистой улыбкой. – У вас, иудеев, своя вера, у меня, филистимянина, – своя. А потом знай: да, бегемоты чем-то схожи с очень большими свиньями, но на самом деле они родственны слонам, но более всего – китам! Хотя как твой отец, я, наверное, прикажу тебе вернуться домой, в Гадару. Здесь собираются грозовые тучи... Я чувствую, что вся эта заваруха без крови не разрешится. Римлянам не нравится, что Креститель и Иисус так возбудили иудейский народ.

– Я хочу всегда быть рядом с тобой... – глухо проговорил Елизар.

– Ладно, поспи пока...

Засыпая, Елизар смутно слышал, как Аврум возле их палатки настаивал перед верными учениками Иоанна броситься им в погоню и хорошенько проучить отступников, перебежавших в лагерь Назарянина.

Гальят вдруг впервые поднял голос, способный заглушить рёв бегемота, и объявил встревоженной толпе своё «нет». Никто не решился противоречить ему.

Хотели для верности услышать слово Иоанна, но нигде не нашли его.

Были люди, которые говорили, будто Креститель в огорчении оставил лагерь и один ушёл в сторону Иерусалима. Сторожакам он дал наказ, назначенный всем ученикам: «Я пробудил вас. Если нач-

нутя гонения, достойно примите святое Крещение кровью». Они говорили, что он был как никогда строго печален, и будто бы от него даже пахло вином.

Как бы там ни было, в тот день до обеда действительно никто не видел пророка, а к вечеру Аврум за ужином строго объявил, что у него точные сведения: Крестителя ещё вчера вечером на окраине лагеря тайком схватили стражники тетрарха Ирода Антипы. Само собой, по приказу Рима. А им, ученикам, подкинули ложный слух.

Крещение в реке временно отставили. Вначале было объявлено новым поселенцам, что только до вечера. Но и на второй день никто из учеников Иоанна не подошёл к берегу Иордана. Было не до того. Гальят даже отложил намеченную охоту на бегемота.

Когда у реки с кувшином для воды появился Елизар, его едва не побили пришельцы, нетерпеливо ждавшие крещения. Вовремя подоспели Гальят и Аврум. Уже один их более чем внушительный вид мог остановить кого угодно.

В конце концов, большая часть поселенцев собралась домой. Одних арест Крестителя смутил, других насторожил, а иных взволновал и напугал. Как бы там ни было, без Иоанна многие из пришельцев потеряли веру в силу и праведность предстоящего им таинства в водах Иордана.

В эти дни пришёл в лагерь от Ирода человек, который тайно сообщил, что Учитель задержан римлянами и его действительно держат в крепости Махерон. Он предупредил, чтобы не было никаких попыток силой освободить Иоанна. Во-первых, в Махероне сейчас стоит римский гарнизон. Во-вторых, крепость, которую Ирод Антипа построил в Перее на границе с Набатеи-ским царством для защиты от арабов, поднимается на высоком скалистом холме почти на милю над мертвенной синевой Солёного моря. Это одновременно роскошный дворец и неприступная тюрьма.

Тем не менее, Аврум объявил, что надо немедленно готовиться к штурму Махерона; Аполлос уверял, что их сил недостаточно, а денег в общине на покупку хоть какого-то оружия – тем более. Он предлагал подождать, даже заключить союз с учениками Иисуса и готовиться к взятию цитадели совместно. Римские варвары не решатся сходу казнить Иоанна. Пусть Ирод Антипа – похотливый и мечтательный царёк, но всем известно, что даже для него Креститель пророк, если не сам воскресший Илия. К тому же Иоанн был назиром, а поднимать руку на посвящённых Господу никак нельзя. У него приняли крещение даже многие фарисеи и саддукеи. И сам тетрарх тайно принял крещение от Иоанна, потому что чувствовал угрызение остатков совести за то, что вопреки еврейским законам женился на жене своего брата Иродиаде.

Гальят был печально тих. Его любви к Иоанну было достаточно, чтобы, если потребуется, с мечом или тяжёлым кайлом придти ему на выручку. Хотя он, может быть, лучше многих понимал, что самый небольшой отряд римских легионеров даже лёгких пограничных войск легко сметёт своими боевыми порядками и тысячу, и две, и три учеников Иоанна и Христа.

Аврум рассудительно объявил, что им всем надо не отлагая идти к крепости Махерон просить показать Иоанна, и говорить с ним, и говорить с Иродом Антипой, чтобы расположить освободить Учителя.

И ученики его послушали, и радость охватила многих.

Не сразу, но согласился с ним и Аполлос. Только настоял не брать с собой ни явно, ни тайно никакого оружия. Против римских дротиков и коротких мечей им выставить нечего. Так что лучше не провоцировать легионеров Тиберия. И идти на переговоры не галдящей оравой, а составить, как это определено с недавних пор в римском праве, делегацию – скажем, из человек трёх. Его безоговорочно послушались. Аврум, чтобы подчеркнуть свои теперь без Иоанна высшие права в лагере, тут же назначил состав посланцев к Ироду Антипе. Назвал себя, сына Гальята Елизара, как хорошо знающего языки греческий и латинский, на котором говорили почти все жители Гадара, а последним вполголоса объявил-таки Аполлоса.

К Иоанну во дворце допустили лишь Аврума. Некоторые потом говорили, что он сам так подстроил. Только какой ценой? Запустил руку в казну Иоанна и отсыпал кому надо из стражников, не покупившись, щедрую горсть денариев? Только откуда ей там было взяться...

Аврум потом рассказывал, что ожидал найти Учителя в темнице, прикованного к стене и истощённого голодом, но Креститель, скрестив руки на затылке, медленно расхаживал по фруктовому саду дворца возле главной площади крепости с мозаичным полом. На его ногах не было никаких

вериг, к нему подходили разные люди и спокойно говорили с ним. С кем-то он даже смеялся, порой оглушительно, словно не помня, где находится и что его, возможно, вскоре ждёт.

Учитель с хитроватым строгим прищуром посмотрел на взволнованного Аврума.

– Худо вам без меня?

– Хуже некуда...

Иоанн остро прищурился, точно читая скрижали книги судеб, открытой ему:

– Антипа каждый день стоит передо мной на коленях. Прощение выпрашивает. Меня приговорили римляне. Не он. Он клянётся мне в верности и высшем почитании. После моей смерти ему велено объявить всем красивую сказку. Про его коварную жену Иродиаду, её очаровательную дочь Саломею и якобы пьяное обещание сластолюбивого тетрарха исполнить любое её желание за прекрасный танец. А она запросит на блюде мою бедную головушку...

– Что, он не поможет тебе бежать?.. – напрягся Аврум. – Хитрая трусливая лисица!

– Тогда римляне убьют его самого. Тиберий сильно занервничал, когда я получил откровение Господа нашего об Иисусе. Он хочет всё это замазать так, чтобы и следа не осталось в памяти людей о Христе и обо мне... Его можно понять... Тиберию был сон. Римские боги сокрушены. Нет больше на пьедесталах ни их Юпитера, ни Марса, ни прочих языческих патрес. Весь Рим, вся римская империя верует во Иисуса Христа, сына Божьего! Вот как, юноша Аврум!

Вернувшись, Аврум объявил, что будет искать встречи с самим Иродом Антипой. Они наверняка вместе смогут сделать так, что народ перестанет преклоняться перед фальшивыми чудесами Назарянина и отвернётся от него. Тогда, возможно, им удастся спасти Иоанна.

Он закрылся в своём шатре и никого не впускал несколько дней.

Видели, что однажды к нему ночью кто-то тайно приходил, переплыв Иордан. Кажется, это был один из апостолов Иисуса. Ученик Иоанна, египтянин Трофим, узнал его, как тот не кутался в капюшон. Это был Иуда Искариот. Трофим видел его однажды рядом с Назарянином в Иерусалимском храме.

Он незаметно подобрался к шатру Аврума: люди там о чём-то напряжённо, опасно шептались. А в конце их разговора отчётливо послышалось рассыпчатое лязганье, какое издают монеты, когда их пересчитывают на деревянном столе. По звуку Трофим даже определил, что монеты были серебряные. Штук тридцать – тридцать пять. Только для чего они предназначались и кому?..

К этому времени в лагере Иоанна не стало ни баранины, ни козлятины, ни даже голубей; больше не пеклись в ямах на камнях пресные лепёшки. Был съеден последний сом, а сети, которые ученики усердно забрасывали каждое утро и вечер в Иордан, раз за разом приходили пустые, если не считать ракушки и колючие водоросли. Рыба, как это бывает каждый год, одна раньше, другая позже, покинула свои привычные места и, сбившись в стаи, ушла на нерест в верховье реки.

На редких пришельцев надеяться не приходилось.

Вот-вот мог начаться голод.

Как-то после утренней молитвы Аврум объявил ученикам, что надо бы им искать себе новое, более людное место и там продолжить святое дело Иоанново. Он назвал Еннон на западном берегу Иордана вблизи Салима. Там вблизи главная людная дорога на Самарию, где можно стать лагерем, не опасаясь остаться без хлеба насущного.

Многие опечалились, что придётся покинуть место, выбранное самим Иоанном.

– За год с вами я один добыл трёх бегемотов! – гордо напомнил Гальят. – Как видно, пора мне идти за четвёртым. Я готов с ним сразиться и накормить нас!

– Тебе нужны помощники. Человек десять – не меньше! – строго сказал Аврум.

– Пятерых хватит. Не забывай, я – Голиаф.

– Был такой, да весь вышел на пресных лепёшках с водой... – усмехнулся Аврум. – Голод ослабил и тебя. Ещё и больше других ослабил. Ты вон какой огромный. Тебе одному в день нужен воз еды.

Ученики добродушно, но вяло рассмеялись.

– Ладно, выбери самых сильных человек семь... – наконец согласился Аврум. – Я раздам им тяжёлые дротики и багры, прочные верёвки. Тогда, наверное, справитесь.

Египтянин Трифон, ходивший с Иоанном уже второй год, взволнованно стиснул свою тонкую чёрную длинную бородку:

– Одумайся, филистимлянин. Я из страны, где люди весь год живут охотой на бегемотов. И не

мне ли знать, что наш Всевышний бог Осирис запрещает охотнику, взявшему три туши, идти за четвертой. Это вызовет его гнев.

– У меня свои великие боги! – поднял к небу голову Гальят, никогда не упускавший возможность напомнить об этом. Произнося такие слова, он каждый раз чувствовал, что он не просто каменотёс, потому что у него в покровителях реально грозные и несокрушимые небесные жители великий Дагон и Вельзевул.

Шесть человек Гальят выбрал сразу, и никто из них не отказался. Только седьмого найти не удалось. Не было больше среди учеников Иоанна ещё человека, который бы мог достаточно уверенно держать в руке дротик или пику. Люди пророка от голода слабели на глазах.

Гальят в лагере каждому пощупал мышцы на руках, зачем-то заглянул в рот, потрепал по затылку и, став на четвереньки, велел прыгать через себя. Этого никто не смог, кроме тех шести.

Правда, Елизар тоже справился со всеми испытаниями. Как говорится, на раз.

– Потрогай мои мышцы, отец! – гордо сказал он Гальяту и, глубоко вдохнув, напряжённо напрягся: его вызревавшая молодая сила явно была налицо.

Гальят радостно рассмеялся:

– Ты ещё не Самсон, способный повалить каменные колонны, но на смелого пастушка Давида очень похож!

Рассмеялся и Елизар: ещё более радостно, чем отец. Сложил на груди свои сильные выносливые руки, бугрившиеся свежими мышцами.

– И всё равно на охоту я тебя не возьму... – неожиданно нахмурился Гальят.

– Не позорь меня, отец... – поморщился Елизар, ощутив на лице щекотание слёз, подло выдававших его молодые годы.

– Я отбирал среди тех, кто не раз бился до крови... – сухо объявил Гальят. – Не переживай. Твоё от тебя не уйдёт. Неисповедимы пути Господни. Будь готов к этому всегда. И считай, что это тебе моё главное отцовское напутствие.

Они в тот же день ушли вверх по течению, энергично подвигая по мутно-жёлтой воде Иордана свою семиметровую долбёнку, загодя вырубленную из тщательно вымоченного кряжа мощной развесистой осины.

Иордан река спокойная, мудрая и щедрая. Нет в здешних краях лучшего места для бегемотов, чем её отяжелевшие глиняной взвесью желтоватые воды. Так уютно они чувствуют себя только в родных африканских реках. Какое-то время ещё было слышно как охотники, толкая шестами лодку, в такт себе протяжно читают Иоанновы молитвы. Их голоса были особенно благоговейны и смиренны.

Бегемота нашли в болотистой старице, поросшей камышом. Вначале что-то странное промелькнуло у них перед глазами. Это взлетела пурпурная цапля, нагло сидевшая на спине огромного старого бегемота, и что-то очень даже для себя интересное увлечённо клевавшая в мощных глубоких складках этой огромной серо-коричневой туши метров пяти длиной и весом за четыре тонны. Бегемот, кажется, был совсем не против такой птичьей наглости. По крайней мере, он глухо урчал, вздыхал и, кажется, даже похрюкивал от удовольствия. Последний звук явно убедил охотников в нечистоте этого свиноподобного животного. Тем не менее охоту не остановили. В случае удачи мясо бегемота можно было обменять на тех же кур у здешних римлян, падких на всё экзотическое и невиданное.

Стали грести осторожней, медленней.

Мелькнули головы двух детёнышей, похожие на пеньки над водой, потом самка с любопытством высунула морду, насторожилась.

Подняв волны, бегемот тревожно развернулся навстречу охотникам всей своей мощной тушей. И тотчас они с диким криком, чтобы раззадорить в себе воинственный, победный дух, метнули в зверя тяжёлые дротики. Раз, ещё раз, и ещё, ещё. Гальят в свою очередь успел бросить три тяжёлых боевых германских топора с бронзовыми лезвиями.

Глубоко пробившие шкуру и жир бегемота дротики торчали из туши, делая бегемота похожим на гигантского старого ежа. Кровь брызгала из него, как фонтанчики китов.

Перед броском бегемот заржал так, что даже в далёких скалах отозвалось густое мощное эхо этого сокрушительного звука, который сам по себе способен повергнуть любого врага.

Что бы ни оказалось на пути бегемота – буйвол, леопард, человек – он неостановимо расчищает себе дорогу. Этот самец не стал исключением...

Вернувшись, охотники наперебой и каждый со своими совершенно противоположными подробностями рассказали, что было дальше. Эту разницу можно было понять: их ещё несколько дней трясло от страха.

Одни говорили, что бегемот успел нырнуть и поднятой волной опрокинул их лодку. Другие были уверены, что он всей своей тушей, равной по весу разве что десяти крупным арабским скакунам, разбил в мелкие щепы их долбёнку. Как бы там ни было, им пришлось спасаться вплавь. В этом месте Иордан не шире сорока шагов, так что охотники быстро оказались на берегу. Но и это не гарантировало им безопасность, так что они на всякий случай почти до вечера укрывались в прибрежных горах.

Все, кроме Гальята. Одни говорили, что бегемот разорвал его на две части, другие – что зверь отхватил каменотёсу голову, третьи утверждали, что Гальят, обвешанный запасными топорами просто-напросто утонул, вступив в битву с гигантским бегемотом.

С того дня долго не видели Елизара. Были ученики, которые утверждали, что юноша оставил их и, охваченный горем, вернулся домой. В это время пришли из далёкого северного Гадара к Иоанну за покаянием и крещением тамошние люди. Кажется, свинопасы. Один из них, – старший, Исхак, – услышал разговор про исчезнувшего Елизара и утвердительно сказал ученикам Иоанна, что он по дороге сюда не встретил никого, хотя бы отдалённо похожего на сына каменотёса, ему хорошо знакомого.

Предположили, что Елизар, подавленный гибелью отца, где-то укрылся и проливает безутешные детские слёзы. Стали искать его в прибрежных зарослях и нашли его в том месте, где Учитель крестил в Иордане Иисуса. Там на берегу низко наклонилась к воде, утопив в ней свои густые ветви, гигантская плакучая ива. Их завесой она прикрывала яму, вымытую течением возле её корней. Там сидел, судорожно сжавшись, со сбитыми коленями и кровавой ссадиной на лбу, голодный и грязный Елизар. Здесь плохо пахло. Рядом с ним валялся, как грязная лохматая тряпка, наполовину обглоданный труп шакала.

– Даймон... Даймон... – словно не замечая никого, хныкал Елизар и что-то глухо бормотал на непонятном языке.

– Он, кажется, говорит то ли с греческими, то ли с римскими богами. По крайней мере, «даймон» у эллинов значит «плохой демон», «бес»... – строго нахмурился Аполлос.

Исхак присел на корточки и прислушался к бормотанию Елизара:

– Он твердит, что гадаринские бесноватые убедили здешних демонов реки вселиться в бегемота и убить их отца. За то что он хотел избавить от них свой родной город.

Елизара под руки привели в лагерь, отмыли горячей водой с порошком сушёной мыльнянки и напоили козьим молоком. Придя в себя, он робко попросил лепёшечку. И съел их целую стопку. На этом закончился последний провиант в лагере.

В ту ночь Елизару снилась Рахель. Она летала над ним высоко в небесах и нежно улыбалась.

Разбудило Елизара хорошо знакомое верблюжье «Кхо!!!» Эти гортанные резкие крики разбавляло густое мычание и самодовольное фырканье. Он, морщась спросонья, высунул голову из палатки и шарахнулся назад. У самого его носа прошла огромная, словно пританцовывающая нога верблюда, увитая яркими пёстрыми лентами.

В лагерь неторопливо вошёл нагруженный товаром богатый караван.

Гибкие быстрые чернокожие слуги с дымчато-тёмными лицами-пятнами летящей походкой вынесли на плечах золочёные носилки с белоснежной ажурной кибиткой. Увитая китайским зыбким шёлком, персидским игривым бархатом и густо мерцающим индийским золотистым атласом, она то надувалась на ветру, то опадала с сокрытой чувственностью. Это ощущение усиливали наплывающие из кибитки игривые ароматы воскуренного сандала.

Елизар знал его. Такой запах иногда шаловливо вился за Симхой.

Через занавески в тонкую щель кто-то бдительно, строго и в то же время опасно выглядывал. Лицо его было почти не видно за плотно намотанным чёрно-белым бедуинским платком, однако большие сластолюбивые голубые глаза выдавали отчётливое упоение своей значительной важностью.

Сопровождавшие кибитку воины пинками подтолкнули к ней Аврума. Удары металлических наколенников явно были ощутимы.

– Эй, вы, поаккуратней... – снизил их пыл царственный, надмирный голос Ирода тетрарха, раздавшийся из кибитки. – Это не мои враги.

По его самодовольной интонации нетрудно было понять, что только недавно он с хорошим, бодрым аппетитом ел нечто для всех здесь невиданное, вроде жареных соловьёв, запивая это хрустящее, солоноватое блюдо весёлым крепким фалернским вином тридцатилетней выдержки, о котором они понятия не имели.

– На верблюдах мои слуги привезли вам еду и одежду... – проговорил Антипа и строго вздохнул, словно предельно утомлённый неведомыми простым смертным государственными заботами. – Так будет всегда... При одном условии...

– Да, повелитель... – поспешно склонился Аврум. Это тем не менее получилось у него достаточно неловко.

– Вы будете везде и всюду говорить, что Иисус Назарянин – самозванец! Он позавидовал славе своего троюродного брата Иоанна. И поэтому дерзко объявил себя Сыном Божиим.

– Да, повелитель... А можно ли нам передать Учителю еды и духовные книги?.. – тихо спросил Аврум.

– Он ни в чём не нуждается... – усмехнулся Антипа. – Я глубоко ценю и уважаю Иоанна. Но в одном мы с ним упорно расходимся. Иоанн рассержен, что вы до сих пор не все стали учениками Иисуса. Ваше неверие, что сын плотника есть Сын Божий, его страшно огорчает. Он порой приходит в бешенство, удивляясь такой тупости своих учеников...

Аврум резко распрямылся. Металлически взблеснув, полумесяцы секир тотчас скрестили свои жала возле его носа.

– Иоанн намерен окончательно развеять ваши сомнения... – вздохнул тетрарх. – Он просит, чтобы кто-то из вас, но не менее двух, отправились к Иисусу и задали ему конкретный вопрос: «Ты ли Мессия, который должен прийти, или ожидать нам другого?» Как считает Иоанн, его ответ решит все ваши сомнения. Он настаивает, чтобы вы всей общиной примкнули к ученикам Назарянина.

– Вместе с нашей казной?.. – усмехнулся Аврум.

– Казна у вас пустая... – вздохнул Антипа. – Без Иоанна вы пошатнулись... Кстати, тридцать серебряников, что я передал тебе для Иуды, ты не присвоил?

– Как можно...

– Так что мне передать Иоанну: когда пойдут ваши люди к сыну плотника?

– Завтра утром пойдём. Я и египтянин. Он на арамейском почти ничего не понимает. Другим твёрдой веры нет. Чуть ли не каждый второй в душе перебежчик. Только ждут своего часа примкнуть к Иисусу.

– Иди один... – глухо отозвался Антипа, и добавил уже из-за плотно закрытых занавесок. – Надеюсь, ты понял, что если тебе удастся доказать лживость Иисуса, ты не сможешь сосчитать все деньги, которыми я пополнил казну вашей общины. И тебя лично не забуду.

На исходе первой стражи ночи измученные дневными заботами ученики Иоанна неспешно собирались у главного костра на общую молитву. Зыбко дымился горький дым ладана из смолистой смирны. Поторапливая ионнитов, Исхак призывно ударял билом в большое медное блюдо: отправившись на встречу с Иисусом, Аврум оставил его за старшего.

Вдруг он резко пошатнулся и, вскрикнув, повалился возле костра. Следом за ним глухо захрипел Елизар и рухнул навзничь. Все ученики Иоанна, где бы они сейчас ни были, как один с воплями падали на землю, теряя сознание. Кто-то бился в конвульсиях.

Пришельцы испуганно попрятались в палатки.

Это прекратилось тотчас, так же неожиданно, как и началось.

Люди ощупывали себя, оглядывали друг друга. Никто не мог понять, что сейчас с ними произошло.

На другой день они узнали, что накануне вечером в крепости Махерон был казнён Учитель.

Аполлос объявил идти требовать тело Иоанна для воздания должных почестей, и назвал десять человек, которых возьмёт с собой. Оружия в лагере не было, но он велел одолжить у местных жителей охотничьи дротики и пики: в пути им могли встретиться и барсы, и бурые медведи.

В ту ночь резко похолодало, и пришлось в дорогу одеться теплей, почти по-зимнему, так как большая часть пути пролегла по горам навстречу сырому январскому ветру.

– Я тут ни при чём! Всё было кем-то ловко подстроено!.. – объявил тетрарх уставшим от рыданий голосом, когда ученики Иоанна добрались до гигантских ворот Махерона. – Тот, кто задумал это убийство, нарочно выбрал именно такое время: я отмечал свой день рождения. Пригласил лучших друзей. Был сам проконсул Люций Вителлий. И вдруг эта страшная новость... Вокруг меня столько врагов!

Тетрах был заплакан. На его лице Елизар видел странное смешение несхожих чувств: бездумного самодовольства, живой печали и мутных порочных желаний. От него мерзко пахло вином и благовониями. При этом ещё и грубым, едким потом, каким воняют запалившиеся на тяжёлой дороге ослы или мулы.

– Конечно, я распоряжусь выдать вам тело Иоанна... – глухо проговорил Антипа. – Но при одном условии. Вы похороните его в самарской Себастии. Подальше отсюда, чтобы не вызвать в народе волнения. Рядом с могилой пророка Елисея. Себастиа – достойный город. Возводя его, мой отец постарался. Себастиа Ирода Великого великолепна, как самые лучшие римские города!

«Себастиа?! – напрягся Елизар. – Так это же почти рядом с Гадарией!»

Он вдруг ярко, счастливо вспомнил своих братьев и сестёр. Нежно прошептал имя каждого: «Йеошуа... Мордехай... Нахман... Ариэла... Ницана...»

И тотчас сник, вспомнив про бесноватых.

Слуги Ирода Антипы вынесли на носилках тело Иоанна.

Ученики вздрогнули. Они никогда не видели Учителя в белом льняном одеянии, перевязанном большим шёлковым поясом. Оно было царственно расшито золотом и украшено густого цвета зелёными и чёрными драгоценными камнями. Все почувствовали сильный аромат благовонных масел, – тело было намащено смолистой миррой.

– Где голова Учителя?.. – прохрипел Аполлос, низко склонившись над покойным.

На тщательно отмытой от крови низко обрубленной шее Иоанна кособоко лежал густой венчик из тёмно-алых роз, ещё блиставших тяжёлой неиспарившейся росой.

Антипа слёзно поморщился:

– Не ведаю... Я ни от кого не смог добиться истины.

– Что твой палач сказал?..

– Он тоже ничего не понимает. Третий день моя стража ищет таинственного убийцу Учителя. Пока всё впустую...

– За всё это вы ответите перед Богом... – сдавленно прошептал Аполлос.

Антипа со вздохом прикрыл лицо шёлковой вуалью:

– Уходите скорей... Римский гарнизон уже на дороге к Махерону. Сам Тиберий распорядился забрать тело Учителя. Так что придётся врать и изворачиваться. Да мне не привыкать...

Они поспешно оседлали добрых верблюдов, которых привели слуги Антипы. Долго укрепляли на самом сильном и высоком из них гроб с телом. На тот случай, если по пути наскочат шакалы.

Нарушив все римские законы, тетрарх распорядился выдать ученикам Иоанна мечи и секиры. Щедро позаботился о деньгах.

...Через несколько дней караван вошёл в Себастию. Преображённая Иродом Великим, она мало чем уступала столичному Иерусалиму. А своим римским амфитеатром, базиликой с мощными колоннами, огромным, блиставшим позолотой храмом в честь императора Августа город грустно напомнил Елизару его родной Гадар.

После суровой Иудеи с её каменистой и словно опалённой огнём землёй, в этих краях их встретили просторные ярко-зелёные пастбища. А оливковые деревья, обыкновенно куцые и хилые в Иуде, здесь в Самарии радовали глаз выпрямившимися стволами, ярким серебром листьев и густотой плодовой кроны.

Прежде чем приступить к погребению, ученики благочестиво помолились пророку Елисею. Просили прощения, что беспокоят его, и просили помочь Иоанну на пути ко Господу.

Елизар, неплохо усвоивший профессию отца, за день вырубил в скальной стене пещеру-гроб. Конечно, его время от времени сменяли Исхак, Аполлос или Трофим, тоже знавшие толк в погребальном деле. У всех на руках вспухли кровавые сочившиеся мозоли.

На закате Солнца, сегодня какого-то особенно блеклого, мертвенного, точно навсегда уходящего

за горизонт, ученики аккуратно положили на каменный выступ погребальной пещеры тело Иоанна; всю ночь жгли факелы и читали молитвы.

Перед отъездом, заваливая могильную пещеру тяжёлым неподъёмным камнем, придавили руку Елизару, но он даже не вскрикнул. Боль потери была сильнее.

У всех на душе наступило глухое отупение. Всё, что недавно беспокоило, волновало, увлекало, словно потеряло всякий смысл.

Когда их небольшой караван под вечер пришёл к Вифаваре, оказалось, что с ними нет Трофима. Хотели ехать искать, уже запалили чадающие факелы. Аполлос тихо сказал, что он видел, как тот, когда их караван шёл по горной тропе, задержался, пропустив своих спутников достаточно далеко, а потом с диким воплем «Иоанн, я иду к тебе!!!» бросился с уступа в пропасть.

– Только никому ни слова об этом... – глухо вздохнул он. – Нам всем отныне предстоит жестокие испытания. И это лишь их начало. Нельзя расслаблять людей.

На другой день Аврум, как и обещал тетрарху, тайно отправился в Иерусалим встретиться с Иисусом и, наконец, с позором разоблачить его.

...Он вернулся лишь через несколько недель, и говорил с учениками Иоанна едва ли не два часа без остановки. Был он сам на себя не похож. Несмотря на начавшийся дождь, лицо Аврума светилось так, словно бы на него падали прямые солнечные лучи.

– Братья!!! – счастливо вскричал Аврум, и от одного его голоса многие тотчас попадали ниц. – Не я ли первый среди вас доказывал, что Иисус Лжемессия?! Что он перехватил наш хлеб и добывает себе славу на путях, проторённых святым Иоанном?! Да что я... Даже его родные братья не верили Иисусу, что он праведно явлен миру Господом.

– Ты! Ты!! Ты!!! – взревела толпа учеников и поселенцев.

– И тогда Иоанн из заточения передал мне повеление идти и испытать Иисуса для вразумления всех вас прямым вопросом: «Ты ли Тот, Кто должен прийти, или нам ожидать другого?» И что же ответил мне Иисус?!!

В лагере всё замерло: не только люди, но, кажется, даже лошади, ослы и клекотавшие в вышине орлы притихли. Только святой Иордан сосредоточенно плескал своей беглой желтоватой волной, похожей на песчаные дюны, когда видишь их издали с высоких скальных хребтов.

Аврум опустил на колени и сотворил молитву. Это была новая молитва. Такой никто никогда не слышал ни от кого. Наверное, это была молитва от Иисуса.

– Отче наш, Иже еси на небесех... – с нежностью начал её Аврум.

Помолившись, он долго, взволнованно молчал.

– И что ответил мне Он?!! – наконец вскрикнул Аврум. – Ничего... Но я не отстал от него. Куда я только не ходил за ним, ожидая ответ... И я увидел всё сам. От одного слова Иисуса слепые прозревают, хромые ходят, прокажённые очищаются, глухие слышат, мёртвые воскресают, нищие благовествуют. У меня на глазах Иисус накормил пять тысяч народу пятью хлебами и двумя небольшими рыбами, и при этом ещё осталось двенадцать полных еды коробов! Почему? Я, Аврум, ученик Иоанна и отныне ученик Христа, сына Божьего, свидетельствую: «Будьте тверды, не бойтесь; вот Бог ваш Иисус и Он спасёт вас, даруя вам жизнь вечную!»

Выговорившись, Аврум смиренно вздохнул, поклонился ученикам и, склонив голову, зашагал прочь из лагеря...

Прошла минута-другая, и больше минут прошло, но наконец замершая толпа дрогнула, забурлила, раскололась. Добрая половина учеников Крестителя тронулась за Аврумом. Они потопрапливались, так как шаг у него был размашистый. Тем не менее многие из них на ходу пытались повторить только что услышанную молитву «Отче наш». Они сбивались, путали слова, но не замолкали: «Да приидет Царствие Твое...» И вот уже наладились, вот уже они сообща повторяли её. Она зазвучала нараспев: «И остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим; и не введи нас во искушение, но избави нас от лукавого». Петь молитву в голос, стройно, им мешали слёзы.

Аврума они догнали, рыдая.

Елизар робко огляделся и уже не увидел в лагере ни одного знакомого лица. Не было Аполлоса, не было Исхака. Не остался никто, с кем они ходили тайком под носом у римской стражи в крепость Махерон, с кем хоронили в каменной усыпальнице обезглавленного Иоанна.

– Что же ты, мальчик, не ушёл с ними? – вздохнул какой-то старик, в котором по грубому хитону из старой верблюжьей шерсти и сыромятному, причиняющему боль поясу, он узнал одного из оставшихся в лагере самых первых учеников Крестителя. Кажется, того звали Эфраим.

– Я поклялся отомстить бесноватым за маму. И пока этого не исполню, мне ни до чего нет дела... – побледнел Елизар. – Как быть, ума не приложу...

– Бог даст, всё уладится, – мудро вздохнул старик. – А вот и какие-то люди к нам идут. Может, креститься надумали? Пойду, поприветствую их...

«Новые люди» были два человека, только что насторожённо спустившиеся с холма к лагерю, вернее, к тому, что от него осталось. На расстоянии они различались разве что ростом. Один был непомерно рослым, но до того измождённо худ, что было непонятно, как он не переломится пополам; другой невысок настолько, будто вовсе не имел ног. Одеты так, словно напялили на себя какие-то дырявые холщовые мешки, в которых что только ни побывало до этих тощих, трясущихся, изъязвлённых, склизких от желтоватой сукровицы тел: и алые гранаты в них гнили, и древесный уголь насыпали, и верблюжий помёт. Наверное, пророк Иона, что некогда из глубин веков возвестил о будущих страданиях Спасителя, проведя три дня и три ночи в пасти кита, вышел оттуда в более пристойном виде.

У берега Иордана среди зарослей олеандра стояло несколько последних, ещё не снятых палаток. Но и они казались опустевшими. Никаких следов учеников Иоанна. Сучья для костров приготовлены, но не зажжены. Только одинокий петух, сердито потряхивая царственным мясистым багровым гребешком, гордо, с подскоком, ходил по лагерю, иногда переходя на бег, и всё остро, бегло косил по сторонам сердитым взглядом, точно следил за порядком.

Пришлые с опаской посматривали в его сторону.

Подмигнув Елизару, Эфраим озорно махнул палкой на петуха. Тот прыгуче отлетел в сторону, напрягся и вдруг раздалось хлёткое, победное «ку-ка-ре-ку!!!» Оно было долгим и натужным. Прогорланив, петух резко трижды хлопнул крыльями и самодовольно, прыгуче отошёл.

– Мир вам... – поклонился Эфраим путникам. – Откуда будете?

– Из Гадара... – не сразу, совсем тихо сказал один из них, коротконогий.

– Как ваши имена?..

– Сами не знаем... Было нам имя одно на двоих... Да такое, что лучше его вовек не помнить.

– Твои земляки пожаловали! – крикнул Эфраим Елизару с такой щедрой интонацией, с какой общаются разве что благою весть.

Елизар в это время пытался сухой сосновой щепой взять для костра огонь из ещё непогасшей печи. Пламя никак не хотело на неё перебираться. Он терпеливо его ловил, болезненно морщась, – огонь, изворачиваясь, остро жалил пальцы.

Услышав Эфраима, Елизар с неудовольствием обернулся.

Рядом с сухоньким колченогим стариком стояли два грязных, истошавших путника.

Елизар не мог их не узнать. Он узнал бы их всегда и везде, как бы они ни были одеты, как бы они ни изменились внешне. Наверное, многие в Гадаре могли узнать их с первого взгляда.

Елизар машинально огляделся по сторонам. Поодаль, возле наколотой вчера поленницы, торчала из сучковатого бревна захватанная, матово блестящая рукоять колуна. Кто-то очень не слабый, явно матерый в этом деле с силой вогнал тяжёлое убойное лезвие в глубину сердцевины жёсткого дубового ствола. Возможно, это сделал в сердцах кто-то из тех, кто вчера, бросив всё, поспешно ушёл с Аврумом, чтобы немедля примкнуть к ученикам Иисуса.

Елизар странно усмехнулся и, побледнев, вдруг легко, одним рывком выхватил топор. Какая-то нечеловеческая сила вдруг обнаружилась в нём. Ствол болезненно взвизгнул, выпуская вспоровший его железный клык колуна.

Не понять его намерение было невозможно. Елизар быстро приближался к путникам.

Они пали на колени. Тот, что был вроде как безногим, поморщился, словно обезьянка. Казалось, он робко улыбается. Это была болезненная глупая полуулыбка.

– Ты что, малый?.. – вскрикнул Эфраим. – Ты чего удумал?!

Елизар прибавил шаг. Теперь он держал колун перед собой обеими руками.

– Это бесноватые!!! Они убили мою мать! – твёрдо рыкнул Елизар, пинком отбросив с дороги петуха, вознамерившегося было клюнуть его для утверждения своих здешних прав вожака.

– То были не мы... – мучительно выдохнул один из путников.

Эфраим кинулся, припадая на ногу, навстречу Елизару, – споткнулся, упал.

Он глухо застонал, однако, приподнявшись на одной руке, другой погрозил Елизару:

– Остановись! Иоанн проклянёт тебя! Ещё никто не проливал кровь в нашем лагере!

– Бесы попутали нас... – хрипло выдавил из себя рослый, мучительно откашлялся и встал.

Второй тоже поднялся. Тем не менее он перед своим спутником был как пень возле рослого дерева.

Кажется, они решили умереть стоя.

– Что же вы не бросаетесь на меня? – взмахнул колуном Елизар. – Защищайтесь! Где ваша бесовская свирепая сила?!

– Господь изгнал... – в один голос проговорили оба и обнялись, чтобы помогать друг другу стоять.

– Какой Господь?.. – глухо проговорил Елизар.

И заговорил малый ростом, нервно плача:

– С учениками он приплыл... Наши бесы как лодку Его увидели, так сразу поняли, Кто это... И так начали метаться в нас, что всё нутро нам порвали. Рослый, вздохнув, добавил:

– Визжали при этом невозможно: «Иисус! Сын Бога Всевышнего! Не мучай нас!!!» Тут Он и повелел им оставить нас и войти в стадо свиней. Тысячи две их паслось в том месте. И все свиньи вместе с бесами бросились с обрыва в озеро, и потонули... Мы просились уйти с Ним, но Он велел нам проповедовать по всему городу, что сотворилось с нами, и как Господь помиловал нас...

Елизар упал ничком на траву и зарыдал.

Плакали с ним и оба пришлых, и старик Эфраим.

Подходили тут ученики Иоанновы, из тех немногих, что ещё остались в лагере, и, прислушавшись к разговору, озлобились.

– Что пришли сюда, нечестивцы?! Это дом истинного мессии Иоанна! Прочь, порождения ехиднены! Хотите получить от него отпущение грехов и святое крещение?! Не дождётесь! Ступайте прочь к своему самозванцу Иисусу!

– Мы здесь случайно... – сбивчиво заговорили пришлые. – Простите нас. Мы искали Сына Божьего, но точно не ведаем, где он...

– Сейчас мы возьмём оглобли и наставим вас на истинный путь! – вскричали ученики.

– Они от слов перейдут к делу... – тихо проговорил пришлым Эфраим. – С них станется. Ступайте прочь скорей. Ищите Иисуса в Иерусалиме.

– Дайте нам немного еды...

– Сейчас вы здесь досыта получите по шее.

Пошатываясь, путники сделали первые шаги вверх на гору. И тотчас растерянно оглянулись.

– Мы не знаем дорогу...

– Бегите, пока не поздно! – напрягшись, вскричал старик.

В сторону гадаринцев полетели камни. Даже поленья пошли в ход. Звонко вжикнула одинокая хлесткая стрела, но она была выпущена явно для острастки, поверх голов.

Ни рослому, ни малому это не добавило прыти. Кажется, они всю её растратили в пути.

А где-то через полчаса, уже на горной тропе, они, услышав позади настойчиво приближавшийся частый, бодрый перестук копыт, были готовы броситься в пропасть, как некогда бесы, изгнанные из них Сыном Божьим. Но не ионниты догоняли их.

Их на ослице догонял Елизар.

– Ты всё-таки хочешь убить нас?!.. – вскрикнули оба.

– Во-первых, накормить... – строго усмехнулся как-то вдруг на глазах повзрослевший Елизар. – А во-вторых, садитесь на ослицу, дяденьки... А я своими ногами пройду... Таких тощих она обоих выдержит. А дорога у нас теперь одна. Я мечтаю пасть на колени перед Иисусом и благодарить его за избавление Гадарии от бесов. Вы мне покажете его? Я этого человека ни разу не видел в лицо...

Малорослый, как бы уже взбодрившись и несколько ощутив себя в себе, гордо, почти дерзко, рассмеялся:

– Ты сказал – человека?!.. Я – человек, ты – человек! А он – Агнец Божий! Я видел его вблизи! Ближе, чем тебя! Но всё равно не мог понять, какое у него лицо... Живой Свет!

– Словно слепнешь... Так оно изнутри сияет... – глухо добавил Рослый.

От долины Иордана они три дня поднимались к Иерусалиму до блеска исхоженной паломниками горной дорогой. По пути ловили и ели голубей, привлечённых сюда верблюжьим помётом и зерном, каким караванщики кормили лошадей и мулов.

Влажным мерклым утром с высоты Елеонской горы, почти сплошь обросшей густыми оливковыми рощами, они увидели впереди сквозь сизую дымку горное плато, на котором, как на гигантской каменной ладони, застыл Иерусалим, больше похожий на непреступную крепость. Во главе его строго, царственно и в то же время отстранённо-торжественно от общего пейзажа унылой мозаики городских глиняных плоских крыш и каменистых серых улочек возвышался беломраморный массив храма, покрытый тяжёлыми листьями золота. Сейчас поутру оно мутно зеленело под глухо-матовой склизкой росой. Елизар невольно отметил, что этот Дом живого Бога во многом похож своими резкими кубическими формами и колоннами на их гадаринский греческий храм Зевса.

Над непогасшим до сих пор жертвенником трепетали дымки, точно вдалеке курился старый, истративший силы вулкан: наступал первый день праздника Пасхи, день опресноков и заклания пасхального агнца.

Весь день улочки Иерусалима, переполненные народом, казались издалека неким единым живым телом: всяк горожанин спешил исполнить необходимые обряды – отовсюду люди спешили в храм, взвалив на плечи ягнят, которые должны были пойти на заклание под нож священника. Кровь густо, медленно, пенно пузырясь, истекала в тот день из тысяч ран в заваленный тушами жертвенник всежжения. «Ма-м-ма-ма», – пищали в предсмертной дрожи недорезанные ягнята.

Войти в город Елизар и «очищенные» решились не сразу, – только затемно, в наступившей ночи.

Сойдя с Елионской горы, они долго брели чуть ли не на ощупь, спотыкаясь на каждом шагу, по глубокому мрачному дну Кедронской, Царской, долины, пересечённой руслом пересохшего ручья. С трудом пробирались в провальной темноте между разбросанных камнепадами глыб и надгробных памятников Авесалома, Иосафата и Захарии и множества иных, уже безымянных гробниц, покрывавших весь восточный склон. Елизар вспомнил, что Симха говорила об этом каменном мешке, будто бы ему по старинным преданиям наречено стать для Яхве местом грядущего Страшного Суда. А ещё этой дорогой в Иерусалим пройдёт в свой час помазанник Всевышнего Машиах, Мессия, будущий вечный надмирный правитель всех народов.

Когда пробирались через Гефсиманский сад с его приземистыми пышными оливами, Елизару вдруг почему-то показалось, что там, в гуще деревьев кто-то есть.

Ветер вдруг повернул к ним, и Елизар отчётливо услышал обрывки чьих-то слов, в которых было столько печали и тоски, словно в них собралась воедино боль, накопившаяся на эту минуту во всех живущих на земле людях:

– Душа моя скорбит смертельно... Да минует меня чаша сия...

Елизару стало страшно. Он робко прислушался. Нет, никакого голоса уже не было. Да и был ли он?.. Наверное, примерещилось с усталости... А вот сейчас будто бы неподалёку чей-то мирный храп раздался...

Елизар опасливо огляделся и прибавил шаг.

– Здесь не так давно ходил Иисус... – вдруг глухо проговорил у него за спиной Рослый, остановил ослицу и пошёл дальше пешком, ступая особо аккуратно, бережно, точно старался попадать след в след, оставленный Сыном Божьим.

– Почему ты так решил? – догнал его Елизар.

– Видишь у дороги смоковницу? – хрипло отозвался «бесноватый».

– Конечно... Засохшее дерево. Ни листьев, ни плодов, – смутился Елизар.

– Её касались руки Иисуса! – взвинченно вскрикнул Рослый. – Видишь, как ветка поблёскивает?

– Это отсвет Луны... – смутился Елизар.

– Сам ты отсвет... – Рослый едва удержался, чтобы не отвесить ему подзатыльник. – Я теперь везде вижу, где Он был! За ним словно облачко Света остаётся. Такого нет ни у Луны, ни у Солнца или звёзд.

Они вошли в Иерусалим улицей торговцев, примыкавшей к стенам храма. Сейчас, спозаранку, в прохладном блёклом воздухе здесь уже пахло жареной бараниной и свежеиспечёнными хлебами.

Елизар остро, радостно почувствовал, что ему хочется есть. Они решили идти просить еды в храме. Может быть, им подадут хотя бы миску риса и немного овощей.

На Храмовую гору взошли, обессиленно цепляясь друг за друга. Привязав ослицу у смоковницы, осторожно заглянули в ворота. Но во внутренний двор стражники никого из них не пустили, только увидев такие замызганные лица и услышав, что путники говорят на том гадаринском наречии, какое принято в стране бесноватых. Они попытались проскользнуть на территорию «женского» двора, но и здесь их остановил перепуганный стражник: не иудеям, да ещё без омовения в ритуальном колодце и жертвенной животины вход сюда был запрещён под страхом смерти.

Дым ещё не совсем погасшего жертвенника ел глаза. Ко всему он, пусть и бледно, беспокоил запахом слащавой жареной молодой баранины.

– Жрать хочется... – глухо проговорил Рослый.

Елизар печально усмехнулся.

Мимо него вдруг промелькнула чья-то голова в пёстром бедуинском платке и длинном, овевающем землю, льняном голубом хитоне с оборками понизу, какой могли носить разве что только женщины. Шаг был лёгкий и тихий, – босые ноги аккуратно бежали по храмовым ярким мозаичным плитам. Сквозь щёлку платка брызнул пристальный весёлый взгляд таких ярко-голубых глаз, какой встречается разве что у юных белых козочек.

«Рахель!!!» – ошеломлённо догадался Елизар.

Отбежав, она села далеко в стороне, спрятав лицо в коленях, – у Прекрасных врат женского двора. Тут густо пахло дровами для жертвенника, оливковым маслом и вином: кто-то не закрыл двери хранилищ.

Елизар подошёл устало, припадая на вдруг разболевшуюся ногу. По дороге машинально обернулся. Ни Рослого, ни Малого не было на прежнем месте.

Елизар медленно огляделся по сторонам. Их не было нигде. Вообще-то он предчувствовал, что так и случится в конце концов.

Вздохнув, он опустился возле Рахель. Выражение на его лице от растерянного до восхищённо-радостного менялось с такой быстротой, с какой мелькают страницы в книге, когда в ней что-то торопливо хотят найти.

– Всё время после нашей встречи в горах я мечтал стать твоим мужем... – тихо проговорил Елизар, взяв Рахель за руку. – Нам с тобой надо пожениться... Извини, что делаю предложение сам. Свата у меня нет. Зато на свадьбу есть целых два денария!

Рахель тонко улыбнулась...

– Иуда тоже недавно предлагал мне стать его женой. Он даже показал мне целых тридцать серебряников и обещал, что они станут моими. Но я почему-то отказалась... А ведь за эти деньги можно купить большой дом в Иерусалиме!

– Кто он такой, этот богач Иуда? – строго вздохнул Елизар.

– Ученик Иисуса...

Впервые в своей жизни Елизар так резко, сильно встряхнул женщину за плечи.

– Иисуса?... Ты знаешь Иисуса Христа?! – радостно вскрикнул он.

– Я его ученица... – не пытаясь высвободиться, смиренно проговорила Рахель. Тем не менее в её голосе была такая скрытая потаённая сила, словно она могла, если потребуется, одним своим голосом передвинуть здешние горы.

Елизар взволнованно отступил.

– Я ищу Его, чтобы пасть перед Ним на колени... – побледнел он. – Этот Человек... – на слове «Человек» Елизар судорожно замер. – В общем, Иисус из Назарета освободил мой город от бесноватых! Помнишь, я тебе о них говорил. Кстати, вот смешно! Я пришёл в Иерусалим вместе с ними! Они тоже хотят стать учениками Иисуса!..

– Ты такой сильный и красивый! Но какой ещё ребёнок... – смутилась Рахель. – Ладно, я попрошу Марию Магдалину... Она поможет тебе встретиться с Ним...

– А кто эта Магдалина?

– Не сейчас...

– Она тоже здесь? Нет, тогда скорее идём к ней! – вскрикнул Елизар. – Ты поедешь на моей ослице, а я буду бежать рядом!

Они вышли из храма. Ослицы нигде не было. Наверное, Рослый и Малой за эти дни по пути в Иерусалим настолько привыкли к её нежно-гибкой пружинистой спине, что уже никак не могли лишиться себя такого удовольствия.

«Значит, один бес в них всё же усидел!..» – хмыкнул Елизар.

– Ступай за мной, но держись подальше... – строго шепнула Рахель. – За учениками Христа уже дня три как начали слезку. Так сказала Магдалина... Иудейские начальники готовят заговор против нас.

Шли далеко и дорогой нелёгкой, – то перебегая кривыми мостками, то прыгая через рваные расщелины, – днями здешняя земля несколько раз пугающе напрягалась и что-то угрожающе ухало в её сокровенных глубинах.

Наконец Рахель привела Елизара к дому Иосифа Аримафейского, тайного ученика Христа, – богатого купца, торговавшего оловом, и, ко всему, одного из старейшин Синедриона. Рахель знала, что вчера здесь за городскими стенами на Сионском холме Иисус и ближайшие Его ученики после захода Солнца, «возлегши» полукругом, ели жареного пасхального годовалого ягнёнка и вкушали вина, благодаря Всевышнего Господа. Неподалёку от того места, где жил приговоривший их к смерти первосвященник Кайафа.

Рахель хорошо запомнила это место, – она по просьбе Петра приносила сюда к столу с базара бобы, баранину, оливки с иссопом, горькие травы и финики. Магдалина покупала хлеба, пресные лепёшки, вино и готовила из крови и потрохов тунца особый соус гарум, который лучше неё никто никогда не составлял, ибо не знал её хитрости, сколько выдерживать тот на Солнце в каменной ванне.

Возле двора Иосифа Аримафейского, на углу, едва заметный за стеной, кто-то стоял в тени большого старого кипариса, изредка коротко выглядывая. Этот «кто-то» явно не хотел быть замеченным.

– За нами, кажется, действительно следят... – нахмурился Елизар.

– Это Пётр! – радостно вскрикнула Рахель. – Идём скорей! Что он здесь? Где другие ученики?!

Сцепив пальцы на крепком борцовском затылке, апостол Пётр напряжённо, резким шагом бегло ходил вдоль стены, от которой старая дорога, мощёная известковыми, грубо обточенными камнями вела вниз в Елеонскую долину, где можно было в случае чего надёжно укрыться в старом Гефсиманском саду. С той стороны подкатывал пряно-терпкий аромат оливок.

Пётр был молодой коренастый мужчина с сильными покатыми плечами и быстрым, нетерпеливым взглядом. Рядом с ним стоял безбородый худощавый юноша с утомлёнными, нежными глазами. Оба были потаённо завёрнуты в плащи.

– Мир вам... – сердечно сказал Елизар.

Пётр, озираясь, назвал юношу:

– Это Марк. Племянник апостола Варнавы. Я сейчас прячусь в доме его матери. Это рядом. Возле Гефсиманского сада. Иисуса они схватили...

Рахель застонала и, кажется, потеряла сознание. Они втроём подхватили её. Через минуту-другую Рахель судорожно вздохнула, поморщилась и вдруг резко, неожиданно сильно, даже грубо вырвалась.

– Они всё-таки решились... – глухо, строго проговорил Пётр. – Иисус у них. Они схватили его вчера в саду у нас на глазах. Иуда – предатель. Кайафа – подлец. Вознамерился устроить фарс общественного суда над Сыном Божьим, а его тесть Анна подстрекает распять нашего Учителя.

– Вы бы видели, как Пётр смело отрубил мечом ухо Малху! – звонко вскрикнул юноша Марк. – Это раб самого первосвященника!

– Смело?!.. – словно ненавидя это слово и прежде всего себя, презрительно вздохнул Пётр. – Я – смело?.. Я в эту ночь во дворе Кайафы, до того как дважды пропел петух, трижды отрёкся от Иисуса... Такая робость и страх меня вдруг охватили... Я стал клясться и божиться, что не знаю Христа. А тут его и вывели на двор. Суд закончился. Если это можно назвать судом. И тут Иисус так посмотрел на меня... Я никогда не забуду этот свой позор!

Юноша Марк покраснел и, кажется, был готов заплакать:

– А разве было бы лучше, чтобы и тебя схватили? – тихо прошептал он, взяв Петра за руки.

– Горе какое... – вновь покачнулась Рахель. – А где Магдалина?..

– Она ищет встречи с Пилатом, – поднял глаза Пётр. – Надеется убедить префекта, что Иисус никакого восстания против римлян не готовил и ни на какое земное царствование не претендовал. Как будто это что-то изменит... Синедрин уже решил: повинен смерти. У них свои цели. Нашёптанные Сатаной.

Марк бережно положил руку на плечо Елизара:

– Ты тоже из наших?..

– Из каких ваших? – смутился Елизар.

– Учеников Иисуса.

– Я тут случайно.

– Я, кажется, видел тебя в лагере Крестителя?

– Да, я был там.

– А сюда ты из-за Рахель пришёл?

– Я хотел поклониться Иисусу за изгнание бесноватых.

– Так ты из Гадара? Боюсь, ты уже не увидишь Учителя...

– А если достать оружие и попытаться освободить его? – отчаянно побледнел Елизар и стиснул кулаки, сейчас как никогда похожий на своего отца Гальята-Голиафа.

Марк строго посмотрел на Елизара. Казалось, ещё мгновение такого напряжения – и капли крови начнут падать с его лица.

– Через восстание Царство Божие никогда не наступит! – с юношеской безоговорочной строгостью проговорил Марк. – Это совсем не то, ради чего пришёл Иисус. Знаешь, в четверг, поздно вечером, я нашёл его в ночи в Гефсиманском саду. Это его любимое место. Но что меня удивило и смутило: Иисус был заплакан! А его ученики спали кто где. Видно, сказалось выпитое пасхальное вино и сытный ужин... Так вот, когда мы несколько минут были вдвоём, Иисус обнял меня и успел до ареста говорить со мной. Он сказал, что не пройдёт и семи седмин, как Иерусалим будет разрушен римлянами, а земля под ним распахана. Ещё через сорок два семилетия в римских землях будут закрыты все языческие храмы и они всюду восторженно восславят веру во Святую Троицу... Хочешь, я научу тебя молитве, какой он меня одарил на прощание?

– Да!.. – взволновался Елизар.

– Стань на колени... – строго вздохнул Марк.

Елизар рухнул.

И услышал он молитву, с какой пришёл недавно Аврум в лагерь ионнитов:

– Отче наш, Иже еси на небесех...

Елизар заплакал. Марк вдохновенно дочитал молитву.

– Я хочу стать учеником Иисуса! – лихорадочно вскрикнул Елизар.

– А вот я в одну ночь трижды отказался от Него... – вновь тяжело проговорил Пётр, опустив голову.

Он только сейчас заметил, что потерял свои деревянные сандалии. Скорее всего, ночью у костра во дворе Кайафы. Когда Сын Божий, выведенный после суда на двор, так горестно посмотрел на него, и он бежал, сломя голову, и упал в воротах ниц, горько рыдая.

– Мне надо идти... – вдруг неожиданно твёрдо сказал Елизар. – У меня дела, какие никак нельзя отложить.

– Можно я пойду с тобой?.. – напряглась Рахель.

– А вот этого не надо.

– Когда вернёшься, ищи нас здесь же.

– Спасибо. Мир вам. Я иду... – нахмурился Елизар.

Отойдя достаточно далеко и убедившись, что никто из учеников Иисуса уже не видит его, Елизар стал спрашивать у редких прохожих, как ему добраться до Голгофы. И все говорили, что уже почти весь город там, и пусть он держится за ними – они тоже спешат на Голгофу, откуда даже здесь, на Сионской горе, если прислушаться, можно услышать плач.

Был час третий.

За город толпу, в которой шёл и Елизар, сразу не пропустили. Храмовые стражники с мечами и кольями останавливали людей и досматривали: нет ли потаённого оружия или яда.

Остановили и Елизара. Сняли с него пояс, велели раздеться до хитона. Нашли два сребреника

кесарева и оставили себе. Елизар смолчал. Он с гордостью предчувствовал, что ему сейчас предстоит сделать нечто главное в своей жизни. И оно, это важное событие, с каждой минутой всё ближе и ближе.

Радость нарастала в нём.

Какой-то худощавый, болезненный мужчина, раз от раза пугливо проверявший пальцами своё правое ухо, словно на месте ли оно, резко ухватил Елизара за подбородок и усмехнулся ему в глаза:

– Стража! Я узнал его...

– Кто это, Малх?

Малх вновь судорожно прикоснулся к своему правому уху, на котором слегка розовел едва видный шрам.

– Он тоже был там, в Гефсиманском саду, вместе с Галилеянином. Ты был там в четверг в полночь?

Елизар вспомнил, как они тяжело спускались мимо Гефсиманского сада в Кедронское ущелье, как он слышал там чей-то голос и даже чей-то приглушённый хrap.

– Да, был, – ровно, твёрдо, почти радостно сказал Елизар.

– Так ты ученик Христа?! – нервно вскрикнул Малх и плюнул ему в лицо.

Елизар глубоко, счастливо вздохнул:

– Да, я ученик Христа. Я вспомнил!!! Это было как во сне...

«Тогда оставив Его, все бежали.

Один юноша, завернувшись по нагому телу в покрывало, следовал за ним; и воины схватили его. Но он, оставив покрывало, нагой убежал от них».

От Марка 14.50-51.

– Меч! – задористо вкрикнул Малх. – Ваш Агнец Божий не смог спасти себя от смерти на кресте, посмотрим, спасёт ли он сейчас тебя?!

Кто-то из воинов медленно протянул ему оружие.

Малх резко перехватил меч и с глухим стоном воткнул, проворачивая, под левый бок Елизара.

– Ну вот так будет лучше!.. – сказал с удовольствием Малх.

Люди вокруг отпрянули, дав Елизару беспрепятственно упасть на мостовую.

Ему в этот момент не было ни больно, ни страшно. Он вообще не испытывал ничего из того, что принято называть человеческими чувствами и переживаниями. И мыслей никаких не было. Было состояние близости к чему-то правильному, высокому, истинному.

Елизар вдруг отчётливо увидел какого-то склонившегося к нему незнакомого человека. Как он выглядит, было сейчас совсем не важно. Это был одновременно человек, и это был Свет.

«Истинно говорю тебе, ныне же будешь со Мною в раю...», – тихо сказал этот неизвестный ему Человек-Свет. Голос его был очень тих, но Елизар услышал.

– Иду, равви... – улыбнулся он.

– Смелее, мальчик!

... Как свидетельствуют Иустин Философ и Тертулиан, вскоре Понтий Пилат подробно донёс императору Тиберию о суде над Иисусом и его казни.

Тот был так поражён и восхищён ответами Христа своим мучителям перед казнью, что восторженно предложил Сенату включить его в пантеон римских богов.

Сенат не согласился, и Тиберий Юлий Цезарь Август ограничился приказом не преследовать христиан. Этот запрет долго не продержался – через несколько лет император был задушен Калигулой...

Проза

Александр Чумиков

Александр Чумиков – журналист и писатель, академический учёный и университетский профессор, альпинист и путешественник.

В художественно-документальной прозе дебютировал в 2008 году с мемуарной книгой «Записки Профессорала». В журнале «Берега» в 2016–2019 гг. опубликовал повести «Москва-400», «Кам-са-мол!», «90-е». Эта полижанровая трилогия вышла в 2020-м году отдельной книгой в издательстве «Питер». Повесть «90-е. Александр и другие» удостоена Национальной литературной премии «Серебряное перо Руси»

Непал

Винтажный роман

ЧАСТЬ I. JAI MANAKALI, AAYOO GURKHALI!*

Пролог

6100

...«В одной знакомой улице я помню старый дом...». Что ещё помню? Помню, как весной провозжал её на Курском вокзале, как мы спешили по платформе с её ивовой корзиной и свёртком красного одеяла в ремнях, бежали вдоль длинного поезда, уже готового к отходу, заглядывали в переполненные народом зелёные вагоны... Помню, как наконец она взобралась в сенцы одного из них, и мы говорили, прощались и целовали друг другу руки, как я обещал ей приехать через две недели в Серпухов... Больше ничего не помню. Ничего больше и не было...»

Что за чёрт? Что это, кто это? Зачем? Да-да, понимаю, это Иван Бунин, что-то из «Тёмных аллей». Мне когда-то нравилось, и я учил рассказ наизусть. А причём тут Бунин? Сейчас. В Непале. На Южной Аннапурне. На высоте шесть тысяч сто метров. Это сон? Но заснуть, полусидя на льду, на крошечной площадке, невозможно. Ноги сначала мёрзли, а теперь ничего не чувствуют. Вроде стало тепло. Вроде дрёма. Говорят, так и замерзают насмерть. А тут Бунин, у которого про горы и высоты что-то не припомню.

Да и вообще у него много странного: почему Иван Алексеич писал это в 1944-м году, вспоминая в разгар большой войны события тридцати-сорокалетней давности? А с другой стороны, что такого? Запомнил и вспоминал. Все вспоминают.

Но ему точно было тепло. А чего ж холодно! Герой рассказа – а, вот, назывался он «В одной знакомой улице» – приходил летом к девушке, к тому же они залезали под одеяло. А потом им и без одеяла становилось жарко. И я в палатке, случалось, спал с девушкой. Просто обнявшись для тепла, ничего такого. В одном спальном мешке. Или в двух состёгнутых спальнях мешках: девушка посередине, а мы с приятелем по краям. Но это был туризм, а сейчас совсем не туризм. И палатка есть, но в эту ночь мы её просто повесили на ледобуры, чтобы можно было сесть или прилечь не прямо на лёд, а как-то прикрываясь матерчатым домиком.

Что нужно делать, когда никак не уснуть? Можно считать. Ну и сколько будешь считать? Я досчитал до тысячи, и жутко надоело. Потому что если переждать ещё часа три-четыре, это до скольких надо считать? А-а-а. Лениво, холодно, неинтересно. Лучше продолжу вспоминать – и снова что-нибудь литературное. Вот Бунин неплохо вписался в бред. Минут тридцать занял.

«А помнишь, мы у «Звёздного» ловили такси, я в сотый раз опаздывал на Рижский вокзал...»

* Слава великой Кали, гурки идут!

Отлично! Это не Бунин, не тонкая литература – это шлягер Вити Третьякова: «Глаза печальные целовал», и всё такое. Что между ними общего? Ничего общего нет. Впрочем, есть – память. Тот вспоминает, и этот вспоминает, потому что память дана не только нобелевским лауреатам. Вокзал часто вспоминают. Наверное, потому, что уезжают часто именно с вокзала, так что ничего странного. У одного Курский вокзал, у другого Рижский... У меня недавно был аэровокзал «Шереметьево-2», в тот год почти все международные рейсы вылетали оттуда.

Луна ослепительно блестит. Лёд блестит. Архип Куинджи. «Лунная ночь». Чудесно! Но у него на картине ночь на Днепре, ночь для восторга, а сейчас не восторг, а подавленность; пусть бы лунной ночи и совсем не было, нестерпимо хочется скорого рассвета.

Опять мысли переключаются на холод. Теперь минус тридцать, а днём станет потеплей. Надо любимыми способами пытаться насовсем не замерзнуть. Ладно, вспомним не художественное, а что-нибудь околонаучное: как умные люди рассуждают о борьбе с холодом. Некие сильно грамотные, может, даже медики, писали-говорили, что надо усиленно шевелить пальцами, и тогда кровь к ним прильёт, обморожения не будет. Но ничего не получается: пытаешься двигать конечностями, но не чувствуешь, что пальцы сколько-нибудь активно себя ведут. Возможно, они шевелятся, но слишком вяло. Не-е-ет, доктора предложили мало связанные с реальностью пути.

Не к месту возник в памяти старый пронзительный фильм Михаила Ромма «Обыкновенный фашизм». Какие здесь, в Гималаях, фашисты?! Но если сопоставить с темой холода и нашими антиобледенительными упражнениями, то вполне к месту: в фильме есть документальные кадры о том, как немецких солдат тренируют перед вторжением в Россию: типа два прихлопа – три притопа, и согреешься в лютые русские морозы даже в тонкой шинелишке и кожаных сапогах. Хрен-наны они согрелись! Под одним Сталинградом многие десятки тысяч поумирали только от мороза, даром что уклонились от снарядов и пуль. А как же: плохо одеты, не кормлены. И это на равнине. На высоте куда хуже.

Правда, в горах с немцами получилось ровно наоборот: когда дивизия «Эдельвейс» пришла на Кавказ в 42-м, она комплектовалась из опытных и хорошо экипированных егерей. Вполне хорошо одетые солдаты закрепились на перевалах, поставили палатки на ровных площадках, с собой занесли бензин и примуса. А помёрзли как раз наши «ваньки», собранные в горы, в противоборство егерям, из русских деревень. Поскольку хоть и в валенках, и в полушубках, – а гор раньше не видали, опыт обустройства в таких условиях отсутствовал. Внизу русские солдатики рубили лес и разжигали костры. Но на высоте дров нет. Иные, вот как и я, дремали, бредили, но через силу двигались. А другие засыпали и не просыпались.

Теперь уже и Кавказ иллюзорно кажется не таким крутым, как здешние горы! А что? Вершины Эльбруса, где никто не ночует, – и то «всего» пять шестьсот с хвостиком. Хотя для замерзания этого более чем достаточно. Но тут шесть сто! И ещё не конец восходительного маршрута. Это Непал, детка, это Гималаи.

У нас есть баллоны с газом, есть горелка. Это здорово выручает, если палатку прилично поставить, и тогда она чуть-чуть прогревается внутри. Но в нашей «лежачей» палатке такое плохо получается. Да, старики-альпинисты рассказывали про снежные пещеры. Например, как рыли их, поднимаясь почти целый месяц на семитысячный пик Победы в Средней Азии. Это не сказки: вот вырыли люди пещеру в минус тридцать, как у нас теперь, забрались в неё, через час глядишь – минус пятнадцать. Примуса зажгли, надышали – ещё десяток градусов долой. Красота! Красота? Вы пробовали? Попробуйте просто посидеть в минус пятнадцать. Попробуйте посидеть под ветром или даже без него, подольше, хоть в ноль градусов, и вам всё станет понятно.

Но здесь ни нуля, ни минус пятнадцати: фирн, лёд, сил хватило лишь на то, чтобы вырубить кайлом – так мы называли ледорубы – «сидячие места». Ага, как в общем вагоне...

Да, вспоминать лучше не про холод на войне и в горах, лучше про поезд, вагон, полку с одеялом; лучше – Бунина и Третьякова. Но мозг решительно не хочет зацепиться за писателей и бардов, мозг возвращается к рассуждениям о холоде.

Горелку зажгли: палатку растянули спинами, сели в кучку, а горелку поставили в серединку. Покидали лёд в котелок, попили тёплой водички, развели в ней супчик, погрели чуть-чуть руки. И всё, потому что экономим газ.

А потеплее одеться? В специальную одежду? Мы что, не знали? Мы прекрасно знали! Поэтому

у нас суперботинки, суперперчатки и супермаски на лицах, чтобы ветер сразу не попадал в лёгкие и не застуживал их – а проникал потихоньку, через сеточку, пропитанную каким-нибудь ароматным и полезным эвкалиптом. И внизу действительно верилось, что в этот раз «суперское», особенно импортное, снаряжение поможет. В этот раз! Поскольку раньше оно почему-то не помогало. Руки и ноги от холода не спасёшь. И после среднего и вполне удачного высотного восхождения в минусовую температуру у тебя чернеют, а потом слезают ногти на ногах, а пальцы рук потом и в городской жизни зудят даже при небольшом холоде. Тело да, тело одежда согревает, но руки-ноги – нет.

Что делать, известно, хотя очень не хочется. Почему не хочется? А потому что! Творческое опять вспомнилось – чёрный юмор из песни про танкистов, которым «по танку вдарила болванка». Ощущения абсолютно понятные: «А жить так хочется, ребята, но вылезать уж мочи нет».

Делать махи! Махи ногами! Встать и махать! Сердце колотится, чуть не выскакивает, одышка, а ты махай! Продолжаешь не чувствовать пальцы? Плохо. Ну, присядь, отдохни, и опять махай! И песню напевай, альтернативную танкистской – про строителей, про пионеров: «Нет, мы лёгких путей не искали... Спой песню, как бывало, отрядный запеваля!...» Вставай давай.

Кровь вроде приливает. Теперь надо заполнить обратно в стоящую буквой «зю» палатку, достать из задубевшего рюкзака спальник и засунуть в него ноги, в ботинках, естественно. Сначала кажется, что выстуженный мешок не помогает, но это не так – помогает, сохраняет некоторую часть тепла.

Философское вспомнил! Мой друг Андрей – телевизионщик, путешественник, экстремал (далее в моих рассказах редкие будут не экстремалами...) ходил на оленях из Якутска к полюсу холода, Оймякону, что стоит на богатой вкуснейшей северной рыбой реке Индигирке. Известно, что здесь зафиксирован абсолютный на жилой Земле минимум температуры – около минус 70. Но и температура «обычной» зимой тоже ничего – ближе к минус 50. Так вот: Андрей с коллегой-оператором Мариной в сопровождении группы эвенов-аборигенов шёл к Оймякону на оленьих упряжках, по «свежему воздуху», поход занял десять дней.

Как одевались? В одежду и обувь с мехом, из оленьих шкур, и они не промерзали. Но было другое. Оператора Марину одели так плотно, что однажды по дороге она вывалилась из нарт и не смогла подняться. Барахталась на снегу, пытаюсь встать и выделывая при этом немислимые гимнастические упражнения. Пока заметили, что Марина выпала, проехали с полкилометра. Вернулись, конечно, подняли её на ноги и посадили в нарты. Зато тепло!

Проблемы с холодом у них появились вовсе не на маршруте. Андрей рассказывал, что экспедиция везла на нартах и сложенную в брикет большую палатку, и каркас для неё, и дровяную печку, и даже сами дрова. И когда остановились, проводник-эвен затопил в палатке печку, и наступил «ташкент». Сытые и согретые, московские телевизионщики в одном термобелье удовлетворённо залезли в спальники.

Но потом Андрей проснулся от холода: печка давно потухла, а истопник безмятежно спал прямо на снежном полу. Пытаюсь согреться, Андрей и Марина натянули на себя всё что можно и – прямо как я сейчас – стуча зубами, дожидались рассвета. И на вторую ночь так, и на третью. Заново разжечь печку, конечно, можно, но это долго и зябко, да и дров ограниченное количество. Вот тогда Андрей и дозрел до философского вывода: здесь надо не искать тепла, а привыкать к холоду... И книжку потом так назвал – «Тепло якутского холода». В книжке он не написал о том, что из тридцати экспедиционных оленей почти половина пали в дороге...

Я не понимаю, как можно привыкнуть к холоду. Но эвены-то привыкли. А с проводниками путешествовали двое маленьких детей-дошкольников. И ничего, «дрожжи не продавали», играли; спали безмятежно, похрапывая и посвистывая.

И опять дрёма, и опять накатило:

– И полутёмный незнакомый подъезд,
И полусонный опустевший вокзал –
Ты всё запомнишь в этот зимний отъезд
В Непал, в Непал, в Непал...

Ну, Олег Митяев вспомнился, это ближе к сегодняшнему дню, чем Бунин. Смешно, но мы с ним в холоде сталкивались, когда вместе ходили на Эльбрус. Но это не сравнить ни с Якутией, ни с тем, что сейчас. Да, начинаешь восхождение ночью, в минус. Да, тоже мерзнут ноги и руки, но переждать

надо всего несколько часов. Потом, когда подходишь к перемычке между вершинами Эльбруса – тут примерно пять тысяч метров, восходит солнце, и ты не просто согреваешься, а становится жарко и начинаешь постепенно раздеваться.

Вот ведь интересно: Олег тоже вспоминает вокзал. Но и Непал вспоминает. Был, что ли, здесь? Наверное, был. В другой песне про непальскую речку поёт: «Плыли мы с тобой по Марсианде». Ну, она Маржанди, или Марьянди вообще-то называется, ну, он так произносит. С планетой Марс, что ли, решил ассоциировать? Но речка живописная, и сплав по ней на рафтах классный. Поплавать бы на этих рафтах сейчас; бухнуться, пройдя пороги, в неспешную приятную воду, раскинуть руки и покачиваться – спасжилет не даст утонуть...

Что дальше-то будет? Ребята вон тоже мучаются: ни сон, ни бодрствование, не поймёшь что. Но парни упёртые: один – заслуженный мастер спорта по альпинизму, второй – международного класса, третий – просто мастер. Смешно, да: «просто мастер». Потому что вам не понять. И не представить, что «просто мастера» и не такое переживали, как говорится. А я не упёртый. Не блаженный. Не герой. Не мастер. Я обычный человек. Хотя попал в такой переплёт не случайно, конечно, и не в первый раз. И наплывает сквозь холод смешной анекдот: «Ну, хуже, чем в этот раз, быть не может», – думает пессимист. «Может-может, в следующий раз будет хуже!» – говорит оптимист. У нас этот «оптимистический» следующий раз наступил.

Скоротать надо время до рассвета и своё чего-нибудь вспомнить. Как у Бунина – то, что, как говорится, предшествовало. И что было после. А разве можно вспомнить то, что было после, а пока не случилось? На первый взгляд, нельзя. Но если «Алису в Зазеркалье» почитать, станет понятно, что можно...

Алиса спрашивает у Белой Королевы:

– ... Но ведь завтра когда-нибудь будет сегодня?

– Нет, никогда! Завтра никогда не бывает сегодня! Разве можно проснуться поутру и сказать: «Ну, вот, сейчас, наконец, завтра?»

– Ничего не понимаю, – протянула Алиса. – Всё это так запутано!

– Просто ты не привыкла жить в обратную сторону, – добродушно объяснила Королева. – Поначалу у всех немного кружится голова...

– В обратную сторону! – повторила Алиса в изумлении. – Никогда такого не слыхала!

– Одно хорошо, – продолжала Королева. – Помнишь при этом и прошлое, и будущее!

– У меня память не такая, – сказала Алиса. – Я не могу вспомнить то, что ещё не случилось.

– Значит, у тебя память неважная, – заявила Королева...

У меня память «важная». Она хочет верить, что «завтра не будет сегодня», что завтра будет гораздо лучше. А пока снег и лёд. Под луной они оживают: в снегу отчётливо видны мерцающие кристаллы, а лёд – пока темно, хоть и под луной, отликает зловещим серо-чёрным цветом. А впрочем, красиво. Смертельно красиво. Виден гребень, и там возле гребня начинает светлеть. Может быть, рассвет этим утром наступит раньше? Неадекватно ситуации улыбаюсь, глядя на пятерых ребят, которые устроились бугорками в покатоной палатке. Изредка они пошевеливаются, а из капюшонов выступает такой обнадеживающий парок. Значит, живы.

Я рисую винтажные картинки прошлого. И будущего.

ГЛАВА I

Морис

Можно ли попасть во Францию? Смешной вопрос! А почему же нельзя? Деньжат накопил, шенгенскую визу получил – и езжай. Ну да: отпечатки пальцев попросят сделать, может, даже собеседование во французском посольстве придётся пройти, но всё это мелочи жизни. В принципе без серьёзных сложностей. С маленькой оговоркой: «без особых проблем» – это если речь идёт про *сегодня*.

А если говорить про тридцать–сорок лет назад? Ну, батенька, тогда получится совсем другой разговор. Как изрекает одна моя подружка: «Париж? Сейчас каждый может. Но не тогда».

Да-а-а... «Увидеть Париж – и умереть». Мне жаль тех, кто умер до того, как познакомился с Па-

рижем. Но одновременно мне жаль и других, тех, чья юбилейная дата заканчивается в текущие годы на «дцать» или даже «ок», а ещё не на «сят». Почему? Потому, что и десять раз побывав во Франции или приравненной к ней стране, они не смогут испытать тех удивительных, острых, порой непредсказуемых ощущений, через которые в свои «дцать» прошли мы в 70-е. Не только в самой Франции. Но и на пути к ней.

Трудности – это тоже острые ощущения. Легко – значит, обыкновенно, а обыкновенного у каждого и своего полно. Иное дело преодолённые трудности, разрешённые проблемы – это эксклюзив, счастье, это кайф. Поэтому начнём с трудностей и проблем.

Кто же тебя, советского человека, пустит во Францию? Ну, если, конечно, имеются особые заслуги, то другой разговор. О каких заслугах идёт речь? Ну, скажем, ты участвовал во французском сопротивлении во время Второй Мировой, а теперь тебя приглашают боевые друзья. Что, не участвовал? Как жаль! Ах, да, мы послевоенные... Ладно! Можно заслуженного папу или дедушку сопровождать: помогаем, мол, ветеранам и заодно приобщаемся к международному братству! Но мало пап и дедушек с военной французской дружбой...

Другой вариант. Ты активный член коммунистической партии или комсомолец, и за эту активность съездил уже пару раз в страны социалистического лагеря. Теперь можно рассмотреть вопрос и про Францию.

Третий вариант, когда ты передовой рабочий или колхозник. Тут вообще без проблем: мурыжить не станут, да еще родной завод поездку оплатит.

Не исключаются и другие варианты, но уж больно они экзотические. Вдруг ты, скажем, космонавт, а?! Неправдоподобно? Погодите иронизировать, к вариантам с космонавтами мы ещё вернёмся.

Я проходил по смешанному варианту – почти как в фильме «Кавказская пленница»: студент, комсомолец, спортсмен. А ещё командир ударного стройотряда. И с выездным «стажем»: в целой Болгарии побывал. То есть вопрос «одобрям-с» теоретически должен быть решён. Он решился и практически: после собеседований на работе, затем в райкоме номер два (комсомольском) и, наконец, номер один (партийном).

Дошло и до инструктажа. В связи с этим событием как не обратиться к Владимиру Семёнычу Высоцкому? Он как раз в те годы чудесно рассекал по Франции и был, что называется, глубоко в курсе дела. Так что если песни про войну, очень талантливые, Высоцкий придумывал по чужим рассказам, то в «Инструкции перед поездкой за рубеж» излагал самую что ни на есть настоящую автобиографию образца 70-х – свою, мою, а также других участников нашей французской группы:

– Я вчера закончил ковку, и два плана залудил
И в загранкомандировку от завода угодил.
Копоть, сажу смыл под душем, съел холодного язя
И инструкцию прослушал, что там можно, что нельзя.

Там у них пока что лучше бытово.
Так, чтоб я не отчебучил не того,
Он мне дал прочесть брошюру, как наказ,
Чтоб не вздумал жить там сдуру, как у нас...

Будут с водкою дебаты, отвечай:
Нет, ребята-демократы, только чай.
От подарков их сурово отвернись,
Мол, у самих добра такого завались...

Буржуазная зараза там всюду ходит по пятам.
Опасайся пуще сглаза ты внебрачных связей там.
Там шпионки с крепким телом, ты их в дверь – они в окно.
Говори, что с этим делом мы покончили давно...

А потом всё накрылось медным тазом. Не у Высоцкого, а у меня. Наши советские регбисты из спортивного клуба «Фили»... Стоп! Какое отношение я имел к регбистам? Какая связь с моей по-

ездкой? Верно: никакого отношения и никакой связи. Но... регбисты где-то у кого-то кое-что судьбоносное выиграли. И лучшую часть команды в виде поощрения решили послать во Францию. А десяток тех, кто был согласован предварительно, вычеркнули. С извинениями, конечно. Временно, разумеется. В следующий раз поедете непременно, вы – в первых номерах. Ну, в целом, думаю, понятно.

В аналогичной ситуации и примерно в то же время оказался молодой, но уже замеченный и обласканный писатель, который фигурирует теперь под псевдонимом Жора Полуяков. И Жору, как и меня со товарищи, вычеркнули. Но потом... вернули на место! Каким образом? Да совершенно чудесным: заболел входивший в группу молодой герой-космонавт. Вот почему я выше вспомнил про космонавтов.

Догадываетесь, что дальше случилось со мной? Правильно догадываетесь. Заболел! Правда, не я. И не космонавт. Заболел регбист. Чтобы закрыть вакантную клеточку, меня вернули в списки. Потом всё происходило по типовому сценарию, который прекрасно описал впоследствии тот же Жора, так что просто воспроизвожу:

– ... Мы обмывали мою будущую поездку в Париж. Захорошев, друзья начали давать мне советы, суть которых сводилась к тому, что самое главное в групповом туризме – сразу разобраться, кто из органов, а кто собирается «соскочить», – и держаться подальше от обоих.

– А как узнать? – недоумевал я.

– Ничего сложного: увидишь – догадаешься...

Сколько раз я ездил в командировки, но никогда супруга моя не собирала меня в путь-дорогу. В этот раз всё было по-другому. Жена трижды ездила за консультацией к своей двоюродной сестре, вышедшей замуж за сантехника-международника. Я не шучу: в наших посольствах работают только свои, вплоть до дворника и посудомойки. Кроме того, супруга посвятила несколько часов обзваниванию тех наших знакомых, которые так или иначе имели дело с границей.

Обобщив все советы и рекомендации, она тщательно укомплектовала мой чемодан с таким расчётом, чтобы любую свою нужду или потребность вдали от родины я мог удовлетворить, не потратив ни сантима из тех трёхсот франков, каковые нам обещали выдать по прилёте в Париж. На случай продовольственных трудностей в чемодан были заложены несколько банок консервов, два батона сухой копчёной колбасы, три пачки галет, упаковка куринобульонных кубиков, растворимый кофе, чай, сахар, кипятильник, две бутылки – водка «Сибирская» и коньяк «Белый аист». Отдельно, в специальном свертке, таилась железная банка чёрной икры – на продажу. Имелся и небольшой тульский расписной электросамовар – для целенаправленного подарка...

Интересно описывал Полуяков и процедуру заполнения на вылете из СССР таможенных деклараций:

– Как вы думаете, – уловив мой взгляд, спросил товарищ по группе, – золотые зубы вписывать?

– Не надо. Вы же не в Бухенвальд едете! У моего друга платиновый клапан в сердце – он и то никогда не вписывает!..

Шутки-шутками, а одного регбиста на таможне тормознули: в таинственном мешочке, прикреплённом к шее под рубашкой, он вёз запрещённое – кучку монет разного достоинства, выпущенных к 50-летию Великой Октябрьской Социалистической революции. Дилемма возникла, конечно. Потому что регбист в крик: я советские ценности хотел пропагандировать! А ему: зачем же их прятать? И почему в декларацию не внесли? Неувязочка получилась, одним словом...

Как ходил в Нотр Дам, Лувр; как стоял в очереди на Эйфелеву башню, как гулял по Монмартру – это каждый расскажет. Очереди, конечно, не понравились. Вроде бы мы привыкли к ним в родном Советском Союзе, но нам по секрету сообщали, что во Франции очередей нет. Оказалось, очень даже есть. Не понравилась и прогулка на кораблике по Сене. Вообще-то не сама прогулка, а вот что. Усадили всех на кораблике в кресла плотными рядами: ни тебе по палубе прогуляться, ни в буфет какой сходить и освежиться красненьким для более взвешенного восприятия капиталистической французской действительности.

Впрочем, врать не буду: тезис «У самих добра такого завались» не срабатывал. Самые простые вещи вызвали внутренний и внешний вскрик: «Ну, надо же!». Скажем, каждому раздали наушники, из которых лилась русская речь с рассказом о том, что мы видели на берегу. Мы о таких наушниках слыхом не слыхали. Да и в целом происходящее казалось сказкой. В наше время сказка стала

былью, а во фразе «Какой русский не бывал в Париже» дистанция между шуткой и реальностью существенно сократилась. Поэтому опустим парижские восторги образца 70-х и перейдём к пока неочевидным, но главным для нашего повествования аспектам, для чего переместимся из Парижа во французский городок Шамони.

Не для альпинистов и горнолыжников, а для всех прочих людей скажу, что это Альпы. Отсюда ходят на высшую точку «их» Европы – гору Монблан высотой в четыре тысячи восемьсот метров. Об этом я к моменту первого посещения Франции слышал, но не более того. А тут представилась возможность если не взойти, то хотя бы посмотреть на культовую вершину. Слова «Гималаи», «Непал» я тоже слышал, но реже, а побывать даже и не мечтал.

И тут случилось нечто. Гид сказал, что у нас будет встреча с мэром Шамони, которого зовут Морис. Рэгбисты поинтересовались, занимается ли он, как они сами, лучшим в мире видом мужского спорта. Узнав, что Морис изъяснял себя в альпинизме, интерес к встрече потеряли. Но увидев накрытый мэром стол, – бутерброды с невиданной нами красивой ветчиной, сказочным ассорти из десятка сыров, румяными круассанами (от одного такого названия в 70-х у советских начиналась не «собственная гордость», а слюновыделение) – живо и позитивно отреагировали.

На столе стояло даже пиво! Никогда мы не пробовали такого пива! Да что говорить: и бутылок таких не выдвали, и этикеток. Я сразу посчитал – на нос приходилось бутылки по две. Успех встречи был предрешён.

Мэр Морис говорил о российско-французской дружбе, об уважении к государству рабочих и крестьян – СССР, о взаимодействии наших культур. Тем не менее мы напрялись, вспоминая контрпропагандистский инструктаж в Союзе и готовясь, если что, жёстко отстаивать нашу безоговорочную победу в 1812-м. И, при необходимости смягчая страсти, напомнить о «Нормандии-Неман» в следующей Отечественной войне. То есть да, была война французов с русскими, и нечего к нам соваться, поскольку «кто к нам с мечом...», и так далее. Но впоследствии воевали против общего врага вместе, потом (и сейчас!) мир-дружба. Однако Мориса, видно, не сильно занимали войны, он перешёл на совсем другую тему и рассказал сначала про видневшиеся из окон Альпы с Монбланом, а потом про Гималаи. Как был в Гималаях – в Непале и покори там что-то совсем невероятное. И что книжку об этом написал, и что вот-вот выйдет её русский перевод.

Обаятельный, симпатичный мэр выглядел по-французски молодо, хотя ему стукнуло под шестьдесят. Но... у Мориса почему-то недоставало пальцев на руках: кисти были, а пальцев почти нет – так, одни примыкающие к кистям фаланги. Что это? Может, воевал? Не спрашивать же...

Рэгбисты, допив пиво, к беседе вновь охладели. А я, напротив, возбудился. И в конце протокольной встречи спросил:

– А можно с Вами побеседовать про Гималаи и Непал?

Морис удивился и, по-моему, обрадовался такому вопросу.

– Да, – доброжелательно сказал он, – я сегодня работаю до 19 часов. Приходите в девятнадцать.

Тут я понял, кто в группе чекист. Если руководитель советского выездного коллектива только недоволен, но вполне открыто поморщился на мою просьбу, то представитель органов сжал губы, сверкнул взглядом и сразу же принял прежнюю улыбочивую мину.

Запрещать мне встречу чекист, ясное дело, постеснялся, ведь в стране победившего социализма права человека и прочие демократические нормы подняты на необычайную высоту. Так что вечером я спокойно направился в мэрию, что располагалась близко к отелю. Версия о чекисте, который раньше косил под рэгбиста, подтвердилась: он увязался за мной, мотивируя это тем, что очень, ну, о-о-очень интересуется Гималаями, Непалом, буддизмом-индуизмом и вообще всем, что с этим (с чем «этим»? – подумал я) связано.

Наблюдать за представителем компетентных органов оказалось интересно. С Морисом мы беседовали на английском – благо я закончил английскую спецшколу. Мэр иногда вставлял и французские фразы. А чекист сказал, что языков, к сожалению, не знает, захватил с собой переводчика и внимательно его слушал, Морису же одинаково улыбался на любое высказывание. В ходе встречи чекист «писал в блокнотик впечатлениям вдогонку». Я скопил глаз на блокнот и увидел, что записи велись на английском. И на французском. Школа!

Морис начал издали. Оговорюсь, что дальше я его рассказ буду излагать так, как слышал *тогда*. Зачем нужна такая оговорка? Затем, что, во-первых, многое изменилось в Непале и рукотворной ча-

сти Гималайского региона за столько лет. Во-вторых, впечатлениями Морис делился не как учёный, не как исследователь истории, этносов, религий, архитектуры, а как альпинист, главным для которого было восхождение. Остальное – так, беглые эмоции очевидца.

Я и слушал как начинающий альпинист и абсолютный профан во всех остальных перечисленных направлениях знаний. В дальнейшем, конечно, в моём интеллектуальном багаже, равно как в окружающей действительности, произошли неслабые изменения, но о них я расскажу позже, своим чередом.

В Непал команда Мориса попала через Индию, прилетев туда самолётом из Парижа. Страна Непал оказалась невеличкой даже по французским меркам. Для нас же, которые привыкли измерять величину территории и называть её большой или маленькой в зависимости от того, сколько Франций на ней уместится, и вовсе песчинкой по сравнению с СССР. Ну, чего там: шестьсот километров в длину, двести – в ширину. Впрочем, «песчинка» довольно твердая. По французским дорогам 600 километров можно проехать на «паркетном» автомобиле часов максимум за пять, по российским – смотря где, конечно, и смотря какие дороги – но в большинстве случаев в сутки можно уложиться. В Непале шесть сотен километров подряд проехать в принципе нельзя ни на чём. А сколько времени их нужно *преодолевать*? Ну, скажем так, долго. Или всегда...

Зачем Морис сотоварищи подались в Непал? Затем, чтобы взойти на гору высотой более восьми тысяч метров. Всего таких гор в мире четырнадцать, причём восемь из них расположены в этом самом Непале. К 1950-му году, когда планировалось восхождение Мориса, 22 экспедиции различных стран пытались победить восьмитысячники. И ни разу не победили, а горы людей ой-ой-ой как потрепали, иные в них и остались.

Район, куда вышла группа Мориса, был ими, конечно, спланирован заранее, но вот конкретная вершина – лишь приблизительно. Может, Дхаулагири, может, Аннапурна. В общем, пятого апреля вошли в Непал. Как погода? О ней любой альпинист будет рассказывать вам обязательно, долго, подробно и со знанием дела. Не стал исключением и Морис.

Непальская погода в апреле тёплая. Внизу. Аверху холодная. Начиная с пяти-шести тысяч метров лежит вечный снег и без солнца почти всегда минусовая температура, а зимой то же самое и на высотах пониже. Поэтому зимой на восхождения из-за холода почти не ходят. Но и лето считается неблагоприятным сезоном: тепло, но идут муссонные дожди. Проблема здесь не в водяных потоках, а в видимости, которая в горах летом становится почти нулевой, в воздухе висит влажное и жаркое марево.

На восьми тысячах метров ночью температура и летом опускается до минус сорока и ниже. Но, как и в случае с муссонами, где вода – не основная проблема, на больших высотах таковой является не столько холод, сколько кислородное голодание, гипоксия. То, что начинается около – на – выше восьми тысяч, называется «зоной смерти». С точки зрения медицины, средний человек сумеет прожить здесь три дня... Ураганный ветер, снег, мороз могут добить его значительно раньше.

Морис с командой теоретически знали всё это, но на себе пока не испытали. Да, за плечами имелся солидный опыт сложных альпийских восхождений. Но что Альпы? Они по высоте до пяти тысяч не дотягивают, отсюда ни о какой высотной акклиматизации и речи нет.

Почему для подхода к горе выбрали апрель? Потому что май – лучший месяц непосредственно для штурма серьёзных вершин. И ещё ранняя осень. Апрель же, или, скажем, сентябрь, предназначены для подходов.

Первым делом они наняли шерпов. В бытовом понимании шерп – носильщик. Но это не совсем верно: шерп, а точнее шерпа – национальность, коих в Непале десятки. Но именно эта сосредоточена в высокогорье, именно из неё формируется основная категория высотных (!) носильщиков (портеров), а также проводников (сирдаров), которые во многих случаях становятся и восходителями.

Сколько носильщиков нужно на среднюю группу восходителей – ну, скажем, человек в десять? Это зависит от задач. У Мориса с командой задачи ставились по-наполеоновски грандиозные, а исходная информация приближалась к нулю. И они наняли двести носильщиков. Весь экспедиционный груз разбили на примерно равные доли по одной маунд – около 36 килограммов на каждого портера. То есть в целом получилось более шести тонн. Что было в этих тоннах? А вы представьте себе, что взяли бы с собой в двухмесячное горное путешествие. Представили? Вот *всё* это в шести тоннах и наличествовало. Нести груз предстояло 250 километров по горным тропам. А потом вверх

и вверх без измерений километража в длину – на высотных восхождениях в метрах-километрах считается высота, а не протяжённость маршрута.

36 кг – это много или мало? Если вы попробуете пронести рюкзак такой тяжести – хороший рюкзак, с каркасом, ляжками и регулирующими ремешками – скажем, пару километров по ровному месту, то поймёте, что это *очень тяжело*. Шерп сложит ваши рюкзаки или другой груз в один свой бесформенный мешок или корзину, или свяжет их вместе и понесёт с одним крепежом в виде на-лобного ремня.

Но 36 кило или чуть меньше, чуть больше – вес для так называемого экспедиционного, практически элитного носильщика. А есть носильщики грузовые, которые тащат до ста килограммов. Брёвна, шкафы, кровати, консервы, живность, фрукты; да хоть кирпичи, хоть самого восходителя, что впоследствии и случилось...

Как экипировалась французская экспедиция? *Как положено*: тёплая и удобная одежда и обувь, консервированные продукты, снаряжение, медикаменты. Хотите узнать точнее – загляните в любой источник, описывающий специфику альпинистских экспедиций.

Интереснее рассказать об экипировке шерпов. Они снаряжались с точки зрения европейцев... как-нибудь. Пересекая непальские селения, Морис заметил, что люди ходят босиком. Лишь именитые жители носят обувь, что считается признаком состоятельности и даже шиком. Ботинки с незавязанной шнуровкой воспринимались как особый шик. Все шерпы на *обычном* маршруте также шли босиком. То есть босыми передвигались по *обычным* камням, *обычному* снегу и *обычному* льду. А необычность – это когда начинались высотные прохождения с холодом и техническими сложностями.

Сначала Морис подарил пару башмаков главному сирдару, и это сразу повысило престиж проводника среди портеров. Потом, чтобы ускорить движение, предусмотрительно запасённые ботинки дали и другим носильщикам. Но они берегли их и несли, перекинув через плечо, пока маршрут не усложнился. Некоторые носильщики иногда шагали в носках, шлепанцах...

Прошу Мориса поделиться впечатлениями о непальцах, которых они встречали, проходя через горные селения. Я тогда мало интересовался техникой восхождений, меня занимал Непал как таковой, люди и традиции страны – на это я и сориентировал прежнего восходителя и нынешнего мэра.

– Ладно, – говорит Морис, – расскажу о людях. Они сильно религиозны. Не очень разбираюсь в их многобожии, но знаю, что основные религии в Непале – индуизм и буддизм. Впрочем, в чём разница между ними, тоже не очень понимаю. Однажды мы попали на очень важный для индуистов религиозный праздник Кумбх-Мела – праздник кувшина, который отмечается каждые двенадцать лет. Садху (святой человек), окружённый толпой, читает священные тексты. Подозреваю, что простые крестьяне мало понимают в этих текстах. И более того. Там везде стоят флажки, буквально испещрённые такими текстами – мантрами. Я спросил: не крестьянина, не носильщика, а более грамотного непальца-сирдара, что означают эти надписи. Тот стеснительно улыбнулся и сказал, что не знает.

Праздник подразумевает обязательное омовение, поэтому, прослушав молитвы, многие верующие направлялись к реке Кали-Гандаки, которую называли священной. Некоторое время спустя, встретив вторую и третью подряд священную реку, я задумался, а есть ли в Непале *несвященные* реки, и вновь спросил об этом сирдара. Тот помолчал, а потом засмеялся.

Около реки мужчины и женщины раздевались – не догола, конечно; затем входили в воду и погружали в неё листья лотоса, которыми ударяли себя по лбу.

Тут и там установлены ряды металлических цилиндров с мантрами. Мы называли их мельницами. Шерпы обязательно вертели эти мельницы-барабаны, приобщаясь таким образом к не очень понятным нам таинствам.

Реальное таинство мы увидели, когда пришли в местечко Мухтинатх – святая святых не только для местных, а вообще для всех посвящённых. Здесь много паломников из других регионов и даже стран, во всяком случае, из Индии. Мы видим храм-пагоду, окружённый целебными источниками. Паломники купаются в них, звонят в колокола, жгут благовония, крутят молитвенные барабаны. Ручейки от источников стекают в горизонтальный канал, а он в свою очередь питает 108 тонких труб, украшенных головами драконов. Из этих труб можно набирать воду, пить её, омываться.

Нам говорят, что прямо тут и прямо на воде горит вечный огонь Мы сомневаемся, но охраняющие храм девушки приподнимают камень и показывают отверстия, откуда и впрямь мерцает голубой огонёк. Уверяют, что его зажжёт сам Будда, и теперь огонь горит всегда. Если прислушаться, там слышно журчание подземной реки. Поэтому Мухтинатх и считается святым, мол, это – единственное место на земле, где присутствуют одновременно пять стихий – Земля, Вода, Огонь, Воздух и Эфир...

Я спросил у Мориса, как он относится к такому волшебству.

– Ну, не знаю. Может быть, природный газ...

В 70-е я не сильно разбирался в религиозных таинствах, но слышал, что в Библии написано про Благодатный огонь, сходящий на Гроб Господень в канун Пасхи. В Великую субботу посмотреть на него в Иерусалиме может каждый желающий – достаточно прийти на площадь перед храмом Воскресения. Откуда берётся этот огонь? Сходит, и всё! Внятных научных объяснений по поводу этого явления я не встречал.

– Морис, а вы слышали про Благодатный огонь в Иерусалиме?

– Да, слышал.

После этого он произнёс какую-то фразу, которую ни я, ни переводчик прямо истолковать не смогли. В итоге переложили на русский язык примерно так: «Я не по этому делу». Человек из компетентных органов скептически улыбнулся. Видимо, он был «по этому делу» и понимал больше.

Беседа продолжалась.

– А как непальцы вообще живут?

– Не скажу за весь Непал. В больших городах – Катманду, Покхаре есть, конечно, сравнительно богатые дома. Они похожи на крепости и окружены стенами-заборами. В горных селениях таких домов мало или нет совсем. В большинстве случаев жилища представляют собой низкие лачуги, передняя часть которых просто-напросто открыта для всеобщего обозрения. Там чаще всего расположены кустарные мастерские. Обрабатывают шерсть яков и овец, прядут её, выделывают ткани; нанизывают какие-то бусы. Причем занимаются этим, главным образом, мужчины.

Взрослые непальцы скромно, приветливо и почтительно нам улыбаются. Субу (глава поселения) выходит обычно навстречу и не выражает ни малейшего удивления, хотя, возможно, видит белых людей впервые. Сведущие коллеги объясняют, что Будда учил сохранять невозмутимый вид при самых необычных обстоятельствах.

Более раскованно ведут себя ребяташки. Они ещё не научились быть сдержанными и выбегают откуда ни возьмись, тщательно рассматривая нас. В принципе и большие, и маленькие не могут понять, что мы пришли с другой стороны огромного горного хребта – видимо, они вообще не подозревают о существовании другой стороны. Впрочем, о людях, не похожих на непальцев, местные жители слышали. Это не удивительно: часть мужчин составляют гурки – непальцы, которые служили в британской армии, главным образом в её индийской части.

Показывают на нас пальцами и спрашивают:

– Американцы?

– Нет, французы.

– А-а-а... Кто такие французы?

– Ну, есть американцы, есть англичане, но мы французы.

Все утвердительно кивают головами:

– Теперь понятно: вы – американцы!

Я сдаюсь: пусть будут американцы.

Что они едят? Рис в первую очередь. Изготавливают также цампу – муку из зёрен ячменя. Из муки варят кашу с добавлением молока или масла яка, тибетского чая или простой воды. Из цампы в казане или на разогретом листе железа пекут хлебные лепёшки – чапати. По улицам бегают куры. При нас шерпы вместе с жителями ходили на охоту и убили трёх животных, которых называли тхарами. На нашем языке это сероу – большая коза...

Девушки колотят палками по белью, разложенному на камнях. Это стирка. Что касается глажения, то оно здесь, видимо, без надобности. Женщины, даже маленькие девочки, носят украшения: в ушах, ноздрях, на лбу, на шее, на запястьях. Они смеются, когда видят, как мы чистим зубы и бреемся.

При попытке сфотографировать девочек они поднимают визг. Но мы выходим из положения: достаём из сумки и даём понюхать флакон с одеколоном, а потом брызгаем парфюмом на одну из

девочек. Ее восхищение граничит с экстазом. Духи в этих краях пользуются особой популярностью, как и любые благовония.

Непальцы хитры своей простодушной хитростью. Так, часть груза мы везём на лошадях. Лошади устали, у некоторых появились потёртости, и мы просим у субы лошадей заменить. Он соглашается, и вскоре приводит новых лошадей. Но они ещё хуже наших! Мы бракуем их и просим тоже поменять – в конце концов всё это не бесплатно. Суба опять соглашается, и буквально через несколько минут с торжествующей улыбкой приводит другую смену «хороших» лошадей. Но это те же лошади! Спорить бесполезно. Это Восток!

Но снова прошу понять: мы не совершали этнографическую экспедицию – мы намеревались покорить восьмитысячную вершину. Отсюда я плохой рассказчик про историю, религию и этносы. Давайте я продолжу про альпинизм.

После ряда разведок мы отбросили вариант с Дхаулагири и остановились на Аннапурне. У нас была карта с обозначением перевала Тиличо, откуда вроде бы можно увидеть Аннапурну. Но про перевал никто не слышал, про вершину – тоже. Единственная дорога, известная местным жителям – тропа паломников в Мухтинатх... Перевал мы нашли. Мы увидели озеро Тиличо.

В Непале несколько больших и красивых озёр. Например, озеро Фева, на котором стоит довольно большой город Покхара, – тёплое, уютное, в нём много рыбы. Можно наблюдать, как она плещется, а можно заказать эту прекрасную пресноводную рыбу на обед или ужин. Но Тиличо – иное пространство: это озеро расположено на высоте около пяти тысяч метров, и никакой рыбы, и вообще ничего, кроме скал, снега, льда здесь нет. Но озеро чрезвычайно красиво; в зависимости от освещения, времени суток оно меняет свои цвета: то серое, то зелёное, то голубое.

Поднявшись на перевал, мы увидели семитысячники Гангапурна и Чонгор. Вскоре показалась гора в виде огромной широкой белой глыбы. Это точно восьмитысячная Аннапурна...

Морис подобрался и задумался.

– Вы знаете, дальше начинается совсем другая история. Мне больше нечего добавить про культуру, обычаи, особенности страны, которые вас вроде бы интересуют – разве что мы вернёмся к этому потом, если мне удастся рассказать, а вам дослушать всю историю до конца. Вот вы смотрите на мои руки и видите, что на них почти нет пальцев. Если я сниму ботинки, вы поймете, что пальцев нет и на ногах. Вы думаете, я родился без пальцев? Нет, я родился с пальцами. Дальше надо было бы поведать о том, как я их потерял. Нужно ли вам это?

ГЛАВА II

Два Володи

Я любил походы и турслеты. Сначала по лесам Московской области. Потом по Кавказу. По Тянь-Шаню. По Алтаю. Палатки, спальники, жестяные банки с тушёнкой, «живая» картошка, буханки хлеба, примуса, бензин. Рюкзак конструкции знаменитого в прошлом горвосходителя Виталия Абалакова. Туристская романтика.

Вот с рюкзака всё и началось. На походной тропе мы случайно пересеклись с отрядом альпинистов. Рюкзаки у них были принципиально другие: с множеством регулирующих лямок, в форме правильного овала, без всяких болтающихся снаружи предметов. Вместо облезлых тёмно-зелёных штормовок на «бойцах» привлекательно смотрелись лёгкие, ярких цветов куртки-анораки. В руках почему-то они держали лыжные палки, хотя на дворе стояло лето. Сели вместе передохнуть.

Один из альпинистов – назовём его Володя-старший – сказал:

– Вот ты, вижу, здоровый парень, а занимаешься всякой мутатой. Что это за рюкзак у тебя времён русско-турецкой войны? Стыдобень! А одежда? А снаряга?

– Ну, как, – отвечаю, – рюкзак заслуженный, «абалаковский», и штормовка – неременный атрибут туристской жизни. Про альпинистов братьев Абалаковых слышали, наверно?

– Сынок! С Абалаковым общался вот как сейчас с тобой. Не только слышал, но и ходил. А ты: «слышал ли»... Рюкзак он изобрёл, да, но произошло это очень давно. И песню «Люди идут по свету» знаю и люблю. Но рюкзаки старинные, о двух ляжках, не выношу. И штормовки тоже. Какие теперь штормовки, когда нормальное снаряжение есть?! Ты думай, что несёшь:

Абалакова в туристы записал! Знаешь, что слово «турист» у серьезных людей означает почти ругательство? Вот видишь человека на тропе: рюкзак прямо как... подушка, если поласковее выражаться; котелок закоптелый по жопе стучит. Это турист! Порнография! Не зря вас называют зелеными чудовищами.

– И что ж теперь?

– Если сделаешь правильные выводы по жизни, то всё сложится нормально. Езжай-ка ты в альплагерь, начнёшь реальную спортивную карьеру...

Вот так я и прибил к серьезным людям. Володя-то старший, как выяснилось, был мастером спорта международного класса по альпинизму и одним из лидеров спартаковской альпинисткой команды. И вскоре после несложных с бюрократической точки зрения процедур и, напротив, непростых спортивных зачётов я оказался рядом с ним на Западном Кавказе, в альплагере Узункол. Лагерь культовый, прославленный в песнях и стихах. «Альпинизм – школа мужества», – написано на лагерном плакате. «Туризм – школа замужества», – добавляли от себя шутники.

«Рядом с серьезными людьми» – это сказано, надо признаться, слишком громко. Как может турист-второразрядник встать рядом с альпинистом – международным мастером? Никак! Наблюдать за мастерами, – мы, храбрысь, иронично называли их «великими», но они и вправду были великими, – считалось уже за счастье. Если же удавалось рядом посидеть, да послушать песни-разговоры, так это вообще рассказываешь потом годами. А послушать было что, поскольку рядом с Володей-старшим обычно находился его друг Юра.

В альпинизме Юра ушёл от меня недалеко: он заработал второй разряд и выше не поднялся. Однако рядом с мастерами Юра присутствовал постоянно и полноправно. Как так получилось? Ну, если бы вы снялись в фильме «Семнадцать мгновений весны» в запомнившейся всей стране роли, да написали сотню песен, то и вам бы железно досталось место в ближнем кругу великих.

Тут, конечно, встаёт другой вопрос: великие «ходили», то есть делали сложные скальные и ледовые восхождения, непосильные для второразрядника Юры. Так что ж! Иные симпатичные особы женского пола становились даже мастерами спорта рядом с великими, карабкаясь вторым-третьим-четвёртым номером по провешенной ими, с трудностями и риском, верёвке и (или) разделяя, так сказать, ложе на предвершинном бивуаке.

Юра ничего такого не разделял: это с ним великие разделяли песни и обаяние. Юра и сам ходил на простые маршруты, а на сложные сопровождал великих до штурмового лагеря. И встречал после победы над вершиной, писал новые песни, и пел старые, и пировали они как следует все вместе. А уж когда спускались в лагерь, песни и звон посуды гремели порой всю ночь. Как же после этого идти на следующую вершину? Да без проблем: после восхождения полагается день отдыха, и очередной штурм происходит уже на свежую печень и голову.

«Наблюдать», сидя поблизости, за великим альпинистом Володей-старшим и великим артистом-бардом Юрой, пусть не чокаясь и не братаясь, считалось почетным. Во-первых, потому что сам я, как большинство моих товарищей по альплагерю, пока не дотягивал до великих, к тому же были они лет на двадцать постарше. Но вот по части бухла...

Пить и курить в лагере категорически запрещалось. Неположенные поступки преследовались и карались отчислением из отряда. Так не светись! К тому же запрет на курение носил скорее символический характер: нас окружали деревья и кустарники, высокая трава, ручьи, скалы, так что было куда слинять буквально за пять минут и позатыгиваться властью. Что же касается выпивки, то дело обстояло несколько сложнее. Расстояние от «Узункола», стоявшего на высоте два двести, до ближайшего селения Хурзук с магазинами, где продавалось спиртное, составляло ни много ни мало восемнадцать километров, да ещё с перепадом высот метров в восемьсот. То есть вниз-то сбегать для спортивной молодёжи не являлось проблемой, а вот переться обратно... Но, представьте себе, пёрлись! И вниз действительно бежали бегом: а что, молодому альпинистскому «коню» восемнадцать вёрст нипочем! Затаримся в ауле каким-нибудь местным дешёвым портвейном, дёрнем по стакану и не торопясь шагаем обратно. Часа за четыре с половиной в оба конца укладывались – чем не тренировка выносливости?!

А потом и вообще произошло чудо: в лагере появился начинающий деревенский доктор Валера. Он тоже пришёл снизу, из Хурзука, с рюкзаком за плечами и с крайне неудобной для переноски большой хозяйственной сумкой в руках. В ней, переложённые одеждой, содержались семь

бутылок чистого медицинского спирта. Великие от угощения не отказались, а мы и приблизились к ним, во всяком случае на время распития, и были избавлены от необходимости совершать регулярные почти марафонские забеги: разведем ввечеру спиртюган с каким-нибудь соком, послушаем или потравим в своем кругу истории про подвиги великих, заодно привирая про подвиги свои, – и спать.

Своим чередом шла жизнь в лагере: у нас тренировки, лёгкие восхождения; у великих – выходы покруче.

Однажды когорта великих пополнилась Володей-младшим. По возрасту он был всего на пару лет старше меня, а вот по опыту оторвался очень далеко. Мало того, что мастер спорта, он и уважение среди великих имел весьма приличное. Впрочем, альпинистская «молодость» долгая: покоря серьёзные вершины в двадцать пять, многие делают то же самое и в сорок, и в пятьдесят-шестьдесят: такой вот специфичный спорт, любящий, конечно, ловких и быстрых, но ещё больше волевых и опытных.

Если Володя-старший был высок, строен, с чернявым зачёсом на лбу, – про таких говорят «казак» и «красавЕц», – то Володя-младший выглядел совсем по-другому: приземистый, рыжеватый, кучерявый, с примесью каких-то поволжских народностей во внешности. Володя-старший смешлив, говорлив, задорен; Володя-младший серьёзен, немногословен и слишком спокоен. В общем, почти как у Александра Сергеевича: «Волна и камень, стихи и проза, лёд и пламень». Но вот по части спортивной «старый конь» и «молодой олень» не уступали друг другу. Кто «великие», а кто «новички»; кто «инструкторы», а кто «участники», но жили мы в лагере одной жизнью, скорее совместной, чем обособленной. И всё происходящее в этой жизни воспринимали с интересом и близко к сердцу.

Пришло время, и мы ближе познакомились и разговорились с Володей-младшим. В лагере чаще всего мы чаёвничали, а на выходах – так и всегда. Наберём в ручье воду, закипятим на примусе в кастрюле или котелке, нальём в трехлитровую банку, насыплем туда растущего буквально под ногами чабреца, добавим чёрного чая и балагурим. Чай пили с сахаром, а ещё лучше, когда кто-то доставал банку варенья или сгущёнки: работающий организм требовал калорий и с удовольствием принимал и сладкое, и жирное, и мучное, а диеты не приветствовал.

Где чай – там и разговор. О чём? О восхождениях, разумеется; в целом правдиво, но с разными оттенками. Рядом с Володей-старшим обязательно сидела какая-нибудь молодая участница отряда, которую он в свободное от работы на маршруте время не гнушался опекать, и рассказ Володи приобретал обязательный характер подвига. Володя-младший женским полом интересовался мало, и подвигами особо не хвастался, а стремился разбирать всякие проблемные ситуации в горах.

Про него самого я узнал, что Володя-младший окончил физтех, где, как и многие, услышал про институтскую альпсекцию, в ней и начал путь восходителя. Быстро получил значок «Альпинист СССР» – это по тем временам соответствовало вступлению в пионеры в обычной жизни. Кто получает значок «Альпинист СССР»? Кто приезжает в альплагерь, тот и получает. «Рискуя жизнью» в процессе отработки приёмов горной страховки между... сосновыми деревьями. Многие в лагерь больше не попадают никогда в жизни, но про «риски» и «суровые» восхождения рассказывают.

Володя приехал снова и снова. Вскоре стал третьеразрядником, что, если уж рассуждать в выбранной советской логике, приравнивалось к рядовому комсомольцу. В силу чрезвычайной талантливости, которая выражалась в первую очередь в виртуозном лазании по скалам, а во вторую – в выносливости, всего через четыре года после третьего разряда заработал звания «Мастера спорта СССР» и чемпиона Союза, что в переводе на идеологический язык следовало квалифицировать как активный и статусный деятель коммунистической партии. Было в это время «деятелю» двадцать пять лет, работал он – а тогда нельзя было не работать – в ракетной организации «Энергия»; чем там занимался, я не очень понимал, но, видимо, приносил инженерную пользу.

Склонностей к лирическому философствованию вокруг альпинизма у Володи-младшего не наблюдалось. На проникновенные вопросы вроде «Как ты себя нашёл в горах?» или «Какой смысл ты вкладываешь в альпинизм?» он отвечал примерно так: «Мне это нравится, это моё, это мне нужно». А про смыслы и того проще: «Нет здесь никакого смысла!».

Августовским днём великие собрались на очередное, столь же великое, восхождение. Речь шла о стенном маршруте на вершину Трапедия. Не углубляясь особо в горовосходительную специфику, немножко всё же поясню. На бытовом уровне принято считать, что альпинизм – это когда высоко. И самые распространённые вопросы, которые задаются несведущей персоной любому альпинисту – это «Был ли ты на Эвересте?» или, в крайнем случае, «Восходил ли на Эльбрус?». Но дело в том, что Эльбрус с двумя куполами в пять тысяч шестьсот с лишним метров, даже будучи самой высокой вершиной на Кавказе и в Европе, к числу высотных, а также трудных вершин не относится. Однако стоящие рядом с ним пяти-, четырёх и даже трёхтысячные вершины вполне могут считаться трудными, но вовсе не из-за высоты. Скальной стены протяжённостью в несколько сот метров и углом наклона в пятьдесят и более градусов вполне хватит для того, чтобы восходителю с гордостью сказать: «Я ходил – на Кавказе или в Гималаях – такую-то стену», а понимающим слушателям отреагировать: «Ух ты!». Это так называемый технический альпинизм, основанный на умении преодолевать, не срываясь, сложные скальные рельефы, используя любые естественные выступы, а где их нет – крючья и закладки.

Неискушённый читатель может спросить и про лёд. Отвечу, что на льду тоже нелегко, но уютнее, чем на скалах, и вот почему: ледовые крючья – ледобуры, которые вворачиваются в лёд как шуруп в дерево, держат значительно надёжнее и более прогнозируемо, чем скальные. Кроме того, на льду используются «кошки» для ног и «айс-фифи» – своеобразные «серпы» с рукоятками – для рук, что обеспечивает дополнительную надёжность.

То и другое применяется и выше пяти тысяч метров, и даже на Эвересте, но там к техническим трудностям приплюсовываются высотные. Восхождение на семи- и восьмитысячники считается высотным альпинизмом и предполагает обязательную акклиматизацию и работу на рельефе в условиях недостатка кислорода. Отсюда это вершины повышенной, а порой и запредельной трудности.

Относительно вопроса про восхождение на Эверест. Такой вопрос, когда задаётся дилетантом даже среднему по уровню подготовки альпинисту, нужно признать и вовсе дурацким, поскольку в «зоне смерти» организм при любой акклиматизации способен продержаться лишь считанные дни, а потом затухает и умирает.

Но вернёмся к кавказскому альплагерю Узункол, августу и вершине Трапедия. По высоте она не дотягивает и до четырёх тысяч метров, а взойти на вершину можно по гребню – это квалифицируется как несложный маршрут. Но группа, о которой я рассказываю, пошла в лоб, на стену, на те самые несколько сот метров суперсложного рельефа. У многих альпинистов «горел глаз» на эту стену. Её редко делали раньше только по одной причине: стена «била» камнями, да так, что камнепады «простреливали» весь маршрут и уходили на прилегающий ледник.

Вышли к Трапедии впятером. Юра сопровождал пятёрку до штурмового лагеря, который разбили на ледниковой морене, и как-то особенно беспокоился, приговаривая: «Вы, мужики, с ума сошли!». Потом вернулся в Узункол, а группа восходителей весь следующий день наблюдала ситуацию на стене, ещё день обрабатывала её, забивая крючья и провешивая верёвки, на третий же день пошла на штурм. Начали затемно, когда текущие на горе ручьи замёрзшие, а камни, соответственно, вмерзают в них. С восходом солнца началось постепенное таяние, мелкие камешки сперва тихо покатались, потом стали набирать скорость и застучали поактивнее; затем появились булыжники покрупнее, от которых приходилось уворачиваться; и, наконец, полетели огромные «чемоданы» – их движение, падение, расколы напоминали разрывы мин или снарядов.

Самый сильный «обстрел» разгорелся к середине дня, но группа, счастливо не побитая и даже не задетая камнями, прошла опасную стену и поднялась на гребень Трапедии. Здесь началась непогода, наступала грозная облачность, всё затянуло туманом, и видимость исчезла. В таких условиях даже самые сильные альпинисты не ходят, а переживают погодные катаклизмы. Так и сделали: поставили палатку – тесную для пяти человек, но брали-то её на всякий случай, и вот такой случай настал. Вскипятили на примусе чай и прилегли, залезли в спальные мешки, не раздеваясь, чтобы, как только развиднеется и откроется ледник, сразу спускаться вниз. Вышли по радиации на вечернюю связь и сказали, что всё в порядке, что стену прошли, но не спускаемся пока, а переживаем непогоду. Приняли поздравления с победой, мало-помалу погрузились в сон...

Володя старший проснулся от странного и крайне дискомфортного ощущения, что в палатку проник кто-то посторонний. Высунул голову из спального мешка и замер. На высоте около метра от пола плыл ярко-жёлтый шар величиной с теннисный мяч, который вдруг зажил своей жизнью. Шар подлетел и исчез в спальном мешке Олега, одного из восходителей. Раздался дикий крик, после которого Олег затих, а «мяч» выскочил из мешка и начал «ходить» по остальным.

Когда шар прожёт и мешок Володи-старшего, альпинист почувствовал адскую боль, словно его пытали сварочным аппаратом, и потерял сознание. Потом сознание то возвращалось, то уходило, и ни он, ни другие ребята не понимали, что и сколько времени происходит. Очевидным было лишь то, что шаровая молния – стало понятно, что это именно она, соблюдая только ей известную очерёдность, проникала в мешки, и каждое такое посещение вызывало отчаянную, нечеловеческую боль и вопль как реакцию на неё. Этот ужас повторился несколько раз.

Потом шар исчез. Люди не могли пошевелить ни рукой, ни ногой, тела превратились в очаги огня. Но оказалось, что участника группы Виктора молния зацепила всего раз, в пятку, и он мог двигаться. Виктор вышел по радиации, – странно, но она осталась невредимой, – на связь с лагерем, обрисовал ситуацию и запросил спасательный отряд. Появилась надежда, и ребята, в полуобморочном состоянии, поочерёдно приходя в сознание и уходя из него, стали ждать.

Как потом выяснилось, Володя-старший получил восемь контактов с шаровой молнией, Володя-младший и Саша – последний из участников восхождения, которого я ещё не упомянул, по шесть. При этом у Саши здорово обожгло ниже пояса. И вот ведь мужики! Забыв про всё остальное, Саша вслух переживал именно за «мужскую силу». «Юмористические» воспоминания пришли гораздо позже. А тогда... У Володи-младшего обгорели пространства выше левого глаза и на пятой точке. Олег получил три касания молнией, а касание в солнечное сплетение стало роковым: Олег умер. Лишь один Виктор отделался единственным не сильным ожогом, он стоял на ногах и помогал раненым.

Ожоги были... как и описать-то: куски мышц, вырванные до костей, зрелище не для слабонервных. Когда подтянулся спасотряд, доктор бегло осмотрел раны и предложил обработать их спиртом. Все трое тяжёлых были в отключке, но как только ватка дотронулась до Володи-старшего, он очнулся и заорал: «Давай нам по сто грамм спирта внутрь, а потом сделай обезболивающие уколы». Так и поступили. Володя-младший не реагировал ни на какие прикосновения; челюсть, чтобы влить спирт, ему пришлось открывать буквально ножом.

Спасатели принесли акьи – это такие сборные алюминиевые носилки для переноски раненых и погибших по горам. На ледовом рельефе их можно везти по льду, на скальном – спускать на верёвках, прикрепляя карабинами за специальные дырки. В эти же дырки те, кто несли раненого, цепляли репшнуры, а их уже – себе на плечо. При наличии достаточного числа людей одна смена на одной акье составляла шесть человек; когда людей не хватало – четыре. Меньшее число в принципе не представлялось возможным. Это я к тому, что иногда в фильмах мы видим, как некий герой берёт пострадавшего в горах человека на руки и несёт его. Ну да, как невесту. Понесёшь, как же!

Юра пришёл со спасателями. Когда Володя-старший приоткрыл глаза, Юра спросил: «Как дела, капитан?!». – «Нормально», – ответил тот и опять потерял сознание.

Много трагического в альпинизме. И много мистического. И всё связано между собой. Абсолютно точно известно, что в ночь с шаровой молнией Юра «телепатил», а если выражаться точнее, то сидел в узункольском домике, пил чай и сочинял песню. На вопрос, какую песню сочиняют и поют в таких случаях, он однажды ответил в другой песне:

«... А что ты там шепчешь?
Я песню твержу...
Ту самую песню?
Какую ж ещё...
Ту самую песню, про слёзы со щёк...»

«Ту самую песню», написанную тем самым августом, знают все прошедшие Узункол:

– Свечка темно горит,
 Дождь за окном стучит,
 Лето – сплошной обман,
 В соснах висит туман.
 Непогода в горах, непогода,
 В эту смену с погодой прокол,
 Будто плачет о ком-то природа
 В нашем лагере Узункол.
 Нам-то что? Мы в тепле и в уюте
 И весь вечер гоняем чай,
 Лишь бы те, кто сейчас на маршруте,
 Завтра в лагерь спуститься б смогли...

Это были те самые горы. Та самая непогода. Тот самый Узункол. А вот пожелание они не выполнили, спуститься – так вышло – не смогли. Сами не смогли. По гребню, по леднику, по скалам, по травянистым склонам их несли в лагерь. Мы, здоровые, толкались возле домика-медпункта, то и дело задавая глупый вопрос: «Ну, как?»

Когда происходили перевязки, из домика неслись крики, преимущественно матюки. Когда перевязки заканчивались, нас пускали к раненым: хотя бы для того, чтобы их немножко отвлечь от постоянных болей. И вскоре я уже общался с Володями, старшим и младшим. Они очень переживали, но вот о чём переживали, вы вряд ли догадаетесь. Воспроизведу кратко их реакции на происходящее; причём не столько на случившееся, сколько на спортивную перспективу.

Володя-старший:

– Ожоги? Ну да, ожоги! Из-за них, блин, я на первенство Союза пролетаю! Заживут ожоги! Я всё равно ходить буду! Но первенство Союза точно накрылось голубой панамой!

Володя младший:

– Жалко, конечно. Сейчас набирают команду в Непал, на Эверест. На первое в истории советское восхождение. Я имел все шансы войти в команду. А теперь вот точно не войду: пока я тут валяюсь, утверждают списки, и пиши пропало...

Он не фантазировал насчет Эвереста. Годом раньше Володя был заявлен в основной состав на первенство СССР по альпинизму, а это значит, что его высоко оценили и как мастера, и как руководителя для любого альпинистского восхождения.

Несколько дней мужики пролежали в лагере: ждали вертолёт, чтобы избежать путевых страданий при езде по горным дорогам. Но погода лететь не позволяла, и решили всё же везти раненых грузовиком в Пятигорск. Несколько дней они провели в городской больнице, а потом полетели в Москву. На этом «молниеносная» эпопея далеко не закончилась; скорее, она только началась. Каких только обожжённых людей не возвращали к жизни и более-менее нормальной внешности в ожоговом центре, но таких, как наших, здесь раньше точно не встречали.

Перевязки, пересадки кожи, уколы, стоны, отвратный запах; всё болит, не повернуться. Самая трудная процедура – туалет, каждый раз мучительный. Раз пришёл журналист раскрутить Володю старшего на интервью, а он спит в полуобморочном состоянии. Врач говорит журналисту: «Какое интервью! Он, может, уже не жилец...». А Володя очнулся и отвечает: «... вам не жилец! Через год вы меня совсем в другой форме увидите, на восхождениях!»

Не особо в это верилось, и сомневаться было в чём. Сначала ждали отторжения у Володей мёртвой кожи. Затем Володе-старшему запланировали восемь операций: со здоровых участков тела брали кожу и приживляли на обожжённые места. Да не просто «брали»: слой живой кожи требовалось снимать без нарушения волосяного покрова. И тут возникла совсем иная проблема. У Володи-старшего кожа смуглая, волос прямой, и операции проходили удачно, если в этой ситуации вообще можно так выразиться. Володя-младший – рыжий, курчавый, ему запланировали шесть операций, а сделали двенадцать! Почему? Потому что сложнее идут пересадки у рыжих и курчавых: приживляют кожу, а она не хочет...

Кололи наркотики, иначе бы они не выжили; каждый укол выдавался под роспись врача в специальной ведомости. Володя старший опять за своё: «Чего добро переводите, налейте лучше коньячку». Заведующая отделением в конце концов махнула рукой: «Да делайте что хотите!». И мы,

друзья-посетители, понесли коньячок, который и старший, и младший Володя с удовольствием принимали.

Даже в такой ситуации ребята постоянно думали о спортивном будущем и упирались ради него не по-детски. Раз просит доктор одного из Володей поднять руку, чтобы проверить, как приросла кожа. Тот поднимает градусов на двадцать пять, а доктор говорит: «Ленишься, молодой человек». Володя положил это в голову, а через три дня, на следующем осмотре сделал рукой прямой угол. И полетела вся пересадка, порвалась ткань, пришлось делать операцию заново. Остатки кожи от прежних операций хранились в холодильнике, достали их, прижили.

Разработку рук-ног, плечевого пояса ребята продолжали. В ванной, с криком, без свидетелей, пересиливая и ломая себя ежедневно.

Когда-нибудь, а настал срок выписки. Собралась медкомиссия и решила всем пострадавшим дать вторую, нерабочую группу инвалидности. Оба Володи категорически отказались.

«Огромное спасибо! – сказал Володя-старший на выходе из больнички. – Мы вас не подведём. Мы вам, блин, покажем инвалидность!».

Благодарил врачей и Володя-младший. И тихо бормотал себе под нос: «Эх, блин. Непал пролетел; Гималаи пролетели, Эверест накрылся, блин...».

Через год оба Володи участвовали в первенстве Союза на Памире.

В следующей, другой, здоровой жизни мы вместе не раз ходили в баню. Любители парной бросали на раздевшихся Володей недоумевающие взгляды, и, не справившись с любопытством, кто-то спрашивал:

– Чем это вас, мужики? Пулей, бомбой, снарядом?

– Да так, трамвай неудачно останавливали...

ГЛАВА III

Тенцин

Курица – не птица, Монголия – не заграница, – так говорили в Советском Союзе те, кто стремился куда-то выезжать. Говорили, но и в Монголию поехать были не прочь. Правда, не для того чтобы посмотреть достопримечательности, как в случае с Францией, а с намерением поработать. А что? Платили в два-три раза больше чем на аналогичных должностях в Союзе, но блага этим не исчерпывались. Со шмотками, техникой в Монголии считалось слабовато, зато честно заработанные тугрики-рубли легко переводились в инвалютные чеки. Нынешнему молодому или даже средних лет россиянину нужно долго объяснять, что это такое.

Да я и не стану. Просто скажу, что в Москве существовали специальные магазины «Берёзка», где торговля производилась за валюту. Или за те самые чеки – разных цветов и с разными буквенными обозначениями, что подразумевало разные «веса», то есть покупательную способность. И товары в «Берёзках» – магазинах с затенёнными стеклами – бывали получше, чем в Монголии, не говоря уже о массовых магазинах родной страны.

Родитель мой, Министерства обороны полковник, ездил в Монголию в командировку. После чего я получил дубоватую кожаную куртку – оттуда, и шикарные финские туфли на высоком каблуке, которые тогда и у мужчин считались модными, – из московской «Берёзки».

Ну, ладно, будем считать это лирическим отступлением. Потому что история наша движется совсем в другом направлении. Географически, конечно, она устремлена в том направлении – в сторону Азии. А логически – нет, поскольку с барахлом почти не связана.

В конце семидесятых в Монголию поехал мой друг Коля. В Москве он работал учителем русского языка и литературы, потом заместителем директора школы, а в Монголии сразу стал директором. Познакомился со страной, обустроился и, само собой, оброс нужными связями. Через некоторое время вполне созрел, чтобы пригласить меня в гости. С этой поездкой вообще не предвиделось проблем. Во-первых, приглашение от обитателя страны – не просто приятные слова, а важная и уважаемая инстанция бумага. Во-вторых, как я уже говорил, курица, то есть Монголия – не Бог весть какая заграница. В-третьих, важным довеском, своеобразным выездным портфолио выступала имевшаяся уже у меня за плечами Франция. Таким образом, собрался я, –

не по французскому варианту, а попроще и побыстрее, – и полетел в Батор (так на разговорном языке называли столицу страны Улан-Батор), даже и без собеседований-инструкций, и без чекистов на хвосте.

Оно понятно: оттуда не слиняешь. Где, если что, политического убежища просить? В коммунистическом Китае? Уже смешно. В пустыне Гоби у кочевников-скотоводов? Еще смешнее.

Поселили меня в гостинице, недалеко от советской школы, построенной из кирпича почти в центре города рядом со зданием монгольского государственного цирка. В ней учились в основном дети из зарубежных посольств и представительств – учителя называли их «дипломатами» – и отпрыски монгольских высокопоставленных граждан.

С «языковым барьером» в Баторе я почти не сталкивался: окружали меня как раз «дипломаты» – учителя, а также живущие рядом геологи, инженеры и рабочие разных специальностей из городов СССР, ну и военные. «Приблизённые» к ним монголы хорошо изъяснялись по-русски. Впрочем, весь столичный Батор опоясывали юрты, и тамошние обитатели вряд ли владели нашим родным языком, но в юрту мне пришлось заглянуть всего один раз.

С хозяевами национального монгольского жилища общались через переводчика. Интерьер юрты составляли печка-камельёк посередине, лежанки по бокам вдоль стен, ковёр и подушки на полу. Эта довольно опрятная юрта служила, как я понял, чем-то вроде экскурсионного объекта. Угощали нас жирным – молочным и мясным, предложили противной молочной самогонки. Огонь в камельке тоже «кормили» – кусочками хлеба, даже самогоночки плеснули – это происходило в рамках какого-то околорелигиозного обряда.

Я было потянулся к своей сумке, чтобы достать привезённую из Москвы бутылку водки, но сопровождающий зашипел: «Ты что, убери, они быстро с катушек слетают, могут чего-нибудь натворить, а нам потом отвечай».

Напротив гостиницы располагался «русский двор спецов», где проживали семьи советских командированных. Сходили мы и туда. Застали вполне оптимистичное и даже весёлое зрелище: один папа стругал из дерева для дворовых ребятишек ходули, другой ваял деревянные автоматы. На единственном велосипеде гонял по очереди весь двор, а чья-то мама варила на всех картошку с тушёнкой. Из открытых окон хрипел Высоцкий, заливались очень популярные тогда «АВВА» и «Вопу М».

Монгольские дворы были застроены беднее, качели и другие сооружения для детей оказывались в основном поломанными. Мне объяснили, что местные пацаны очень быстро ломали всё, что для них делалось. Философски настроенный Колин коллега по школе, учитель истории Александр объяснял это так: агрессия монгольских детей – стихийная, конечно, произрастает оттого, что свободные, степные монгольские земли, по которым они скакали на лошадях, залили в Баторе асфальтом, изуродовали металлом. Удобрства подарили, да, но «дарители» не сильно разбирались в том, хотят ли такого, по нашим представлениям, комфорта местные, глубоко почитающие природу.

Шёл июнь, то и дело с неба падали обильные ливни, по городу разливались огромные лужи, в которых сразу же оживали всякие букашки-таракашки. Советские дети, несмотря на «дипломатический» статус, снимали надетые на них заботливыми мамашами резиновые сапоги и с восторгом бегали босиком по тёплой воде. Монгольская детвора строила из досок плоты и плавала по улицам. Их мамы жарили в жиру борцики – что-то типа пончиков и угощали и своих отпрысков, и наших.

По территории русского поселения протекал невзрачный ручеёк, названный монголами рекой Сэлбэ. Но после дождей ручеёк затоплял весь центр. В это время женщины перемещались по Батору босиком и задрав юбки, в одной руке держа сумку; в другой – босоножки на высокой платформе.

Машин в городе замечалось мало, монголы обычно перевозили мебель и тяжёлые вещи на лошадиных повозках. Для русских ходил бесплатный автобус с советским шофёром: если мы передвигались на нём по делам, то дети порой после школы садились на задние сиденья и катались на автобусе до вечера «просто так». Пользоваться этим автобусом монголам запрещалось. Да и многое другое тоже: существовали проблемы с покупкой билетов на концерты артистов, изредка присылаемых «старшим братом» – СССР, или с заходом в советские магазины, где продавались более качественные продукты, или с получением талонов на страшнейший дефицит тех времен – румынские женские сапоги. Монголы конца семидесятых, во всяком случае, в Баторе, выглядели посторонними в своей же стране.

Что касается моей монгольской жизни, то в ней присутствовало, конечно, знакомство с историей, осмотр древностей, но в гораздо более мягкой форме по сравнению с Францией, где тебя постоянно строили и наставляли. А за пределами в общем-то добровольной экскурсионной программы проходили душевные пьянки с педагогическим коллективом Колиной школы, в свободное от учительской работы время, и братание с советскими же военными. Всё как обычно на любой территории, где работал СССРовский контингент, а к нему в гости приезжали люди с «большой земли».

Но вновь – как и во Франции – обычное причудливо перетекло в необычное, и вот как это случилось.

Я периодически думал о религии, да и не мог не думать. В деревенском доме, где родилась моя мать и где жила бабушка, висели иконы. Переехав в Москву, бабушка продолжала ходить в церковь. Будучи правоверным пионером, а потом комсомольцем, я в церковь, разумеется, не ходил, а если и заглядывал, то исключительно «для прикола». Но немножко знал, наблюдая действия родни, о православных праздниках, молитвах и обрядах, Иисусе Христе и некоторых святых. Знание о других религиях исчерпывалось тем, что я слышал о иудеях и мусульманах. Кто это и во что верят – толком не понимал.

Но в московском университете, куда я поступил после школы и армии, нам преподавали «Научный атеизм». Как известно, в задачу предмета входило разоблачение «мракобесия» и объяснение, почём «опиум народа». На деле же, да при умных и заинтересованных преподавателях предмет превращался в «Религиоведение». Раньше любили повторять: чтобы побеждать врага, нужно знать его оружие. Правильно! Значит, чтобы разоблачать «мракобесие» и «опиум», нужно сначала понимать, из каких компонентов они состоят. Моё вхождение в предмет началось с христианства и вылилось в своеобразное и в общем-то не совсем небесное, а вполне земное представление об этой религии. И тоже благодаря гуманитарной науке, поскольку параллельно с научным атеизмом мы проходили курсы древнегреческой и древнеримской истории и литературы.

В собственных ответах о происхождении христианства я в целом удовлетворял и университетских профессоров, и даже одного церковного батюшку. Они мягко критиковали меня за некоторую вольность трактовки, но в плохих знаниях (в случае с профессурой) и в ереси (в случае с батюшкой) не обвиняли и говорили, что такой взгляд, ну... возможен. А собственно взгляд заключался в следующем.

Древние греки – язычники, но очень цивилизованные: и в плане развития всяких культур, и в смысле человеческого общежития. У них многобожие. Боги сидят на горе Олимп и ведут себя совсем как люди: радуются, сердятся, женятся, мастерят разные предметы и даже выпивают. В общем, живут полной жизнью, а если их хорошо попросить, то помогают. И сами греки тоже жили полной жизнью и активно обогащали цивилизацию. Один Гомер с «Илиадой» и «Одиссеей» чего стоит!

Гнев, о богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына,
Грозный, который ахеенам тысячи бедствий соделал:
Многие души могучие славных героев низринул
В мрачный Аид и самих распростер их в корысть плотоядным
Птицам окрестным и псам (совершалася Зевсова воля),
С одного дня, как, воздвигшие спор, вспыхнули враждою
Пастырь народов Атрид и герой Ахиллес благородный...

И так далее.

Римляне вроде тоже цивилизованные, но, как бы это понятнее и не очень длинно выразить, – без тормозов. Рабство, жестокие казни, насилие, содомия; бои гладиаторов и развлечения покруче – такие, что мороз по коже. И тоже, как у греков, язычество, и тоже многобожие, да те ли это боги (и боги ли вообще), если подобное терпят? И вот появляется человек по имени Иисус, который выдал – прямо по названию одного из фильмов Станислава Говорухина: «Так жить нельзя!»

И не просто констатировал неприемлемое поведение, но и предложил другие правила жизни:

... Он был поэт, он говорил:

«Да. Не убий!» Убьёшь – везде найду, мол!..

«Да кто ты такой, чтобы нас учить?» – вскричали порочные римляне и:

... гвозди ему в руки, чтоб чего не сотворил,
И гвозди в лоб, чтоб ни о чём не думал...

Ну, дальше – распятие Христа, воскресение, вознесение – этого я объяснить, простите, не смогу и не стану. Но правила – некоторый идеал человеческого поведения – остались. Вот вам и христианское учение.

Каждый человек думает о религии. Он думает о том, стоит во что-то верить или нет. Он определяет себя как верующего или неверующего. Если он верующий, то, стало быть, является приверженцем какой-то религии – в зависимости от окружения, в которое попадает.

А насколько он привержен? Если «просто верю, и всё», то он и есть «просто верующий». Если «разбираюсь, посещаю, соблюдаю», то его называют воцерковленным, во всяком случае в православной вере.

Человек может быть *сторонником* определённой веры. Он может говорить: «Я – православный», или «Я – мусульманин», или «Я – иудей». Само по себе это не означает ни фанатизма, ни глубокой приверженности, ни тем более воцерковленности. Так, самоидентификация. Ну, нравится мне *вот такая* религия.

А может и означать. И сопрягаться с регулярными молитвами, намазами и другими формами поклонения Богу.

Вот я и произнёс слово «Бог». Но как только такое слово звучит, начинаются неизбежные сакральные вопросы, начиная от «Есть ли Бог вообще?» и заканчивая «Кто его видел?» и «Какой он?». Настоящий атеистический фурор произвёл в этих поисках полёт Юрия Гагарина в космос в 1961-м году: «А! Гагарин-то в космос летал и Бога там не видел!» Чем крыть? Вроде и нечем.

Это я так думал, что нечем, пока не наткнулся, совершенно случайно, на биографию человека, которого звали Валентин Феликсович Войно-Ясенецкий. Он сочетал амплу священнослужителя и даже архиепископа, и одновременно выдающегося хирурга, имевшего за плечами одновременно три ареста и одиннадцать лет ссылки за антисоветскую деятельность в сталинский период и Сталинскую же премию первой степени за выдающиеся достижения в хирургии в 1946-м году. И стал он именоваться Святым Архиепископом Лукой. Вспомнил я о нём из-за одной только реплики, сказанной Лукой на допросе у известного чекиста Якова Петерса, расстрелянного в 1938-м, как и многие виновные и невинные.

– Вы, – говорит Петерс, – Бога-то своего видели, поп и профессор Ясенецкий-Войно?

– Бога я действительно не видел, господин обвинитель, – отвечает тот. – Но я много оперировал на мозге и, открывая черепную коробку, никогда не видел там также и ума. И совести там тоже не находил...

Такие дела. Тут уж крыть точно нечем. Ну, следуем дальше.

Как я сам себя определяю? По самоидентификации как православный. В остальном в соответствии с социологическим термином «затрудняюсь ответить». При этом глубоко разделяю тезис о том, что вера – абсолютно личное дело. Считаю, что это не только приемлемая для меня, но и наиболее разумная позиция.

Почему? Да потому, что любую религиозную книгу – «Библию», «Коран», «Тору» её приверженцы читают и трактуют *по-разному*. Не читавшие или читавшие фрагментами (а таких большинство) разделяют позиции *трактующих по-разному*.

Всё это, думаю, возможно – но до той черты, пока ты не наступаешь на чувства верующего в другие постулаты. А когда про себя – это как минимум безопасно.

Но вернёмся к научному атеизму, он же религиоведение. Там же не только про христианство. Там есть, например, и про буддизм, которым я заинтересовался так же, как легендами и мифами Древней Греции и Древнего Рима – то есть как сказками.

Буддизм, – рассказывали «Спутник атеиста», «Настольная книга атеиста» и другие похожие источники, происходит от санскритского слова «будда», буквально – просветлённый, и является одной из трёх мировых религий, получивших наибольшее распространение среди населения ряда стран Центральной, Восточной и Юго-Восточной Азии и Дальнего Востока.

По представлению буддистов, каждое существо, достигшее высшей святости, может стать буддой, то есть просветлённым. Будда, прозванный в его земной жизни Шакьямуни («отшельник из рода шакьев»), поведал людям учение о «спасении», которое его последователи называют санскритским словом «дхарма» (учение, закон).

Ага, думаю, значит сначала, как и в случае с Иисусом, был всё-таки живой человек. Понятно!

Ну да... – как-то с оглядкой соглашается со мной «Спутник атеиста»: вопрос о том, является ли личность Шакьямуни полностью мифической, или в основе его биографии, расцвеченной религиозной фантазией составителей, лежат некоторые реальные факты, наукой пока не решён. Однако не подлежит сомнению, что Шакьямуни единоличным «создателем» буддизма, каким его иногда представляют, быть не мог.

Опять же ясно: приверженцы-последователи «живого» человека расширяли, углубляли, продвигали его озарения дальше.

Но рядом с буддизмом существовал индуизм. Он стал понятен и даже близок советским людям опять же из песен бессмертного Владимира Семеныча:

... Кто верит в Магомета, кто – в Аллаха, кто – в Иисуса,
Кто ни во что не верит – даже в чёрта, назло всем, –
Хорошую религию придумали индусы:
Что мы, отдав концы, не умираем насовсем...

Но вот тут-то буддисты не соглашались. Если индуисты утверждали, что путём различных жертв и заклинаний можно достичь «хороших перерождений», то есть стать ну не «добрым псом», конечно, как у Высоцкого, а раджей, брахманом, богатым купцом, царём и так далее, то у буддистов иное отношение к реинкарнации. Перерождения происходят, но высшей целью буддиста должно быть их полное прекращение и достижение нирваны как совершенного состояния! Что, собственно говоря, и произошло с Буддой.

С одной стороны, следуя по пути спасения, указанному Буддой, живое существо должно снова и снова перевоплощаться. Но это будет путь восхождения к «высшей мудрости», достигнув которой человек может выйти из «круговорота бытия» и завершить цепь своих перерождений. Наиболее существенным в учении Будды его последователи считают то, что он познал причину и сущность бытия – страдание и указал тот путь, который ведёт к прекращению страданий, к спасению, к небытию.

Путь этот проходит через «четыре благородные истины». Первая из них утверждает, что всякое существование есть страдание. Вторая – что причина страдания заложена в самом человеке: это жажда жизни, наслаждений, власти, богатства; привязанность к жизни в любой её форме. Третья истина объявляет, что прекратить страдания возможно: для этого следует освободиться от жажды жизни, достичь состояния, при котором всякое сильное чувство отсутствует, всякое желание подавлено. Наконец, «четвёртая благородная истина» заключается в прохождении восьми позиций: «праведного воззрения, праведного стремления, праведной речи, праведного поведения, праведной жизни, праведного учения, праведного созерцания, праведного самопогружения» (медитации)...

Вот как-то так. Но зачем я излагаю про буддизм? И как это связано с моей историей, её предыдущей и последующей частями? Представьте себе, связано! Всё узнается и логически соединится своим чередом. Так что спустимся из атмосферы заоблачных философий на монгольскую землю, грешную и не очень, где происходило вот что. Друг-директор Коля однажды, с видом знающего больше других человека, объявил мне, что в Баторе будет проходить Съезд азиатских буддистов за мир.

– Тебе это интересно?

– Честно сказать, не очень. «За мир» – это хорошо, мы все за мир. А дальше пойдут всякие заглаблённые мудрствования. Но я особо заглабляться не хочу.

– Да я тоже, – говорит Коля, – но интересно другое. Есть возможность узким кругом – я, ты, ещё пара коллег – встретиться с... одним человеком.

– Что за человек?

– Это необычный человек. Его называют не так, как он хочет сам. А сам он называет себя... В общем, ты сможешь спросить об этом лично, если встреча состоится...

И встреча состоялась. Я знал, что загадочный человек прилетел в Батор из Союза и уже провёл тут несколько встреч, которые сведущие спутники называли «учениями». Наше общение проходило в крупнейшем и единственном тогда в социалистической Монголии буддийском монастыре со сложным названием, которое я не мог сходу выговорить – Гандантэгченлин. Местные кратко именовали его Гандан.

Нас провели в одно из помещений Гандана, где обещанный человек ждал и вежливо поприветствовал гостей по-английски.

Выглядел он лет на сорок, был брит наголо и одет в традиционный наряд буддийских монахов – что-то нательное, а сверху накидка-мантия пурпурно-жёлтого цвета – кашая. Изначально, столетиями и даже тысячелетиями предполагалось, что эта одежда, во-первых, скромная, а во-вторых – на все случаи жизни: её можно использовать, например, вместо одеяла, матраса или навеса от дождя.

Естественно, мы заранее поинтересовались правилами поведения в культовом помещении. Нам ответили, что никаких особых правил нет, тем более что это не обряд, а просто разговор. Ах, да: снимите обувь, а носки можете оставить. Если не станете снимать ботинки, вам даже не сделают замечания, но лучше снимите.

В помещении накрыли стол, совсем не такой, как во французском Шамони: кампа, которую я уже упоминал; сушёный сыр, момо (по-нашему это пельмени), чай с молоком – всё вегетарианское.

Мы пригубили чай, и я, набравшись смелости, задал прямой вопрос:

– Мы рады приветствовать Вас и спасибо за согласие встретиться. Но позвольте спросить: кто Вы и как к Вам обращаться? Мы, конечно, знаем про все Ваши титулы, но слышали также, что Вы предпочитаете, чтобы они оставались «за кадром».

Человек улыбнулся:

– Это самый простой вопрос из всех возможных. Да, так и есть: громкие титулы неуместны. Я обыкновенный буддийский монах. А зовут меня Тенцзин.

Мои спутники с облегчением вздохнули: обыкновенный так обыкновенный. Значит, и разговаривать будем обыкновенно.

– Мы знаем, что Вы на днях побывали в Москве? Это случилось впервые? Как Вам понравилась эта поездка?

– Да, я посетил СССР и Москву в первый раз. Встреча была очень радушной, но очень строгой. Меня везде окружали подтянутые люди. Конечно, я догадывался, что это сотрудники могущественной организации КГБ. Я понимаю, что столь серьёзная опека делалась в интересах моей безопасности...

Здесь Тенцзин засмеялся. Он вообще постоянно смеялся-улыбался, но очень спокойно, почти беззвучно и неагрессивно; располагающе и по-доброму смотрел в глаза каждого собеседника.

– Я даже побывал в кабинете Ленина в Кремле, посмотрел, как жил и работал тот, кого они зовут вождём мирового пролетариата. Думаю, что такое название слишком громко. Он, как и я, обычный человек, просто так всё сложилось: в какой-то момент Ленин увидел, чего хотят люди и использовал их стремления.

Люди и сейчас многого хотят, но проблема не в этом. Проблема заключается в том, что они ждут, что кто-то должен прийти и дать им желаемое. Ленин. Или Брежнев. Или Тенцзин (опять смеётся). Я пришёл в восторг от советских людей. Они очень добрые, но... очень наивные. Им никто ничего не даст, они должны всего достичь сами...

Теперь смеюсь я и спрашиваю:

– В Москве Вы встречались только с молчаливыми агентами КГБ или с кем-то ещё?

– Я встречался также с несколькими советскими учёными. Я сказал им, что в буддизме выделяют пять видов сознания, связанных с органами чувств, и шестой вид сознания – ментальный. Они тут же заявили, что это всё религиозные материи, и не пожелали ничего обсуждать. Конечно, я не стал с ними спорить, но для меня стало очевидным, что это ограниченное мировоззрение.

– А Ваше мировоззрение ничем не ограничено?

– И да, и нет. Оно не ограничено в том смысле, что я отчётливо понимаю: цель жизни – счастье. С момента рождения каждый человек хочет счастья и не хочет страдания. Ни социальные условия, ни образование, ни идеология не влияют на это. Я не знаю, есть ли во Вселенной с её бесчисленными галактиками, звёздами и планетами более глубокий смысл или нет, но мы, люди, живущие на

этой земле, имеем задачу создания счастливой жизни для нас самих. Кто и что может ограничить нас в этом желании? Никто и ничто.

Если же говорить об ограничении моего мировоззрения, то в философском плане оно ограничено, вопреки моим желаниям счастья, злом и ненавистью, которые, к сожалению, присутствуют в нашем мире. Это помехи состраданию, которое и ведёт к счастью; это чрезвычайно сильная энергия, эмоции, способные овладеть нашим разумом. Однако существует возможность развить равную по силе, но управляемую энергию, с помощью которой можно держать в руках трудные ситуации. В этическом плане ограничения выражаются в моём неприятии войны и насилия...

– То есть Вам известен путь к счастью?

Тенцин помолчал, серьёзно и внимательно посмотрел на меня и сказал:

– Нет пути к счастью. Само счастье и есть путь...

– Хорошо, понятно, но вы знаете, я приехал из страны материалистов и хочу задать вам материалистический вопрос: «Кем нужно быть и что иметь, чтобы быстрее достичь счастья? Человек, достигший статусных высот, имеющий определенное состояние, видимо, имеет приоритеты для достижения счастья, если он к тому же ещё добр и честен?»

– Счастье не зависит от того, кто вы или что у вас есть. Оно зависит исключительно от того, что вы думаете.

– И даже?..

– И даже то, о чём вы хотите спросить. Вы ведь намереваетесь спросить о Боге? Не так ли? Да, мы сформированы из наших мыслей. Да, мы сами и другие становятся теми и тем, о ком и о чём мы думаем. Да, если вы считаете, что Бог есть – значит, он есть. Считаете по-другому – значит, так тому и быть.

– Вы упомянули Вселенную. Кто её создал, Бог, или всё произошло как-то по-иному?

– Вопрос о создании и развитии нашей Вселенной весьма сложен, давайте оставим его в стороне. Мы не разберёмся с этим вопросом за время нашей непродолжительной встречи.

– Хорошо, вот Ваша мысль о стремлении к счастью, о сострадании. Кто должен нести эту идеологию людям помимо Вас лично? Ваша церковь? Ваша община, движение? Как они устроены?

– У буддистов нет церкви. И нет идеологии. Я не верю в создание движений или разработку идеологий. Также мне не нравится практика учреждения организаций для распространения определённой идеи, так как это подразумевает, что только одна группа людей отвечает за достижение данной цели, в то время как все остальные освобождены от этого. В теперешних обстоятельствах никто не может позволить себе полагать, что кто-то другой решит наши проблемы; каждый из нас должен взять на себя долю всеобщей ответственности. По мере того как будет расти число заинтересованных, ответственных личностей, сотни, тысячи и сотни тысяч таких людей заметно улучшат общую обстановку.

– А мировые религии? Они что-то делают не так, когда строят храмы, создают приходы?

– Цель религии – не в строительстве красивых церквей и других храмов, но в воспитании хороших человеческих качеств, а это терпимость, великодушие и любовь.

– Но, как я понимаю, такова цель любой религии...

– Верно. Каждая мировая религия основывается на заповеди, говорящей, что мы должны уменьшить свой эгоизм и служить другим. Но! К несчастью, иногда религия сама создаёт больше конфликтов, чем разрешает.

– И в этом смысле Ваша религия – самая приемлемая?

– Категорически нет! Во-первых, буддизм – не совсем религия, или совсем не религия, или особая религия. Выбирайте, что Вам нравится. Во-вторых, одна, любая, религия, как один вид пищи, не может удовлетворить всех. Соответственно разным установкам сознания, некоторые получают пользу от учений одного типа, некоторые – от другого. Каждая вера обладает способностью создавать хороших, добрых людей, и, несмотря на их приверженность разным философским концепциям, все религии преуспели в этом. Таким образом, нет причины вовлекаться в разделяющий людей религиозный фанатизм и нетерпимость, и есть все причины любить и уважать все формы духовной практики.

– Но могли бы Вы, пусть и кратко, описать хотя бы религии Азиатского региона?

– Попробую. В Китае развито конфуцианство. Это подчинение власти.

В Индии господствует индуизм. Это поклонение богам.

На огромных территориях люди привержены исламу. Это поклонение канонам.

Буддизм – это постижение смыслов...

Я знаю, что у Тенцзина запланированы вскоре ещё одни «учения», и поражаюсь, что он не произносит фразы типа «Извините, я должен прервать нашу беседу и сделать то-то и то-то». Наверное, я сам должен догадаться об этом. И произношу приличествующие слова о том, что, мол, понимаю, мало времени, надо заканчивать, но можно ещё вопрос? Этот вопрос предварительно мной не подготовлен, его навяла атмосфера места нашей встречи.

– Да, конечно.

– Скажите, что за мелодия всё время звучит из динамиков во время нашей беседы? Мне кажется, там произносятся под музыку одни и те же слова.

– Верно. Это мантра.

– Что такое мантра?

– Если хотите, это наше послание шести мирам, из которых состоит Вселенная. Мантра олицетворяет собой чистоту тела, речи и ума Будды.

– Такое послание отправляется только посредством музыки и пения?

– Совершенно не обязательно. Вы можете произносить эти слова как молитву вслух, можете медитировать про себя, можете просто покрутить молитвенный барабан. Если Вам придётся видеть буддийских монахов, Вы заметите, что многие из них постоянно носят с собой такие маленькие барабаны и вращают их...

Тут я вспомнил рассказ Мориса про Мухтинатх, где все паломники вращали такие барабаны и теперь понял смысл этого.

– И у Вас я вижу эти барабаны. И флажки. На них очень много всяких знаков. Что они означают?

– Вы этого не сможете понять за час, два или три, как бы я ни объяснял. Процесс познания высших смыслов очень продолжителен. На это может уйти вся жизнь.

– Но в том, что звучит сейчас, содержится – во всяком случае, я так слышу – всего несколько слов. Что они означают? Может быть, я ошибаюсь, но различаю только одно слово – «money»... Это вроде бы деньги, но причем тут деньги?

– Снова Вы правы. Сейчас звучит самая главная буддистская мантра. Там действительно есть слово «money». И это действительно деньги, а если шире, то сокровища, драгоценности. Что касается других слов, то «ом» – это вообще всё сущее... «Падме» – цветущий лотос. «Хум» – сердце.

– И как же расшифровать смысл этой фразы?

– Как Вы понимаете – так и расшифровывайте.

– Я попробую. Что, если так: всё вокруг... нет, все драгоценности вокруг собраны, заключены в цветке лотоса. И в моём сердце...

– Путь так и будет. Но кое-что добавлю. Они ещё не заключены в Вашем сердце. Сокровища мира в цветке лотоса – это абстракция и высшая цель. Вы должны стремиться достичь этой цели и почувствовать все драгоценности, весь мир в своём сердце.

– Где, в какой стране и в каком месте можно лучше всего сделать это?

– Это не исключено в любой стране и любом месте и зависит от Вашего настроения. Но конечно, есть особенные места.

– Это Тибет, Лхаса, гора Кайлас? Я слышал об этом. Вы там живете?

– Да, Тибет – это центр буддизма. Я жил там, но, к сожалению, теперь лишён такой возможности. Мешает так называемая китайская проблема, в которую мы сейчас не будем углубляться. Я сейчас живу в Индии.

– В Индии можно почувствовать «все драгоценности мира в цветке лотоса и в своём сердце»?

– Повторяю: это можно почувствовать в любом месте. Но есть действительно особенные места. Если говорить об Индии, то здесь находится три места, связанных с жизнью Будды. Я бывал в этих местах и каждый раз чувствовал приближение высшего познания.

Но четвёртое и, возможно самое главное место – это место рождения Будды, город Лумбини в Непале. Я очень хочу посетить это место! Если бы я попал туда, то смог бы рассказать Вам о своих ощущениях. Но тут вновь есть преграды со стороны Китая.

Никуда не деться от политики! Непал – независимая страна, и «старший брат» у него – Индия, а не Китай. Китай не может напрямую контролировать Непал. Но дело вот в чём. Непал – это Гималаи, к которым примыкает Тибет. Непальцы хотели бы видеть Тибет свободным. Мне рассказывали, что в Непале многие даже носят майки с вышитой на них надписью «Free Tibet». Вот почему китайские власти всячески препятствуют моей поездке сюда. Они хотят духовно захватить Лумбини...

Я задумываюсь о том, что мы как-то опять вырулили на Непал. Спонтанно и не совсем логично перешли от высоких материй к конкретной стране. А Тенцзин продолжал:

– Я мечтаю попасть в Лумбини. Там находится храм Майя Девы – матери Будды, с древним памятным камнем, изображающим рождение Будды. К храму примыкает колонна императора Ашоки с надписью, свидетельствующей об этом рождении. Здесь, в зелёной роще, под деревом Бодхи, родился Будда. Его называют Будда Шакьямуни, потому что он происходил из древнего царственного рода Шакья. Шакья создали своё царство в Гималаях, на территории нынешнего Непала.

Легенды гласят, что, когда Будда вошёл в этот мир, он сказал: «Это моё окончательное возрождение». Он мог самостоятельно ходить сразу же после рождения, и когда сделал первые семь шагов, под каждым из них расцвёл цветок лотоса.

Потом... исторические катаклизмы привели к тому, что Лумбини был разрушен и заброшен на сотни лет. Но уже в наше время случилось чудо. Сравнительно недавно Генеральный секретарь Организации Объединённых Наций У Тан – а он буддист – посетил Лумбини для молитвы и медитации. Плачевное состояние, в котором находилось место рождения Будды, поразило У Тана, и на средства ООН самый известный японский архитектор двадцатого столетия Кэндзо Тангэ спроектировал амбициозный проект под названием «Зона развития Лумбини».

Я верю в то, что данный проект будет реализован. Я мечтаю о том, чтобы каждая страна, в которой есть представители буддийского вероисповедания, могла построить на территории Лумбини свой храм...

Не в силах удержаться от приступа безобидной иронии, я с улыбкой задаю, скорее, риторический вопрос:

– Выходит, счастье в будущем? Советские люди тоже в это верят!

Тенцзин тоже улыбается:

– Секрет здорового ума и тела заключается в том, чтобы не сокрушаться над прошлым, не слишком беспокоиться о будущем и осознанно жить настоящим. А мечта, поверьте мне, – это то, что ведёт к счастью!

– Спасибо Вам за откровения и тёплую встречу. Вы разговаривали со мной так, будто мы знакомы всю жизнь.

– Открою секрет: я стараюсь общаться с каждым, кого встречаю, как со старым другом. Это даёт мне настоящее чувство счастья. Это – практика сострадания...

Да, Непал. Опять Непал, как и на встрече с Морисом. Но Мориса интересовало исключительно физическое – реальные горы, реальное солнце, реальная еда, реальные обмороженные руки и ноги. Философские излияния были ему совсем не свойственны и даже чужды. А здесь материального вообще нет: даже чай с сухариками какой-то неземной, воздушный. И Непал. Опять Непал. И как жить. И во что верить...

ГЛАВА IV

Дип

Я опять про загранку. К концу 80-х, по мере развала своей страны, вопросы выезда из неё и въезда в страну чужую всё больше облегчались. При этом к поездкам туристическим и гостевым интенсивно добавлялись поездки целевые – по какому-нибудь представляющему интерес для, так сказать, всего человечества или его значительной части делу. Правда, в общечеловеческом практически всегда прослеживалось, при внимательном рассмотрении, личное и материально мотивированное, но посягать на «святое» не буду. Излагать подробно, зачем и в чьих интересах мы поехали изучать организацию частного образования аж в Туманный Альбион, – тоже.

Хотя о том, почему в числе объектов нашего посещения оказались элитные колледжи, сказать придётся, отчего ж не сказать. Мало-помалу, а деньги у россиян появлялись. Умные зарубежные эксперты прогнозировали дальнейшее развитие рыночного процесса вместе с ожидаемым в обозримой перспективе падением «железного занавеса». Ну, эксперты не обещали, что у всех наших соотечественников произойдёт рост благополучия. Эксперты помалкивали о том, что у большинства граждан ситуация с деньгами скорее ухудшится, что помешает весело и с песней упавший «занавес» перешагнуть. Так и что? Инициаторов нашей поездки люди не интересовали, поскольку русская массовка в «местах обетованных», куда нас везли, никак не предполагалась, пусть и за большие деньги: «общечеловеческий» вопрос имел значение лишь для отдельных избранных. Но на то и собрали в группу именно нас – специалистов по «человеческим душам», которые обладали способностями достучаться до избранных.

На определенном этапе ознакомительной программы мы попали в суперэлитное заведение со столь же высоким названием «The King's College of Our Lady of Eton beside Windsor». Если сокращённо и по-русски, то «Королевский колледж Итона».

Для приезда в Итон иностранных интересантов имелись и внутренние стимулирующие основания: если на протяжении многих лет существовала реальная «очередь» на поступление в колледж, в которую родители записывали своих сыновей (Итон – учебное заведение для мальчиков 13–18 лет) ещё при рождении, то в дальнейшем правила приёма стали более доступными, если, конечно, иметь в виду доступность для солидного кошелька.

Элитарность тут вправду присутствовала, и во всём: в истории – колледж основал в 1440-м году король Генрих VI; географии – школа находилась в тридцати километрах от Лондона, на берегу Темзы, рядом с королевским Виндзорским замком; в обилии знаменитых и статусных людей, Итонский колледж закончивших – среди них, например, значились писатели Джордж Оруэлл и Ян Флемминг, философ Фрэнсис Бэкон, физик Роберт Бойль, а уж премьер-министрам Великобритании несть числа – их обучалось в Итоне около двадцати. Элитарными были и образовательные возможности: Итон рассматривался как отличная стартовая площадка, практически гарантирующая попадание после окончания колледжа в свои, английские и лидирующие университеты – Оксфорд, Кембридж, а в принципе в любой престижный университет мира.

Мы приехали в Итон на «общественном транспорте», что вызывалось вовсе не экономией, а желанием организаторов продемонстрировать близость от столицы государства, красоту и комфортность прилегающей к Итону местности. Мы сели на электричку в Лондоне и доехали до станции Windsor & Eton Riverside, после чего совершили великолепную прогулку пешком. День для посещения выбирался организаторами не случайно: в колледже что-то праздновали; проходили конкурс ораторского искусства, состязания по крикету и ещё много зрелищного. Для гостей оказались возможными прогулки на лодках и даже пикник, чем мы с удовольствием воспользовались.

Моего персонального сопровождающего звали Петер. Он давно ассимилировался в Британии, однако имел русские корни и не терял связи с Россией, которая тогда ещё числилась СССР. Собственно говоря, именно Петеру пришла в голову идея собрать группу из представителей Союза и «подшефных» стран социалистического лагеря для посещения искомым объектов, тем более что «лагерь» в Европе затрещал гораздо быстрее, чем на бескрайних российских просторах.

Петер не раз бывал в Итоне, знал некоторых учителей и даже учеников в лицо. А когда мы катались на лодках, он увлеченно рассказывал о них, перечисляя учёные достоинства преподавателей и особенности родословной породистых отпрысков. Вежливо здоровался с ними, представлялся сам и представлял нас.

В какой-то момент и без того не по-английски оживлённый Петер ещё более возбудился и, понизив голос, заговорщицки прошептал, показывая на проплывающую мимо лодку:

- Посмотрите на того молодого человека. Никогда не догадаетесь, кто это такой.
- Неужели настоящий английский лорд? – шутливо отреагировали мы с товарищем по путешествию. А про себя подумали: «Ага, лорд! Черноволосый и косоглазый! Индус какой-то! Или колониальные индусы доросли уже до лордов?»
- Нет, он не лорд, он... принц.
- Английский?!
- Нет, он принц Непала.

- Однако!
- Хотите, познакомлю?
- А что, интересно, знакомь!

Причалив к пристани, мы подождали, пока пришвартуется и лодка с принцем. Петер, который прежде был знаком с принцем, обратился к нему:

– Приветствую Вас, Ваше высочество. Позвольте представить Вам моих друзей из СССР. Это Алекс.

– Я здесь никакое не высочество, я обыкновенный студент. Тем более, что, насколько я знаю, в СССР нет никаких высочеств. Поэтому называйте меня просто Дип. Или – громко смеётся – зовите Вашим любимым словом «товарищ». Да-да, я всё знаю про Вашу страну. У Деви в Москве родственники, они рассказывают Деви о Вашей стране, а она – мне...

Я не знал тогда, кто такая Деви, но не стал спрашивать, а продолжил СССРовскую тему:

– А что Вы ещё о нас знаете?

– Ну, то, что все теперь знают.

И Дип произнёс знакомые слова, смешно коверкая русские буквы:

– Гор-бат-чоф. Периз-строй-ка!..

Короче говоря, мы как-то быстро расположились друг к другу, и Дип предложил встретиться вне праздника и вообще вне колледжа. Разумеется, мы с удовольствием приглашение приняли. Но посмотрели вопросительно на Петера: он прежде рассказывал нам о строгих порядках в колледже, о почти армейской дисциплине...

– А, не волнуйтесь, – пояснил Петер, – Дип уже взрослый парень, ему восемнадцать, в этом возрасте студентам можно значительно больше, чем молодняку. К тому же сейчас как раз short leave, то есть день, когда студенты могут отлучиться из колледжа.

Вскоре мы встретились в одном из пабов Итона. Без лишнего промедления Дип заказал себе и нам виски...

Тут имеет смысл сделать лирическое отступление, и о виски, и об алкоголе вообще, поскольку эти категории имеют значение почти во всех закрученных историях, а в нашей – так и довольно серьёзное значение.

Сначала о виски. К концу 80-х мне удалось попробовать виски всего несколько раз. При этом и я, и другие отечественные «дегустаторы» сошлись во мнении, что это какая-то самогонка. А в понятие «самогонка» в советские времена вкладывался негативный смысл: мол, бурда, сивуха, «вонючка». Что уж говорить о сортах виски: не знали мы никаких сортов. Максимум «вискарной» компетенции составляли почерпнутые из книг и фильмов названия «Вайт хос» и «Бурбон». Мы впитали в себя, что «Вайт хос» пьют храбрые американские ковбои в джинсах и с огромными револьверами, в которых никогда не заканчиваются патроны. А «Бурбон», да ещё двойной, пьёт знаменитый французский актер Ален Делон, поскольку «не пьёт одеколон», в отличие от наших забулдыг. Разумеется, мы не понимали, что «Белая лошадь» представляет собой один из самых дешёвых сортов ячменного виски, а «Бурбон» делают из кукурузы, что, впрочем, само по себе не свидетельствует ни о плохом, ни о хорошем качестве.

Отсюда и на вопрос Дипа, какой виски предпочитаю, я ответил: «Вайт хос». Тот посмотрел на меня с удивлением и предложил попробовать что-то другое. Оставалось с умным видом сказать «о'кей»... Таким образом, заказанное Дипом виски стало третьим названием напитка, которое я усвоил: «Джек Дэниэлс».

Теперь об алкогольных порядках в Итоне и Британии. Официально пиво в пабах здесь можно пить с 16 лет, но обязательно с едой и не более двух пинт, или, по нашим меркам, двух пол-литровых кружек с лишним. Видимо, поэтому «выход в город» разрешался студентам, достигшим именно такого возраста. Законопослушный бармен в пабе аккуратно отмечал, сколько кружек каждый из юношей выпил, но, когда студентов было много, просто сбивался со счёта.

Никакого сухого закона не существовало и в самом колледже, где на праздничных вечерах, торжественных мероприятиях подавали и шампанское, и сухое с десертным, и упомянутый бурбон. Все напитки отпускались в умеренных объёмах и с ранжированием по возрастам, но если захотеть накачаться... Не знаю, как другие, но Дип хотел и накачивался, во всяком случае на нашей встрече.

– Я знаю, что ваша страна кого-то там крупно победила во Второй Мировой войне, значит, в ней есть могучая армия. Но лучшая в мире армия берёт начало у нас, в Непале, – вдруг заявил принц.

– О-о-о! Вот как? Ну, расскажи, – с усмешкой отреагировали мы, так как ни о какой крутой непальской или берущей начало в этой стране армии слухом не слыхали и ни секунды не сомневались в блефе, который тотчас же будет разоблачён. Однако дальше произошло странное, натуралистическое и отчасти страшноватое действие, переключившее наши сомнения на другое: а вполне ли нормален этот самый принц?

– «Jay Mahakali, aayoo Gurkhali!» – закричал Дип и выхватил из-под длинного пиджака-накидки большой кривой нож. Повертев им над головой, принц сильно ударил ножом по столу: на столе образовался заметный рубец, а бармен и посетители паба прервали свои разговоры, застыли и обратили взгляды на нас. Дип успокоился и спрятал оружие в ножны. Но перед этим... чиркнул себя по пальцу – так, что потекла кровь.

– Точно сумасшедший, – подумал я. – Пьяный сумасшедший.

Словно прочитав мысленно, а не вслух произнесённые мной слова, Дип спокойно сказал:

– Я не сумасшедший. Вы же просили рассказать про непальскую армию, вот я и начал. «Jay Mahakali, aayoo Gurkhali!» в переводе на английский означает «Слава великой Кали, гурки идут!». Вы слышали про гурков?

– Хм... Нет.

– Тогда слушайте. Только что я произнёс боевой клич гурков. Вряд ли вы поняли значение слова «Кали» в этом кличе, но я поясню: Кали – почитаемая нами богиня. А это – принц похлопал по спрятанным ножам – кукри-нож, национальное оружие гурков. Кукри-нож нельзя убирать в ножны, пока не напоишь его кровью. Кровью врагов! Но вы же мои друзья! Поэтому пришлось порезать палец, иначе нельзя...

Посетители паба немного успокоились, но продолжали опасно поглядывать в нашу сторону. Мы воздержались от просьбы посмотреть на кукри-нож ещё раз, хотя очень хотелось. А принц продолжал свою просветительскую речь.

– Гурки – это народ, живущий в Непале. Вы наверняка знаете, что англичане на протяжении многих лет пытались колонизировать Индию и в конце концов сделали это. Для британцев Непал был так себе, фитюлька по сравнению с Индией. Но «фитюлька» оказалась не по зубам даже такой великой империи, когда в начале XIX века она столкнулась с гурками, и началась война. Эти события до сих пор называются Войной гурков. Непал не стал колонией подобно Индии, но что-то уступил. Однако самое любопытное заключается вот в чём: увидев, как сражаются гурки, британцы решили нанять их в свою армию, то есть предложили гуркам службу по контракту в войсках британской короны. Так в английской армии появилось национальное элитное спецподразделение, которое впоследствии участвовало во всех войнах Британской империи.

Я читал воспоминания немецких солдат, которые столкнулись с гурками во Франции, в период Первой Мировой войны. Они рассказывают, как непальские гурки, маленькие и темнокожие азиатские варвары, идут в атаку, не пригибаясь даже под пулемётами. Конечно, многие падали и умирали под огнём, но оставшихся – как бы мало их ни было – смерть товарищей не останавливала. Гурки никогда не отступали. Уцелевшие врывались во вражеские окопы, и тут начиналось такое, что надолго запомнилось тем врагам, кто случайно остался в живых. Вот этими самыми кукри-ножами гурки вырезали всех, кого встречали на пути.

Имя ножа носит целое боевое искусство – кукри. Кукри-нож – массивный, прочный и прекрасно сбалансированный, он изготавливается только методом ручнойковки. Ножом можно рубить дрова, резать овощи и даже бриться. А уж в бою ему нет равных! Кукри-ножом колот, рубят врага; метают нож.

Да! У нас есть даже кукри-ром! Он разливается в обычные фляжки и бутылки, но для сувениров делают ёмкость в форме стеклянного кукри-ножа, полого внутри.

Да что говорить про прежнюю империю! И сегодня гурки воюют за Великобританию. Вы, я уверен, знаете про сравнительно недавнюю войну между Британией и Аргентиной за Фолклендские острова. К ним подтянулась туча английских кораблей с огромным числом британских военных. Но аргентинцы ожесточенно сопротивлялись на островных холмах. Однако, когда солда-

ты, оборонявшие ключевой холм вблизи Порты Стэнли, узнали, что придётся сражаться против подошедшего к холму батальона гурков, то тихо, ночью, без боя оставили свои позиции...

Принц достал из кармана значок-кокарду из перекрестья в виде ножей-кукри:

– Скрещённые кукри являются эмблемой бригады гурков, которую они носят на форменных головных уборах.

– Как гурков набирают в английскую армию? И насколько такие действия поддерживаются властями Непала?

– Набор производится каждый год. Тысячи непальских юношей стремятся попасть на службу британской короне. Отбор выдерживает не более чем каждый десятый претендент. А если бы такой конкурс предложили другим нациям, скажем, вашим парням? Смог бы его пройти хотя бы каждый десятый? Я думаю, что вряд ли. Сумели бы русские целый час непрерывно бежать в гору, когда за плечами висит корзина, нагруженная тяжелыми камнями? Не знаю. А гурки могут, потому что их жизнь с детства проходит высоко в горах, они и в обычной жизни таскают эти корзины...

Мы, естественно, считали, что русские смогут: и с камнями, и без камней; и в гору, и с горы. Вот ещё, нашёл, с кем конкурировать! Но возражать не стали – пусть потешит самолюбие. И Дип продолжал, не затрагивая больше, слава Богу, наших чудо-богатырей:

– Зачем препятствовать службе в британской армии? Она и престижна, и предлагает такие материальные бонусы, которые королевство Непал дать не в состоянии. После 15 лет непрерывной службы солдат может рассчитывать на пенсию, о которой в родном Непале и не мечтают. Выйдя в отставку, боевой гурк приносит пользу своей стране: инструктором в армии, охранником на гражданке. Да чего уж скрывать, и «солдатами удачи» они порой становятся после службы...

Дип опять достал клинок, не вынимая его на этот раз из ножен полностью.

– Обратите внимание: в сечении лезвие имеет треугольную форму, символизирующую триединство индуистских богов – Брахмы, Вишну и Шивы. Впрочем, я не уверен, знаете ли вы, кто это. Англичане не знают, и вы точно не знаете.

– Да, мы не в курсе. Но с удовольствием узнаем это от тебя.

– Смотрите: Брахма – создатель, Шива – разрушитель, а Вишну – хранитель – все вместе они составляют тримурти, триединое божество.

– А есть ли главный среди них?

– Да. Первое место в триаде богов занимает Брахма. Он сотворитель мира и создатель вселенной...

Разбираться с богами нам явно не хотелось. И мы вернули тему разговора к гуркам:

– Дип, а ты сам гурк? – весело спросил я и протянул руку, чтобы панибратски хлопнуть принца по плечу. Признаюсь, что к тому моменту мы уже прилично выпили. Дип ловко уклонился, подобрался и холодно заметил:

– Если бы ты хлопнул гурка-воина по плечу, он разбил бы тебе голову. Или сломал челюсть. Голой рукой. Это в лучшем случае – если бы удержался от желания достать кукри-нож. Таковы традиции, которые включают и запреты. Нельзя хлопать гурка по плечу, если ты не его близкий друг. Что касается меня, то я не гурк. Я будущий король гурков. Я Махараджадхираджа. Я Бог...

Мы затихли, не зная, продолжать ли беседу или закончить её от греха подальше. Но решили не сворачивать и сочли за лучшее как-то смягчить разговор и спустить его «на тормозах».

– Ну, хорошо, про кукри-нож и про выносливость понятно. За неуместный жест я приношу извинения. А чем ещё гурки вооружены? Вряд ли они идут на неприятеля с одним ножом и голыми руками. И стрелять умеют, наверное?

Тут мы, что называется, попали на призовую тему: разговор с Дипом принял совершенно неожиданный оборот:

– Гурки, конечно, обучены обращаться с огнестрельным оружием. А вы сами-то стрелять умеете? – спросил принц.

Чувствуя какой-то подвох, я тем не менее ответил утвердительно. Да, я действительно умел стрелять, поскольку срочную службу проходил в специальном подразделении. Может, не в таком крутом, как у гурков – скажем, обращаться с кукри-ножом, да и с другими ножами нас не учили – разве что показывали, как действовать примкнутым к советскому автомату АКМ штык-ножом. Но вот пострелять пришлось вволю. И по горам побегать.

Дип накатил ещё вискаря и предложил:

– Так поехали выпустим по паре магазинов...

Получался какой-то вечер сюрпризов. Не увёл бы он слишком далеко. Не очень понятно, как на такое предложение реагировать. Может, пошутить?

– Сейчас? Куда? В ваш колледж?

Но Дип ответил вполне серьёзно:

– Нет, не сейчас и не в колледж. Вы сколько ещё времени будете в Итоне?

– Три дня.

– Поедем послезавтра...

Мы продолжали тактику уклонения:

– Но студентам short leave послезавтра ещё не положен...

– А вам что до того? Мне всё положено. Петер, я тебе объясню, куда подъехать, а ты их привезёшь...

Никто ничего не забыл. Петер забрал нас через день и куда-то повёз. Куда конкретно, я сказать, естественно, не могу. И не из соображений секретности: просто мало ли куда тебя везут в незнакомой стране и местности, да ещё целый час. Но что приехали мы не в «чистое поле», а в оборудованное подземное стрельбище – это точно.

Дипа не было, но он появился минут через десять и снова нас удивил. Потому что прибыл на мотоцикле и в камуфляжной форме. Инструкторы стрельбища встретили принца как хорошего знакомого, и он провёл для нас мини-экскурсию.

– Оружия здесь целый арсенал. Смотрите, вот пистолеты, вот пистолеты-пулемёты; вот штурмовые и снайперские винтовки, вот автоматы и пулемёты.

– А станковые пулеметы и гранатометы есть? – я решил продолжать шуточный тон, а заодно продемонстрировать свою оружейную осведомлённость.

– Крупнокалиберных пулеметов и гранатометов, а также артиллерийских орудий нет. Специально от меня прячут, – поддержал шутку принц. – Жаль! А то бы я разнёс всю эту их конструкцию...

Осмотрев стрельбище, мы увидели, что оно оборудовано комплектом стационарных (стоящих-падающих) и движущихся (идущих-бегущих-встающих-падающих) мишеней.

Дальше Дип выбрал пистолет, видимо, знакомый ему и раньше:

– Ну что, поехали? Как там у вас, у русских говорят: давай-давай?

И «поехал», сбив подряд несколько мишеней и ни разу не промахнувшись. Затем из автомата положил весь бегущий ряд, и вновь ни один из «врагов» не «убежал».

– Из чего предпочитаете стрелять?

Я смутился и задумался. Принц явно палил хорошо, даже отлично. И я из того же британского или какого-то ещё иностранного оружия гарантированно пальнул бы хуже. Товарищ мой, а вместе с ним и Петер вообще участвовать в стрельбах отказались. Но деваться было некуда, и выход из положения я нашёл следующий:

– Может быть, есть российский автомат?

Дип довольно захохотал:

– Ка-лач-ни-коф? Конечно, есть. Есть даже пулемёт Ка-лач-ни-ков!..

Ну, как говорится, назвался груздём – полезай в кузов. И я полез. Когда служил в советской армии, то в моём подразделении не поразить мишени на «пятёрку» из автомата Калашникова – АК или ручного пулемёта – РПК считалось неприличным. Этот пулемёт вообще сказка. Там не как у автомата, где упираешься магазином куда-то в землю или придерживаешь ствольную коробку рукой: РПК можно поставить на ножки-сошки! Сорок патронов в «коробчатом» магазине и семьдесят пять – в «барабанном» вместо тридцати автоматных. Помнят, руки-то, помнят! Закрепил я пулемет на сошки, да как дал! Достоинно вышло, не опростоволосился.

– Молодец, – говорит Дип. – Теперь давай из пистолета. Какой выбираешь?

Я вновь стал шурупить мозгами. Какой-какой. ПМ – пистолет Макарова, вот какой. Потому что и тут руки помнили, но совсем другое. Ну, что «Макаров»? Вот сидишь, допустим, в туалете на очке, простите, а на другом очке сидит враг. Стреляй, и, возможно, попадёшь, но не наверняка. Я и по мишеням из «Макарова» не попадал или плохо! До тех пор, пока не понял: здесь прицельной автоматной стрельбы, когда затаил дыхание, подвёл мушку под прицел и нажал курок – такого нет!

Интуитивная стрельба! Навёл – поймал мишень – выстрелил. Сразу, без вдохов-выдохов и передышки. Как? А как-то так. С боевыми ветеранами разговаривал, они то же самое говорят: тут не думай и не мешкай, а просто лови момент и стреляй. Советам последовал и стал попадать нормально. Хоть с пояса! Не слишком прицельно, но человек не увернётся – куда-нибудь, да вмажу!

– Пистолет Макарова, – говорю Дипу.

– Ма-ка-ро-фа? – Инструктор стрельбища и принц переглянулись. – Нет такого. Об этом пистолете мы даже не слышали...

И тут я вспомнил про «Стечкин». Не полагалось солдатам, но офицеры давали пострелять из АПС – автоматического пистолета Стечкина. Читаю сегодня в источниках: и тяжёлый, и неудобный... А был и есть престижный пистолет. Фидель Кастро радовался, Че Гевара гордился! Двадцать патронов, длинный ствол, приклад можно пристегнуть – в общем, современный «Маузер», который в фильмах про гражданскую войну показывают. Впрочем, внешне абсолютно на «Маузер» не похож. Но подержался, нажал курок – и уже себя счастливым и непобедимым чувствуешь. Бьёт так, что душа восторгается, даже если не попал.

– А «Стечкин», – спрашиваю?

– «Стечкин»? Конечно! Это очень хороший пистолет!

Постреляли из Стечкина. Дип аж с двух рук, как в кино – и опять на «отлично», я – на «троечку», но не позорно.

Дальше принц опустошил ещё несколько обойм из разных стволов, а потом выдвинул предложение, которое, как у нас говорят, «поражало своей новизной и оригинальностью» и от которого «невозможно отказаться». Да мы, разгорячённые, возбуждённые и проголодавшиеся, и не отказывались. Вскоре, в буквальном смысле сложив оружие, оказались в нужном месте с едой и выпивкой. На этот раз уже не в демократичном пабе, а в среднего уровня помпезности ресторане. Сюрпризом было то, что за столиком нас уже ожидала девушка.

– Познакомьтесь, это Деви, – представил девушку Дип, – она тоже студентка в Итоне...

А-а-а, да-да, на прошлой встрече он упоминал Деви, рассказывающую про Советский Союз. И теперь предстояло раскусывать очередную головоломку! Ведь Королевский колледж в Итоне предназначен для мальчиков – мы это точно знали. Видя наше замешательство, Дип, на этот раз вместе с Петером, снова взялись за наше просвещение.

Насчет «мальчикового» колледжа мы не ошибались, просто не предполагали, что порядки в колледже, конечно, строгие, но не настолько, чтобы лишать воспитанников общения с женским полом. Причём общение получалось довольно регулярным. Девочки приезжали в колледж из соседних, «девчачьих» школ, чтобы посмотреть праздничные представления. Они могли даже участвовать в театральных постановках, или играть на концертах, а до этого – общаться с мальчиками на репетициях. Ну и, наконец, этот самый shot leave, когда проводить время вместе можно было без опеки и посторонних глаз. То есть варианты для знакомства с противоположным полом существовали, и молодые люди ими активно пользовались.

Деви обладала характерной индийской внешностью – ну, как принцесса из тамошних фильмов, которых я в детстве насмотрелся дай Бог. Почему я говорю «индийской», а не «непальской»? Да потому что не мог отличить индийца от непальца – точно так же, как, скажем, для чернокожих людей все белые на одно лицо, и наоборот. К тому же индийских женщин я видел и раньше, а непальских – нет.

Как можно тише и осторожнее обратился к Дипу:

– Ты – принц, а Деви похожа на принцессу.

– Она пока не принцесса. Деви – дочь знатного королевского министра. Но она обязательно станет принцессой. И королевой!

При взгляде на молодую пару становилось ясно, что отношения между ними глубокие и серьёзные, по крайней мере на данный момент. Дип нежно держал Деви за руку и ласково смотрел на неё. Тон и стиль речи принца изменились: раньше он говорил громко, отрывисто, агрессивно; весь облик его источал браваду. Теперь беседовал тихо и дружелюбно, а по отношению к Деви даже нежно. Таким образом, всё обходилось без боевых кличей гурков, кукри-ножей и экстремальных предложений. Но это только на первый взгляд.

После обеда принц достал коробочку – как нам показалось, с каким-то табаком и тонкими бумаж-

ками, и начал свертывать сигарету. Деви не осталась безучастной, она мягко останавливала Дипа, приговаривая: «Не надо. Пожалуйста, не надо!»

Я обратился незаметно к Петеру:

– Чего это она? Ну, захотел человек покурить.

– Это марихуанна. Она не хочет, чтобы принц курил марихуанну...

Дип все же закурил. Не знаю, что больше повлияло, курение травки или изрядное количество «Джэк Дэниэлс», но принц начал всё больше заводиться. Деви с сожалением наблюдала за его поведением, но не проявляла желания уйти. У нас же, напротив, возникла мысль побыстрее смотаться, и мы стали как можно спокойнее и вежливее раскланиваться. Но поскольку не знали, как доехать из ресторана до гостиницы, решили подождать обещанного Дипом автомобиля.

Пока дожидались, случилось ещё кое-что. Как это частенько происходит у многих людей в пьяном состоянии, Дип начал обзванивать и приглашать на обед, перераставший в вечеринку, друзей – у него уже тогда имелся телефон сотовой связи. Один дружок прибыл до нашего ухода, это был голландец по имени Петрус. Мы пошутили, что, мол, теперь не ошибемся: наш гид Петер, а голландец Петрус, так что как ни произнеси, а кто-нибудь да откликнется.

Дип и Петрус отошли в сторону и о чём-то шептались. Я видел, что Петрус вынул из кармана что-то похожее на таблетки, они положили их в рот и запили водой. От дальнейших наблюдений, которые могли закончиться, как я чувствовал, чем угодно, а для нас, чужестранцев, точно не полезным, избавил подоспевший автомобиль.

Но и прощаясь, принц не унимался:

– Ты запомнил, что непальские гурки – лучшие воины?! Они умеют всё. Ты умеешь стоять на руках?

– Конечно, нет. А ты, да-да, я знаю, великолепно умеешь это делать. Не надо показывать, пожалуйста, я и так верю.

– Да, я могу! И покажу, чтобы вы не сомневались!

Дип, несмотря на явные признаки опьянения, легко встал на руки. Я бы, пожалуй, тоже смог, если б удалось облокотиться ногами о стену рядом. Но, подумав, благоразумно воздержался: наши с принцем алкогольные кондиции, а вместе с ними и «стремления к подвигам» не совпадали. Не хватало только чего-нибудь сломать! Я наблюдал, выражая лицом восторг и хлопал в ладоши. Но принц только распался:

– А ты умеешь стоять на одной руке? – Дип в самом деле оторвал от земли правую руку и не упал.

– А ты можешь удержаться вот так? – Принц перевел опирающуюся об пол ладонь в состояние кулака. Постояв несколько секунд на кулаке, Дип ловко встал на ноги.

– Командир непобедимой армии гурков должен уметь всё, что умеют они. И даже больше.

Jay Mahakali, aayoo Gurkhali!..

Уже покинув Великобританию и вернувшись в СССР, мы узнали, что кронпринц Дип, в соответствии с непальскими традициями, официально объявлен божественным и священным. Вскоре отец, король Бир, забрал Дипа в Непал и сделал его главнокомандующим вооружёнными силами страны.

Продолжение следует

Проза

Елена Дубровина

Елена Дубровина родилась 29 июня 1979 года в Воронеже. Окончила филологический факультет Воронежского государственного университета и экономический факультет Института менеджмента, маркетинга и финансов. Автор романа «Туда, где рождается Солнце», сборников рассказов «Пшеничное сердце», «Бабушка-Вуду», «Я тут» и др. Публиковалась в литературных журналах: «Берега», «Подъём», «Молоко», в литературном альманахе «Полдень» и др. Финалист VI Международного литературного фестиваля «Славянская лира-2019» в номинации «Малая проза. Свободная тематика». Работала в составе жюри городских и региональных конкурсов чтецов: «Живая классика», «Откроем для себя Исаевские строки», «Я научила женщин говорить», и др. Выступала инициатором и организатором литературных конкурсов для школьников. Организатор благотворительного проекта для детей-сирот и детей-инвалидов г. Воронежа и Воронежской области «Лука и лучики»

Бисер на асфальте

Рассказ-загадка

Я не смог пройти мимо седого старика в неброской одежде, играющего на скрипке в подземном переходе. А играл он – самозабвенно! Причём, технически довольно сложное музыкальное произведение. И хотя оно было создано *скрипачом*^{*}, что всегда органичнее и доступнее для исполнения на струнных, всё-таки творение сие – дивное *сольное* изобретение, снятое со смычка *неистового виртуоза*.

В раскрытый изношенный футляр, пропахший канифолью, прохожие изредка кидали монеты и торопились по своим делам. Равнодушные и вовсе проходили мимо. Смутила ли меня мысль, что глупа старательность старика в игре перед будничной городской суетой? Нет, потому что я и сам, трусливо зажмурившись, старался перед публикой пустых кресел у подножья сцены актового зала консерватории, и даже перед жующими ртами на свадьбе старшего брата. Заставлял себя внимать лишь инструменту, щекой прижимая его к сердцу – к главному музыкальному ключу, доверив правую руку с древком верховодить Ангелу Хранителю. Нет, я не одарил старика щедрым подаянием, ибо сегодня сам по причине пустого кармана добираюсь до консерватории пешком. И, нет, мне не пришла в голову мысль расчехлить свою скрипку и встать рядом, чтобы поддержать музыканта. Эта идея, скорее бы, вдохновила сетевых интернет-героев, считающих своим гражданским долгом разжалобить суетную публику красивым «социальным» жестом ради рейтингов и «лайкового» признания (главное, сие «великодушное» действие непременно снять на видео)...

Я просто стоял и слушал. Закрыв глаза:

f ** И вот моё сердце парит¹,
 в бездонный кристалл, лазурит
 пространнее крыл взмыл...

P *** Сияние неба храня,
 ладаном дышит земля;
 ожили ключи, лучи...

* Здесь и далее курсивом даны подсказки, они откроют имя композитора и название его музыкального произведения.

** Forte – обозначение по-итальянски громкости на нотном стане.

¹ Ритмика, тема, образы, размер и тоника (если прочесть вслух с выражением) дают возможность воспроизвести мотив и отгадать, что за музыкальное произведение звучит в тексте?

*** Piano – «тихо».

f О, как грандиозно бушует!
 Торжественно мир ликует!
 Ликует!
 С Творцом
 воскресая
 вновь...²

О, это была настоящая магия *allegro**! Прочувствованная и пережитая сердцем мелодия, бодрая, пышная, сочная, экстравагантная, заполнила собою пространство. Она – движение самого сердца – взмыла в высь, простираясь над и везде, возвещая *радость рождения и победы над смертью*.

Каждый звук имел своё место. Нет, мелодия в моём воображении не распадалась на схемы с нотного стана, и техника не бросалась в глаза, оставляя место чувству маэстро: это было нечто единое, но нечто своё. И были художественно оправданными вольные и такт, и паузы, и динамика, и артикуляция, и штрихи, и мелизмы... Совсем недавно сам отыграл этот концерт, близкий мне по духу *спором гармонии с изобретением*, и знал: в этом месте следует играть немного иначе, а здесь нет вибрато, а здесь мгновенная трель. Впрочем, и моё стоккато звучит ещё более кратко, правда, это личная импровизация... Но то, что я слышал сейчас – несомненно, было жизнью! Жизнью, льющейся от сердца к сердцу. И, думается, сам композитор, этот *рыжий* любимец Солнца и Земли, которая *встрепенулась трусом в ответ на его рождение*, так вот будь он сейчас здесь, стоял бы со мною рядом, дивясь и радуясь гениальности музыканта. И в сердцах благодарил бы старика за ту глубину познания, которую сам лишь предощущал, когда впитывал потоки вдохновения, дарованные свыше...

Название произведения? Оно ничего не даст. Разве возможно необъятное, состоящие из невероятного количества оттенков и полутонов, соотносить с определённым цветом? Даже в радуге человечеству дано семь цветов. Разве многозвучие прекрасной мелодии отразит своё очарование в одной ноте? Когда человечеству дано их целых семь. Разве получится передать свои столь изменчивые и текучие во времени и со временем ощущения назвать одним словом? В то время как человечеству дано семь чувств (признавайте или нет, а седьмое – боль и радость души). Наверное, это будет лишь жалкой попыткой заключить в вакуум многогранность жизни, обобщить, разделить, ограничить рамкой для последующей каталожной систематизации. Ах, умники, всё бы вам объяснить, дабы упростить и умалить, обмирщить частичку вечности, чтобы получить молоток и гвозди, демократично вручив их бездарностям, которые наверняка сумеют сколотить роскошные гробы искусству. Но вначале были не мастерство, не нотная грамматика, не методы, не техники, не изощренная орнаментика, а крылатое открытие, сотворённое интуицией, вкусом, внутренним чутьём вкупе с сердцем – пение души – молитва.

Да, настоящее творится сердцем, а знание второстепенно: так, профессионалы строят титаники-британики, а любители под святым покровом создают непотопляемый ковчег, укрывший жизнь на Земле. Но лишь сохранив «до», приумножается «после». И поскольку живая классика одним – бетонная плита, иным – хлебушек, то и новаторство новаторству рознь... Ах, умники, оставьте людям тайну, ведь она непременно имеется в настоящем творении!..

Замер я, слушал... Он – играл... Всё вокруг перестало быть. Ни суеты, ни прохожих, ни потрепанного кафеля, кое-где подёрнутого чернотой плесени, ни колонн подземки с их неприятно грязными разводами. На мгновение я выпал из обычного мира и погрузился в мир звука. О, он имеет и вкус, и аромат, и цвет – это живописный язык, говорящий без слов. Пером и кистью становится в руках смычок, и музыкальный чтец, изучивший тонкости звуковой грамматики говорит – говорит голосом скрипки. Поверьте, этот инструмент – отличный рассказчик, когда автору и исполнителю есть что рассказать...

Смолкло – очнулся.

Посмотрел по сторонам: идущие прохожие... пробегающие прохожие... Странно, удивительная музыка – и никому не нужна! А за непонятное гудение с отупляющими повторами и примитивной трактовкой музыкальных методов воздействия на нервы, за беспорядочные куски, вырванные, кстати, из открытий и наработок мировой классики, за дикие стоны и вопли – люди готовы платить

* Allegro – одна из пяти степеней движения музыкальной передачи, особый темп, в переводе с итальянского: быстрый, радостный, живой.

деньги, здоровье, вкус; готовы впитывать даже бесплатно ежедневным фоном из радиоприемников вперемешку с рекламой. Что это?! Безжизненный отклик гудения на гудение? Гула на шум?

Тишина мёртвой души.

Где-то гудение припудрено спецэффектами. О, дьявол любит спецэффекты. Но постойте! Ведь его шоу-пафос – это фальшь, прикрывающая отсутствие величия, глубины и дара. Гудение не трогает сердца, не живит, но погружает его в тяжёлую безысходность, слепоту и в мертвую спячку. Остановитесь! Ведь это будоражит нервы, и только. В музыкальном искусстве есть уйма приёмов воздействия на публику: длительно держать под напряжением, а потом вдруг отпустить; вызвать тревогу или расслабить; раззадорить и развеселить; навевать грусть и даже уныние; вдохновить на подвижничество или толкнуть к разврату... Но мы же не животные, чтоб вдруг залиться воем, услышав плаксивую мелодию, лишь дергающую струны нервов, у нас же есть рассудительность разума, отделяющего зерно от плевел, и душа, ощущающая вечность!..

Что там спецэффекты, когда к горькому сожалению начинаешь замечать, что современные звуки всё больше чураются даже их? Подчеркнуто так. Под прикрытием воспевания творческого минимализма, на самом деле мудрёно маскируют скудость души и таланта, отсутствие истинных знаний и мастерства. Но витийство, внутренне неоправданное, лишь искусительное украшение бутафорского яблока из папье-маше.

Игре на скрипке теперь можно научиться, взяв виртуальные уроки через интернет. Но если каждый объявит себя музыкантом и композитором, а вместе с тем начнёт «продвигать» своё творчество в массы (сейчас это несложно – были бы деньги), то сама эта профессия обмельчает и упразднится. А как же одарённые, для кого это поприще подобно дыханию? Что ж, даже гениального *учителя, преподающего дону*, некогда предали забвению на целых двести лет. А ведь его *проповедь* была уникальна, он говорил со своей утончённой паствой на доступном для неё, изящном *барочном* языке. Живописал в звуке чудесные пейзажи, воспевал красоту природы, вещающей своей упорядоченной цикличностью о *четырёх* скоротечных ступенях, ведущих ко входу в победоносную вечность. И был он выше любой ниши.

Маэстро дон, *страдающий от нехватки воздуха* и от удушья среды зависти и порока, знал своего Создателя. Сила-то Его как раз в немощи и свершается! О, без Него все поиски ответов, догадки и домыслы – бестолковые топтания около Истины. А дон знал... Странные нынче люди: отрицая Истину, её упорно ищут. Вероятно, они поглощены процессом поисков, и им это интереснее, нежели отыскать клад смыслов. Ах, откуда черпаете вдохновенье, если вольному сердцу дано быть либо богатым сосудом, непревзойденного в Своей гениальности Создателя, либо пустым сосудом дьявола, а иного не дано?..

Только невостреманность и не временные вкусы публики создают шедевры и рожают гениев, и настоящее искусство не подчинено ни циклам, ни периодам, потому что даже капля вечности временных границ не имеет.

Мне стало больно: «Сколько Вас таких, уличных музыкантов, виртуозно стирающих реальность и щедро сыплющих драгоценный бисер на асфальт?!»

«Знайте, Вы не одиноки, ибо я слушаю Вас!» – едва не сорвалось с уст...

Но старый скрипач... В этот момент он натирал свой смычок кусочком канифоли. Инструмент покоился в футляре, поверх скомканного пакета с подаянием. Старик поглядывал на меня с мудрой улыбкой, при этом его глаза неподдельно лучились счастьем, древним знанием и прозорливостью: они меня благословляли.

И тут я сделал для себя потрясающее открытие: неважно, кто я, музыкант или писатель, артист или художник, учитель или врач, кассир или электрик, депутат или собиратель прищепок, знаменит или безвестен, беден или богат – отныне, лишь коснувшись струн, я сознательно, свободно сольюсь с инструментом воедино, и по-настоящему проживу каждую секунду, расточая себя без сожаленья, без остатка, ибо моему ремеслу внемлет Бог!

Ответ: *Antonio Lucio Vivaldi* / Антонио Лючио Вивальди «*La Primavera* / Весна», первый концерт из первых четырех скрипичных концертов «*Le quattro stagioni* / Четыре времени года», входящие в состав цикла 12-ти концертов «*Disputa di armonia con l'invenzione* / Спор гармонии с изобретением».

Поэзия

Эд Побужанский

Родился 19 апреля 1968 года в г. Черновцы (Украина). Детство и юность провёл в г. Единцы на севере Молдавии. Окончил школу с золотой медалью. Служил в армии. Окончил факультет журналистики Молдавского государственного университета и Высшие литературные курсы при Литературном институте им. А. М. Горького. Автор поэтических книг «Светосплетенья» (1992), «От мира сего» (1993), «Ересь» (2012) и «Между слов» (2018). Стихи публиковались в журналах «Москва», «Крещатик», «Плавучий мост», «Слово/Word», «Новый Свет», «Берега», «Алтай», «Дальний Восток» и др., были переведены на румынский, украинский, чешский, армянский и английский языки. Член Союза писателей России. Основатель и главный редактор издательства «Образ». Живёт в Москве

ТРЕТИЙ ГЛАЗ

СЛЕД

Не крестиком вышивание
И не вязанье крючком –
Стихи – это как выживание:
По хрусткому снегу ползком.

Не чуя ни места, ни времени,
Не чувствуя страха и ног –
Туда, где мелькнул за деревьями
Неясной судьбы огонёк.

И что там с тобою станется?..
Спасёт ли обманчивый свет?..
Ползёшь, а по снегу тянется
Строкою багряною след.

ПРОСТОР

Чем дальше в лес, тем ниже солнце,
А на краю вселенской тьмы
Стоят вплотную мачты-сосны
И ловят космоса шумы.

В НИИ сидит учёный мрачный,
Пред ним приборов арсенал,
Но не они, а эти мачты
Из бездны выловят сигнал.

А на другом краю вселенной
Мальчишка руки распростёр,
Чтоб тонким телом, как антенной,
Принять мерцающий простор.

АНГЕЛ

Слушай, я не знаю,
что они там вкурили,
но меня назначили
ангелом твоим.
У меня мало налёта
и слабые крылья,
и я не уверен,
что мы даже взлетим.
Но мы попробуем,
да и выхода нету.
Ты помнишь молитву?
Любую. И я – нет.
Но я же твой ангел,
Я агент неба.
Не отключайся,
не выключай
внутренний свет.

ГЁТЕ

Мы все под Богом, да бес под боком:
Следит за мною лукавым оком.
К столу подходит, стучит копытом:
«Сгоняй за водкой, пока открыто!»
А то, бывает, нашепчет в ухо:
«Твоя-то краля совсем старуха!»
А я: «Ну, черти, ну вы даёте!» –
И в харю томом
Иоганна Гёте!

В МОЛДАВИИ

Когда в комнате стало совсем тихо,
я услышал,
как из неплотно закрытой бутылки
с минеральной водой
выходит газ –
робкими,
сипящими пузырьками.
«Гура Кэинарулуй»*
хочет мне что-то сказать –
сейчас,
пока мама спит,
в ночной тишине
родительского дома...

МУРАКАМИ

В студенческой общаге нашей
Был заведён режим монаший.

В любой сестре-филологине
Я видел признаки богини.

Я тенью шёл за ними в келью,
Чтоб на ночь почитать Коэльо.

И брал их голыми руками
Вдвоём с Харуки Мураками.

О, скольких помнят эти руки!..
Теперь уже не тот Харуки.

ПОЭТ

Хомо поетикус выйдет из дома –
Так, как выходят наружу из комы:
Морщась от шума и щурясь от света,
Не узнавая ни лиц, ни предметов.

Хомо поетикус выйдет за небом –
Так, как выходят за водкой и хлебом.
Выйдет вдохнуть этой выси и сини...
Впрочем, и водки купить в магазине.

Сколько в поэте подённого флуда?
Если брать брутто, немало как будто,
Но остаётся же главное – нетто,
Что нашептал ему призрачный Некто.

* «Гура Кэинарулуй» – популярная в Молдавии марка минеральной воды, названа по одноимённому селу, известному природными источниками.

«Гура» (рум.) – в одном из значений: рот.

СТАРУХА

А кошки эти – семья старушья.
Семь – во дворе, да в квартире – три.
Но даже те, кто живёт снаружи,
У неё, у старой, – тоже внутри.

Утром выйдет во двор и в плошки
То супу нальёт, то молока.
Известно всякой бродячей кошке,
Что пахнет лаской её рука.

Старуха стала почти неходячей
(Ах, ножки – будто на каждой пуд!),
А всё выходила к родне кошачьей –
Кормила, жалела...

Может, врут,
Но говорят, когда гроб выносили,
Кошки в округе всей
Голосили.

ЛИТЕРАТУРНОЕ

Свой век мотаю от и до,
От Грина до Довлатова,
И можно выйти по УДО –
Но лишь в окно с девятого.

А у рабочего стола
Стоит герой лирический,
Ему что стопка, что стопа –
Вставляет неямбически.

Он, может, ангел во плоти,
Да смотрит чёртом вражеским.
Прости, я занят до пяти,
А после – покуражимся!

ПУГОВИЦЫ

«Вы, русские, всегда всё усложняете, –
вздыхнул чешский поэт и переводчик,
закрывая мою книгу. –
Кому сейчас нужны рифмованные стихи?
Разве что детям!
Рифмы сегодня так же нелепы,
как пуговицы на голом теле!...»
Я промолчал.
Мне было неловко признаться,
что в детстве,
когда я приезжал на лето
к бабушке,

то любил перебирать
 разноцветные пуговицы
 в жестяной коробке.
 Перламутровые, деревянные, стальные,
 разных форм и цветов –
 они казались мне настоящим
 сокровищем!
 Я даже хотел стащить одну –
 жёлтую пуговицу со звездой, –
 чтобы выменять её
 на рогатку...
 А когда мы с дружкой Сашкой
 убегали на озеро,
 то возвращались домой
 только под вечер,
 когда июньское солнце
 закатывалось за горизонт,
 словно большая
 красная пуговица.

ПОДЛОДКА

Когда я остался один,
 Бедой захлебнувшись, как водкой,
 Твой дом из крошечных глубин
 Поднялся подводною лодкой.

Тяжёлые воды беды
 Затянуты тиной чёрной,
 И я, как буёк, из воды –
 Торчал головою никчёмной.

Но был я внезапно спасён
 И выжил в твоей субмарине,
 Где были и сон, и Бессон,
 И даже немного мартини.

ЗВОНОК

Каждый недавно умерший
 получает право
 на один короткий звонок –
 чтобы только сказать,
 что с ним всё в порядке.
 Обычно звонят детям,
 реже – родителям,
 звонят мужьям и жёнам
 (иногда даже бывшим!),
 и почти никто
 не звонит
 на работу,
 в церковь,

в больницу,
 в собес.
 Никто не звонит
 на прямую линию с президентом
 или экстрасенсу
 из известного телепроекта.
 Говорят, таких номеров
 даже нет в телефонной книге.
 Есть только эти:
 мама, папа,
 сын, дочь,
 любимый,
 любимая...

МОЛЬБА

Как низко сегодня небо!
 Как близко оно от земли!
 Боже, прими мою потребу –
 Век мамы моей продли!

Я сыном хорошим не был,
 Живя от неё вдали.
 Боже, прими мою потребу –
 Печали её утоли!

В груди моей слабой жженьё,
 Такое – хоть грудь разорви!
 Но держит меня притяженьё
 Твоей и её любви!

Растёт надо мною небо,
 Восходит дыханьем земли!
 Боже, что хочешь требуй –
 Лишь век моей мамы продли!

ПИЦЦА СЧАСТЬЯ

Для утра подойдёт любая сура,
 Любой сырок творожный в день сурка.
 Когда б вы знали, из какого сюра
 Растут стихи и цены ЖКХ...

Я ждал её расслабленный, в пижаме,
 Судьба ж моя пришла не с вискарём –
 Явилась в дом Фемидою с весами
 (Напольными) и спортивный инвентарём.

И вот в стакане фреш до самой риски,
 А в миске каша, скучная на вид,
 Но верю я: в моё окно, как фрисби,
 Однажды пицца счастья залетит!

ВРЕМЯ

В ресторане «Тануки»
я держу в руке хаши
(палочки для еды),
словно тонкие
белые стрелки
часов-невидимки,
словно время само
у меня в кулаке.
Смешно.
Я даже не знаю,
во сколько сегодня
вернусь домой.

НЕМОТА

Я снимаю с себя языки.
Русский, румынский,
английский, какой-то ещё...
Ну вот, я уже не носитель.
Я гол и нем.
Всё, что я могу сейчас,
безязыкий, –
рыдать.
В немоте.

ПАСХА

Он есть.
Он здесь и в небесах.
И до, и днесь, и после.
Но в дом Его о трёх крестах
Вхожу я робким гостем.
Неловко мнусь:
Он точно здесь?
Вдруг свет в глаза – до рези!
Огонь сошёл.
Воскрес? Воскрес!
Воистину воскрес!

СВЯЗЬ

Небо моё с овчину,
Твоё – голубой атлас,
И нет ни одной причины
Остаться хотя бы на час.

Мы бились как птицы между
Этих больных небес.
Не подавай надежды,
Я должен привыкнуть – без.

В злобе, тоске и гнев
Не поминай добра.
В чёрном с овчину небе
Что ни звезда – дыра.

Время всегда проточно,
Небо – то шёлк, то бязь,
Не называй порочной
Непрочную нашу связь.

Поэзия

Яков Шафран

Член Академии российской литературы, Российского Союза писателей, Союза писателей и переводчиков при МГО СПР. Лауреат всероссийских литературных премий: им. Н. С. Лескова «Левша» и «Белуха» им. Г. Д. Гребениčkова, лауреат премии русских писателей Белоруссии им. Вениамина Блаженного. Заместитель главного редактора – ответственный секретарь литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори», главный редактор альманаха «Ковчег» журнала «Приокские зори», член редакционных советов: Вестника Академии российской литературы «Московский Парнас», музыкально-поэтического альманаха «На лирической волне» (Тула, журнал «Приокские зори») и музыкально-литературного альманаха «Тульская сторонка».

БЕРЕЗОВАЯ РУСЬ

* * *

Серые тени и серые будни,
Серый наш завтрашний день.
Однообразные серые блудни,
Вечная серая лень.

Бедная Родина, стала ты серой,
Как придорожная пыль.
И не измерить и точною мерой
Всех, превратившихся в быть.

Это судьба ли, иль просто ненастье –
Не было б только грозы!
Серое, может случиться несчастье –
Вспыхнет, как связка лозы.

Армагедон пусть останется Небу,
Нас пусть минёт стороной.
В каждой записке на нужную потребу –
«Боже, пошли нам покой!»

* * *

Время ненастное, небо туманное,
Дождь моросит без конца.
Где же ты, солнце, и лето, желанное –
Осень уже у крыльца.

Поле, бесхлебное, поле, заросшее
До горизонта травой,
Поле в ознобе стоит всё, промокшее,
Тешит лишь цвет луговой.

И ветерка даже нет дуновения,
Клонит природу ко сну.
В зыбкое утро, в его откровения
Душу свою распахну.

Что же готовит нам время осеннее,
Что же готовит земле?
Только надежда – грядёт воскресение
Наших полей по весне...

* * *

Бледнеет небосвод, сереет роща,
Берёзы с полутьмой слились.
Луна за тучами лучи полощет –
Беззвёздна сумрачная высь.

Не спится мне, под утро нет покоя.
Пройдусь, хотя ещё темно.
В поре такой есть что-то колдовское,
Как будто в мир иной окно.

Иду, стволы берёз рукой лаская
И взором – розовый восток.
И видится душе: там жизнь иная,
Живительной воды исток.

* * *

Проста берёзовая роща,
Как вся берёзовая Русь.
Что может быть милее, проще?
Но отчего на сердце грусть?

Давно на рощу точит зубы,
Давно уж глаз свой положил
Богатый многоликий зубр –
Готов построить сотню вилл.

Что может быть сегодня проще?
Но отчего на сердце грусть? –
Проста берёзовая роща,
Как вся берёзовая Русь...

* * *

Прижмусь к берёзе – славно, благодать! –
В ней жизнь гудит кипуче, неустанно.
И будто в детстве, мне природа-мать
Готова залечить любую рану...

* * *

Уж в роще темно, догорает тоскливо
Заря меж берёзовых крон.
И следом за ней наплывает лениво
Ночной продолжительный сон.

Но птицы, смириться со сном не желая,
Хвалебную песню поют.
И песня несётся от края до края,
В любви провожая зарю.

* * *

Кто счастье ищет неустанно,
Меня страны, города,
Игрушкой стал в руках обмана,
И жизнь такая – суета.

А счастье – солнца луч рассветный,
Сиянье россыпей росы,
И птичий певчий хор приветный
Среди берёзовой красоты,

И сказочное многоцветье
Осенних радостных картин,
И серебро в закатном свете
Дрожащих тонких паутин,

И ветви, инеем покрыты,
И снег – от неба благодать,
Мороз забористо сердитый,
И речки ледяная гладь,

И звёзд смиренное мерцанье
Из беспредельности в ночи,
Любви божественной дыханье –
Лишь «тихо чувствуй и молчи»,

Алмазная капель весною,
Бурливо звучные ручьи, –
Всё это счастье мне земное,
Крупницы радости мои.

Ещё: в покое и довольстве
Народ бы наш российский жил
И креп, и расцветал в потомстве,
И счастлив бы вовеки был.

И не нужна страна другая,
Других не надо городов,
Была бы ты, моя родная,
Земля мечтаний и трудов!

* * *

Речка, косогорье.
Дальние поля.
Ближнее подворье –
Милая земля.

Милая Россия,
Милая земля,
Ты моя стихия,
Ты моя семья.

Городами, сёлами
Мне б пройти твой свет,
Видеть их весёлыми,
Слать любви привет.

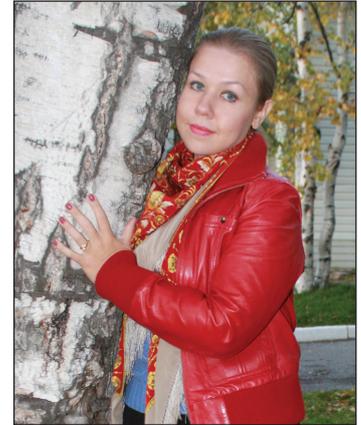
Старые и главные
Песни петь и петь,
Чтоб деянья славные
Не кончались впредь.

Время тихо катится.
Взор стремится ввысь.
Прочь все неурядицы,
Чтоб мечты сбылись!

Поэзия

Карина Сейдаметова

Сейдаметова Карина Константиновна родилась в Самарской области. Окончила Литературный институт им. А. М. Горького. Автор поэтических сборников: «Позимник», «Соборный свет», «Вольница». Стихи публиковались во многих всероссийских бумажных и электронных общественно-патриотических изданиях: в журналах «Наши современники», «Москва», «Сура» (Пенза), «Дон» (Ростов-на-Дону), «Великороссь», «Подъём» (Воронеж), «Гостиный двор» (Оренбург), «Роман-журнал XXI век», «Родная Кубань» (Краснодар), «День и ночь» (Красноярск), «Волга-XXI век» (Саратов), «Русское эхо» (Самара), «Простор» (Казахстан) и др. Лауреат поэтической премии имени Юрия Кузнецова журнала «Наши современники». Член Союза писателей России. Живёт и работает в Москве

* * *

То тюркская, то скифская царевна...
Две крови древних напитали вены,
Сражаются, вращая жизни ось,
В них страсть и нежность, доброта и злость.

Две стороны одной луны мерцают.
И я за обе, как могу, молюсь...
Когда клянут друг друга Золотая
Орда – беда и грусть – Святая Русь.

Наследье предков – роковая мета!..
Не потому ль характер мой суров?
В нём царствует татарин Сейдаметов
И властвует казак Пономарёв.

Правители судьбы моей строптивой,
Два рода: кочевой и боевой –
Кресало и кремь, а я – огниво
Фамильной жгучей связи родовой...

ВОЛЬНИЦА

Ясному солнышку в пояс поклонится
– Здравствуй, родна сторона! –
Вольница-воля, степная бессонница,
Заревом алым пьяна.

Только подмога царю, не поклонница,
Вихри в шальной голове.
Скачет твоя оголтелая конница
И атаман во главе.

Это тюльпаны горят или кровушка
Светит в степях-лихачах,
Где казаченьки, лихие головушки,
Солнце везут на плечах.

Где ж эта конница, где ж эта вольница?
Канула в вечность стремглав?
Иль обживает первопрестольницу,
Шалых коней расседлав?

Ты и раздольная, ты и раскольная!
Шашки рядить наголо,
Чтоб на форпостах небес, своевольное,
Русское солнце взшло.

* * *

Этот ветер не сдержит никто!
Он корёжит родимые ветки,
И на пугале треплет пальто.
И ревет над могилами предков.

Он деревья от века ломал,
По дорогам пускал чернозёмы,
У Господнего древа дремал,
И снега раздувал до позёмок...

В малых весях, в больших городах,
От кочующей ярости светел,
Обрывая листву на ветвях,
Голосит и бесчинствует ветер.

Пальтецо продувая насквозь,
Он пугает понурых прохожих,
Разорвет рябинную гроздь,
И озноб разгоняет по коже.

Одичалому ветру хлестать
И заламывать ветки до хруста...
Ведь ему никогда не принять
Чувство родины – тихое чувство.

Потому в человеческих дворах
Кровь рябин и кропит бездорожье,
Что живём не на стылых ветрах –
Что согреты дыханием Божьим!..

* * *

По птичьему лёту, по зыбкому льду
Весне первоцветной навстречу иду.
Ветра прилетают
И лёд подъедают,
И дуют в шальную дуду.

И голуби мнутя у кромки пруда,
И смотрят, любуясь, как дремлет вода
До майского срока,
В предчувствии рока –
Могучего таянья льда!

С Господних и горних поющих высот
Нисходит сиянье на тающий лёд.
По лужам весёлым,
Взметая подолом,
Весна мне навстречу идёт.

ВЬЮГИ

Лютуют свирепые вьюги,
Гуляя в родной стороне.
Ответствуйте, верные други,
Сие не почудилось мне?

Могло ли такое присниться:
Иду вдоль Кремлевской стены,
Где эхом надменной столицы
Шаги мои отражены.

Сверну наугад по Арбатской –
В простор, как в небесный поток:
Навстречу мне бросится адский
Машин и прохожих поток.

Скажите мне, милые други –
Возможно, то чудится мне?
И эти московские вьюги,
Что в русской летают округе –
Лишь зимний подарок стране?

Москва бьет своих, чтоб чужие
Боялись – я в доску своя!
Мне – взоры Москвы ножевые,
И матерна ласка ея.

* * *

На столе букет из сухих цветов
И рябина... рябина – в глазах рябит!
Эта комната помнится нам без слов,
Оттого и кажется – без обид.

И покуда никто ещё не привык –
Хорошо бы не приходиться тебе.
Если говорю, то без закавык.
Да не думай, не думай, не по злобе!

Так бывает: нельзя ничего спасти,
Эта комната нам, что казённый дом...
Эта кисть рябины в моей горсти
Поцелуйным пылает твоим огнём!

Паутины много наплёл паук...
Всё осенний дым от костра, всё тлен.
Не боюсь к разлуке привыкнуть вдруг –
Я боюсь непрощенных перемен!

На столе букет из сухих цветов
И рябина, рябина – в глазах рябит...
Эта комната помнится нам без слов,
Оттого и кажется – без обид.

* * *

Ты снишься, как черёмуховый ветер.
По-майски ясно и светло в саду...
Любовью дышат душевные соцветья,
И я по саду, юная, иду.
Несмелая, иду под вздох черёмух,
Себя на «до» и «после» не деля.
Мой самый точный, самый важный промах –
Жить начинаю набело, с нуля.
Пусть запах той черёмухи ознобкой,
Гонимый ветром, вскинется в окно,
И я поверю в суть примет народных:
Не всё ли жизнью определено?!
Фасонится черёмуховым платьем
Княжна-весна, не ведая, зачем...
Цветущая у юности в объятьях
Влюблённость – вот поэма из поэм!
Весенний мой, стремительно-рассветный,
Влюблённо-юный невозвратный май,
Не утрашись безудержного ветра,
Черёмуховых судеб не ломай...

Поэзия

Лидия Соловей

Лидия Соловей – поэт, эссеист, музыкант, общественный деятель. Автор пяти поэтических сборников: «Миры иные откровений», «Музыка мига», «Поющий сад», «Лидийский лад», «Соло свирели»,

Стихи Лидии Соловей опубликованы в сборниках поэзии, таких как «РУСЬ МОЯ» («Издательство «Новое слово», «Высокая поэзия России»). Публиковалась в Антологии стихов и прозы «Литературная Евразия», альманахе «Российский колокол». Лауреат Литературного конкурса «Арсис» им. В.С.Рожественского... Награждена Дипломом и медалью GEORGE GORDON BYRON русско-английского литературного конкурса. Имеет другие литературные и правительственные награды...

О, РУСЬ !

Окутан сумраком синеющих снегов
Сиротства зов. Звон бубенцов – дорог sonore.
О, Русь! Зачем звучание твоих колоколов
Не Ода радости – тоски прозренья
в соль-диез миноре.*

Жизнь – мышцы мерный ритм среди миров,
В садах сирени белой краткое цветенье,
И одинокие, о, изнурённость сердца пенье,
Дни – бег коней, где эхом цоканье подков.

Неумолим их счёт, как чётко чёт – нечёт.
Среди дорог, монастырей, и истин
Потребует Всевышний дать отчёт –
Зачем неверно жил, и чувствовал, и мыслил.

И мне не прозвенит – пробьёт в последнем сне
Небесный исполин – набат неумолимый.
Но утром первый снег, и Кто-то явит милость,
И Голос позовёт: Ко мне, Нередица, иди ко мне.

ВРЕМЁН ВРАЩАЕТСЯ СПИРАЛЬ

Меня укутывает вечер
в рождественских метелей шаль,
на стыке слов –
НИЧТО НЕ ВЕЧНО –
времён вращается спираль.
Вращаются устои – стулья,
небес огни, часы и дни.

Звезды сверхновой аллилуйя:

– Живи, себя не хорони.
Отдай скитальцам-пилигримам
плода кровь – красное вино,
в ладонях – дольку мандарина
себе оставь... Так суждено:
отпав от ветви вдохновенья,
плод света – жертвенная плоть –
времён изменит назначение...
Да сохрани тебя Господь!!!
– Да! Сохранит живое СЛОВО
Творец – творение своё.
Но куст?!.. Зачем здесь куст терновый?!
Волхвы спешат на Рождество.

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ КАНТАТА

И напролёт шёл снег, все дни и ночи,
непостижимою, густою пеленой,
ушли в снега, пропали ямы, кочки
под рыхлою опрятною ордой.

Мир запакованный в глухую вату
в окне. Вплотную. Хмурое ничто.
Сосна под ветром пела солнц утрату,
не сбросив бремя непосильное – пальто.

Весь мир дышал величием покоя,
в бесплотной плоскости терялся где-то лес.
Но хаос белой пелены исчез
в безбрежном пенье баховской кантаты.

* Соль-диез минор – тональность Прелюдии С. В. Рахманинова.

И СЧАСТИЯ ЧАША ПОЛНА

Касание кисти руки осторожно –
Рождественская белизна.
Начало исхода, чудес позолота,
И феей ночной тишина.

Качание в чаше часов величаво,
Секунды – столетий вожди,
Иголки на ёлке зарделись свечами
И нитями пали дожди.

– Давай, дорогая, послушаем вечность,
Что скажут её голоса?
– Как нехотя, медленно, сонно и мерно
Пробила она полчаса.

И долго и длинно ещё до рассвета,
И счастья чаша полна,
И скрипки так трепетно пение где-то,
Так страстно томится струна.

И чуткие пальцы даруют истому,
И манят, подобно Звезде,
Припасть, прикоснуться к истоку святому,
Молиться Христу о Тебе

О, МУЗЫКИ ПЕЧАЛЬ!

О, музыки печаль!
Ты между нами –
между тобой и мной
изгибами изящного ключа,

ещё невнятная,
пытаешь клавиши
шагами потаёнными
минорной гаммы,
несовершенство голоса
форшлагом прокричав.

Доверчиво вальсируя
с самой судьбою –
(о, наслажденье –
скользить по клавишам времён
в объятьях гибких рук),
созвучьями измеришь
Неба и Земли значенье,
разъяв на тысячи секунд
часов и дней всевластный круг.

Из сумеречных грез
соткёшь Гуана сладостные сети,
не вымысел – пьянящих волн
девятый, долгожданный вал,
и уведёшь, покорную,
на поле первородной сечи,
где эхом горестным
паденья нисходящий интервал.

Петля в дебрях
перламутровых проулков,
вибрациями ищешь смысл
звнящего литья,
а это просто Отче
вышел на прогулку –
держа в руках свирель –
услладу Бытия.

МЕЖДУ ТОБОЮ И МНОЮ

Холода крах. Луна в облаках. Бах.
Между тобою и мною свечи в расплавленных трёх ободах.

Милый, не надо огни зажигать в мироздания тёмных углах,
Там, где таится, где прячет глаза свои сонные страх.

Радость искрится малины теплом в хрусталях,
Вечер качает тебя и меня в ритме вечности, вздохи украсив.

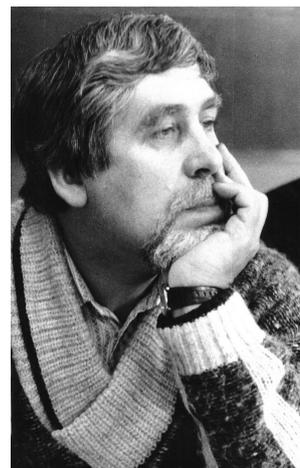
Завтра уедешь. Лунные ленты – стелются рельсы впотьмах.
Снится и длится. Длится и снится мне вечное. Бах...

Берега юбилеев

Владимир Скиф

Дорогой Владимир Петрович! Примите в Ваш юбилей искреннюю благодарность за Ваш огромный вклад в литературу России и мира, за неустанную деятельность, неиссякаемое творчество, создание того, что нужно людям в области духа! Благополучия и душевной гармонии Вам в долгой и счастливой жизни!

Скиф Владимир Петрович родился в 1945 году на ст. Куйтун Иркутской области. Служил на Дальнем Востоке в морской авиации. Окончил отделение журналистики Иркутского госуниверситета. Автор 29 книг, вышедших в разное время в Иркутске, Москве, Санкт-Петербурге. В. Скиф лауреат многих Международных и Всероссийских литературных премий. четырежды лауреат Губернаторской премии Иркутской области (2010, 2011, 2015, 2019). Лауреат Большой литературной премии России (2018). Печатался в Америке, Аргентине, Канаде, Венгрии, Болгарии, Сербии. Стихи переведены на сербский, венгерский, болгарский, немецкий языки. Владимир Скиф секретарь Правления Союза писателей России, член Приёмной коллегии СП России, член редколлегии журнала «Подъём» и ежемесячника «Литературный Крым». Зав. отделом поэзии журнала «Сибирь». Советник губернатора Иркутской области по культуре. Академик Российской Академии поэзии. Живёт в Иркутске

* * *

Как над темнеющей водою,
Что разливается рекой,
Стою над русскою бедою,
Над вечной русскою тоской.

Я от беды себя не прячу,
Приемлю всю её до дна
И забываю про удачу –
С другими водится она.

А в небе жаворонок бьётся,
Дымится росная межа,
И вся печали отдаётся
Живая, грешная душа.

Над миром вечность пролетела,
Столетия канули в песке...
Но нет конца и нет предела
Печали русской и тоске.

* * *

Век за веком тянется,
То гора, то падь.
«Что же с нами станется? –
Думаем опять.

Пролетает утица,
Селезень – за ней...
Что же с нами сбудется
По скончанье дней?

Полночь бредит зорькою,
На дворе – темно.
Выпиваем горькое,
Тёмное вино.

Выпьём – и обманется
И душа, и кровь...
Что же в нас останется?
Истина? Любовь?

Где и с кем ты, истина?
Кормишься с ножа...
Вон – уже освистаны
Память и душа.

Век стальной и каменный,
Горестные дни.
В мире неприкаянном
Мы совсем одни...

Улетает утица
В дальнее гнездо.
Что-то с нами сбудется...
Мы не знаем – что?

ЖЕРНОВА

Россия, Русь! Храни себя, храни!
Смотри, опять в леса твои и доли
Со всех сторон нагрянули они,
Иных времён татары и монголы.

Николай Рубцов

Надгробье ли, жёрнов средь поля лежит
Над душами, над головами.
Земля под ногами у мира дрожит,
Растёртая в пыль жерновами.

Я — падший, безумный — шагал в пустоту,
Набрёл на сгоревшие травы,
С округлого камня согнал мухоту
И жёрнов увидел кровавый.

Под жёрновом тяжким клубились века,
Я руку подставил — и в руку
Посыпалась прахом смертельным мука —
Людская кромешная мука.

Трещали хрящами живые слова,
Пригорки стонали от боли...
Работали в полную мощь жернова:
Российские кости мололи.

И разум, и сердце мне выстудил страх
Среди ужасающих знаков.
Глаза голубые, растёртые в прах,
Какою тоскою оплакать?

Какими слезами те кости омыть?
Живою иль мёртвой водою?
Белугой ли, зверем бездомным завывать,
Склоняясь головою седую?

Я крикнул туда, где пустыня мертва:
— Эй, мельник! Ты хуже монгола!
Но ходят и ходят во тьме жернова
И не прекращают помола.

А мельник, с копною смолёных кудрей,
Срывает кровавые вишни...
И к Господу я обратился скорей:
— Что делать нам, Боже Всевышний?

Господь начертал посреди синевы
Своею могучей десницей:
«КОГДА ОДОЛЕЕТЕ МЕЛЬНИКА ВЫ,
ТОГДА И ПОМОЛ ПРЕКРАТИТСЯ».

* * *

Бездорожье. Угрюмые сенцы.
Слёзы льёт в небесах водолей.
На погибель постылое сердце
Поселилось в деревне моей.

В летней кухне отломаны дверцы.
Чужеземный разор. Пустота.
И не бьётся постылое сердце,
И не ищут друг друга уста.

Нет заступника, нет исцеленья,
Воскресенья не будет в стране.
То ли мор, то ли грехопадение...
И Георгия нет на коне.

Вместо ясных молитв громовержца —
Дикий хохот и ход сатаны.
Поселилось постылое сердце
У безмолвной кремлёвской стены.

Чья-то тёмная-тёмная сила
Навалилась на сердце моё.
Землю Русскую тьма затопила,
Но из тьмы прорастает Копьё!

* * *

На зимней даче сон глубокий,
Я лёг и в бездну провалился,
Где сна таинственный клубок
В заулочек памяти скатился.

В заулочке каменная тишь...
Мне этот сон три года снился:
В том закоулочке ты стоишь,
Клубок у ног остановился.

Ах, как бы ночь распеленать,
Что на глаза упала шалью,
А то никак не распознать
Лица любимого за далью.

Приблизить даль, пришторить высь,
Найти бы в них тот вечер гулкой,
Где мы навеки разошлись
В забытом Богом переулочке.

Там плачет чёрный голубок,
Там город в уголь превратился.
...Ах, сна таинственный клубок,
Зачем ты в память закатился?

БЕСКРЫЛЫЙ АНГЕЛ

– Где ты, Россия, и где ты, Москва? –
В небе врагами зажатый,
Это бросает на ветер слова
Ангел с последней гранатой...

Юрий Кузнецов

1.

В штольнях века плыли наркоманки,
Пел убогий или Божий птах.
По России шёл бескрылый Ангел
В синяках, коростах и шипах.

Покрывалось время серой пылью,
Всюду билась дольная печаль.
– Где, бескрылый,
потерял ты крылья? –
Чёрный Демон Ангелу кричал.

– Эй, пернатый!
Что ты ходишь-бродишь?
Не летаешь в Божьих небесах? –
Раздавались голоса в народе,
И звучала горечь в голосах...

Ангел, видно, многого не помнил,
Он смотрел в тревоге на людей.
Крыльев нет – он это сразу понял,
Где найти их – не было идей...

Перед ним Москва огнём горела,
На Арбате шёл б...й парад.
И вдали до самого предела
Простирался современный ад.

2.

Ангел вспомнил: вечером остывшим
Он спустился с облачных небес...
Это где-то над Полтавой было,
Мимо мчался торопливый бес.

Всё как будто рядом, близ Диканьки,
Но среди размолотой земли
Пахло чёрным порохом и танки
По дорогам Украины шли.

И не пел Боян, а пуля пела,
Разрывался гробовой снаряд.
Ангел посмотрел оторопело
На убитых хлопцев, лёгших в ряд.

Он увидел мир несовершенный,
Понял: что-то на земле не так...
Закричал, как будто оглашенный,
И пошёл с гранатой на танк...

...Он очнулся в тёмных катакомбах,
Его били много дней подряд.
Ангел жил, но превратился в зомби,
Его крылья оторвал снаряд.

А когда во тьме его подняли,
Он бескровен был и очень плох.
На «укропа» ночью обменяли
У ручья, который пересох.

...Покрывалось время чёрной пылью,
Мир тяжёлой злобой истекал.
Видел я: меж небылью и былью
Ангел крылья белые искал.

ОПАВШИЙ ЛИСТ

Всё лето лист, зелёный, влажный,
Берёзе царственной служил.
Он с восхитительной ромашкой
Дружил и в осень не спешил.

Он из себя любовь исторгнул,
Он лепетал и трепетал,
И вдруг от заморозка вздрогнул,
«Люблю ромашку...» – прошептал.

Подобно раненому птаху,
Одно мгновенье покружил
И на опушку, как на плаху,
Златую голову сложил.

Ах, видно, жизнь была промашкой,
Он жизнь и смерть перемешал,
И вот теперь перед ромашкой
Опавшим золотом лежал.

Уже мигнуло снегом белым,
Уже пахнуло первым льдом...
Ромашка долго леденела
И умирала над листом.

ПРОЩЁНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ

Откуда это освещенье
На тихой станции лесной?
Не освещенье – ощущение
Какой-то выси неземной.

Откуда это воплощенье
Предчувствий – на краю земли?
Где на взаимное прощенье,
А не прощанье мы пришли.

Откуда явное сближенье
Миров на станции лесной?
И неземное береженье
Земного мира надо мной?

Прощенье глаз и губ прощенье
И даже выговор иной...
Ни капли горького отмщенья,
А замещение виной.

Откуда эти превращенья
На тихой станции лесной?
Жил мир Прощёным Воскресеньем
И вразумлялся тишиной.

* * *

Памятью высвечу душу свою,
Нежную русскую песню спою.
Станут березники мне подпевать,
В горле у сосен – слова застревать.

Дальняя родина... Дом. Переезд.
Станция. Линия. Бабушкин крест.
Милые сердцу родные края...
Здесь упокоилась бабка моя.

Здесь поднимаются к солнцу хлеба.
Здесь моя родина, пристань, судьба.
Здесь я – работник, послушник и царь.
Светит ромашка, как белый фонарь.

Утро молочное в поле зовёт.
Как дирижабль – корова плывёт.
Где-то вдали затихает пастух,
Ломится огненный в окна петух.

Вешками жизни сияют столбы,
Голуби ходят по верху избы.
Мать в полушалке, как день, золотом
Входит с подойником в утренний дом.

И, улыбаясь, как было века,
Мне наливает стакан молока.
Молвит: – Парного испей-ка, сынок!
Вьётся у ног её кошка-вьюнок...

...Боже, неужто мы жили в раю?
Долго я не был в родимом краю...
Так и умру, вспоминая о том:
Мама с подойником, голуби, дом.

Превращения

АД

Всемирный консилиум нужен земле.
Земля в поднебесной печали.
Зажата в ней память,
как пуля в стволе,
Цветы и хребты замолчали.

Мы видим течение пагубных лет,
Размыты сознания границы.
И нет уже выхода, логики нет
В той жизни, которая длится.

Взрывается в шахтах гремучий метан,
Колышется неба трясина.
И падают в ад – Карабах и Майдан,
И «Боинг» в огне керосина.

А пули свистят и осколки поют,
И корчатся скорбные лица.
И гнёзда уже рядом с небом не вьют
Ни песни, ни вещи птицы.

И черпают звёздного неба ковши
Умершие грешные души.
...И землю свою продают за гроши
У тёмного ада кликуши.

РАЙ

А рядом, где Божий
невиданный край
Распахнут под шёлковым небом,
Творцом поднебесным
построился рай
С дорогой и полем, и хлебом.

Всё было в раю,
как и в жизни людской:
Здесь каждый спокоен, послушен,
Но только невидимый райский покой
Был странным событием нарушен.

Раскрылась в раю
небольшая гора,
Высотка военная, что ли...
Там чьи-то шаги раздаются с утра,
Девчонка выходит из штольни.

Видна ей заросшая тёрном гора
И кончик сапёрной лопаты...
И ночью кричат ей беззвучно:

«Сестра!»

Из братской могилы солдаты...

И снова подули, как пули, ветра,
И снова по вьюжной метели
Несёт, выбиваясь из сил, медсестра
Бойца на кровавой шинели.

БЛАГОДАТНЫЙ ОГОНЬ

У Храма Господня нет воли свинца.
Есть чудо Святого Распятья.
Мы молимся свету родного лица,
С распятым мы кровные братья.

Он верен себе, человеку и дню,
Восставшему из потрясения.
И вновь к Благодатному выйдя Огню,
Он дарит нам свет Воскресенья!

И мы, приникая к Священному дню,
Душой обретя равновесье,
Стоим у Распятья и верим огню,
Сошедшему из поднебесья!

* * *

День на излёте. Облака
У самой западной границы
Горят, как прошлые века,
В костре пылающей денницы.

День на излёте. Небосвод
Оранжевые смыл потёки,
Как будто кто-то из него
Рукой незримой выжал соки.

И наступила немота,
И даже время потемнело.
С седого русского креста
Ворона в бездну пролетела.

День на излёте. Тишина.
Кромешность или вечность.
Живыми душами полна
Запененная Млечность.

Век на излёте. Я стою,
Оглохший, онемевший.
Большую Родину свою
Оплакать не сумевший.

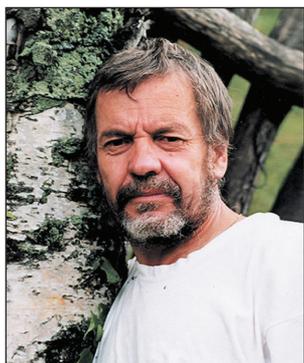

Берега юбилеев

Анатолий Байбородин

Дорогой Анатолий Григорьевич!

В юбилейный год неповторимому и обаятельному прозаику, редактору, желаем, чтобы каждое утро начиналось со светлого вдохновенья, чтобы каждый день приносил счастье, удачу в делах, дарил душевное тепло и спокойствие. Новых Вам книг и новых читателей!

Анатолий Григорьевич Байбородин родился в 1950 году в забайкальском селе Сосново-Озёрск. Автор книг: Старый покос. Повести. Иркутск, 1983; Поздний сын. Повесть. Москва, 1988; Яко богиню землю нареки. Очерки. Москва, 1991; Боже мой... Роман. (Предисловие: В.Распутин), Москва, 1996; Воля. Повести, рассказы. (Предисловие: В. Личутин), Иркутск, 1998; Диво. Сибирские байки, сказы, рассказы. 2001; Утоли мои печали. Роман, повести, рассказы. Иркутск, 2006. Не родит сокола сова. Роман, повесть. Москва, 2011. Озерное чудо. Повести, рассказы. Москва, 2013; Небесная тропа. Рассказы. Иркутск, 2014. Составитель книг: Россия древняя и вечная. Иркутск, 1992; Русский месяцеслов. Обычаи, обряды, поверия, приметы русского народа. Иркутск, 1998; Думы о русском с древнейших до нынешних времен. Иркутск, 2017. Лауреат Большой литературной премии России за лучшую книгу года (2007), лауреат областных литературных премии имени святителя Иннокентия Иркутского (1997) и премии Губернатора Иркутской области (2014) и других

Русский обычай

Очерк о языческом и христианском в народной этике

Боги язычников – демоны, а Господь небеса сотворил.

Псалтирь 95:5

И язычникам дал Бог покаяние в жизнь.

Деяния апостолов 11:18

Россия, Русь, – куда я ни взгляну...

За все твои страдания и битвы

Люблю твою, Россия, старину,

Твои леса, погосты и молитвы,

Люблю твои избушки и цветы,

И небеса, горящие от зноя,

И шепот ив у омутной воды,

Люблю навек, до вечного покоя...

Россия, Русь! Храни себя, храни!

Николай Рубцов

ПРОЛОГ

История России – история крестьянства, ибо на утренней заре прошлого столетия крестьяне в патриархальном Русском Царстве составляли абсолютное большинство населения. Лишь на безумном закате прошлого века, когда глобальная технократическая цивилизация почти погребла природный мир и слитый с ним крестьянский, сельских жителей изрядно убавилось; но даже бывшие крестьяне, что перешли в другие сословия, и порой даже те, что родились оторванные от земли,

в сокровенной глубине души и по сей день не утратили крестьянского духа и томительной, отрадной тяги к матери – сырой земле.

Исконно русские крестьяне, коих не постигли либеральные западники, побитые молью порочного европейского просвещения, и славянофилы, заложники барского происхождения, – исконно русские крестьяне, не ведавшие азы, буки и веди, но обладавшие вселенским знанием, что передавалось из колена в колено, изуцно постигавшие Святое Писание, смиренные, негорделивые, покаянные, были христоролюбивее и царелюбивее, чем иные российские сословия. Помяная сословия, речь не ведём о насельниках скитов и пустынь, о монастырском старчестве и духовенстве – се, носители света Христова, богоизбранные молитвенники за народ русский.

Письменные труды по истории Государства Российского грешили тем, что составлялись из историй правящих кругов – суть, высших сословий, – из истории войн и общественно-политических движений в яркой борьбе за власть и грешные земные блага, из истории научных, культурных достижений, религиозных преобразований. А многовековая повседневная простонародная жизнь, история развития народного духа прозябали в тени.

«Читая лекции отечественной истории в наших учебных заведениях, преподаватели этого предмета мало говорят об обычаях и образе жизни наших предков, почему бытовая сторона нашего народа в своём прошлом почти потеряна для нас», – знаменитый писатель-этнограф Михаил Забылин писал сие более века назад, когда в крестьянстве цвела и красовалась двухтысячелетняя обрядовая этика-эстетика, а уж что говорить о нынешней поре, когда *русскость* в народе истреблена западным варварством.

Русский... Произнесёшь величавое слово, и в сознании рождается: православный крестьянин... «Когда говорят «русский народ», я всегда думаю – «русский крестьянин», – писал Александр Куприн. – Да и как же иначе думать, если мужик всегда составлял восемьдесят процентов российского народонаселения. Я, право, не знаю, кто он, богоносец ли, по Достоевскому, или свинья, по Горькому. Я знаю только, что я ему бесконечно много должен: ел его хлеб, писал и думал на его чудесном языке, и за всё это не дал ему ни соринки. Сказал бы, что люблю его, но какая же это любовь без всякой надежды на взаимность».

Покаянное слово писателя русскому крестьянству ...суть, *русскому народу*... речено не ради красного словца, кое не жалеет мать и отца; Куприн – пасынок дворянского, разночинного мира, утратившего веру и крестьянский здоровый дух, – соглашается с непониманием народа русского: «я, право, не знаю, кто он...». Любя и воспевая, непостижимый для дворян и разночинцев родной народ, писатель чует роковую сословную вину перед крестьянством, которое они, интеллигенты и дворяне, метали, словно хворост в костер, в кровавую пасть отечественных и мировых исторических смут. От того и «любовь без всякой надежды на взаимность». Помянутый Алексей Пешков (Горький), писатель большого, хотя и безбожного дарования, люто ненавидящий крестьянство, в 1925 году повелевал Николаю Бухарину: «Надо бы, дорогой товарищ, Вам или Троцкому указать писателям-рабочим на тот факт, что рядом с их работой уже возникает работа писателей-крестьян и что здесь возможен, даже неизбежен конфликт двух «направлений». Всякая «цензура» тут была бы лишь вредна, заострила бы мужикопоклонников и деревенелюбов, но критика – и нещадная – этой идеологии должна быть теперь же. Талантливый трогательный плач Есенина о деревенском рае – не та лирика, которой требует время и его задачи, огромность которых невообразима» [«Известия ЦК КПСС», 1989, № 1, с. 36.].

Будучи составителем «Русского месяцеслова» и сочинителем сего очерка*, я не воспевал языческие мотивы при описании народных обрядов, суеверных обычаев, суеверных примет и даже заговоров, – всё сие введено в книгу и данный очерк лишь для достоверной картины народного мировоззрения и мировыражения. А коли и согрешил, заманчиво окрасив некий древний обряд русичей, то каюсь: Боже, милостив буди мне грешному, ибо водопоклонение, огнепоклонение, травоволхование, гадание – богопротивно, от эллинского беснования.

Крестьянский мир, коему тысячелетия, запечатленный в русском месяцеслове, суть – народное знание природы, благоговейное ощущение тайн Вселенной и правдивая, духовно не украшенная

* Автор в данном очерке использует цитаты из «Русского месяцеслова», не выделяя их кавычками. А большинство цитат других авторов использованы без ссылок на источники, ибо сей труд не строго академический, а писательский с широким использованием исторических, этнографических, фольклорных источников.

история крестьянской жизни, что, суть – истинная история России в сложном и трагическом сплетении христианского и природно-языческого, суеверного.

От древнеславянского язычества* русские обрели великое знание природы от росинки и хвоинки до Вселенной и выстраивали свою обыденную и праздничную жизнь согласно природно-мистическому календарю. Со Святым Крещением и духовным облачением во Христа Бога русские свергли былых идолов, освободились от языческого идолопоклонничества и с веками стали воспринимать мать-сыру землю, как Творение Божие.

И тем не менее, да простит Бог православному крестьянину, который, живя среди дикой природы, привык поклоняться ей, который, завися в своих земледельческих трудах от природных стихий, невольно одухотворял их, хотя понимая, что Бог и через природу взаимодействует с ним, вознося молитвы Иисусу Христу, Царице Небесной, Ангелам Божиим, христианским святым.

Среди почитающих, изучающих русскую обрядовую этику лишь глубоко воцерковленный могли безошибочно увидеть, где вера помрачалась суеверием, где православный церковный обряд подменялся языческим.

Автор сего очерка, ознакомившись с природно-хозяйственными календарями русских крестьян и календарно-обрядовой поэзией и мифологией, прописав времена года, месяцы и обрядово насыщенные дни, составил «Русский месяцеслов», куда ввёл и православный календарь с краткими житиями святых, поскольку былые месяцесловы обычно страдали тем, что составители мимоходом-мимолетом поминали евангельские события, кои в основе народно-христианских праздников, и обходили за версту жития святых, именами которых обозначались дни. А посему эдакие месяцесловы утрачивали исконную христианскую сущность, опустошались, уродливо искажаясь, склоняясь к языческим суевериям и заземляясь до хозяйственного календаря и погодных примет.

В составленном мною «Русском месяцеслове» впервые в фольклорно-этнографической, календарной литературе двадцатого столетия церковный и народный календарь были слиты воедино, как и происходило в реальной жизни русского крестьянина. К сему грех забывать, что крестьяне младенцам, окрещённым в церковной купели, по христианским святым давали имена святых, дабы сии небесные покровители оберегали чадо от рождения и до упокоения.

В окаянные девяностые годы прошлого века завершил я долголетнее составление «Русского месяцеслова»; книга по тем временам вышла в свет изрядным тиражом, тысяч в пять; и вскоре бойко разошлась в Прибайкалье и даже Алтаю досталось. Потом я путешествовал по губернии, гостил в селах и мелких городах, навещал библиотеки и клубы, и всюду видел зачитанный до дыр «Русский месяцеслов», что книгохранители берегли пуще зеницы ока. В благословенные для литературы времена, когда за книгами охотились, «Месяцеслов...» могли и похитить...

В завершении напутного слова скажу: очерк, разумеется, лишь касается русской народной этики, воплощенной в обрядах и обычаях, ибо мир сей крестьянский безбрежен, словно Вселенная.

О ДИКОСТИ И РАБСТВЕ РУССКОГО КРЕСТЬЯНИНА

О величии крестьянской цивилизации... Русскоязычные русоненавистники в надежде на чаевые с холопским подобострастием целуют руку Западной Европе, жестокой и старой блудне, что густо запудрила корявые морщины, напмадила впалые щеки, кроваво покрасила губы и дочерна насурьмила брови и ресницы вокруг пустых глазниц. Российские западники, целуя руку Западной Европе, подобострастно заглядывая в пустые глазницы, настойчиво и назойливо толкуют миру о рабской сущности, лени, темноте и забитости *вечно пьяного* русского народа. Скверное сие толкование, родившись в позапрошлом веке среди либеральных «просветителей», два века внушалось и русскому народу разрушителями народно-православной российской государственности, что, очевидно, входило в зловещие помыслы мировой сатанократии, для коей Россия, последний приют Господень, что кость в горле.

Западная Европа, хотя коварна, и люто ненавидит Россию, да не столь глупа, чтобы взять на

* В очерке я не касаюсь научных открытий нынешнего века – генетических, лингвистических, историко-археологических, – доказывающих, что русский народ, именуясь ариями, в генетически современном виде появился на свет на среднерусской равнине около 4500 лет тому назад. И на основе русского языка через 500 лет, когда русские пришли в Индию, родился и санскрит, предельно родственный и современному русскому языку.

вооружение дурь о дикости и рабстве русского народа, ибо всякий европеец, будучи в России, вочию зрел не просто великую империю, но – великую русскую цивилизацию, которой, очевидно, даже не два, а четыре с половиной тысячелетия. Гащивая в Москве, где красовалось сорок сороков православных храмов, бывая в иных старинных русских городах, европеец понимал, что не дикий, пьяный и ленивый, но великий, духовно трезвенный народ мог создать сии величавые храмы, в коих воплотился божественный дух, художественный гений и азартное трудолюбие русского народа, до начало прошлого века на девяносто процентов крестьянского.

В былые лета читал о великих технических открытиях прошлых столетий, на коих и поныне держится технократический мир, и оказалось – сплошь плоды русской изобретательности, но, увы, обычно похищенные лукавыми и вороватыми европейцами. Благодаря опять же духовной трезвости, земледельческому таланту, любовному знанию природы, трудолюбию, смиренной житейской неприхотливости и выносливости, дореволюционный русский крестьянин с Божией помощью кормил хлебом не токмо Российскую Империю, но и пол-Европы.

Когда вопят и о рабской сущности русской души, то говорят верно: всякая крещенная русская душа возвышенно величала себя рабом... но лишь рабом Божиим; а земное рабство, батрачество, крепостничество переносила с христианским смирением, поскольку завещал Господь в заповедях блаженства: «Блаженны плачущие, ибо они утешатся. Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю» (Мф. 5: 4,5), поскольку и рече Христос Бог: «Кто хочет быть большим между вами, да будем вам слугою; и кто хочет быть первым между вами, да будет всем рабом...» (Мф.20: 26, 27)

Даже двухвековое крепостное право не обратило крестьянские души в рабские души, ибо набожные крестьяне, понимали волю, как волю от похотей, а не волю ради похотей. Рабами похотей обычно были помещики-рабовладельцы, а порабощенные господами – вольные... Будучи внешне и закрепощенные, крестьяне не теряли внутреннюю, духовную свободу; и, рабы Божии, жили лишь в рабстве Царю Небесному ...начало премудрости – страх Господень... уповали токмо на волю Божию ...Бог не захочет и прыщ не вскочит... и порицали своевольников, что взялись за волю, ибо своя воля, страшнее неволи. По сему поводу крестьяне толковали: *вольный* – про скверное, непослушное чадо; *за волю взялась, за волю взялся* – про девку или парня, что кинулись во все тяжкие... Воля мирская и непослушание – страшный искусу лукавого...

Святитель Иоанн Златоуст, словно узрев провидческими очесами смиренных русских крестьян, услышав их любомудрым слухом, поведал о рабстве и свободе: «В древности не было раба – Бог, создавая человека, сотворил его не рабом, но свободным. Он сотворил Адама и Еву, и оба они были свободны. Откуда же произошло рабство?.. Род человеческий уклонился от правого пути и, преступив меру в желаниях, дошел до развращения...».

Далее великий любомудр описывает всемирный потоп, гибель падшего человечества, после чего сохранился лишь праведный крестьянин Ной с домочадцами, скотом и птицами, – всякой твари по паре.

«Ковчег остановился и отворились двери, Ной вышел, спасшись от потопления, и увидел землю опустошенную. (...) Посмотрел он на это печальное зрелище; посмотрел на землю, переполненную бедствиями, и впал в великое уныние. Все погибли... (...) Мучимый унынием и удручаемый скорбью, он выпил вина и предался сну, чтобы облегчилась рана унынья. Лежал он на ложе, предавшись сну, как врачу, чтобы произвести в уме забвение о случившемся. (...) Надо бы сказать в оправдание праведника, что случившееся с ним произошло не от пьянства, но он просто врачевал свою рану. (...) Спустя немного времени взшел проклятый сын его (*Хам, отец Ханаана. – А.Б.*) (...) Войдя, сын увидел наготу отца; следовало бы прикрыть ее, накрыть платьем ради старости... ради несчастья, ради того, что это отец его. А он, выйдя, разгласил и сделал из того печальное зрелище. Но прочие его братья, взяв одежду, вошли, смотря назад, чтобы не видеть того, о чем тот разглашал. И прикрыли отца. Отец, встав, узнал всё, и начал говорить: «Проклят Ханаан, раб рабов будет он у братьев своих». (...) Рабство от греха; от нечестия произошло рабство. Хочешь ли я покажу тебе освобождение от рабства. (...) Благородство... нрав доставляют свободу; раб и свободный – суть, простые названия. Что такое раб? Одно название... Сколько господ лежат пьяные на постели, а слуги стоят подле них трезвые. Кого же назвать рабом? Трезвого или пьяного? Раба ли служащего человеку или пленника страсти. У того рабство внешнее, а этот внутри себя носит невольничество...»

Будучи народом добросердечным, русские легко и долго прощали обиды, но если враги вздымали пята на Святую Русь, то на шкуре осознавали: нет на земле воителей более грозных, чем русские, ибо, как молвлено в пословице, *русак – не дурак: с мечом и с калачом не шутит*.

Что греха таить, водились в русском народе, и даже в крестьянском сословии, и дикие, и вечно пьяные, и ленивые ... в семье не без урода... хотя падшие, как отщепенцы, не были людьми типичными в народе, но вот беда, оборзевшие *обозреватели* русских нравов из западных сочинителей и здешних обличителей испокон веку обвыклись выдавать частное за типичное и малевать русских лишь черным цветом.

Грешно говорить о темноте и дикости и русского крестьянина, что создал сверхгениальную и необозримую обрядовую и песенную культуру, далеко превосходящую крестьянские культуры европейских народов. Подтверждение тому – русская песня, вершинный жанр устной народной поэзии; и сказал о сём даже и не русский человек, – Рудольф Вестфаль, известный немецкий учёный, исследователь античной филологии и поэзии, знаток немецкой и русской народной этики: «Поразительно громадное большинство русских народных песен, как свадебных и похоронных, так и всяких других, представляют нам такую богатую, неисчерпаемую сокровищницу истинной нежной поэзии, чисто поэтического мировоззрения, облеченного в высокопоэтическую форму, что **литературная эстетика, приняв раз русскую песню в круг сравнительных исследований, непременно назначит ей безусловно первое место между песнями всех народов земного шара** (Выделено мною. – А. Б.). И немецкая народная песня представляет нам много прекрасного, задушевного и глубоко прочувствованного, но так узко течение этой песни в сравнении с широким потоком русской народной лирики, которая не менее немецкой поражает ваше впечатление, но зато далеко превосходит её своею несравненной законченностью формы... Философия истории имеет полное право вывести из этого дарования самые светлые заключения для будущности русской истории»

Худо-бедно, до середины прошлого века почти все крестьяне знали народные песни, пришедшие из далекой русской старины, но жили по деревням и селам сказители, певни, плечеи (вопленицы), что могли исполнить и сказку, и бывальщину, и быличку, и песенную былинку, и зауспокойную причет. Вот где зримо видится, слышится, чувствуется сердцем великая народная поэзия... Образец плача (вопля), божественного по духу и слову, старины записали с вещих уст севернорусской крестьянки Ирины Федосовой:

Вы послушайте, народ – люди добрые,
 Как, отколь в мире горе объявилось.
 Во досюльны времена было годышки,
 Жили люди во всём мире постатейные,
 Они ду-друга, люди, не терзали.
 Горе людюшек во ты поры боялося,
 Во тёмны леса от них кидалось;
 Но и тут было горюшку не местечко:
 Во осине горькой листье расшумелось,
 Того злое это горе устрашилося;
 (...)
 Уже тут злое горюшко кидалось,
 В окиян сине славно оно морюшко,
 Под колодину оно там запихалось;
 Окиян-море с того не сволновалось,
 Вода с песком на дне не помутилась;
 (...)
 Много множество е в мире согрешения,
 Как больше того е в мире огорченья.
 Хоть повыстанем по утрышку ранешенько, –
 Мы на сонмище бесовско собираемся,
 Мы во тяжких грехах да не прощаемся.
 Знать, за наше за велико беззаконье
 Допустил Господь ловцов да на киян-море,
 Изловили они рыбоньку незнамую,
 Повыняли ключи да подземельные,

Повыпустили горюшко великое.
 Зло несносное, велико это горюшко
 По Россиюшке летает ясным соколом,
 Над крестьянами злодийно чёрным вороном.

(Из «Плача по тисаре»)

* * *

Послушайте словеса наши старинные,
 Заприметьте того, малы недоросточки!
 Уж как это сине морюшко сбущуется,
 На синем море волна да порасходится,
 Будут земские все избы испражнятися,
 Скрозекозные судьи да присылатися;
 Все изменятся пустыни богомольные,
 Разорятся все часовенки спасённые!»

(Из «Плача о старосте»).

Я поведал о русской народной поэзии, что в песне обрела божественное звучание, что, по мнению германского филолога, мудрым и украсным словом превзошла народную поэзию европейских наций, что и подтверждает мысль о художественной талантливости русского крестьянства.

К сему типичный русский мужик, не зюзя подзаборный, пусть баграк, но не кулак, в отличие от европейского крестьянина, в отличии и от доморощенной *образованщины*, траченной чужебесием, жил с жаждой святости, а избранные Богом восходили и к юродству Христа ради. Свою душу крестьянин оберегал верою, молитвою и постом; оберегал традиционным домостроем, жизнью среди природной красоты и чистоты; оберегал каждодневным, натуральным, созидательным трудом – вольный, азартный, вдохновенный труд укрощал плоть, отвращал от грехов и пороков, в праздности затягивающих душу зелёной болотной ряской. Александр Герцен, возвращенный на безбожной и бунтарской западной философии, зрелые лета проживший в Европе, но ...странно слышать... имевший, по его признанию, «чувство безграничной обхватывающей всё существование любви к русскому народу, к русскому складу ума», писал о российском крестьянстве: «Нам надобно освободиться от нравственного ига Европы, той Европы, на которую до сих пор обращены наши глаза... Нашу особенность, самобытность составляет деревня с своей общинной самозаконностью, с мирской сходкой, с выборными, с отсутствием личной поземельной собственности, с разделом полей по числу тягол».

Из моего восхваления крестьян не следует, что автор сего очерка, бывший сельский житель, приукрашивает русское крестьянство, ибо далее речь пойдёт и о противоречиях народной души, где мучительно смешалось верное и суеверное. Оценка деревенскому простолудью дана лишь в сравнении с иными российскими сословиями и нынешними временами, когда русские стремительно теряют исконный и спасительный духовно-нравственный образ.

ДВА ВЗГЛЯДА НА РУССКОЕ ЯЗЫЧЕСТВО

Крещение язычников... Крестьянская пословица гласит: *Ева прельстилась древом, престонала чревом, Адам грех сотворил – рай затворил...* После изгнания из райского Эдема Евы, искушённой дьяволом, и Адама, соблазнённого Евой, история человечества, – история стремительного зарождения и распространения идолопоклонничества, суть, язычества, когда племена и народы, забыв незримого Творца, поклонялись лишь зримым созданиям Бога – солнцу, луне, грозам, ветрам, камням, деревьям, рекам и морям – воплощая их образы в деревянных, каменных, бронзовых и даже золотых истуканах (*болванах*, на Руси). Отвергнув Бога, язычники погрузились в пучину пороков, ибо «помышление сердца человеческого – зло от юности его. (...) И раскаялся Господь, что создал человека на земле, и воскорбел в сердце своём. Земля растлилась пред лицом Божиим, и наполнилась земля злодеяниями». (*Быт.8:21; Быт. 6: 6-11*), отчего Господь, пощадив лишь Ноя, его семейство и всякую тварь по паре, смыл падшее человечество с лица земли.

С народжением язычества история человечества – история борьбы верующих во Единого Бога (Иегова) с многобожеством идолопоклонников... В борьбе той ветхозаветные пророки, потом Христовы апостолы, первохристиане и сонм святых страстотерпцев обрели мученические венцы Христа ради от язычников ... в Древнем Риме растерзанные тиграми под рев ликующей публики... и от богоизбранных иудеев, кои, случалось, пуще язычников пытали христиан. Хотя ветхозаветные пророки испокон человеческого века внушали *богоизбранным*: «Господь – царь на веки, навсегда; исчезнут язычники с земли Его...» (Пс.9:37) «Так говорит Господь: не учитесь путям язычников и не страшитесь знамений небесных, которых язычники страшатся». (Иер.10:2)

Если Адам и Ева, извергнутые из райской обители за грехопадение, раскаялись и жили по внушениям Божиим, то уже их сын Каин, убивший брата Авеля, жил по образу и подобию *поганых* язычников: «Житейские заботы до такой степени поглощали все силы Каинова поколения, что оно, очевидно, совершенно пренебрегало интересами духовной жизни. Отличаясь упорной самонадеянностью, оно, видимо, жило в полном порабощении житейской суете и отличалось грубым безверием, с неизбежными его плодами – пороками и преступлениями*».

Согрешая и каясь, ветхозаветные предтечи христиан по Божьему внушению блюли нравственные устои, подобные русскому домострою, а язычники от вольных нравов низвергались дьяволом в сладострастное гноевище пороков, – вспомним порочные города Содом и Гоморра... Согласно Библии, в эпоху Авраама города Содом и Гоморра утопали в дикой роскоши и языческих похотях, и коль жители сих поселий «были злы и весьма грешны» (Быт. 13:13), то «пролил Господь на Содом и Гоморру дождем серу и огонь от Господа с неба, и ниспроверг города сии, и всю окрестность сию, и всех жителей городов сих, и [все] произрастания земли» (Быт. 19:24–25).

Даже Богом избранный еврейский народ, что по воле Божией должен был принести языческому миру спасение, вдруг забывал Господа и, сжигая жертвоприношения на языческих капищах, клонил выю, падал ниц то перед Золотым тельцом, то перед истуканом Ваалом, то перед блудницей Стартой и впадал в такое неистовое идолопоклонничество и блудодеяние, что дивились закоренелые язычники и от гнева содрогались небеса. Потомки Моисея, камнями побивавшие ветхозаветных пророков ... даже меж алтарем и жертвенником... потерявшие Божью избранность, на голгофском кресте распяли и Сына Божия, опять же пророками и предреченного.

Иисус Христос, а потом и святые апостолы, браня идолопоклонничество, проповедовали язычникам Слово Божие, чему яро противились распявшие Христа: «...В следующую субботу почти весь город собрался слушать Слово Божие. Но иудеи, увидев народ, исполнились зависти и, противореча и злословя, сопротивлялись тому, что говорил Павел. Тогда Павел и Варнава с дерзновением сказали: *вам первым надлежало быть проповедану Слово Божие, но как вы отвергаете его и сами себя делаете недостойными вечной жизни*, то вот, мы обращаемся к язычникам (Выделено мной. – А.Б.). Ибо так заповедал нам Господь: Я положил Тебя во свет язычникам, чтобы Ты был во спасение до края земли. Язычники, слыша это, радовались и прославляли слово Господне, и уверовали все, которые были предуготовлены к вечной жизни». (Деян.13:44-48)

Ученики Христа и сонм святых апостолов крестили и облакали во Христа идолопоклонников разных держав, и, по преданию, апостол Андрей Первозванный с христианской проповедью вошёл в языческую Русь. В преддверии русского церковного раскола иеромонах Арсений Суханов в прениях с греческими иерархами, среди коих оказался иерусалимский Патриарх Паисий, доказывая апостольскую истинность Русской Православной Церкви, говорил: «Напрасно вы хвалитесь, что и мы от вас приняли крещение. Мы приняли крещение от св. апостола Андрея, который из Византии приходил Чёрным морем до Днепра, а Днепром до Киева, а оттуда до Новгорода...»

Разумеется, долгим и сложным было обретение вчерашними многобожными идолопоклонниками веры во Единого Бога Отца Вседержителя; мучительно восходил русич из тьмы языческой ко Христову слову, чтобы, вслушавшись, поверив, спасти душу от геенны огненной. Среди мирских ученых и богословов выработались две крайние точки зрения о язычниках Древней Руси, хотя истина, может быть, и посередине. Мирские мудрецы, постигающие восточнославянское и собственно русское язычество, сопоставляя его с христианством, либо давали, как им чудилось, верную картину развития народного мировоззрения, ибо устранялись от идеологических пристрастий – от веры во Христа, от языческого идолопоклонничества, но и от воинственного атеизма; либо, как в доре-

* Александр Лопухин. «Толковая Библия. Ветхий Завет и Новый Завет» null. 2013.

волюционной либерально-демократической и советской историографии и философии, с дерзким атеизмом осуждали религиозность народного мировоззрения, при сем смешивая веру во Христа с языческими суевериями и поощряя лишь материалистические, рациональные начала крестьянской жизни.

Два сих взгляда на русское язычество родственны, ибо в корне их безбожие, обретающее злоевещие признаки богоборчества. А более духовные народоведы, тем паче богословы, соглашаясь с тем, что принятие христианства стало душеспасительным явлением для русских, расходились в мнениях о том, сколь душевно были приуготовлены язычники Древней Руси ко Святому Крещению.

Суровые богословы утверждали, что русы-язычники – скверноубийцы, и любодее... В статье Михаила Козлова «Назад к Перуну? Заметки о язычестве древнем и современном» ясно выражено отношение Русской Православной Церкви к славяно-русскому язычеству: «Среди православных или близких православию людей можно нынче встретить суждения о некоем особом славянском язычестве, будто бы менее причастным демонизму, чем языческие верования других народов (отсюда иногда делается положительная оценка действительно имевшего в народе место, но всегда осуждавшегося Церковью двоеверия), о изначально (понимай, в язычестве) доброй славянской, а ныне скажут и украинской, душе, о патриархальном и гармоничном дохристианском мире Руси, естественно вросшем в мир христианский. Вспомним немного истории. Святой патриарх Константинопольский Фотий в своём знаменитом Окружном послании 867 г., посвящённом крещению болгар, писал: «И не только этот народ (болгары) променяли прежнее нечестие на веру во Христа, но даже... **пресловутые, в жестокости и скверноубийстве всех оставляющие за собой**, так называемые руссы, которые... в настоящее время променяли языческое и нечестивое учение... на чистую и неподдельную веру». *(Выделено мною, – А.Б.)*. (В скобках заметим, что св. Фотий, вдохновитель миссии и близкий друг Кирилла и Мефодия, славянофобом, конечно же, не был). Видятся весьма важными эти слова Святого Константинопольского Патриарха, сказанные на заре нашей истории. Не соединение ветхого и нового, «хорошего» язычества с ещё лучшим христианством, но отвержение прежней скверны, прежней безнравственности, прежней небытийности и облечение во Христа, неразрывно связанное с непрестанным аскетическим делением, осуществляемым под руководством Церкви, которое имеет целью возвысить и выковать душу каждого отдельного христианина, а через то и всего христианского народа. Только свет Христов, воссиявший на Русской Земле, сделал возможным появление через поколение от язычника Святослава, во время одного из своих бравых походов посадившего на кол после взятия города Филипполя 20000 (!) единокровных болгар, – святых князей страстотерпцев Бориса и Глеба, предпочетших смерть по Закону Христову братоубийственному кровавому противостоянию*».

* * *

Жили с жаждой Бога... Иисус Христос обличал язычество: «Иисус говорил им: «На путь к язычникам не ходите, и в город Самарянский не входите» (Мф. 10:5); но, случилось, Спаситель ставил язычников в пример благочестивым, единобожьим иудеям; вспомним самарянина, что спас иудея, коего ограбили лихие разбойники, избили до полусмерти и бросили на обочине дороги, а ранее проходили мимо иудейский священник и левит и не помогли соплеменнику [Лк. 10:33]; вспомним очищении Христом десяти прокаженных, когда лишь самарянин «пал ниц к ногам Его, благодаря Его», а девять иудеев даже не поклонились [Лк. 17:16]; вспомним самарянку Фотину**, что встретила со Христом у колодезя, уверовала, следом уверовали и прочие самаряне; вспомним дивную беседу Христа с язычницей-хананеянкой, что «кричала Ему: помилуй меня, Господи, сын Давидов, дочь моя жестоко беснуется. (...) Он же сказал в ответ: Я послан только к погибшим овцам дома Израилева. А она, подойдя, кланялась Ему и говорила: Господи! помоги мне. Он же сказал в ответ: нехорошо взять хлеб у детей и бросить псам. Она сказала: так, Господи! но и псы едят крохи, которые падают со стола господ их. Тогда Иисус сказал ей в ответ: о, женщина! велика вера твоя; да будет тебе по желанию твоему. И исцелилась дочь её в тот час». [Мф. 15:22-28] Проповедуя любовь к Вышнему и

* Козлов М. «Назад к Перуну? Заметки о язычестве древнем и современном». / Литературный Иркутск. Иркутск, 1991.

** Сия самарянка обрела мученический венец за Христа при Нероне, императоре Рима (66 год от Рождества Христова), и в православных святцах величается: мученица Фотина (Светлана) самаряныня.

ближнему, Спас Вседержитель, случилось, упрекал иудеев, что и среди них не находил такой веры, какую встретил среди язычников, кои лишь облачались во Христа.

В предшествующей главе мною поведен один взгляд на языческую Русь, вернее, на степень духовной готовности Руси ко святому крещению, облачению во Христа; и согласно сему взгляду, ветхие русы по жестокости превосходили чужеземных язычников и христианство им было враждебно; но есть и другое историческое, богословское суждение о том, что древние русичи уже накануне княжения святого Владимира жили с жаждой Бога...

Неслучайно в древнерусской летописной «Повести временных лет» в главе «Слово о проявлении Крещения Руския земля святого апостола Андрея, како приходил в Русь» речено, что святой апостол Андрей Первозванный у Киевских гор пророчески предрек богоносную судьбу Святой Руси: «Видите ли горы сия? Яко на сих горах возсияет благодать Божия, имать град великий быти и церкви многи Бог въздвигнути имать...»

«По Промышлению Божию, он дошёл до реки Днепра, в Российской стране, и, пристав к Киевским горам, остановился на ночлег. Встав поутру от сна, он сказал бывшим при нем ученикам: «Верьте мне, что на этих горах воссияет благодать Божия; великий город будет здесь, и Господь воздвигнет там много церквей и просветит святым крещением всю Российскую землю. Взойдя на горы, святой благословил их и водрузил крест, предвозвещая принятие народом, обитавшим здесь веры от своей Апостольской кафедры, основанной в Византии. Пройдя и выше лежавшие российские города, – где расположен ныне великий Новгород...» (*«Жития святых» святителя Димитрия Ростовского в главе «Подвиги и страдания святого Апостола Андрея Первозванного»*)

В сопровождении учеников, среди коих могли быть и русичи, святой апостол Андрей пошёл из Киева в Новгород, где дивился тому, что здешние горожане, моясь в банях, хлещут по телу «молодыми прутьями» дуба и берёзы, обливаясь квасом и студёною водой. Но в древнейших списках и вариантах сего предания не упоминается о том, что Андрей Первозванный проповедал новгородцам Христово Слово; а посему профессор Московской духовной академии Евгений Голубинский усмехался: де, неужели святой проповедник явился в новгородских землях лишь для того, чтобы лицезреть русские обычаи и дивиться ярым парильщикам.

Профессор Антон Карташёв, опираясь на предания новгородские, так толкует гостевание святого апостола в сем древнем русском граде: «У русского автора-южанина в рассказе о новгородских банях очевидно была и определённая, не особенно высокая цель. Так прекрасно возвеличив свой родной Киев, он, по русскому обычаю – трунить над всяким, кто не нашей деревни, решил выставить новгородцев пред апостолами в самом смешном виде. Новгородцы так это и поняли, потому что, в ответ на киевскую редакцию повести, они создали свою собственную, в которой, не отвергая прославления Киева и умалчивая совершенно о банях, уверяют, что ап. Андрей «во пределы великого сего Новаграда отходит вниз по Волхову и ту жезл свой погрузи мало в землю и оттоле место оно прозвася Грузино... Чудотворный жезл этот «из дерева незнаемого» хранился, по свидетельству жития св. Михаила Клопского, в его время (1537 год) в Андреевской церкви села Грузина»

Средневековые источники повествуют о хождении святого Андрея в Новгород, где апостол воздвиг крест около нынешнего села Грузино на берегу Волхова; затем пошёл к Ладожскому озеру и далее до острова Валаам, где установил каменный крест и истребил капища богов Велеса и Перуна, обратив в христианство языческих жрецов.

Покинув Русь, Андрей Первозванный прошел через земли варягов в Рим для проповеди и вновь вернулся во Фракию, где в небольшом селении Византии, будущем могучем Константинополе, основал христианскую Церковь. Имя святого апостола Андрея связывает мать – Церковь Константинопольскую с её дочерью – Русской Церковью. Святой Андрей был распят на *косом* кресте язычниками города Патры. Косой Андреевский крест начертан на русских морских флагах...

О духовной готовности русичей ко святому крещению писал протоиерей Лев Лебедев в книге «Крещение Руси». В главе «Русское язычество» православный писатель ведаёт о том, как согласно «Повести временных лет», при князе Владимире в 983 году была попытка принести в жертву идолу («богам») одного юного христианина из варягов, но ритуального жертвоприношения не случилось, а было трагическое событие, ставшее пределом жертвоприношения. По описанию историка Николая Карамзина вышло так: «Народ вооружился, разметал двор Варяжского Христианина и требовал жертвы. Отец, держа сына за руку, с твердостью сказал: «Ежели идолы ваши действительно

боги, то пусть они сами извлекут его из моих объятий». Народ, в исступлении ярости, умертвил отца и сына, **которые были таким образом первыми и последними мучениками Христианства в языческом Киеве.** (выделено мной. – А.Б.). Церковь наша чтит их Святыми под именем Феодора и Иоанна» В отличие от иных варваров, не успев войти в ритуальную жизнь славян-русов, человеческие жертвоприношения ушли в небытие.

«Вот своеобразный пик истории, грозное столкновение язычества с христианством на Руси! – писал протоирей Лев Лебедев в славном сочинении о крещении русского народа. – Словно молния, прорезало оно и осветило небосклон русской духовной жизни, потрясло эту жизнь до каких-то последних глубин... В летописи за 983 – 988 годы отсутствуют какие-либо свидетельства о человеческих жертвоприношениях идолам. Весьма вероятно, что именно мученическая кончина варяга Феодора и сына его Иоанна положила конец таким жертвам. Нигде раньше 980 года наша летопись не говорит о человеческих жертвоприношениях. Нет никаких указаний на такие жертвы и в других исторических материалах. Можно думать, что человеческие жертвы идолам есть явление чуждое Руси, привнесенное, находящееся в связи с пантеоном кумиров, поставленных Владимиром на холме за княжеским двором, и через три года прекратившееся.

(...) Ни Перуну, ни Волосу не приносили в жертву людей. Идолу Святовита у прибалтийских славян, как известно, жертвовали плоды земледелия, главным образом – испеченный в рост человека хлеб. В Древней Руси в жертву идолам приносили тоже плоды земледельческого труда, в основном печёные хлеба*».

После Святого Крещения русские, равно и прочие восточнославянские народы, уже не ради жертвоприношения, а ради освящения приносили в храмы житные снопы (*первый сноп – Богу*) хлеб и плоды земледелия. Вспомним, три августовских Спаса: медовый Спас – начало Успенского поста (*14 августа*), яблочный Спас – Преображение Господне (*19 августа*) и ореховый – когда столы перед алтарем ломаются от яств, что после божественной литургии батюшка освящает.

Если сравнить с первыми веками христианства, когда за проповедь Христа ради, за исповедование Христа, от рук иудеев и язычников ...древнеримских, древнегреческих и прочих... гибли тысячи первохристиан, то в России христианство засеялось тихо, мирно и взросло, взросло, словно уже на духовно изготовленной в язычестве, плодородной почве. Христианские мученики, очевидно, и на Руси прославились, но – единицы, и лишь в XX веке, когда в России воцарились богоборцы, мученические венцы обрели тысячи православных христиан.

«Ранее, – продолжает протоирей Лев Лебедев, – когда мы говорили о нравственных началах Руси, мы выяснили, что обладавшие кротким и тихим нравом поляне явились духовным ядром Руси; они же стали и политическим ядром русской государственности. Их нравственность не могла не привлекать, и действительно, как мы потом подробно рассмотрим, давно привлекала к Руси особую Божию благодать: с IX века многие русские, среди них и князья, становились христианами; уже при Игоре в Киеве стояла православная церковь во имя пророка Илии; уже приняла Святое крещение равноапостольная княгиня Ольга, глубоко почитавшаяся всеми русскими людьми, в том числе и язычниками. Следовательно, не что иное, как промыслительная предуготовленность Руси к принятию христианства, выражавшаяся в нравственной чистоте и праведности ее самого важного центра, и уже начавшееся распространение христианства, выражавшаяся в нравственной чистоте и праведности ее самого важного центра, и уже начавшееся распространение христианства возбудили особую зависть диавола, стали ему, как «терние в сердце». «Жребий» зависти дракона падает на русскую землю точно так же, как пал он на Иоанна, сына варяга-христианина. Причем падает прежде всего на духовное «сердце» и государственную столицу Руси – Киев; здесь пытаются совершить беспрецедентные для Руси приношения в жертву идолам. Результат, как видим, оказался обратным: Русь отшатнулась от таких жертв.

(...) Не «углубилась» Русь и в идолослужение до такой степени, чтобы иметь идольские храмы и касту жрецов, хотя по соседству со славянами, в Причерноморье, находились колонии Греции (впоследствии – римской империи), где были и храмы, и жрецы.

(...) Отвергнув различные соблазны диаволопоклонства и тайнознаний, суливших особую власть над силами тварного бытия, Русь закономерно оставалась с одной жаждой Бога, который выше всей твари взятой. По этой же причине Русь оказалась и особо предуготовленной к его восприятию».

* Лебедев Л. «Крещение Руси». Издательство Московской Патриархии. М., 1987. С.45.

Словом, по мнению протоиерея Льва Лебедева, языческая Русь «жила с одной жаждой Бога», в чём и выразился второй, противоположный первому, милый русской душе взгляд на степень душевной готовности древних русов ко святому крещению и облачению во Христа.

Среди русских церковных писателей испокон православного века бывали любомудры, в лад коим и толковал протоирей Лев Лебедев о русах-язычниках. В далеком 1049 году митрополит Иларион в своем божественном творении «Слово о Законе и благодати» добрым словом поминает и языческую Русь, ибо уже в сумраке древнерусской души мерцал свет любви к ближнему, и на добрую землю пало семя Христова Слова. Поминая языческих князей Игоря и Святослава, митрополит Иларион восклицает:

...Те в лета своего владычества
 мужеством и храбростью прославились в странах многих,
 и победами, и крепостью поминаются ныне
 и прославляются.
 Ибо не в худой и неведомой земле владычествовали,
 но в Русской,
 что ведома и слышима
 всеми четырьмя концами земли.
 Сей славный – от славных родился,
 благородный – от благородных,
 каган наш Владимир.

В помянутой выше статье Михаила Козлова «Назад к Перуну? Заметки о язычестве древнем и современном» речено верно: воспевать язычество – смертный грех, сознательное, бессознательное служение бесам ...*бесам жряху*... но русской душе трудно согласиться с тем, что именно восточнославянские и собственно русские язычники выделялись из других языческих народов особой свирепостью, жестокостью и человеконенавистничеством. Для примера, вроде типичного, приводится жестокая расправа князя Святослава после взятия города Филипполя над двадцатью тысячами болгар. Не обеляя русского князя, можно лишь молвить: война есть война – дело богопротивное и человеконенавистническое, кроме войн оборонных и освободительных. Ведь и преподобный Сергей Радонежский, духовный светоч Земли Русской, благословил великого и святого князя Дмитрия Донского на битву с монголо-татарами: «Если требует чести, – отдай, если ищет золота – отдай; но за веру православную и Христову Церковь нам подобает и кровь свою пролити и живот свой положить...». А святитель Филарет так рассудил о войне: «Гнушайтесь убо врагами Божиими, поражайте врагов отечества, любите враги ваша. Аминь»

Говоря о жестоковыйном князе Святославе, опять же, чему дивиться, коли ведать о древних войнах, когда победители не токмо двадцать тысяч, но сотни тысяч побежденных побивали камнями, распинали, вырезали, закапывали живьем; сотнями тысяч истребляли детей и стариков, лишь юношей оставляли вживе, набив им рабские колодки, да юниц угоняли в блудодейные гаремы. Даже богоизбранный еврейский народ, обретая землю обетованную, побеждая соседние царства, вырезал язычников сотнями тысяч, не жалея женщин и детей, и се творилось, согласно Ветхому Завету, с «благословения Иегова». Мало того, случалось, Господь «гневался и карал» богоизбранных, коли те истребляли не всех покоренных язычников, коли избранным сохраняли жизнь, угоня рабство.

Похвально помянутый митрополитом Иларионом в «Слове о Законе и Благодати», воитель Святослав, что жестоко карал врагов, не повод для утверждения о том, что русы выделялось из прочих языческих племён более изощрённой жестокостью, «скверноубийством», ибо даже христианские царства после военных побед устраивали такие расправы над покоренными, что меркли и злодеяния князя Святослава. Германцы, католики либо протестанты, что в прошлом веке покоряли Россию, восклицали: мол, с нами Бог!..», и мы дарим христианам избавление от большевиков-богоборцев. «Избавляя» русский народ от антихристовой большевистской власти, германцы сгубили не двадцать тысяч, подобно князю Святославу, а десятки миллионов, при сём пытали и казнили побежденных с такой дьявольски изощрённой жестокостью, какая даже и в страшном сне не снилась князю Святославу и прочим русам-язычникам. Впрочем, гитлеровские германцы лишь ради обманного красного словца всеу трепали Имя Божие, а по духовной сути, подобно большевикам, были враждебны Христу и тяготели к языческому мистицизму, где славилась не любовь к

Вышнему и ближнему, а культ внешней *арийской* силы и воинственной воли, перед которой должен пасть ниц *слабосильный и безвольный* христианский мир. Фридрих Ницше, ненавидящий христианство, размышлял: дескать, христиане тяготятся миром дольным (земным), мечтают о мире горнем (небесном); так, может, помочь христианам вознестись на небеса, чтобы не путались в ногах у сильных мира сего.

Но вернёмся к русскому язычнику, что, по мнению избранных богословов, всё же был душевно приуготовлен к принятию Святого Крещения... Писатель Валентин Распутин по сему поводу в слове на празднике «Всех святых, в Земле российской просиявших» сказал: «Представьте себе, насколько это было чудом в русской истории – обретение народом-язычником христианской религиозности. Русь, которая в 988 году крестилась, была союзом языческих племён, и племён жестоких... (...) Русскому народу необходимо было принять именно эту веру: народ имел к ней душевную предрасположенность; это было лицо, коего искали русичи, и христианство было нужно народу, как воздух. (...) И сейчас, когда нам говорят, что Русь древняя была жестокая, варварская страна, то говорят заведомую неправду...».

Здесь в рассуждения писателя, видимо, невольно, от любви к русичу вкралось противоречие: не может Русь, коли «*была союзом языческих племен, и племен жестоких*» (!) иметь в то же время «*к ней (вере христианской, – А. Б.) душевную предрасположенность*». Противоречие усиливается, когда писатель считает заведомой ложью слова о том, что «*Русь древняя была жестокой, варварской страной*».

Думаю, восточнославянское (русское) язычество было мягче, чем язычество иных племен, и подтверждением тому уже и то, что восточные славяне (русские) вышли из скифов-пахарей, что были миролюбивее скифов-кочевников и скотоводов, от коих пошли тюркские племена. Впрочем, думаю, не столь важно жесточе или мягче было русское язычество, чем у прочих народов; правда лишь в том, что русскому человеку душно жилось в языческом гробу, – душа болела и металась, искала душеспасительную истину, которую, наконец, и обрела в христианстве.

Не обделенные совестью, русичи в последний век перед Святым Крещением жили с жаждой Истинного Бога, коль так быстро русичи своротили былых идолов, пустили Перуна по течению Днепра, коль христианство вскоре стало русским государственным вероисповеданием.

Со Святым Крещением русские поселяне, с детской чистотой и простотой веря в Иисуса Христа, в спасение души и обретение Царствия Небесного, старались жить *по-русски* – суть, по-божески, но, яко чада малые, склонные к таинственной игре, любили природные обрядовые игры. Но в сих играх не грешили обоготворением природы, о чём ранее переживал святой Григорий Богослов: «...Ов реку богыню нарицает и зверь, живущий в ней яко бога нарицая требу творит».

Даже сами недавние священные языческие понятия после Святого Крещения стали обретать в языке грубую окраску: *идол* – незаслуженно почитаемый; *болван* – туповатый, бесчувственный; *истукан* – стоит, словно каменный, когда надо действовать; *жрать* – есть грубо, по-свински. Хотя *идол*, *болван*, *истукан* – деревянные, каменные изваяния древнеславянских *богов*, а *жрать* – в языческом понимании, под водительством *жреца* (*жрать* – *жрец*, *жертвовать*, *жертва*) священнодействовать, на третище посреди языческого святилища (капища) потреблять жертвенную пищу или жертвовать её *богам*.

Говоря о мягкости русского язычества, историки ведают, что летописи не запечатлели случаев, когда бы русичи казнили христиан по религиозным распрям, язычники же Древней Греции, Античного Рима, Ближнего Востока и малоазиатских стран, как и нередко впадавшие в язычество иудеи, умучили сотни тысяч христиан, что и записано в «Житиях святых, на русском языке изложенных по руководству Четьих-Миней свт. Димитрия Ростовского».

Русские, будучи православными христианами, должны ли понимать как бесовскую всю двухтысячелетнюю устную народную поэзию и прозу, по глубинной мудрости и природной красе далеко превосходящую письменную, если корни её в арийском, скифском, славянском язычестве?.. Должны ли русские отречься от своей народно-обрядовой этики, имеющей языческие истоки, но лишённой уже языческой ...суть, демонической... мистики?.. Если русские отвергнутся древнеславянского языкового, художественно-прикладного искусства, значит отвергнут старинные сказки, старинные песни и былины, удалят с избяных наличников деревянную резьбу, спалят вышивки, ибо в произведениях древнего и вечного художественно-прикладного искусства таится древнерусская, языческая

символика. Нет, православное христианство не проповедует отречение от народного искусства, хотя и оговариваясь: *сказка – ложь, но в ней намёк, добрым молодцам урок.*

Христиане, забывшие о былом противостоянии христианства и язычества, высоко чтут искусство Древней Греции и Античного Рима, воплощенного в зодчестве, в поэзии, живописи и скульптуре, хотя произведения сего искусства – культ телесной гармонии, а не красоты души, где поселилась божественная любовь к Вышнему и ближнему. И, как уже поминалось, греческие, римские язычники, в отличие от восточно-славянских, яро ненавидели христиан, и по велению жрецов и правителей зверски умучили тысячи первохристиан, что отказывались приносить богомерзкие жертвы античным бесам: римским болванам – Юпитеру, Нептуну, Марсу, Аполлону, Венере, Вакху...; греческим истуканам – Зевсу, Посейдону, Афине, Артемиде, Афродите... и прочим бесам, скульптуры коих, грешным делом, и по сей день восхищают обывателей, вдохновляют искусников на сочинение стихов и картин.

Глядя на скульптуры античных идолов, что в похабной наготе красуются в Санкт-Петербурге, особо в Летнем саду, духовно трезвенный христианин невольно вспоминает, что по вине сих идолов обрели мученические венцы тысячи его братьев и сестёр во Христе. *Варвары* русы и вообразить не могли пытки, коим идолопоклонники Древней Греции и Античного Рима предавали первохристиан, что не поклонились бесам, вырубленным из дерева и камня. Читая жития святых мучеников, ужасаешься, с какой дьявольской изобретательностью, дьявольской жестокостью пытали римляне христиан; и, терзаемые львами и тиграми под ликующие вопли *классически образованных* римлян, великие страстотерпцы не отрекались от Христа Бога. Возможно, истребляя православных славян, черпая палаческий опыт античного мира, германские фашисты любовались языческими идолами Древней Греции и Древнего Рима, кои с дьявольской гениальностью воплотились в европейском изобразительном искусстве эпохи Возрождения (Ренессанс). Не миновала сия напасть и Россию... Возможно, языческие культы вдохновляли и обезбоженных мыслителей еще в эпоху Просвещения, залитого кровью боготорческих революций...

Печатается в сокращении.

Берега юбилеев

Евгений Лушев

Редакция журнала «Берега», его авторы и читатели поздравляют Евгения Александровича Лушева с 90-летним юбилеем и желают ему бодрости, энергии, прекрасного самочувствия, великолепного настроения, творческих сил!

Родился в 1930 году в деревне на берегу Северной Двины в Холмогорском районе Архангельской области. Окончил Военно-Морской факультет при Первом Ленинградском медицинском институте имени ак. И.П. Павлова. Тридцать три года служил на Балтийском флоте. Ветеран военной службы. После увольнения в запас жил в Таллине. Занимался последипломной подготовкой судовых врачей. С 1996 года – в Гурьевске. Литературные публикации – с 2002 года, в калининградских и гурьевских альманахах, журналах, коллективных сборниках... Изданы книги: «Русское рассеяние. Аргентина», «Митькина запруда», «Память»

Балерина Маша Павлова

Василий Петрович и Вера Петровна Митрофановы, дедушка и бабушка Маши по маме, владели в Москве фабрикой хрустала. Они вырастили троих детей. Сын, Константин, служил секретарём у югославского патриарха Варнавы. В тридцатых годах прошлого века СССР разрешал богатым людям приезд в страну за спрятанными кладами. При этом половина клада оставалась у государства, а другую половину владелец мог увезти с собой за рубеж. Константин в 1935 году съездил на родину, но смог найти только три клада из пяти. Дядя Константин свободно владел пятью иностранными языками. Прожил он недолго: заболев брюшным тифом, умер в Белграде.

Дочь Анастасия (Маша и другие дети почему-то звали ее тётей Диной) жила в Белграде и погибла в тридцать шесть лет. Это было в 1941 году. Она шла по улице города. Немецкий солдат крикнул: – Halt, – и выстрелил в неё из винтовки. Выстрел оказался смертельным.

Мама, Елена Васильевна, родилась в Москве. Окончила гимназию и консерваторию по классу фортепиано. В консерватории училась пению у итальянца Зелотти (Selotti). Обладала абсолютным слухом и лирическим меццо-сопрано. Консерваторию она закончила с золотой медалью. Была одарённым музыкантом. Отмечены её композиторские способности. Она писала романсы и на стихи «КР» (криптоним великого князя Константина Константиновича Романова, поэта, переводчика, драматурга, выдающегося деятеля русской культуры).

Митрофановы в Москве имели дачу. Молодой Николай Павлов однажды приехал снимать её. Встретил там красивую девушку Лену. Проказник Амур в мгновение одной стрелой пронзил два сердца. Вспыхнула любовь, которую люди называют «с первого взгляда». Вскоре последовало венчание. Появилась ещё одна счастливая пара.

Более подробно Маша рассказывает о предках по отцовской линии.

Прапрадед, Иван Никитич Скворцов, занимался выработкой бумажных тканей ручным способом в селе Серёда. Пряжу покупал на бумагопрядильных фабриках и привозил в Серёду летом по Волге, а зимой гужом. Приготовленную для тканья пряжу раздавал крестьянам соседних деревень для выработки миткаля.

Прадед, Иван Иванович, принял дело от отца в сороковые годы XIX века, а к концу шестидесятых уже давал работу местному населению на три тысячи ручных станков. За год вырабатывалось миткаля на 400000 рублей. Летом работы не производились: крестьяне занимались хлебопашеством.

Дед купил у крестьян 2,5 десятины земли и построил на ней фабрику на 450 ткацких станков. Их и двух мастеров выписал из Англии. Качество миткаля повысилось, доходы росли. Фабрика

расширялась и к 80-м годам в ней действовало 1120 ткацких станков. Ранее миткаль сбывался ситценабивным фабрикам села Иваново (Ивано-Вознесенск). А к концу 70-х годов – и фабрикам Москвы. Скворцовский миткаль занял почётное место среди товаров, производимых первоклассными русскими фирмами. Прадед, Иван Иванович, стал купцом первой гильдии.

После смерти Ивана Ивановича в 1892 году все дела перешли к его единственной наследнице, дочери Матрёне Ивановне, по мужу Павловой. Деятельная, энергичная Матрёна Ивановна стала продолжать дело. Она улучшила и обновила здания фабрики, машины, квартиры служащих, благоустроила больницу. Благотворительная деятельность ей была завещана отцом. Матрёна Ивановна пожертвовала крупные суммы местным храмам, Московскому университету, на постройку библиотеки имени её отца. Она совместно с мужем, Петром Александровичем, выстроила при фабрике училище для детей рабочих и служащих. В 1904 году она передала дело мужу и сыну, тогда малолетнему, Павлову Николаю Петровичу. Николай Петрович, будущий отец Маши, для обеспечения разросшихся до громадных размеров фабрик своей пряжей построил в селе Серёда прядильную фабрику.

Основатель мануфактур, Иван Иванович, воздвиг в 1887 году храм в центре фабричного поселения. С годами фабрики расширялись. Из небольших деревушек близ фабрики выросли большие слободы с общим населением до 15 тысяч человек. Наследники Ивана Ивановича расширили храм до вместимости 2000–2500 молящихся. Епископ Костромской Виссарион при освящении храма сказал:

– Много освящал храмов в жизни своей, но такой великолепный храм освящаю в первый раз. Поистине, стоя в нём, действительно, яко на небеси стояти мнишь. – При фабричном храме есть библиотека и зал-читальня. При фабриках имеются училище, школа грамоты, зал для чтения, спектаклей, концертов и кинематограф. Фабричная больница состоит из амбулатории с аптекой, госпитального, родильного, инфекционного отделений. В амбулатории – хирургический и терапевтический кабинеты. При фабриках, расположенных в удалении от села Серёда, имеются свои школы, библиотеки, больницы.

Так, поколение за поколением Скворцовы-Павловы развивали своё предприятие, обеспечивали работой многих людей, обустроивали их жизнь на небольшом участке огромной России. Сами богатели и вместе с ними богатела Россия.

Налаженная жизнь прервалась, всё созданное предками рухнуло с приходом революции. Елена Васильевна, мама Маши, оставила об этом периоде дневниковые записи.

«За несколько дней до революции мы с папой решили отправить детей (Володю, Женю и Елену) на свою дачу в Крым, так как жить в подмосковном имении стало опасно. Хотя наш дом с громадным лесом (парком в двадцать одну десятину) был всего в двенадцати вёрстах от центра Москвы – сообщаться можно было только лошадьми или автомобилем по Петербургскому шоссе. По ночам хулиганы поперёк дороги клали брёвна, останавливали проезжающих, отбирали деньги, покупки и выдёргивали серьги в ушах у женщин». К этому времени многие фабриканты продавали свои предприятия иностранцам, переводили свои деньги за границу, или, ликвидировав, что возможно, уезжали на юг или за границу. Для Николая Петровича это было невозможно. Напротив, он настаивал на том, чтобы ехать жить на фабрику и вместе с рабочим комитетом договориться о «прожиточном минимуме», о количестве часов работы, о прибавках и других требованиях. К неудовольствию хозяев соседних фабрик, Николай Петрович всегда первый шёл навстречу требованиям рабочих, поэтому на его фабриках никогда не было длительных забастовок. Так семья прожила несколько месяцев на фабрике.

Но постепенно всё менялось. Стали приезжать матросы, рабочие, агитаторы – устраивали митинги, доходившие до драки. Книжки стали проверять совершенно неграмотные люди: держа книгу наоборот. И, наконец, пошли всяческие обыски. Было решено арестовать всех фабрикантов.

Рабочие фабрики ночью сообщили об этом семье Николая Петровича. Они предложили сейчас же вывести семью из дома и советовали ехать в Москву и дальше. Собрали документы. Поехали на самых плохих, тощих лошадях и допотопном тарантасе. Николай Петрович нахлобучил картуз. Елена Васильевна повязалась платком. Ночь. Кругом темно и неприветливо. На сердце тяжесть, но больше всего угнетала полная неизвестность впереди. Громадная прядильная, которая обыкновенно светилась тысячами огней, стояла как мёртвая. Электрическая станция не работала. Прожекторы, освещавшие на много вёрст вокруг путь рабочим на фабрику в снежную пургу, и

детям, идущим в школу, бездействовали. Ткацкая фабрика, мастерские, церковь, больницы, приют для маленьких детей, ясли, родильный дом, школы, большой зал для туманных картин и немых фильмов, библиотека, магазины (лабазы) с продуктами и материями, отпускаемыми в кредит и по себестоимости – все остановилось, замерло. Объявлен приказ о всеобщей забастовке всего Ивано-Вознесенского треста.

Приехав на станцию «село Серeda», прошли к её начальнику и попросили позволения подождать поезда у него. Он знал семью Павловых и оказался гостеприимным хозяином: принёс чай, коньяк, жареные пирожки, которыми тогда славились все железнодорожные станции. Оказалось, что поезда из Иванова придётся ждать долго: путь загромождён вагонами с перевязочными материалами для фронта и вагонами солдат, едущих с фронта. На руках у Николая Петровича имелся документ, выданный рабочим комитетом его фабрики. В нём «рабочие депутаты» просили выдать семье дальнейший пропуск в Крым на поправление здоровья. По этому документу они и выехали через несколько дней. Из многочисленной прислуги их дома в Москве согласился ехать с ними в Крым только повар. Его тоже занесли в пропуск.

На Курском вокзале сели в поезд, отходящий в Севастополь. Москва осталась позади. Ехали в вагоне 4-го класса с нарами в три-четыре этажа. В нём – жара и духота. Вокруг полупьяные лица, за поясами ручные гранаты, которыми они дурачились и грозили друг другу. Елене Васильевне было трудно лежать на досках: она была в положении (пять месяцев). Поэтому она сидела и дремала в коридоре на своих чемоданчиках. В пути пассажиров много раз обыскивали. У Николая Петровича взяли бинокль и фотоаппарат. У повара нашли зашитую в сорочку Екатерининскую бумажку в 100 рублей. Женщин отводили в уборную и осматривали с ног до головы. У мужчин отдирали каблуки, так как многие прятали там драгоценные камни. Часто проверяющие просто забирали вещи, которые им понравились. Контроль отсутствовал и жаловаться было некому. К Елене Николаевне не подошёл ни один красноармеец. Даже не смотрели в её сторону. Видимо, в их глазах она была пустым местом.

Состав подходил к «демаркационной линии». За ней стояли немцы. Они занимали тогда всю Украину и эта часть вместе с Харьковом находилась в их руках.

Поезд остановился. Пассажиры с вещами пошли к переходу линии. В это время на путях показался локомотив с красноармейцами. Было воскресенье и они прибыли, чтобы поугагать и пограбить публику. Раздались ружейные выстрелы, а потом затрещал пулемёт. Народ бросился в небольшой лесок, который протянулся параллельно рельсам. Пули впились в стволы деревьев, срывали листья, или, свистя, пролетали дальше. Началась паника. Одни ложились на землю, другие бежали дальше, чтобы скорее достичь немецкой заставы. До неё было около пяти километров. Павловы решили бежать дальше. Тем более что красноармейцы уже начали основательный грабёж и стрельба стала стихать. Увидев немецкий заслон, пулемёты и полевую артиллерию, Павловы перекрестились и вздохнули свободно. Николай Петрович по-немецки объяснился с солдатами. Они указали дорогу, сказав, что от Харькова Павловы могут спокойно ехать до Севастополя в плацкарте третьего класса. Выходка красноармейцев немцам не понравилась, и они послали им угрожающую «ноту». Те стали убегать обратно и так торопились, что локомотив сошёл с рельсов. Это Павловым рассказали прибывшие к немцам позднее. Елена Васильевна, получив своё место в вагоне, заснула как убитая с мыслью, что на следующий день увидит своих детишек и больше никогда с ними не расстанется.

В Крыму Елена Васильевна родила трёх мальчиков: Петю, Котю и Юру. Это стало сенсацией в Ялте. О ней писали в газетах. Николай Петрович возглавил «Белый Крест». В его распоряжении находились санатории Ялты, Алупки, Симеиза и Гурзуфа. Продуктов питания недоставало – «если одну хамсу». Так продолжалось год и восемь месяцев.

Красные, овладев Перекопом, стали приближаться к Ялте. Ночью раздался телефонный звонок: приказано всем погрузиться на пароходы. Все линейки, коляски, автомобили мобилизовали для перевозки больных. Павловы наполнили два сундука, одели детей и на рассвете погрузились на пароход. Детей вначале устроили в трюме. Но там оказалось громадное количество крыс и вшей. Поэтому детей взяли на палубу, устроив из пледов защиту от ветра. Простояв несколько часов на рейде, ночью отплыли в Севастополь.

Третий раз Павловы оставляли родные дома. В Константинополе научились делать пряники, пончики. Этим жила вся семья. Николай Петрович перенёс брюшной тиф. Федя в это же время лежал

в сыпном тифу. Воспаление лёгких началось у Пети. Дети переболели корью. Когда переехали в Хайдар – Пашу, на азиатскую сторону, жизнь наладилась. Николай Петрович раньше много помогал москвичу Гарапичу. Тот и помог им теперь, прислав визы в Югославию. Павловы прожили там почти 24 года.

Маша родилась в Загребе (Хорватия) в 1925 году. Раннее детство запомнилось ездой на «Волке». Так звали её любимую собаку. В пять лет знала ноты, хотя читать ещё не умела. Во время концертов в 6,5 лет на фортепиано исполняла маленькие произведения Моцарта. Вся её последующая жизнь прошла вместе с музыкой. Маша считает свою увлечённость музыкой от мамы. Маша не любила шить, вязать. В 8 лет специалисты проверили у неё слух. Она все ноты назвала правильно. Заключение: музыкально одарённая девочка с идеальным слухом. Счастливое Машино детство прервала смерть отца от осложнений после перенесённого тифа. Сиротство оставило отметину в сердце, но не сломило её. Мамина любовь и жизнь победили – Маша осталась жизнерадостной девочкой.

Мама повела её на балет «Лебединое озеро». Маша, целиком поглощенная танцем, не двигалась. Маме сказала:

– Хочу танцевать. – Пришли с мамой к хореографу Поляковой Елене Дмитриевне. Та посмотрела девочку и высказала готовность заниматься с ней. Но у мамы нет денег на оплату занятий. Елена Дмитриевна сказала маме:

– Вы станете тапёршей, а Машенька пусть танцует. – Так танцы и рояль стали главными в детстве Маши. В Белграде она окончила четыре класса подготовительных и восемь классов гимназии. Параллельно окончила десятилетнюю балетную школу Елены Поляковой, а также музыкальную школу по классу фортепиано.

Маша в пятнадцать лет подвернула ногу. Доктор рекомендовал поехать «на грязи». Договорились, что её лечение оплатит брат с друзьями игрой на музыкальных инструментах. Когда люди собирались у бювета на курорте близ реки Дрина, брат с музыкантами играли на балконе.

Югославия находилась под немецкой оккупацией. Однажды утром, проснувшись, Котя, брат, спросил:

– А где немцы? – Посмотрели вокруг – немцев нет: они ушли. А пришли партизаны. Хозяин:

– Я спрячу вас в подвал. – А позже приходит:

– Требуют всех, кто не из городка, выйти на площадь. – Вышли. Приказывают:

– Копайте яму. – Выкопали. Построили всех в ряд. Оказалось пятнадцать человек. Спрашивают у собравшихся жителей про первую женщину:

– Чем занималась при немцах?

– Еду готовила им. – Стреляют. Она падает в яму. Следующие – муж и жена. Они фотографировали немцев. – Стреляют, и они в яме. Очередной была очень полная венгерка.

– Стирала немецкое бельё. – Стреляют. Она падает в яму ещё живая. Её достреливают в яме... Осталось их трое.

Из-за поворота выехала на площадь группа всадников. Впереди молодой человек, недавно отдохавший с их компанией:

– Кто дал право на самоуправство? Мы не убийцы. – Так называемых партизан, их было пятеро, тут же расстреляли. Маша без сил опустилась на траву. Хозяйка принесла ей ракии. В пятнадцать лет умирать не хотелось. Молодой человек брату:

– Живите в этой комнате. Машу одну не оставляйте: могут надругаться. Сам будешь играть на аккордеоне. – Их стерегли два молодых парня. Пришёл местный священник-серб и сказал:

– К вечеру принесу ракию. Вы не пейте. Пусть парни напьются. – Когда к ночи подвыпивших парней одолел сон, ребята с Машей убежали. Днём прятались в траве, питались ягодами, грибами.

Священник ушёл в свою деревню, а они направились к немцам. Там их отправили в тюрьму как партизан. Сделали о них запрос по телефону и на следующий день на грузовике повезли в Белград. С ними ехало восемь молодых парней и такой же молодой немец. Разговаривать запретили. В пути немцу в кузове подали из кабины какой-то знак. Тот скомандовал парням:

– Прыгайте. – Те прыгнули. И всех восьмерых мальчиков-евреев немец убил из револьвера выстрелами в затылок. У немца-мальчика были какие-то стеклянные глаза. Наверное, откажись он – его расстреляют.

В Белграде отпустили. Побежали к маме. Она – в обморок: немецкие газеты сообщили, что в том местечке у Дрины была бомбёжка и живых не осталось. С мамой пошли в гимназию. Директор её спрашивает у мамы:

– А там её насильовали?

Машу уведомили, что прошение о поступлении в Венскую консерваторию удовлетворено. Условие – один год до поступления отработать на авиационной фабрике. Поехали с мамой. На границе Югославии с Австрией всеми выполнялось обязательное требование: голыми с поднятыми руками пройти мимо офицеров. Прошли. А дальше решили бежать с границы. Дошли до железнодорожной станции. Мама по-немецки кассиру:

– Два билета в Вену. – Дали. Маша по какому-то наитию, зайдя в уборную, оторвала и выбросила верхнюю треть документа, сложенного из листа в форме буклета. На выброшенном отрывке написано одно слово «фабрика». В купе четыре места. Напротив сидит немка. Секунды до начала движения поезда кажутся вечностью. Входит немец с бляхой. Берёт документ Маши. Видит фото, вслух произносит:

– Studentin, gut, – и возвращает документ. Состав трогается. Мама и Маша переводят дух, а фабрика проплыла за окном и осталась позади.

В консерваторию поступало 150 человек. Конкурс выдержало семеро, в том числе и Маша. Она училась балету, а также игре на рояле. В Вену днём бомбили русские, а ночью – американцы. Маша спасалась в бомбоубежище, в два этажа под землёй. Однажды взрывная волна швырнула её и подругу по коридору до нижнего этажа. В бомбёжках три раза теряли все вещи. Немцы возмещали многое, и всегда – одежду.

Молодость есть молодость. Маша с подругами после бомбёжек завешивали окна одеялами и танцевали. Ей очень нравилась учёба в консерватории. Но к Вене приближались советские – надо убегать. Смогли попасть в последний поезд, уходящий в глубину Австрии. Вагоны переполнены: пассажирами заполнены даже уборные.

Появляются советские самолёты – все убегают в лес. Но их не бомбили. Возможно, потому что на крышах вагонов видны красные кресты. На одной из подобных остановок объявляют:

– Поезд дальше не идёт. – Маша с мамой и братом пошли вперёд. Увидели деревушку. Подошли к одному из домов. Хозяйка:

– Что умеете делать? Так. Молодой человек – работать в поле. Вы займётесь хозяйством. Дочку днём спрячем в соломе, а ночь проведёт в доме.

В американской зоне рядом с городом Зальцбург организовался лагерь русских эмигрантов ПАРШ (Parsch). В нём и оказалась семья Маши. Американцы почему-то больше помогали третьей волне эмиграции – русским, ушедшим из России вместе с немцами. Сами себя эти русские называли «Мы». С помощью американцев построили театр на сто мест. Маша в нём танцевала, участвовала в драматических спектаклях.

В американскую зону стали приезжать представители советской комиссии по репатриации бывших советских граждан. Страшное время. Маше запомнился симпатичный мальчик – бывший лейтенант Юра Соколов. Его уже проверили. Он назвался поляком с другой фамилией. Его вызвали повторно. Сказали:

– Мы вас проверили, вы свободны, идите. – И на полдороге до выхода громко назвали его настоящую фамилию. Юра инстинктивно... нет, не повернул голову, а только не успел сдержать легкого движения к этому. Но чекистам оказалось достаточным и такого. Американцы пытались его отстоять. Не смогли помочь. Забрали мальчика. Так и сгинул Юра Соколов.

Лагеря стали разгружать. Надо уезжать в какую-нибудь страну. В США и Канаду не пускают: семья Павловых из Москвы. В Австралию можно. Но там брату сначала необходимо пять лет рубить лес, а Маше три года работать прислугой. Так семья Павловых: мама, Петя и Маша – оказалась в Аргентине.

В Париже богатый аргентинец влюбился в артистку из балета Дягилева Ольгу Сергеевну Кирову. Женился и увез её в Аргентину. Она организовала школу балета. Маша стала работать у неё преподавателем. В школе занималось до 200 учеников. Появилось много знакомых. Особенно благодаря встречам в Русском клубе на Karlos Kalve. Председательствовал в клубе граф Шереметев. В клубе не только встречались, обменивались информацией, завязывали знакомства, но и ставили спектак-

ли. Причём постановку осуществляли профессиональные режиссёры. Маша участвовала во многих спектаклях и продолжала танцевать на вечерах. Их постановки и её танцы знатоки называли высоко профессиональными.

Любовь пришла к Маше в лице литовца Купрявичуса. Но вскоре их семейная лодка разбилась. Он оказался ненадёжным другом. В клубе познакомилась с Романом Алексеевичем Ловцовым. Его жена считала возможным для себя проводить ночи вне дома, и он расстался с ней. Стали встречаться в клубе двое грустящих, два одиночества. Со временем они пришли к мысли: хватит грустить, и в 1952 году поженились. Зарегистрировались в Мексике. Обвенчались через 23 года. Венчал Владимир Шленев. Прожили вместе 48 лет.

Роман родился в Риге. Рос без отца. В войну немцы мобилизовали его. Он сбежал, снял немецкую форму, скрывался в лесу. Сумел пробраться в Бельгию, там работал в шахте. В Аргентине он владел фирмой, занимающейся отоплением и охлаждением. Его обокрал компаньон-хорунжий Николай Дубина. Тот тайно на общие деньги скупил себе несколько квартир. Роман любил путешествовать, был добрым. У него во многих странах жили друзья, которые всегда приглашали их и радушно принимали.

Есть друзья и в США, но там «холодные люди без всяких интересов». Хорошо у них пенсионерам: где бы ни работал – пенсии большие. Но там не интересуются другими и не знают даже, кто рядом живёт.

Мария Николаевна создала здесь свою школу балета. Она была широко известна, пользовалась авторитетом. Её ученицы танцевали на многих сценах мира. Маша с удовольствием перечисляет теперь их имена, известные в Аргентине и в других странах.

– О балете в Аргентине. Пятнадцать лет назад в авиакатастрофе погибло много артистов балета из Аргентины. Самолёт с ними упал на землю и разбился. Здесь плохо оплачивают труд артистов балета. Лучшие танцовщики и балерины покидают страну, уезжают в Англию, Францию, США. Хулио Рока в 18 лет завоевал первое место на конкурсе в Москве. Но он уже покидает сцену. В Буэнос-Айресе три-четыре хороших театра. В театре Колон (Colón) балерины танцуют два-три раза в году. Ученицы школы балета театра Colón сами за период обучения на его сцене не танцевали. Абонемент в Colón очень дорогой. Маша повторяет: – Главное в подготовке балерины не техника, а дисциплина. Пришла ученица с часами на руке – выйди, сними».

Маше 82 года. Но выглядит она значительно моложе своих лет. Живет в Аргентине с 1950 года. Гражданкой этой страны стала с 1972 года и только для того, чтобы беспрепятственно путешествовать по разным странам. Она поддерживает знакомство со многими аргентинцами. Но общается в основном с русскими. А знает она, по моему мнению, почти всех представителей русской диаспоры в Буэнос-Айресе, особенно потомков белой эмиграции. Она помогла мне встретиться с некоторыми из них.

Я дважды беседовал с Марией Николаевной. Приходил в точно назначенное время, так как весь день у неё расписан. Оба раза к моему приходу был накрыт красиво сервированный стол с различными яствами, большинство которых можно увидеть на столах в России. Оформление интерьера комнат её квартиры тоже напоминало русское. Беседуя с Марией Николаевной, я забывал, что я не в России. У меня осталось впечатление встречи с культурной, высокоинтеллектуальной, доброжелательной, по-русски хлебосольной, светлой, обаятельной русской женщиной. Я очень признателен ей.

Дважды: в 1983 и 1994 годах Мария Николаевна приезжала в Россию.

Она получает пенсию за себя и мужа – 340 долларов. Романа Алексеевича не стало в 1991 году. В Буэнос-Айресе живёт её брат, Петр Николаевич. Ему 88 лет. Из тройни он остался один. В Бразилии живёт сестра Елена. Ей 91 год.

Мария Николаевна помогала многим русским, приехавшим в Аргентину. А Виталий Власенко, работавший по контракту в театре Колон, жил в её квартире. Он потом привёз невесту из Москвы. Свадьбу с присутствием солистов балета театра сыграли в квартире Марии Николаевны. Рассказывая, она смеётся:

– В застолье исчезла серебряная рюмка – прихватил на счастье кто-то.

Дочь Марии Николаевны, тоже Маша, вырастила двух дочерей: Фернанда (Феня) – психолог, Людмила (Люля) – архитектор. Обе говорят по-русски. Сама Маша очень похожа на маму. Такая же

стройная, обаятельная блондинка со светло-голубыми глазами на европейского типа лице с правильными чертами. Её увлечение – рассказывать детям русские сказки. Не читать, а рассказывать. Рассказанная сказка воспринимается детьми как живое действие. Она больше нравится, увлекает их. Маленький мальчик «научил» её, однажды сказав во время чтения:

– Ты лучше рассказывай: тогда ты смотришь нам в глаза, а не в книгу. – Уже пятнадцать лет Маша рассказывает сказки детям от семи до одиннадцати лет в немецкой школе «Гёте» (Goethe). В обеденный час ей предоставляют класс на тридцать пять минут. Маша знает много китайских и японских сказок, но русские ей нравятся больше всех. Её бабушка (по маме) очень любила сказки с «моральным выводом». Такие Маша рассказывает более старшим детям, от девяти до одиннадцати лет. Вот небольшой перечень её сказок: «Конёк-горбунок», «Царевна-лягушка», «Василиса премудрая», «Царь Салтан», «Морозко», «Теремок», «Одноглазка», «Руслан и Людмила», «Семь братьев», «Про лисичку», «Золотое яблоко», «Басни Крылова»... Ныне она выбирает лучшие сказки всех стран мира.

Маша нигде не училась рассказывать сказки. Но она с малолетства была связана с театром, выросла в семье, которая любила искусство. Папа и мама участвовали в «Обществе друзей русского театра». Мама – профессиональная балерина. Маша в детстве танцевала, но потом увлеклась русским фольклором. Очень любит его. Много лет занималась им.

– Моя душа танцует, когда слушаю русскую музыку, – говорит Маша. Ей всегда нравилась сцена. Её отец очень любил музыку, особенно классическую. В молодости превосходно играл на скрипке. Папа много читал. В их доме всегда были гости: артисты, музыканты.

Бабушка Маши очень хорошо знала настоящую русскую кухню. Это знание и любовь к ней передались внучке. Увлекается Маша рукоделием, интересуется всемирным фольклором. В последние годы она посещает курсы, где изучает методику построения и ведения рассказа, фонетику – всё, что относится к её сказкам.

Маша никогда не была в России, а только мечтает об этом. Её мама родилась в Хорватии. Но не только они, но и дети Маши говорят по-русски. А в Машинем русском не слышно акцента.

На концерте, посвященном Русскому дню на международной книжной ярмарке в Буэнос-Айресе, мы сидели рядом. Зная, что для новой встречи времени уже не будет, я попросил Машу письменно ответить на некоторые вопросы. Она согласилась, и сразу после концерта я прочёл ответы. Они были написаны по-русски красивым почерком без единой ошибки.

Низкий поклон двум Машам, русским женщинам в Аргентине. Они, рождённые за рубежом, вдали, за много тысяч километров от России, сохраняют обычаи, традиции, язык своих предков вот уже в третьем поколении. Великая им благодарность. Лучшей наградой для них стало бы признание их гражданами России с вручением паспортов с двуглавым орлом.

Берега любомудрия

Валерий Иванов

Валерий Иванов – историк, философ, автор научного труда «Триалектика – новая философская система»

Цивилизация против нацизма

Культур на Земле много, как много различных религий – цивилизация сегодня одна.

Нет, пожалуй, сегодня в мире более опасной ошибки в области социальной политики, чем ошибка перманентного и целевого смешивания властными элитами национальных аспектов бытия людей – с экономическими. Другими словами, чревато миллионами жертв смешивание политиками культурного – духовного и материального – физического бытия людей, без учёта общедоступных для них плодов цивилизации (продуктов научно-технического прогресса). Такая политика осуществляется властью предрешающими целенаправленно: разжигают на почве ксенофобии массовые взаимные убийства представителей различных культур, под лозунгами «За цивилизованную жизнь!»

Ксенофобия

КСЕНОФОБИЯ, от греч. ξένος «чужой» + φόβος «страх» — неприязнь к кому-либо или чему-либо чужому; восприятие чужого как неприятного. Возведённая в ранг мировоззрения, может стать причиной вражды по принципу национального или религиозного деления людей. Толковый словарь русского языка С.И. Ожегова даёт такое определение: ксенофобия – 1. Болезненный, навязчивый страх перед незнакомыми лицами. 2. Ненависть, нетерпимость к чему-н. чужому, незнакомому, иностранному.

Доктор биологических наук, профессор, главный научный сотрудник Зоологического института РАН В. Р. Дольник (1938–2013) указывал, что для человека настроенная реакция на непохожих людей неизбежна и биологически нормальна. Также у человека различия, связанные с языком, традицией, культурой, одеждой, причёской, религией, могут создавать внешнее впечатление другого вида и включать данный механизм.

Таким образом, по мнению этологов, расовое и национальное неприятие имеет в своей основе сбой современной нравственно-гуманной поведенческой программы цивилизованного человека, рассчитанной на лояльное и уважительное отношение к людям другого внешнего вида, другой культуры. Другими словами, превалирование биологической рефлекторной психологической установки – ксенофобии, над гуманной культурной установкой разумной человеческой личности является собой в современных условиях ненормальный сбой в его цивилизованном существовании. Не должна угнетать и блокировать свободу деятельности личности в современном обществе боязнь того, что чужая, более крупная особь попросту уничтожит или съест тебя.

В природе животные «научились» выживать в незнакомом «чужом месте», и рядом с другими зверями, организуясь в стада или стаи, тем самым обеспечивая собственную защиту, а также и защиту своих слабых, ещё подрастающих детёнышей. Тем самым нарушается основополагающий тезис Ч. Дарвина – «выживает сильнейший». Данный тезис, представленный в работе этого английского исследователя «Происхождение видов путем естественного отбора» (1859 г.), лёг затем в основу расовой социальной идеологии А. Гитлера «о высших, арийских – нордических расах и всех остальных – низших расах».

В основе теории происхождения рас (у животных различных видов) лежит принцип объективной биологической закономерности, детерминирующей на генетической основе:

- форму скелета;
- физиологические свойства органов и всего организма, в том числе скорость и форму реакции на те, или иные внешние природные и социальные раздражители;
- пигментацию – цвет кожи, структуру и вид волосяного покрова, общее строение частей тела и вид лица;
- те или иные характеристики длительной и временной памяти, скорость и вид психической реакции на социальные раздражители.

Человек как личность формируется в определённой социальной среде, которая в свою очередь сформирована конкретной культурой на основании нравственной парадигмы конкретного религиозного учения – догмы. Культурная социальная среда данного социума несёт в себе и на себе определённый опыт и знания предыдущих поколений – являет собой умное и рассудительное индивидуальное начало такого общества. Одновременно любой умный и рассудительный человек – это нераздельная деятельная единица своего общества.

Свобода любых целенаправленных действий любого человека детерминирована:

- его нравственными – религиозными воззрениями – культурой;
- его знаниями и социальным положением – социальным статусом;
- его социальными возможностями в среде социальной иерархии – социальными связями;
- его доступом к научно-техническим реалиям, универсальными знаниями – образованием.

Абсолютной свободы нет

АБСОЛЮТНОЙ СВОБОДЫ НЕТ! – и в принципе существовать не может, ибо всё материальное сущее математически детерминировано законами природы.

Свобода целенаправленных действий человека детерминирована знанием, умением, возможностями и волей личности этого человека, направляющей его действия на постижение искомого. Поэтому деятельный страждущий человек не свободен.

Существование, поведение и действия конкретной личности в обществе свободны настолько, насколько эта личность гармонически соотносится в своём социальном поведении с другими такими же членами данного общества. В научном, умном познании мира рассудительный человек, обладающий не только личным опытом, но и абстрактно заученным опытом и знаниями предыдущих поколений, свободен выбирать нужную инструментальную для решения текущих задач. Причём заученный опыт может быть не только опытом данного социума, но и иных социумов. Тем самым человек может расширять познавательную базу закономерностей бытия для успешного решения проблем.

Любой человек одновременно живёт в четырёх ипостасях своего натурального естества: биологической, физической, социальной и духовной, – объединённых волевыми действиями конкретной личности, для поддержания своей гармоничной целостной жизни. Закономерности, регламентирующие бытие человека во всех его четырёх ипостасях математически универсальны, но различны в своём формальном выражении. Знание универсальности законов, регламентирующих бытие каждого человека, а также социумов и соотношения человека с ними и между социумами как таковыми, позволяет нам подойти к пониманию других конкретных аспектов человеческого бытия. Некоторые из них характеризуются понятиями: **шовинизм, нацизм, фашизм** и прочими «измами», – диалектически разделяющими людей на антагонистические непримиримо враждующие социальные классы, готовые физически уничтожать друг друга. Есть ещё и духовный **фанатизм** – религиозная нетерпимость, так же экзальтированная примитивная **ксенофобия**.

НАЦИЯ – изначально от латинского слова *natio, nationos* – *рождение, происхождение, род* (Латинско-русский словарь, под ред. И.Х. Дворецкого, Москва 1986 г.). Позднее это латинское слово *natio* также переводилось как *племя, народность, народ, а также – класс, сословие, каста, разряд, слой, секта, порода, сорт*. Современное определение **нация** в социально-политическом значении было юридически кодифицировано итальянским юристом Паскуале Станислао Манчини в его труде «О нации, как основе международного права» (1878). Исстари основной источник биологического существования людей земли – пища, произрастающая на ней. В средние века в Европе

земля, как имущество определённого феодального рода, в новые времена тотальных капиталистических преобразований в социумах монархических государств квалифицировалась как собственность народа, заселявшего данную местность. Территория расселения данного народа, возглавляемого тем или иным государственным правителем (в середине XIX века – в основном, монархом), определялась как национальная собственность данного государства. Таким образом, понятие *территория* стало атрибутом определения **нация**.

Сегодня в энциклопедиях можно также найти определение **нация**, в которое входят не только понятия: *язык, этнокультура, история*, – но и *национальная территория*, и *национальная экономика*. Сразу подчеркнём, последние два понятия – *территория* и *экономика*, составляющие определение **нация**, относятся к сфере материального бытия людей и социумов, а поэтому детерминируются и определяются совершенно иными математическими закономерностями, описывающими физические процессы. Эти закономерности абсолютно алгебраичны, и не приносят собой никаких нравственных аспектов бытия, поскольку универсальны для всех людей, народов и наций, обязанных безусловно исполнять эту алгебру материальных отношений, чтобы не погибнуть. Поэтому в наших рассуждениях об определении **нация** вычленим из него физические детерминанты – *территория, экономика*, – которые воздействуют на всех людей непосредственно, в независимости от их национальной принадлежности и обусловлены совершенно другим фактором бытия в природе, который носит определение **цивилизация**.

Цивилизация

«**Цивилизация** – ступень общественного развития и материальной культуры, характерная для той или иной общественно-политической формации», – утверждает один из современных словарей. И это, пожалуй, самое близкое к тому, что сегодня констатирует общественное сознание в связи с этим определением.

Однако, оно слишком расплывчато, а потому позволяет по-разному интерпретировать его смысл. Западная философская школа вообще подразделяет различные социумы той или иной степени цивилизованности, тем самым вводя в научный оборот множество цивилизаций: китайская, западноевропейская, древнегреческая и т.д., – отождествляя её именно с культурными аспектами бытия того или иного общества. На наш взгляд все эти определения **цивилизации** не корректны, не научны – не рациональны, поскольку смешивают материальное и духовное измерение бытия общества, которые не имеют прямой логической связи между собой, а лишь – косвенную, через уже существующий социум, который так или иначе уже конкретно культурно индоктринирован. **ЦИВИЛИЗАЦИЯ** – это эквивалент количества конструктивно гуманно используемой энергии на каждого члена человечества, при умном системном единстве культур и науки. Степень цивилизованности данного сообщества определяется количеством энергии любого свойства и вида, на каждую личность члена данного сообщества.

Понятия **цивилизация** и **нация** в принципе несовместимы, поскольку **цивилизация**, показатель научно-технического прогресса человечества, – она одна фактически сегодня на Земле, а **наций** много.

Нация – культурогенный социальный продукт конкретного человеческого сообщества, в основе нации – **культура** данного социума.

КУЛЬТУРА – практически реализованные в общественных отношениях и материализованные в предметах пользования духовные устои: принципы религиозных воззрений и нравственные установки, исповедуемые данным социумом. Измерение духовного бытия общества имеет свои нравственные параметры определения и измерения человеческого бытия.

Нравственный крест

НРАВСТВЕННЫЙ КРЕСТ лежит в основе духовного бытия людей, определяющий эстетические, этические, моральные и эсхатологические воззрения человека, детерминирует его личность и предоставляет ему возможность действия, как в самом социуме, где он сформировался, так и в

других. Он имеет вполне измеримые параметры, основанные на геометрических отношениях и пропорциях.

ПРАВСТВЕННЫЙ КРЕСТ являет собой октагон (правильный восьмиугольник) с пересекающимися векторами: эстетический (*красиво? – некрасиво?*), моральный (*добро? – зло?*), этический (*можно? – нельзя?*), эсхатологический (*быть? – не быть?*), – в центре векторов конкретное религиозное учение – *религия*, с его атрибутами – *вера, обряд* и поведенческие *табу*, чтобы совершенствовать эту действительность во имя торжества основополагающих человеческих ценностей:

ИСТИНЫ (0), ЛЮБВИ (1), СПРАВЕДЛИВОСТИ (2), СЧАСТЬЯ (3).

Отделив критерии, характеризующие **цивилизацию** и **культуры**, которые, в сущности, не одинаковы, мы можем строить правильную методiku критики теории **фанатизма, шовинизма, нацизма, фашизма** и т.д.

Н. В. Заметим, что социальные теории построения социализма и коммунизма основываются не на национальных социальных приоритетах, а – на социально-классовых. Здесь отношения между классами капиталистов и рабочих диалектические, т.е. воинственно противоречивы. Они основаны на оптимизации промышленного производства капиталистами-предпринимателями; совершенствовании кредитной политики для получения дивидендов банкирами, и развития ими рынка, на котором осуществляется товарно-денежный обмен как предпринимателей и банкиров между собой, так и с рабочей силой. С другой стороны, пауперизации – обнищания рабочих, а значит, удешевлению рабочей силы посредством усиления её эксплуатации.

Кстати, банкиры эксплуатируют и капиталистов-предпринимателей, требуя всё новые и новые растущие проценты с дивидендов предприятий, заставляя капиталистов искать всё более дешёвые способы промышленного производства, в том числе и на дальних рубежах своей страны, там, где рабочая сила дешёвле.

Промышленное производство основывается на физических процессах. Оптимизация выгоды для предпринимателя происходит посредством внедрения прогрессивных научно-технических методов производства. Здесь без науки и знаний не обойтись.

А вот производство денег современным банковским миром, в пик теории К. Маркса, по существу отчуждено от производимой предприятиями товарной массы. Товарные биржи, по сути дела инструменты банкиров, служащие росту их банковского капитала, сегодня оперируют не объективными параметрами показателей рынка. На биржах орудуют «невидимые» банки и их рыночные дельцы, которые задают фьючерские цены на ещё не произведённые товары и, тем более, не поступившие в ту или иную широкую открытую рыночную потребительскую сеть. Посредством таких спекуляций владельцы крупных банков, особенно сырьевых, наращивают огромную сверхприбыль. Находящиеся в их руках местные СМИ усиливают этот эффект благополучия. Но это никак не способствует росту благосостояния трудящихся. Экономика, не имеющая материальной основы, разлагается спекулятивными экзорцизмами невидимых, но очень влиятельных дельцов от компьютерно-денежных, не овеществлённых цифровых потоков. Так вершится глобальная спекуляция бумажно-денежными массивами, разъедающая и подрывающая мировую экономику – читай, цивилизацию.

Социалистическая экономика тем и отличалась от экономики США и западноевропейских стран, что банковский капитал не выступал в ней отдельным самостоятельным игроком на финансовом рынке, но обслуживал государственных предпринимателей в лице руководства компартии и министерств, которые, в свою очередь, выполняли общенародный план развития государства, а не накапливали прибыли для себя лично.

В представленном анализе отношения производственных сил, капитала и рабочих есть ещё один важный аспект – это массовое отчуждение рабочей силы от производства. Это происходит в связи с научно-техническим прогрессом, в основе которого широкая роботизация производства. Огромные массы людей увольняются предпринимателями с предприятий и не находят себе работы, становятся социальными иждивенцами, живя на различные пособия. Задача по умному воспитанию людей в высоконравственном гуманном аспекте бытия сегодня как никогда актуальна. Однако банкиры не спешат служить делу просвещения, высокого образования, совершенствования здравоохранения, формирования гуманных нравственных идеалов в народной среде. Наоборот, сегодня апологетами финансовых спекулянтов вновь исподволь в СМИ выдвигаются идеи нетерпимости: РЕЛИГИОЗНОЙ (*фанатизм*), РАСОВОЙ (*шовинизм*), НАЦИОНАЛЬНОЙ (*нацизм*),

ПОЛИТИЧЕСКОЙ (*фашизм*), – к людям другого цвета кожи, другой культуры, других политических убеждений.

Национализм уже в середине XIX века изначально был призван капиталистами для разобщения классового единства рабочих, а также и крестьян, на основе этнокультурных различий, прежде всего присутствовавших в среде отчуждённых от земли городских рабочих и пролетариата. Антагонистическое противопоставление власти преобладающими в капиталистических странах в среде рабочего и крестьянского классов, было важным и обязательным условием усиления эксплуатации трудящихся для получения сверхприбыли правящими олигархическими элитами в странах западного мира. Самым важным и главным для этих правящих элит было столкновение на национальной почве трудящихся различных стран, вплоть до развязывания войны. Этот механизм обогащения финансовых олигархов, с одной стороны, и избавления от избыточной рабочей силы в век роботизации производств, при помощи физического истребления «ненужных людей» – с другой, – как никогда актуален сегодня.

Правда, в условиях обладания термоядерным оружием ведущими и антагонистическими по своему нравственному укладу государствами, любой конфликт между ними чреват гибелью цивилизации. Поэтому сегодня используются методы гибридной войны, победа в которой обусловлена интеллектуальным потенциалом той или иной стороны. Очевидно, запад сегодня поставил на массовое использование в этой войне ложных новостей («фейк ньюс»), а также на отвлекающие манёвры и прочие приёмы из области творчества иллюзионистов. Это дорога в никуда...

Применение шовинистического, националистического, фашистского факторов подавления инакомыслящих людей за их убеждения и социальное свободомыслие – вот тот инструментарий, к которому прибегает властная олигархическая верхушка в национальных странах. Однако всё это не способно решить те задачи, которые обязаны решать власть преобладающие в своих странах сегодня. Опора на банковский интернационал здесь тоже не поможет, ибо сам банковский капитал при этом девальвирует, оперируя в основном абстрактными идеологемами.

Где же выход из всего этого социально-экономического тупика, к которому приблизилась цивилизация. Ответ, в принципе, очень прост. Решение любых объективных проблем возможно лишь с помощью соответствующего инструментария. Поэтому если мы видим растущую проблему роста национализма, то решение этого вопроса возможно лишь на социокультурном уровне, где нет транснациональных отношений, но есть – наднациональные культурные отношения, выстраивающиеся на цивилизационной основе в расширившемся до глобального масштаба нашем сегодняшнем мире.

Необходимо выстраивать высоконравственные гуманные критерии отношений людей, используя основополагающие религиозные нравственные ориентиры и общепринятые поведенческие табу, которые не позволят развиваться антагонистическим отношениям в области этнокультур, но будут содействовать их сохранению и эстетическому совершенству. Ведь по сути дела нет лучшей или худшей народной музыки того или иного этноса – они все интересны и составляют общенародную копилку эτικο-эстетических воззрений, расширяющих кругозор данного социума.

В области промышленного товарного производства рост научного потенциала и инженерно-технической мысли позволит социумам развивать свой энергетический потенциал, обеспечивая прогресс цивилизации. В области постижения новых научных знаний необходимо развивать прикладную и фундаментальную науку, и прежде всего – математику, открывая всё новые и новые горизонты её использования новыми уникальными методами.

Только так, а не стяжанием на счетах сверхприбыльных нулей после единички можно вывести человечество из того нравственного и научного тупика, куда оно пришло в погоне за прибылью и удовлетворением, прежде всего, своих телесных потребностей.

Перед нами открытая вселенная и никто, кроме нас, людей, не может её понять, принять и гармонически с ней содействовать во имя торжества непобедимой ИСТИНЫ.

Берега Новороссии

Светлана Тишкина

Тишкина Светлана Эдвиговна, поэт и прозаик, публицист и драматург, член СП ЛНР, МСП и СП России. Председатель Православного литературного объединения «Свете Тихий». Составитель Международного православного альманаха «Свете Тихий».

Награждена многими грамотами и дипломами. Лауреат литературной премии «Олега Бишерева». Автор поэтических сборников: «Народом можно пренебречь?» (2007 год); «Как начинается весна?» (2009 год); «Рождение Новороссии» (2016 год). Автор книг (крупная проза): роман «Ольга» (2010 год); роман «Красноречивое молчание» (2009 г.); повесть для детей «МИРАЖИ на дорогах + детские ШАЛОСТИ», (2011 год); историческая книга «Тайны Александровска» (2011 год); повесть о детях войны «Гутенька» (2019 год); повесть о казаках «Сказ о том, как запорожцы Кубань завоёвывали» (2019 год); Автор пьес: о В.И. Дале «Напутное на все времена» (2009 г.); пьеса в стихах «ПсевдоСовесть нашего времени» (2010 г.); пьеса «Ради мира на земле» (2015 год); пьеса «Отвоёванный выбор Донбасса» (2016 год); пьеса рождественская сказка «Вернуть папу»; пьеса «С верой в Победу – за хлебом!»; пьеса «Родные небратья» (2018 год). На её стихи написано много душевных и духовных песен.

Двое из ларца

Рассказ

Имён не назову, позывных – тоже. «Пиариться» не хотят люди. Имеют право.

Этих двоих на базе «Горизонт» уважали, но, одновременно, за глаза, выражали недовольство:

– Мы там, на передке, а они тут, к кухне поближе...

– Забыли, когда на блокпостах дежурили. В общем, делают что хотят...

«Делают что хотят» – было неправдой. Так казалось тем, кто не был в курсе заданий комбата. Ходили завистливые слухи, что старший из них подчиняется только «Лешему», поэтому и свободы в перемещении у этих ополченцев было больше, чем у других, из-за этого и на блокпостах появлялись, в основном, по «своим» делам. Зато когда приходило время очередной «безбашенной» диверсионно-разведывательной вылазки, не многие хотели бы оказаться на месте таких «любимчиков» комбата.

Старшой (номер первый) Младшого (номер второй) выбрал в напарники сам, обучал стрельбе, азам разведки, снайперского и подрывного дела, а ещё, в противовес войне, наставлял в вере. По воскресениям они вместе погружались в машину и уезжали в церковь. Конечно, такая возможность была далеко не всегда в этот самый опасный для новорожденной республики летний сезон.

Огурчики полить еду

– Слышь, а ведь ничего не стоит им взять Луганск, – как-то за завтраком воспроизвёл мысли вслух Младшой. Их – много, нас – мало.

Старшой усмехнулся.

– Но они же свято верят в то, что здесь российская армия стоит. Вот и не верят донесениям даже своей собственной разведки.

– Нацики – на окраинах города: почти в Вергунке, почти в Камброде, почти на Юбилейном, почти в Александровске... Если бы знали наши реальные силы, давно бы взяли.

– Да, кольцо вокруг Луганска всё сжимается и сжимается... Ладно Счастье «прогавили», но как можно было Станицу сдать без боя?

Старшой замолчал. На минуту его напряжённый взгляд упёрся в стол. Не выдержав тяжести

своих же умозаклучений, он резко встал, юркнул в оружейку, сдал АКМ. Вернулся уже в штатском, прыгнул на мотоцикл и со словами «я в Станицу», был таков. Это же через все блокпосты!

Жена его, жившая с ним в это время на базе, – это воплощение женской добродетели и послушания – побелела от ужаса. Немой молитвенной свечой застыла она возле окна, на три четверти заложённого мешками с песком, ожидая вестей от мужа... или о муже.

Ей ли не понимать, что на его руках легко можно было обнаружить следы пороха, свинца и оружейного масла – все те следы, по которым мирных жителей отличали от ополченцев. А ведь он ещё только-только оправился от ранения, сказывались последствия тяжёлой контузии. Но для ВСУ он был всего лишь террористом.

Бог миловал, часа через четыре муж вернулся. Первым делом он доложил результаты разведки командиру, обрисовал положение дел на блокпостах, и только после этого подошёл к жене, до сих пор стоявшей у окна, обнял за плечи, губами осушил дорожку от скатившейся слезы на щеке.

В вестибюле здания неработающего предприятия, где временно располагалась база, собралось с десяток ополченцев, которым не терпелось услышать об обстановке в Станице.

– Ну, не тяни резину, как тебя не арестовали-то?

– Я же щуплый, на Илью Муромца не тяну. Вот и удалось сыграть разгневанного дачника, которому не дают проехать к огороду. А он без полива засыхает!

– Так ты что, и правда, к себе на дачу ездил? Огурчики полить? А мы тут все за него переживаем...

– Да, заезжал посмотреть на хозяйство.

– Так ты, получается, и не врал «бандерлогам»?

– Ну, я вообще, по жизни, честный парень. Домик в деревне – какое-никакое, но «прикрытие». Хотя вряд ли кто-то стал бы тратить время и бензин, чтобы проверять.

– Так как огурчики поживают?

– Да кто их сажал, чтобы они были? Неужели не привёз бы вам? Виноград зреет, но, думаю, сожрут без нас. Дача разграбленная стоит. Веранда и крыльцо раскурочены прямым попаданием. Хорошо, что не всё сгорело, но, какая теперь разница... Местных жалко. Станичанам там достаётся... Не верят они в то, что мы их на поругание нацистам бросим. Это же наши люди!

Склад боеприпасов + две БМП в придачу

Август 2014-го отличался от июля того же года всё более громогласными и решительными «ответками» ополченцев. Всё чаще говорили о контрнаступлении и желании дойти до Киева, чтобы по-мужски разобраться с хунтой, захватившей власть.

«Грады», «Грады», «Грады», ..., «Смерчи», «Ураганы», «Точки У», «САУ», минометы. Из чего только не стреляли, что только не летало, а главное, что только не приземлялось на родную землю в те горячечные дни противостояния. Артдуэли не давали выспаться людям ни на той, ни на этой стороне линии разграничения. Мирные жители, у кого были подвалы, по ночам сидели в них. У кого не было – сидели дома, уповая на милость Божию. Другого не оставалось.

После освобождения луганского аэропорта появилась надежда, что кольцо вокруг Луганска удастся разомкнуть.

Звук допотопного транзистора заглушал рёв генератора, стоящего во дворе, но в сорокоградусную жару окна закрывать не хотелось. Старшой терпеливо пытался найти положение приёмника, при котором помехи были бы меньше и можно было расслышать российские новости. В результате корпус транзистора пришлось приложить к самому уху. Старания ополченца были вознаграждены. И хотя то, что он услышал, для него новостью не было, тем не менее было приятно об этом услышать через вещание в средствах массовой информации:

«Ополченцы Донбасса ведут контрнаступление, отбивая всё новые населённые пункты у украинской армии. Силам самообороны удалось взять стратегически важную точку – село Весёлая Гора в двадцати километрах от Луганска и лишить силовиков последней возможности наступления на столицу ЛНР. В результате гуманитарно-боевой операции под контроль ополчения перешли также Малониколаевка, Вахрушево и Еленовка.»

Улыбнувшись приятным новостям, Старшой впал в некую задумчивость. Разведка доносила, что, не выдержав артобстрелов, украинские войска бросили свои насиженные, укреплённые позиции

под Счастьем и отошли в более безопасные квадраты – жилые районы, зная, что по «своим» гражданам ополченцы палить из пушек не станут. Предположительно, эти сведения касались и одного узлового квадрата под посёлком Весёлая Гора, который его интересовал. Трудно было поверить, что тот укрепрайон остался без охраны.

Поставив приёмник на место, Старшой поехал к комбату излагать свои мысли.

Часа в три ночи «Первый номер» разбудил «Второй номер», и они отправились проверять, так ли это на самом деле.

Рассвет, наступая на пятки, догнал разведчиков уже за посёлком Металлист, где они спешили и пошли по «зелёнке». От города Счастья их отделяло несколько километров да узкая полоска топей, она же служила этакой зеленолистой ширмой, лёгким прикрытием очередной их «безбашенной» вылазки.

Они понимали, что были сейчас прекрасными мишенями для снайпера, но тут уже ничего не поделаешь, нужно идти. Старшая не пропустить леску растяжек, эти двое пробирались к окопам, ещё вчера принадлежавшим батальону «Азов». Хотя, были сведения о том, что кроме этой банды под Счастьем стоял ещё и отряд польских спецов-наёмников. Не их ли тела после ночного артобстрела разметало вблизи воронок?

Старшой склонился над одним из них в попытке определить, кто такой и откуда прибыл в Донбасс.

Младшой же продолжал старательно отворачиваться от вида обезображенных человеческих останков.

– Чего нос воротишь? Разведчик ты или кто? – урезонил его Старшой. Младшой бросил на командира тяжёлый взгляд.

– Я плотник, строитель, а не... мясник.

– А я, значит, мясник? Совесть есть? Если бы не был сейчас таким зелёным с лица, вмазал бы сходу. Давай без обмороков только. Учти, обратно не понесу.

– Не могу я... это видеть. Люди же...

– Ага, вон у того люда на рукаве нашивка польского батальона в доказательство. И чего этот люд приехал из Польши в нас с тобой, да ладно в нас, в наших матерей, в наших детей стрелять?!

Младшой не ответил. Кто бы они ни были, людей было жалко. Бездушные «Грады» натворили бед.

– И чего на нас войной переть? – продолжал Старшой. – Ведь есть же мирный путь урегулирования этого беспредела...

– Чего молчишь-то? Ладно, не давлю. Горизонт держи в поле зрения. Сразу за пригорком – их укрепрайон. Если каратели ещё там, то как раз к «Азову» на чай с блинами попадём.

– Потому и молчу, что вернуться хочу. А тебя – «Остапа» – понесло что-то.

Зелёный вид Младшого, сливаясь с пятнистой зеленью униформы, говорил о многом, но, слава Богу, он держался. Другого – обстоятельства не предполагали. Шаг в шаг, след в след, продвигались они к намеченному квадрату. Чем ближе подходили, тем пристальнее вглядывались в поиске почти невидимых глазу лесок от растяжек на тропе.

Старшой шёл с миноискателем. Его недосмотр мог стоить жизни обоим. Шли налегке, без бронжилетов. Переросшие, пожелтевшие бурьяны затрудняли задачу. Трижды он замирал, снимая растяжки и поучая напарника. Одно неверное движение и... В такие моменты он сам себе командовал: «Отставить ошибки! Выполнять приказ: «Вернуться живыми!»

За очередным пригорком их действительно ждал немалый сюрприз: во всей красе открылся вид на прямоугольник открытого котлована, до верха заполненного зелёными армейскими ящиками.

– Что и требовалось доказать! – присвистнув, констатировал Старшой. – Вот и дошли... до цели.

Оба без команды распластались на груди родной Придонцовой степи, выжженной солнцем и войной, и, под её же защитой, стали осматриваться.

Сомнений не было – они наткнулись на «укроповский» склад боеприпасов. Все ли ящики полные, а среди них угадывались и длиннющие, в которых перевозились снаряды комплекса «Град», было пока не ясно. Охраняли склад лишь две замаскированные боевые машины пехоты, похоже, брошенные так же, как и боеприпасы.

Пришло время нарушить радио тишину. Старшой включил рацию.

– Комбат, мы на месте. Всё чисто. Ни одного «укропа», кроме двухсотых. Вижу склад боеприпасов и пару БМП в придачу.

Ликование в ответ придало уверенности.

Не обнаружив охраны, разведчики пошли по направлению предполагаемого склада. Быстро пройти не удалось. Всё вокруг было заминировано. Сердце учащенно стучало охотничьим азартом, а предстоящее дело требовало убрать все эмоции.

На сей раз первым нарушил тишину Младшой:

– Видишь, там дорожка светлая выложена? Это что? На порох вроде не похоже.

– Ещё как похоже! – отозвался Старшой. – Это пороховые мешочки с минометов. Не узнал?

– Теперь да. Так если готовили к взрыву, то чего не взорвали? Тех, кто придёт, ждали или собирались вернуться?

– Боюсь, это останется загадкой. Больше одной ошибки нам не отпущено, в любом случае. Вот это я тебе точно говорю. Пороховая дорожка выведена до такого места, с которого даже издали, даже сейчас, в сию секунду, можно одним трассёром, а то и простой пулей из снайперской винтовки поджечь порох. И всё! Здесь тогда всё взлетит на воздух.

Старшой замолчал, углубившись в расчёт шагов по разминированию. Пение птиц, стрекотание кузнечиков – всю эту ублажающую слух нормального человека идиллию – вдруг нарушили рыки далёкого обстрела. Кто-то к этому времени уже проснулся, справил естественные надобности, попил чайку и решил «поработать».

Старшой и Младшой, не теряя больше времени, не жалея себя, шаг за шагом прокладывали дорогу к складу. На подмогу им уже выезжала группа из Луганского штаба. Находка была немалой! Пожалуй, самая крупная за эту войну.

Спасибо «украинцам» за подарок! – стучало в висках рискующих жизнью ребят.

Вот и первый открытый ящик. А в нём – пустота. Второй ящик – пустота. А вот в третьем – далеко не пустота, в нём – ракета РСЗО «Град» для БМ-21, которая обязательно была бы выпущена по Луганску, если бы не контрнаступление, ставшее по силам армии ЛНР.

– Стоп! Не трогай! Я сам, – остановил Старшой напарника.

Два центральных ящика просто напрашивались стать ловушкой для неопытного сапёра. «Первому номеру» пришлось с ними повозиться. Слава Богу, и эти ящики были открыты, демонстрируя снаряды сто двадцатого калибра, которые, к счастью, не детонировали от гранаты, спрятанной между ними.

В другом ящике они обнаружили какие-то странные большие и малые пробирки с надписями «Зарин» и «Зоман». Вопросы возникли сами собой:

– Неужели это то, запрещённое во всём мире и всеми возможными конвенциями химическое оружие?

– Не воду ли собирались отравить, которая по водоводу подается в Луганск?

– Пошли пока отсюда. Пусть спецы разбираются, – командовал Старшой.

Рядом со складом обнаружилась солдатская кухня. Пустые ящики из-под боеприпасов служили здесь и мебелью, и коробами для хранения продуктов. Довольно мило устроились эти ребята.

– Какое изобилие репчатого лука! Как раз на базе заканчивается. – Обрадовался находке Старшой.

– Ага, и три мешка картошки лишними не будут. Давно жареной не ел. Пусть только попробуют не приготовить! Аж слюнки побежали. По-моему, я уже и проголодаться успел.

– Не мудрено, мы же ещё не завтракали.

– О! Глянь, что нашёл! Послание от «укропов», – позвал Младшой, открыв один из длинных ящичков, который нацисты использовали как подвесную полочку.

На внутренней стороне эдакого «шкафа-пальчика» чёрным маркером было написано: *«Ув. российские солдаты и саперы, мы временно уехали, но мы вернемся. Будем за вами скучать. Простите, что не убрали за собой мусор. Приедем – уберем. Мы заботимся о вашем здоровье и поэтому оставили вам чуть-чуть поесть. P.S. Ждите нас в Москве». Подпись и дата: «10 сентября 2014 года»*

– Какой милый чёрный юмор! – отозвался Старшой.

– Ага, смертью вокруг нашипованный. Сейчас расплачусь от умиления, – в тон ему ответил напарник.

– Это Путин пусть читает. P.S. – ему адресовано. А наш поворотный рубеж – здесь. Дулю им, а не Луганск. И до Киева, и до Львова дойдём, а надо будет, и на Рейхстаге снова распишемся. Сволочи... – эмоционально отреагировал Старшой. – А ты ничего не слышишь подозрительного? – продолжил он.

Младшой клацнул предохранителем, вскинул укороченный автомат, выданный ему на время разведывательной операции, и стал прислушиваться.

– Расслабься. Я не о том. Донец у нас – там, а что тогда в другой стороне журчит?

– Точно. Вода где-то течёт.

– Пошли, посмотрим.

– Может, наших сначала дождёмся?

– Пошли-пошли, заодно БМП посмотрим.

– Ладно, – выдохнул Младшой, – но только с миноискателем.

– Обижаете, я тоже жить хочу. У меня дочь подрастает, сын и жена любимые. Церковь ещё не достроил... И, вообще, дел по горло намечено. Так что...

Нахоженная тропа привела разведчиков к взорванному Металлистскому водоводу, который в мирное время питал Луганск. На месте взрыва был вырыт котлован, служивший воякам «Азова» бассейном для купания. Тут же, на трубе, лежали мыло с мочалкой. Понятное дело, в такую жару приятно было понежиться в прохладных струях водоёма. Вот только луганчанам эта вода не поступала.

Надо же, и здесь, на месте разрыва трубы был поставлен капкан на человека. Слава Богу, хитрую растяжку удалось заметить вовремя. О второй, не менее важной находке для города – месте разрыва крупного водовода – было также доложено командованию.

На обратном пути обследовали БМП. Видимо, отступающие минировали её в спешке. Пару растяжек стояли почти на виду. С этим Младшой и сам справился в два счёта. Пока он с ними возился, Старшой под передним траком обнаружил врытую противотанковую мину. Свежая, взрыхлённая земля выдала её расположение. Трогать не стали. Подмога была уже на подъезде.

Машина, подскакивая и колыхаясь на ухабах бездорожья, въехала на территорию склада. Вместе с сапёрами, военными спецами, прибыла также пресс-служба батальона с видеокамерой. Герои дня по очереди, под запись, доложили о результате разведки. Надо заметить, на радостях от зелёного вида Младшого не осталось и следа. Старшой, пользуясь случаем, продолжал командовать.

– Куда?! Стоять! На щебёнку не ступать! Да, здесь можно. Там – ещё не проверял. Ящики – каждый – смотреть в оба! К БМП не лезть.

Чтобы перевезти все «подарки» от армии ВСУ для армии ЛНР понадобилось четыре ходки огромных грузовых инкассаторских бронемашин и три КАМАЗа.

После того, как стало нечему детонировать на складе, пришло время разминирования БМП. Один конец длинной веревки привязали к машине, другой – к противотанковой мине. Узик разогнался и выдернул блин мины из земли. Она «летающей тарелкой» взмыла вверх, плюхнулась в траву, подпрыгнула ещё раз, шлепнулась на щебень, но так и не взорвалась. О как! Второго предполагаемого заряда, заложенного под неё, не оказалось. Боевая машина пехоты взревела и поехала, оповещая тем самым, что пригодна к использованию.

Со второй брошенной гусеничной машиной механикам пришлось повозиться. Её движок вывели из строя, насыпав и прокрутив в нём песок. На счастье, такой же новехонький движок имелся на базе. Заменили старый на новый, и этот «железный конь» поспешил встать в строй армии ЛНР.

Надо отдать должное ребятам из структуры «Лугансквода». Не побоялись приехать с аварийной бригадой, чтобы залатать прорыв в крупном Металлистском водоводе.

– У меня нет сомнений, что это диверсия. Диверсия с целью оставить Луганск без воды, – сказал на видеокамеру прибывший специалист.

Буквально за час вода была отведена с поврежденного участка, КрАЗ-экскаватором раскопали лопнувший пополам кусок трубы, не скажу точно, заварили или заменили его, но город уже на следующий день начал получать воду.

А что до скромных героев, отличившихся в этой разведывательной операции, то в скором времени этот случай затмили другие незамеченные подвиги ополченцев. Не за ранги и медали они, как и все остальные ребята, с честью воевали за Луганск, за Донбасс, за Родину.

P.S. Через пару недель по центральному телевидению РФ был показан сюжет: совсем другие ополченцы стояли на дне того самого котлована, в котором теперь оставались одни пустые ящики и с гордостью докладывали о находке оружейного склада ВСУ. Кто-то – обрадовался, а кто-кто – усмехнулся: «Ух ты, второй раз подряд один и тот же склад находим!»

Берега Новороссии

Лиана Мусатова

Лиана Мусатова (Чемерис Лиана Александровна) член СП ДНР, автор пятнадцати поэтических сборников и шести в прозе. Родилась и проживает в Донецке. Окончила Донецкий политехнический институт. Преподавала технологию металлов и черчение в Донецком заочном горном техникуме. Первая книга вышла в 1997 году. Работала внештатным корреспондентом газет, член Союза Журналистов Украины, член Межрегионального союза. Удостоена диплома «За верное служение отечественной литературе» и медали Московской городской организации, памятной медали Союза писателей России, особого диплома конкурса «Литература Донбасса -2011»

«Солнышко ты моё...»

Повесть

Ната вышла на привокзальную площадь, осмотрелась. Надо было найти остановку троллейбуса. «Поздно. Ему уже ничем не поможешь. Надо было прийти, когда звал тебя», – услышала голос с цыганским напевом. Она не видела ту, которая говорила, но понимала, что эти слова обращены к ней, потому что они буквально были вложены ей в уши. Когда обернулась, в сторону уходила пожилая цыганка. Ната хотела спросить, о ком идёт речь, но та удалялась быстрым шагом и смешалась в толпе соплеменниц. Почему была сказана именно эта фраза? Она ехала просто на встречу с Володей, с которым не виделась много лет. Чем, собственно, она могла ему помочь раньше, «когда он звал»? А когда он звал? Ната стала перебирать в памяти всё, что связано с Володей, и вдруг вспомнила сон. Она тогда отдыхала в Заточе. Этот сон долго волновал её, но дозвониться и дописаться к нему она так и не смогла. Во сне Володя стоял на высоком мосту над рекой в телефонной будке. Она видела его как бы со стороны и чуть сверху. Он звонил ей. «Я не могу больше так! Моя жизнь, моя семья... все это мираж, фальшь. Я задыхаюсь в липкой паутине лжи, она спеленала меня своими гадкими и тесными сетями. Я не могу двигать ни руками, ни ногами, чувства мои притупились, ум расплывается под тяжестью обязательств. Спаси меня! Забери меня отсюда! Только ты одна в силах прекратить этот кошмар, прервать эти муки».

Это был вопль, вопль отчаявшейся души, от которого у неё разрывалось сердце. Ната проснулась с тяжёлым осадком, потому что даже не предполагала, что у него всё так плохо. С одной стороны очень жалела его, с другой была рада тому, что он обратился к ней. Наконец-то обратился. Пусть даже не наяву, пусть во сне. Всё равно это крик его души. Сколько же лет она ждала этого! Терпеливо ждала, зная, что рано или поздно это должно будет произойти. По-другому быть не могло. То, что возникло между ними в молодости, предвосхищало эти события. Но с тех пор прошло половину века. Они встретились молодыми, полными сил, влюбились друг в друга, но не остались вместе. И в этом была виновата она. Проснувшись, долго лежала. Не хотела вставать, чтобы не потерять ауру сна, обволакивающую её приятными воспоминаниями молодости, наполненную звучанием его голоса, нежного, мягкого, который она так давно уже не слышала. Целую вечность, почти пятьдесят лет они не виделись и не разговаривали. Но сегодняшний голос был таким, каким был в ту ночь, пятьдесят лет назад, когда он ей признавался в любви. Его тембр, интонация... вливались в душу, волновали и наполняли сладкими воспоминаниями. Она помнила всё до мелочей, как будто это произошло прямо сейчас, несколько минут назад. А ведь это действительно произошло: он ещё раз объяснился ей в любви, он подтвердил своё давнее объяснение. Ничего им не забылось, не стёрлись чувства, не угасла страсть, не изменились интонации голоса. Прошло столько лет, а всё так свежо. Ей не хотелось со всем этим расставаться, но надо было идти

на завтрак. Она проводила отпуск на берегу лимана в Затоке. Ната автоматически забрасывала в рот всё, что лежало на тарелке, почти не ощущая вкуса. Ей было не до еды. В голове звучал голос любимого, который просил о помощи. И не просто просил, а вопил. Что же она может сделать? Как его найти теперь, после перестройки и развала Союза? Завод, на котором он работал, наверняка приватизирован. Кроме того, по телевизору ей попадала информация о том, что завод почти развален, разобран на отдельные цеха, которые превратились в предприятия бизнеса. Она не один раз уже писала письма по адресу, который ей дал однокурсник, звонила по телефону. По телефону ей отвечали, что это квартира не Клёсова, а на письма просто не отвечали. Как же его найти? Весь день ходила под впечатлением сна, чувствуя, что Володе плохо, что она должна поехать к нему, но куда?

* * *

Володя слышал, что в группу перевелась девочка из Новочеркасского политеха. Прошёл слух, что её отец – друг декана факультета. Обычно переводятся, да ещё на старший курс, кандидаты на отчисление или скандалисты. В общем, проблемные студенты. «Двоечница наша новенькая, наверное, – подумал Клёсов, уважающий в девчонках только ум. Она его совершенно не заинтересовала. Никто её не видел, и сегодня она появилась впервые. В группе с самого первого курса учились три девочки. Они пришли в спортивных шароварах, шерстяных кофточках и выглядели совсем домашнему, как будто в огород вышли поработать. На новенькой и одежда была новенькой: коричневые репсовые брюки с отстроченным кантом, мужская сорочка в серую с белым клетку, кепка. В одной руке она держала сумку, в другой самовяз – жакет с оригинальными жгутами, перекинутый через плечо. Её подвела секретарь факультета: « Это Наташа Пиалова. Она будет учиться в вашей группе». Вместо того чтобы сказать: «Очень приятно», как это делается при знакомстве, она обвела всех взглядом с лёгкой улыбкой превосходства и достоинства: «Знакомиться будем по ходу жизни».

Впечатление она явно произвела на всех, правда, разное. Девчонки точно, её невзлюбили сразу. «Задавака», – шепнула на ухо Тамаре Лора Скредова, скривив презрительно губы. «Ну, эта ей крови попортит, – подумал Клёсов, – Лариска, вообще, вредная, а на кого взъестся, то держись – спуску не даст. Да, и новенькая, похоже, не лыком шита: на неё где сядешь, там и встанешь. На двоешницу она не похожа, и из списка тупых он её вычеркнул. Эта – скорее скандалистка или искатель правды». Он всю ночь простоял в автобусе, потому что не было мест – все ехали на учёбу в Донецк. Полусонный и уставший он рассматривал новенькую как-то отстранённо, лениво, но всё-таки заметил некоторую неожиданность. На вполне европейском лице устроились раскосые миндалевидные глаза, над которыми тонкими стрелами от переносицы к виску, параллельно разрезу глаз, чернели брови. Что-то неуловимо азиатское присутствовало на лице, выявляя носительницу восточных кровей. Но тут дали команду: «По машинам!» и все стали усаживаться на дно кузова полуторки, устеленного соломой. Не успел он коснуться пола, как уснул с приятным чувством чего-то таинственного, что ожидает его впереди. Они ехали в колхоз на уборку урожая.

На следующий день за завтраком он её не видел, так как девчонки позавтракали раньше и куда-то ушли, а вот на уборку кукурузы ехали вместе. Хоть и не разглядел он вчера её хорошо, стоя в отдалении, но чем-то она задела его, поселила в груди смутное волнение. Ни вчера, ни сегодня она не только его, но и всех мальчишек в группе просто не замечала. Ни с кем не заговаривала, и никто не решался первый с ней заговорить: неизвестно на какой ответ нарвёшься. Что она необычная девчонка, поняли уже все. Только с Любой Тольмейстер перебрасывалась словами, по делу, конечно. После завтрака к нему подошёл староста:

– Ну, что за цаца к нам прибыла? Переерошила всю группу: у кого – на «двенадцать», у кого – на «шесть»!

– Да, я вижу, что равнодушным никто не остался, если даже тебя, Адик, это задело.

– Я боюсь, что в группе коррида начнётся. Она же как красная тряпка тореодора для быка.

– Это ты преувеличиваешь. Корриды не будет, но она, действительно, необычная девчонка.

– Неужели и ты, а, Володя, стойкий женоненавистник? Я грешным делом уже подумал, что ты голубой. У всех по девичье, с любовью или нет, только ты три курса один. Хотя не одна девчонка на тебя глаз положила, тебя никогда не видели в их обществе, и на вечерах не бывал, даже не танцевал с девчонками, не то чтобы в «кусты ходить».

– Да это от «ёжика» зависит – ошетинился, выпустил свои иголки. Как же я пойду в «кусты» с ними? Наколю.

– Серьёзный у тебя «ежик».

* * *

Ребята открыли задний борт грузовика. Володя задержался у машины, помогая девчонкам спрыгивать, конечно же, в предвкушении прикоснуться к новенькой. Помогал попутно и ребятам: кого за талию придерживал, кто на плечо опирался.

Девчонки опирались на плечи Володи, и прыгали. Ната, даже не взглянув на парня, положила руки ему на плечи, и прыгнула вниз... красиво, грациозно, как прыгают хорошо натренированные спортсменки со снаряда, довольные без ошибок выполненным упражнением. «Так она ещё и спортсменка!» – мелькнула мысль. Её тело, лёгкое, как пушинка, вспорхнуло в воздухе и спружинило, прикасаясь к земле. Погашая толчок от соприкосновения с землёй, оно завибрировало, и эти вибрации передались ему. Он физически ощутил Нечто мистическое, пришедшее из Земли и соединившее их. В этом ощущении предугадывалось хорошее предзнаменование: они соединены силами Земли! Он подумал: «Ещё бы и силами Неба!» Высокие азиатские скулы, в разлёт рисунок бровей на европейском лице делали его экстравагантным. Острый восточный взгляд. Такое сочетание было неожиданным. Что-то тёплое, смутное, как будто давно знакомое, зашевелилось в груди. Где и когда он мог встречаться с этим? Там, глубоко-глубоко, из самых потаённых глубин памяти выплывало это смутное чувство знакомства, тревожило его, приятно волновало. Волнение нарастало, подогреваемое тёплыми всплесками памяти. Становясь всё горячее, заполняя грудь, они перекрыли дыхание. И вот уже горячая волна вырвалась наружу неожиданным выдохом.

Когда ступни коснулись земли, и Ната уже стояла на земле, руки убирать не спешила, потому что они оставались на плечах мальчика, полностью вытянутыми. «Что за каланча?» – подумала она, и подняла глаза, застыв в изумлении. Перед ней стоял викинг. Высокий, стройный, сильный, с тренированными мышцами. Дерзость и удача читалась в его облике. Смуглая кожа свидетельствовала о дальних морских переходах. Серо-голубые глаза светились добротой и отвагой. Они несколько мгновений смотрели друг на друга, но то первое чувство, родившееся в эти мгновения, осталось на всю жизнь.

В первый момент в её глазах было удивление, но оно тут же сменилось восхищением. Володя не мог объяснить ни её удивления, ни её восхищения, только понимал, что в нём она увидела что-то поразившее и восхитившее её.

Машина тут же отъехала, потому что Ната спрыгивала последней. Она пошла в поле, догоняя ребят, Володя пошёл следом. «Что же её так восхитило во мне и поразило?» Как бы он хотел это знать, но спросить у неё не смел. Её взгляд, словно удар молнии, пронзил всё его существо, обворожительным видением пленившим душу. С той самой секунды, когда он посмотрел в её светло-карие глаза, такие мягкие, словно озёра мёда, он понял, что утонул в них, и утонул навсегда. Ему ещё и ещё хотелось в них смотреть и чувствовать, как внутри него поднимается что-то невообразимо сладостно-приятное и волнительное. Весь день он держал её в поле своего зрения, и время от времени их взгляды встречались.

* * *

Казалось, в её жизни было всё: и весёлое пение птиц по утрам в кронах высоченных деревьев перед институтом и сопровождающий на лекции, поднимающий настроение, солнечный луч, скользящий по щеке, лаская своим светящимся теплом, яркая зелень, буйствующие краски природы, голубое глубокое небо. Всё было завораживающе прекрасно, но хотелось ещё чего-то, такого, чтоб всё звенело вокруг напряжением восторга, распирающим грудь, стремящимся в пространство. В пространство, которое называют Любовь, которая и есть этот восторг. И так хотелось ощущать не только в себе, но чтобы и весь мир вокруг неё звенел и переливался, напряжённый чувством, чтобы дух захватывало, когда рядом был любимый. Не было этого ничего, ничего из желанного и воображённого она не чувствовала. В её воображении мощные волны Любви сливались в бурлящий, переливающийся всеми цветами радуги единый поток, унося их на своём гребне в заманчивые непознанные дали. Так хотелось такого, чтобы всё от земли до неба заполнялось золотым светом их

любви! И Любовь она представляла как слияние глубоко душевной мощи органной музыки Баха и летящей ввысь лёгкой мелодии скрипки, тонкой, прозрачной, струящейся. Иногда она сомневалась в том, что когда-нибудь это придёт к ней, но она ждала.

* * *

Под стеной на длинной скамейке сидел староста группы, и Ната села рядом. Завели разговор. Подошли ребята и тоже подключились к разговору. Среди них был Клёсов. Образовалась небольшая компания. Ната вливалась в коллектив. Кто-то подходил, кто-то уходил. Когда почти все разошлись, Клёсов повернулся к Натe:

– Пойдём, погуляем.

– Нет. Я не хочу гулять.

Конечно же, она хотела всем сердцем и всей душой пойти погулять с этим интересным мальчиком с необыкновенным лицом викинга. Но разве она могла себе позволить это, разве она могла предать Глеба? Она, без пяти минут его жена, вдруг идёт гулять с другим мальчиком!

– Не отказывай ему, – попросил староста, сидящий рядом с ней. – Он первый раз в жизни пригласил девочку. Он и так, сколько мы его знаем, – а это три курса, – ни на одну девочку не посмотрел, а они за ним табунами ходят. Красивый, статный, да ещё и отличник! Посмотри, какой мóлодец! Если сегодня откажешь, на всю жизнь отобьёшь ему охоту девочек приглашать.

Ната была пристыжена. Её призывали к милосердию. Разве могла она быть немилосердной и своим отказом испортить парню жизнь?

– Хорошо. Я пойду, но пусть с нами ещё кто-нибудь пойдёт.

Слышавшая весь этот разговор Люба согласилась, спрашивая:

– Кто ещё пойдёт?

Пошёл Валера Бойко. И они четвером отправились на прогулку, тут же разделившись на пары.

В начале сентября в южных степных районах Донбасса сохраняется тёплая, почти летняя погода. Глубокое тёмной синевы небо, местами почти чёрное, было усыпано огромными серебристыми черешнями звёзд. Они шли по просёлочной дороге вдоль посадки. А справа простиралось, уже убранное, пшеничное поле. От него пахло соломой, домом и уютом.

То ли Ната с Володей ушли вперёд, то ли Люба с Валерой отстали, но пары потеряли друг друга из вида. Волшебная ночь, окутанная зелёным бархатом листвы и тёмно-синим неба, ниспадающим к горизонту и бескрайним просторам полей, создавала ощущение нереальности происходящего. Володя широко раскинул руки:

– От горизонта до горизонта все звёзды неба – твои. Я дарю тебе их. Он складывает её ладони лодочкой, собирает с неба звёзды, и полные пригоршни высыпает ей. Повторяет несколько раз, приговаривая:

– Вот они: блестящие, красивые, яркие... они – все твои. Я осыпаю тебя звёздами... смотри, как ты искришься... ты самая искристая девочка на свете. Да что звёзды! Я для тебя не только звёзды с неба сниму, я и тебя на само небо подниму. Вон там, вокруг той самой крупной звезды вращается планета. На ней тоже есть жизнь. Не веришь? Я это чувствую... я вижу мальчика и девочку, идущих по просёлочной дороге и, они, подняв голову в своё небо, видят нашу землю, чувствуют нас. Он взял её за руку. – Полетели к ним!

Его рассуждения пугают Натy. Она опасается, что этот викинг окажется со странностями, но пока не показывает вида.

– Посмотри. Видишь? Девочка спрыгивает с машины и с восхищением смотрит на мальчика. Интересно, что такого она увидела в нём, что её восхитило.

– А пусть он у неё и спросит, – приняла игру Ната.

– Он не смеет.

– Скажи ему, чтобы он был посмелее.

– Мальчик, не дрейфь, спрашивай! Изменив голос: – Девочка, что ты увидела?

– Передо мной стоял не мальчик из группы... передо мной стоял викинг, окутанный облаком романтики морских путешествий и любовных приключений.

– Не замечал за собой любовных приключений.

– Потому что пользовался умом, а я разговаривала с глазами. Глаза мне и поведали твою тайну.

- Тайну прошлой любви? А настоящей?
- У тебя всё ещё впереди.

Прямо над горизонтом вырисовывалось созвездие Стрельца, одно из двенадцати зодиакальных созвездий.

- Ты кто по знаку зодиака?
- Козерог.

– Так мы с тобой совсем рядом на небе. Я – Стрелец. Именно в Стрельце находится самая красивая часть Млечного пути. В нём множество шаровых и рассеянных скоплений, светлых и тёмных туманностей. Это созвездие только одной своей частью находится в поясе зодиака, а другой располагается на Млечном пути. Стрелец большое созвездие и очень красивое, потому что в нём много ярких звёзд. Полетели?

Показывая на звезду правой рукой, левой обнимает Нату, чуть притягивая к себе, как бы приглашая в полёт.

– Мы летим с тобой к самой яркой звезде в салоне волшебного облака. Мимо нас проплывают планеты и разноцветные скопления звёзд, мы ныряем в туманности и проходим сквозь них. Где-то сбоку выплывает дракон, фыркая и испуская огненные протуберанцы. Но он нам не страшен. Мы ему говорим, что мы сами драконы, потому что родились в год дракона, и он улыбается, кивая своей страшной головой. И мы уже с тобой в другом времени. Моя рука лежит на твоём плече. Ладонь ощущает тепло и шелковистость твоей кожи. Мы медленно плывём к звезде. Нам хорошо вдвоём. Нам хочется так плыть долго-долго. Я чувствую...

– Я не знаю, что чувствует тот мальчик, который летит к далёкой звезде, зато знаю, что может чувствовать мальчик в соседнем колхозе, увидев, что ты меня обнимаешь, – сказала Ната, сбрасывая его руку движением плеча.

– Но что это? Моё сердце пронизывает боль. Она исходит из твоих уст. Плечо становится холодным и жёстким. Оно толчком сбрасывает мою руку... А причём тут мальчик из соседнего колхоза? Мы же в звёздном царстве.

– Опустись со звёзд на Землю. В соседнем колхозе – группа сталеплавильщиков. В ней учится мой мальчик, которого я люблю, и мы с ним должны пожениться.

Володя долго молчал. Он был в шоке. «Как? Какой мальчик? А я?» – билось в ужасе сердце. Земля поплыла под ногами, закачались звёзды, мир летел в пропасть, его мир, в котором он всего минуту назад держал самый дорогой и важный приз в своих руках. Его пронзила такая боль, которую он никогда ещё не испытывал. Но это была не физическая боль, которая появляется от побоев или порезов, от ран. Он вдруг сам стал одной большой кровоточащей раной, пылающей огнём и сжигающей то огромное, что сулило ему радость и счастье. Всё это сгорало с такой нестерпимой болью, что у него потемнело в глазах. Он пылал всепоглощающим огнём, сжигающим то огромное и ещё неведомое, но такое манящее, то, что всего мгновение назад распускалось в его душе экзотическим цветком с диковинным ароматом, сгорало в языках неистового пламени. Как он радовался возрастающему в нём цветку, как лелеял его. Всего два дня. Два дня счастья! И всё! И ничего больше нет: ни любви, ни радости, ни счастья... Мир померк в его глазах.

Володя молчал, но Ната видела лицо мальчика, и удивилась его состоянию: «Неужели у него всё так серьёзно? Лучше бы мы не ходили на прогулку. Теперь я ему принесла ещё больше боли, чем если бы отказалась с ним пойти. Откуда же я знала, что он успел прикипеть ко мне, а теперь отрывает себя от меня с такой дикой болью?»

– Ты не огорчайся, Володя, – пыталась утешить, – ты такой необыкновенный! Тебя обязательно полюбит такая же необыкновенная девочка, непохожая на всех остальных и самая лучшая.

– Ты – для меня самая необыкновенная и самая лучшая. К нему, наконец, возвратилась способность говорить. Он помолчал, а потом с такой неподдельной горечью добавил: – но не моя.

– А ты собственник! – Ната лукаво улыбнулась, пытаясь хоть как-то уменьшить его боль.

– Это не собственность! Это больше... это – я! Я потерял себя!

Вся его предыдущая жизнь, всё, что было до этой минуты – счастливое возвращение отца, командира подводной лодки, с фронта, получение золотой медали за десятилетку, осознание себя студентом на гребне жизни, раскрывающиеся перед ним горизонты будущего, всё сгорело в этом жутком огне, поэтому ему и было так больно. Сгорела в нём и его будущая Любовь, о которой он мечтал и,

которая так сладко тревожила душу. Всё сгорело, оставив пепелище – выжженное прошлое, настоящее и будущее.

– Это всегда так кажется, – утешала его Ната, – жизнь ведь только начинается. Потом ещё кого-нибудь встретишь, и она тебе тоже покажется самой лучшей, – говорила исходя из своего опыта. Ведь казался и Глеб ей лучше всех до вчерашнего дня, а сегодня – Володя, но она не позволяет себе дать ход чувствам: надо быть постоянной. Но несмотря на это, он всё больше и больше вторгается в её мир: да он попросту в нём всё перевернул.

Постепенно к Володе вернулось самообладание, но отчаяние так и не покидало:

– Только-только я нашёл в мире душу, которую столько искал, и сразу же потерял. Как же коротка была моя радость, каким же коротким было моё счастье.

– Не отчаивайся. Душа моя с тобой. Я чувствую, что наши души родственны и что мы, может быть, знали друг друга в прошлой жизни, поэтому им так тепло и уютно вместе с первой минуты.

– Тебе, правда, тепло со мной?

– Правда. Но это ещё ничего не значит. Сердце любит другого.

– А ты уверена, что это любовь?

– Ты меня так допрашиваешь, как будто сам любишь меня. Ты знаешь меня всего два дня.

– А сколько ты знаешь своего мальчика?

– Больше года. Мы собираемся расписаться, поэтому я и перевелась в Донецк.

– С первой же секунды, когда встретились наши взгляды, я понял, что мы знали друг друга. Где и когда, не знаю, но знаю, что встречались, что это встреча после долгой разлуки. Между нами пошло такое тепло, которого я ещё никогда не ощущал в жизни. Такое просто так не бывает.

– Тепло я тоже почувствовала и ещё подумала: «Любовь с первого взгляда?»

– Вот видишь! Ты разберись со своим мальчиком, а я подожду.

* * *

Для Наты сидеть без опоры всегда было сложно – очень быстро начинала болеть спина. Они собирали картошку, и приходилось всё время наклоняться. За день устал позвоночник, и требовал отдыха. Поэтому, немного посидев, чтобы снять нагрузку, легла на спину рядом с сидящим Володей. Володя смутился: что это? Предложение? В голову ударил хмель и уйма вопросов: как поступить? Принять или отклонить? Если принять, что делать? Но, очнувшись, вспомнил, что они на поле, у всех на виду. Но руку всё-таки просунул под голову, чтобы ей удобнее было лежать, и таким образом, и сам развернулся к ней вполборота, как бы нависая над ней. Их взгляды встретились. Они долго смотрели друг на друга, понимая, что они оба хотят того, чего никогда между ними не произойдёт. У Володи вырвался стон, а Ната крепче сомкнула губы.

– Даже вот так полежать рядом – и такая мука.

– Не начинай! Мы ничего не можем изменить. Я – закольцована.

– Сорви это проклятое кольцо! Я же чувствую, что тебе многое, если не всё, во мне нравится. Хотя бы скажи, что тебе нравится во мне, если не можешь позволить действия, то хотя бы скажи. Скажи, прошу тебя!

– Ты мне нравишься, может быть, я даже люблю тебя. Ты вызываешь во мне незнакомые чувства, меня волнуют твои взгляды.

– А его взгляды тебя тоже волнуют?

– Нет... не так.

– «Не так», а как? Как? – чуть не кричал он.

– Я захлёбываюсь ими, а скорее, наполняюсь, как воздушный шарик, и лечу в небеса. Ты всё делаешь не так, как он. У тебя совсем другая манера поведения, и жесты другие, и взгляды, тон разговора, тембр голоса. И всё это трогает меня, волнует. Я наслаждаюсь тобой. Ты делаешь всё по-особому. С тобой ко мне пришли чувства и ощущения, которые я не испытывала раньше. Они мне вообще были незнакомы. Что между нами что-то было, есть и будет, я поняла в первое же мгновение, когда заглянула в твои глаза, там, возле машины. Я поняла, что ты не случайный прохожий, который просто встретился на моём пути. Твой взгляд, твой образ викинга сулил мне романтическое будущее, захватывающее и неповторимое. Пока ещё такое смутное приятно-волнительное рисовалось в будущем. Но, я уже в те минуты знала, что мы не расстанемся.

- Как же не расстанемся, если ты выходишь замуж?
- Сейчас выхожу, а я говорю о будущем.
- Ты меня обрадовала своим предвидением, потому что я очень хочу, чтобы мы были вместе.

* * *

Последняя ночь в колхозе – это шабаш. Никто не спит. За несколько дней до этого запаслись спиртным и вкуснятиной, за чем ходили в райцентр пешком за несколько километров. Володя боялся, что не сможет сдержаться и под действием спиртных паров начнёт приставать к Тале. Поэтому он ушёл играть в карты с ребятами на другую половину дома, где жил Карасенко (завзятый картёжник) и другие ребята. Каково же было его удивление, когда, вернувшись в свою комнату почти перед самым рассветом, увидел Талу, спящую на его кровати. Она спала на правом боку, согнув в коленях ноги и подложив руки под щеки. «Как младенец» – подумал Володя. То ли от ладоней, то ли от сюжета сна, слегка припухшие губы были немного выпячены вперёд. Не только позой, но и выражением лица она была похожа на спящего ребёнка. Такой безоружной он видел её впервые. Куда девалась её воинственность, напористость, напобедимость. Ему так захотелось прильнуть губами к её губам, но... ему это не позволено.

Ната, почувствовав его присутствие, открыла глаза. И тут он не выдержал, опустился на колени рядом с кроватью и безудержно, со всей силой скопившейся страсти, стал целовать глаза, лоб, щеки. Когда приблизился к губам, она спросила:

- Мне уйти? Ты будешь спать?

Это означало, что поцелуи окончены.

- Кто же уснёт, когда перед ним такая девочка?

– Не начинай. Ты же знаешь: у меня – другой.

- Как бы я хотел быть этим другим, быть на его месте. Как он тебя зовёт?

– Как все: Ната.

– Да, как же он может тебя звать, «как все»? Ты ведь вообще не «как все», а для него должна быть ещё и в миллион степеней возведена! А моя ты будешь Тала, талинка – проталинка... моя Тала, только моя, шептал он страстно, обцеловывая веки.

Ната затаила дыхание: «Неужели такое бывает на свете? Почему же Глеб так никогда не говорил, так никогда не целовал? Почему никогда не видела на его лице такого выражения, выражения безудержного наслаждения?» А Володя наслаждался, старался им заполнить всего себя, чтобы надолго хватило, и дорожил каждой минутой. Они разъезжаются, будут жить по разным квартирам, и встречаться только в институте на занятиях. Что-то ему подсказывало, что это самые дорогие минуты его жизни, и никогда больше у него не будет ничего подобного. Неужели ему не суждено быть с нею?! А он мечтал! Мечтал остаться с ней наедине, ласкать каждый её миллиметр, обволакивать лаской и негой, говорить ей такие слова, от которых бы кружилась голова и спирало дыхание. А как ему хотелось услышать от неё хоть одно ласковое слово... Не сказала, ни одного, только тембр и выдавал её. А каким бы он был в минуты близости?! Какая же она сильная. Как могла она всё это в себе держать, ведь он чувствует, что нравится ей? Эти две недели колхоза – всё, что у него есть в жизни. И хотя он очень надеялся, что она разберётся со своими чувствами и придёт к нему, где-то на задворках сознания чувствовал, что никогда этого не будет.

– Ну почему? Почему такая несправедливость? Когда я наконец-то встретил девочку моей мечты, не только полностью отвечающей моему идеалу, но ещё и зашкаливающую, она оказалась чужой. Нет! Не чужой! Родной, самой родной, но отданной другому. Кто же так поступил со мной? Судьба? Судьба, скажи мне, где же я найду другую такую? Да, собственно, мне и не нужна другая, мне нужна она, моя непревзойдённая Тала, Талик, Талюня, Талюничка.

– Остынь.

– Зачем, я же вижу твои глаза, я слышу биение твоего сердца. Оно бьётся в унисон с моим. Откажись, ведь свадьбы ещё не было. А бывает, что и в день свадьбы жених или невеста сбегает из ЗАГСа.

– Не могу. Я перевелась в другой институт, взбудоражила родителей, и мои, и его готовятся к свадьбе. Не могу. Это предательство. Я ведь его опозорю на всю жизнь.

Ната села.

– Я пойду в свою комнату, попытаюсь уснуть до отъезда. Может, сегодня в такой ливень и не поедем.

Он сел рядом, крепко прижав к себе. Уткнувшись носом в волосы, шептал:

– Я преклоняюсь пред тобой, пред твоим решением, решением человека с большой буквы и высоко ценю его и восхищаюсь твоей мудростью и силой воли, но... мне больно, очень больно... ну почему это происходит со мной? Когда ты спрыгнула с машины и наши взгляды встретились, я вдруг ощутил, как из моей души льётся тепло. Я понял, что оно во мне было всегда, но затаившись, ждало момента. И вот этот момент настал. Тепло разливалось по всему телу и наполняло меня радостью, радостью от ощущения возможности им поделиться. Оно устремилось навстречу тебе и я, отдавая его, ликовал. Так вот почему мне не нравилась ни одна девчонка, потому что на свете была ты, которая должна была ко мне придти. Ты пришла.

– Где же ты был раньше? Почему не шёл мне навстречу?

– Я не знал, где ты. А почему ты не шла мне навстречу?

– Я тоже не знала, где ты.

– Удивительно! Ты из Новочеркаска перевелась сюда, чтобы выйти замуж за него, а встретила меня, того, кто ждал тебя все прожитые годы. Ты как-то сказала, что твоя душа со мной, а сердце с ним. Но так нельзя, нельзя, чтобы душа и сердце в разладе жили! Так у тебя ничего не получится!

– Во всяком случае, пока это так.

– Пока? Так, значит, у меня есть надежда?

– Может быть... время покажет.

Он подхватил её за талию, и закружил на месте. Его счастливый смех заполнил комнату. В нём было столько радости и силы, что Нате казалось, сейчас поднимется потолок, и безудержная радость его полетит далеко в небеса, оглашая их. Это было невероятно. Но невероятнее всего было то, что его радость передалась и ей, захлестнула лёгким приятным хмелем превосходства. Её превозносили, её обожествляли, её водрузили на самый высокий в мире пьедестал, пьедестал Любви. Ничего подобного не было с Глебом. Он вроде и любил её, но любил как-то тихо, безразлично, не одаривая комплиментами. Нет, комплименты всё-таки были, но они относились только к её уму, смелости и спортивной подготовке.

Володя поставил её на пол, продолжая держать в своих объятиях. Он её воспринимал по-другому. Он был счастлив. В Глебе Ната счастья от общения с ней не замечала. Она представила, как ЭТО бы было, случись оно с Клёсовым. И тут ощутила, как хмельное счастье, переполнявшее грудь, стало спускаться вниз, обретая крылья и трепеща. Оно пробиралось ниже, порождая неистовство, чего-то непонятого требовало от неё, требовало какого-то действия. Это было приятно и больно. Напряжение внутри неё нарастало, угрожая вырваться наружу. Впервые Ната не понимала, что с ней происходит, но понимала, что то, что внутри неё, неподвластно ей. Она, резко освобождаясь от его объятий, ушла, так и не ответив на его поцелуй. А так хотелось прикоснуться к жёсткому ежику темечка, но... она знала, что стоит только прикоснуться и оторваться, она уже не сможет... не найдёт в себе силы. Конечно, она не уснула и задавала себе тот же вопрос: «Ну почему, почему это всё происходит с ней?» На её лице ещё пылал жар поцелуев, душу жёг жар его слов, а внутри разливалась плазма чувств, собственных чувств, ослепляя и вознося. Она даже и представления не имела, что такое бывает, что такое может быть. Они больше года встречаются с Глебом, и от его слов не исходит тепло. Да он, собственно, очень редко что-то говорит... и уж не восхваленья. Он всегда ровно холоден: и в первые дни знакомства, и теперь. На его лице она никогда не замечала той бури чувств, которая только что пронеслась и делала несколько минут назад лицо Володи таким желанным. Она впервые узнала желание, почувствовала, каким оно может быть. Чувства женщины в ней ещё спали, и, как поняла, спали до сегодняшнего утра.

– Машина пришла, – заглянув в комнату, сказал Адик, – выходите.

– Крытая?

– Нет.

– А как же мы под дождём будем ехать два часа до города?

– Плащ-палатки дали. Укроемся.

Под навесом группировалось столько человек, сколько помещалось под плащ-палаткой. Володя подошёл к Нате, подтолкнул под полу своего плаща и повёл к машине. У него был военный плащ,

какой бывает у десантников (отец ещё с войны привёз). Он сел у самой кабины, где затишек, усадив Натю рядом. Прижавшись, обнял левой рукой, а правой держал соединённые внахлёстку полы плаща над головой.

– Вот так нас дождь не достанет. Мне главное, чтобы ты не простудилась. Дождь холодный. А мне ведь неслучайно в голову пришло «талинка – проталинка». Когда ты ушла, я вспомнил детский сон, который мне снился, когда я ещё дошколёнком был. Снился мне заснеженный косогор. Холодное небо и пробивающиеся сквозь тучи лучи к вершине косогора. Там на проталинке под лучами солнца паровала прогретая земля, а из неё выстреливали маленькие изящные зелёные листочки. Они быстро росли, набирая силы, разрастаясь и вширь, и ввысь. И вот проталинка засверкала изумрудом зелени с вкраплениями цветов разной окраски, а прямо с высоты, из воздуха появилась красивая в яркой одежде девочка. Была ещё зима, а на ней было летнее платьице. Её грел тёплый воздух, исходящий от земли, но долго в нём находиться она не могла, потому что вокруг ещё было очень холодно. Мы оба понимали, что она так скоро замёрзнет, и протянули друг к другу руки. Я пошёл навстречу, чтобы согреть, но проталинка не приближалась. Я шёл, но никак не мог дойти до этой девочки, а когда, наконец, приблизился и наши руки должны были сомкнуться, проснулся. И долго лежал потрясённый, сожалея, что так и не согрел замерзающую девочку. Несколько дней ходил подавленный под впечатлением этого сна. Мне было жалко и себя, и эту девочку. Постепенно сон забылся, и я никогда его не вспоминал, а утром вспомнил во всех подробностях. Значит, ты мне ещё в детстве снилась.

– И ты так и не согрел меня...

– Но это же во сне, а в жизни всё зависит от нас. Мы должны продолжить этот сон и соединиться. Он целовал шею, поднимаясь к мочке уха, потом опускался вниз, нашёптывая:

– Какая у тебя мягкая и гладкая кожа, словно шёлк. Ты создана для любви, ты создана для наслаждения и улады. Как же я хочу услаждаться тобой и тебе дарить несказанное удовольствие. Я хочу, чтобы ты была моей и тебе отдаюсь безраздельно. Я весь твой. Возьми меня, властвуй надо мной, делай, что хочешь – я во всём подчинюсь тебе. Горячий воздух, слетающий с его губ вместе с шепотом, горячие прикосновения языка волновали её.росло непреодолимое желание вскопичить, и бежать прямо под дождь, в степь, простирающуюся за обочиной дороги. «Бежать... бежать!» – стучало в висках.

– Я схожу с ума от запаха твоего тела, от тепла, которое от него исходит и пеленает меня. Я знаю, что я всегда буду помнить эти первые прикосновения. Я сохраню их в памяти своей на всю жизнь. Что бы со мной ни произошло, где бы я ни находился – это будет во мне. Никакие другие прикосновения не затмят эти, не сотрут их из памяти.

Ната задыхалась от наплыва чувств, и попыталась хотя бы отодвинуться от него, насколько это было возможно в битком набитом кузове.

– Не надо, не уходи, продли эти неповторимые минуты. Будут другие минуты, но эти – первые, и они никогда не повторятся, как ничто не повторяется в мире. Может быть, мы больше никогда не будем ехать из колхоза, больше никогда не будет лить дождь, и мы никогда не укроемся от всех под моим плащом. Как же я благодарен этому мелкому холодному сентябрьскому дождю за то, что он мне дал такую возможность прикоснуться к тебе, изведать такие чувства, которые не посещали меня раньше. Это что-то необыкновенное, потрясающее. И я знаю, что никакая другая девочка не сможет дать мне то, что даёшь ты. Я был равнодушен к девочкам, пока не увидел тебя. Там, на кукурузном поле ко мне с небес спустилось счастье. Да, счастье! И только ты способна мне его дарить.

А какое счастье для неё было слышать его, ощущать его прикосновения. Тело млело от неизвестной ей до сих пор истомы. Да, она тоже сходила с ума, сходила с ума только от одних его слов, от нежности, звучащей в голосе, и удивлялась, что такое бывает. Но она не имеет на это права, она должна отказаться от этого. А он шептал на ухо: «Ты самая лучшая девочка на свете!» Большинство ребят и две девочки жили в общежитии на студгородке. Вся группа решила ехать в общежитие, потому что дождь ещё лил как из ведра. Уже договаривались, кто из местных у кого будет ночевать, а утром разъедутся по домам.

– Я не поеду, – сказала Ната. – Мы будем проезжать недалеко от моего дома, и я выйду на Ждановской развилке.

– Талинка... проталинка, ты моя судьба. Ты моя первая любовь. Поехали в общежитие. Я столько лет ждал тебя...

Тепло его тела, прикосновение языка и губ волновали её и вызывали незнакомое до сих пор ощущение. Оно властвовало над ней, и способно было толкнуть на безрассудный поступок. Это пугало её. «А что, если у неё к каждому мужчине, который обнимет её и облизнет мочку уха, будут такие же чувства и она не сможет с ними справиться? Нет! Нет! И ещё раз нет! Она встанет на развилке и пойдет домой».

Машина неумолимо приближалась к городу. У неё не хватало сил прервать его сладостные признания, и всё-таки, собрав всю силу воли, сказала:

– Мне скоро выходить. Полупорка как раз подъезжала к бульвару им. Ивана Франка, который являлся продолжением их улицы.

Когда она повернулась, чтобы постучать в крышу кабины водителя, Володя с отчаянием прошептал:

– Ты ведь пожалеешь об этом.

– Если пожалею, я тебе обязательно скажу, – произнесла она, уже стоя на земле и Володя, конечно, не услышал этих слов.

Но она не забыла их и всегда помнила. Спрыгнув, быстро пошла вперёд, твёрдо чеканя шаг. Она уходила в дождь, унося с собой сладость слов и жар поцелуев. Дождь остужал тело сверху, а внутри всё горело от того пожара, который зажёт Володя. «Льдом, льдом, ледяным крошевом надо засыпать всё это, чтобы оно никогда не возгорало».

Капли дождя смешивались со слезами. Она слизывала их и твердила: «Никогда, никогда ты не подпустишь его ближе, чем на метр, никогда не прикоснёшься к нему ни рукой, ни ногой, ни телом. Приближаясь к дому, она уже почти бежала.

– Кто за тобой гнался? – спросила бабушка.

– Прошрое.

– Ты так говоришь, как будто прожила сто лет и уже древняя старуха.

– Прошлым может быть и то, что было минуту назад.

Поняв, что у внучки случилось что-то неординарное, не стала допрашивать. Секретов у них никогда не было, и она знала, что рано или поздно Ната всё расскажет.

* * *

После колхоза у студентов был один день, чтобы подготовиться к занятиям, и все были заняты приготовлениями. Так как Глебу всё приготовила мама, и он был освобождён от этих забот, решил проехать в общежитие к Володьке Чеглову, а вечером с ним к девчонкам. Чеглов до института подрабатывал сварщиком. Его забрали в другую бригаду сваривать какие-то баки, и они не виделись две недели. Ната и Света дружили со школьной скамьи и жили на одной улице. Мальчики познакомились вместе в один день с ними. Так и стали ходить вчетвером. Любил ли Глеб Натю? И да, и нет. Иногда он сомневался в своих чувствах, иногда был уверен. Но всё как-то вело к тому, что не мог ей сказать «нет». То они праздники отмечали всей компанией, то на каток шли, то в поход. Ему нужна была пара, а она была подружкой невесты его друга. И компания уже «устаканилась». Всё как-то шло само собой. И так, он не был от неё без ума, просто был не против. Так сыграли обстоятельства. Она перевелась из Новочеркасска в Донецк, чтобы они поженились и вдруг... ему сказали, что она в колхозе «путалась» с Клёсовым. Кипя от негодования, ворвался в их комнату.

– Где Клёсов, – завопил угрожающим голосом.

– Ты чего кричишь, как жареный поросёнок? – спросил Жора. – В магазин пошёл. Сейчас придёт. А ты что, разбираться пришёл, судя по твоему тону?

– А-а! И ты знаешь? Говори, они спали вместе? – выпалил, хватая Жору за шиворот. – Только не ври. Узнаю, что соврал, – убью.

Жора выпучил на него глаза.

– Ты что с ума сошёл? Кто они?

– Не придуривайся! Володька и Натка!

– А, так это ты тот мальчик, из-за которого она отказала Володе? О-очень, я вижу, ты уважаешь свою будущую жену, если такое допускаешь.

– А откуда ты знаешь про будущую жену?

– Володя в неё влюбился, чего греха таить. Но она ему сразу сказала, что у неё есть мальчик, которого она любит и за которого выходит замуж. Так что Володе остаётся только вздыхать.

– Не ври! Мне сказали, что они по ночам гуляли.

– Да... кто же такое мог сказать? – удивился Жора. – А знаешь, это, наверное, сказал тот, кто Клёсова жалует, видя, как он сохнет по ней, и хочет тебя с Наткой поссорить, чтобы она ему досталась.

– Во, – только и произнёс Глеб. Для него была неожиданна такая версия сюжета. «А если это правда, а он, дурак, завёлся...» Это остудило его пыл. Он сел за стол в раздумье.

– Привет! А мне сказали, что вы тут ссоритесь. Что не поделили? Или уже поделили? – спросил Клёсов, входя с авоськой в руках, в которой болталась стеклянная литровая бутылка молока, пачка сливочного масла, белый батон и докторская колбаса.

Жора и Глеб посмотрели друг на друга, как бы предлагая начать разговор. Но ни один, ни другой не раскрыл рта.

– Так в чём вопрос?

Глеб начал осторожно, учитывая версию, озвученную Жорой:

– Мне сказали, что ты влюбился в Нату.

– Пусть так. Тебе какое дело до этого?.. – помолчав, догадался – или ты тот мальчик? Глеб, так это тебя она любит, это вы собираетесь пожениться?

– Да.

– И что? Ты пришёл сказать, что отказываешься от неё? – обрадовался Клёсов.

Видя, какой радостью засияли глаза, Глеб понял, насколько глубоки чувства парня.

– Нет, пришёл узнать, какие у тебя с ней отношения.

– Для меня она – всё: Луна, Солнце, Звёзды, Принцесса, Королева, Богиня. Я не просто люблю её, я боготворю её. Чистая, благородная, преданная натура! Таких нет среди нас... тебе досталось золото мира. Как же я завидую тебе, как же я хочу оказаться на твоём месте, чтобы иметь возможность прикасаться к ней, целовать, обнимать, говорить ей ласковые слова. Я лишён такого счастья! Она любит тебя... и с этим ничего не поделаешь. Она в первый же вечер нашего знакомства сказала мне об этом, а могла ведь и промолчать и собрать сливки моей первой любви. Она поступила благородно, и на все мои даже безобидные поползновения выставляла ладонь запрета. Он выставил вперёд руку, ладонью изображая жест запрета, показывая, как поступала она и, как будет поступать он, сопровождая свой жест словами. – Я никогда не встану на вашем пути, не перебегу дорогу. Но я буду ждать... ждать, когда она сама ко мне придёт, если поймёт, что ошиблась в выборе или ты её оставишь.

– Я не оставлю её, – сказал Глеб и вышел из комнаты.

Володя задумался: у него достойный соперник и борьба предстоит нелёгкая.

– Твёрдый орешек тебе попался, – посетовал Жора. – Он Натку не отдаст и никогда не отпустит от себя. Такие держат своих женщин при себе, даже если не любят. А Натка – приз.

– Что, даже ты признал, что она приз?

– Приз то приз, но я всё равно её недолюбливаю за то, что она тебе всю жизнь перепоганила.

– Разве она виновата, что я полюбил её?

В студенческой среде Глеб выделялся молчаливостью, неординарностью суждений, широким кругозором. Он говорил не много и не часто, можно сказать, что он вообще больше молчал, но в каждой его фразе был заложен глубокий смысл. Его уважали на потоке и называли башковитым, хотя отличником он не был. Все знали, что он любого отличника за пояс заткнёт. Неудивительно, что он понравился Нате. Некоторые его даже странным считали. Но что он не такой как все, понимали не только на потоке, но и на всём факультете. Не такая, как все и Ната. В этом отношении они «два сапога – пара», но два разных сапога... совсем разных.

* * *

В сложившихся обстоятельствах возможным общением с Натой оставались только взгляды. Она входила в аудиторию, бросала на него взгляд, и солнце взрывалось и рассыпалось яркими брызгами, а он шептал: «Солнышко ты моё». Её глаза теплели, и она отвечала лёгким прикрытием век. Иногда он срывался. Ему не удавалось устоять на позиции нейтралитета и проявлять к ней равнодушие, и он, оказавшись один на один в переходах между аудиториями, целовал мочку уха и шептал заветное:

«Солнышко ты моё». Он читал в её глазах любовь, в то время как губы были плотно сжаты, не проронив даже и намёка на звук. Они вздрагивали от напряжения, настолько плотно были сжаты, чтобы из них не вырвался ответ. Он видел, как трудно ей удержаться от порыва нахлынувших чувств. И этого ему было достаточно, достаточно только на одно мгновение. Понимал, что долго не выдержит такого напряжения, но ничего другого не оставалось. Остатки дня после лекций проживал в предвкушении завтрашней встречи. Рисовал картины «перехвата». Но где? Они всё время на виду. Спрятаться никуда невозможно. Он знал каждую её минуту, он следил за ней, чтобы в любой возможный момент оказаться рядом. Но такая возможность бывала очень и очень редко. Иногда он думал, что для Наты это просто игра, потому что другого объяснения нельзя найти для её поведения. Но когда он утопал в жёлто-зелёном взгляде раскосых глаз, не сомневался в её искренности.

* * *

Ната ожидала заведующего кафедрой металлографии. Занятия уже окончились, и корпус был почти пустой. До конца перерыва оставалось полчаса. Чтобы скоротать время ожидания, повернулась к окну, разглядывая деревья, небо и, как всегда, сочиняя причудливые сюжеты. Подумала: «Странно. Я одна в пустом коридоре и Володьки нет. Он такие моменты не ...» не успела она додумать, как почувствовала лёгкое прикосновение губ в месте сопряжения линий плеча и шеи, поднимающихся к уху. Всё в точности так проделывал Клёсов, когда они ехали из колхоза. Это его повадка. Глеб так не делает. Ему это никогда и в голову не приходит. Тёплые, слегка влажные поцелуи, чуть щекотали и возбуждали. Она резко повернулась к нему лицом, и оказалась зажатой между ним и подоконником. Володя молчал, но глаза его кричали: «Пойдём, пойдём отсюда!» Ната опустила глаза, не выдерживая этого крика:

- Не могу! Никогда не проси меня об этом.
- Это ведь выше нас. Подчинись.
- Уйди, прошу тебя.

Но он обнял за талию, прижимая ещё крепче к себе. У Наты перехватило дыхание, и судороги сковали низ живота. Мелкая предательская дрожь прошла по телу.

- Ты единственная желанная и всегда... всю жизнь будешь ею... будешь принадлежать только мне.

По тому, какими глазами он на неё смотрел, она поняла, что ночь бы у них была жаркая... если бы была...

- Я замужем.

– Ну, и что? Это самая большая твоя ошибка. Рано или поздно ты это поймёшь и исправишь её. Да, ты и сейчас в эти минуты понимаешь это, иначе бы не было сумасшествия в твоих глазах.

Он вытащил из кармана брюк маленькое зеркальце:

- Посмотри, кого любит Тала... а замужем Ната.

На неё смотрели глаза влюблённой женщины.

- Уйди от него. Не знаю, что вас связывает, но ты не его, ты моя.
- Пусть разговор на эту тему будет последним между нами.

Она резко оттолкнула его, и быстро пошла по коридору. Володя хотел пойти за ней, но услышал шаги, и понял, что кто-то поднимается по лестнице. Он отвернулся к окну, чтобы не увидели его возбуждённого лица. Только после того как идущий зашёл в кабинет и затворил за собой дверь, ушёл и он.

* * *

Преддипломную практику Клёсов проходил в Сумгаити, а Ната – в Донецке. Света послала телеграмму Чеглову: «У Наты и Глеба родилась дочь». Клёсов, придя со смены, увидел её на столе. Ребята организовали стол.

- Садись с нами, обмоем дочку Глеба.
- Сейчас. Мне надо...

Он выскочил из комнаты. Откуда дочь? Какая дочь? Почему Тала мне не сказала? Щемило обидой сердце и рвалось на части отчаянием. Всё кончено! Она теперь никогда с Глебом не разведётся! Он потерял её навсегда. Он бежал к морю, но ноги не слушались его. Огромная глыба, тяжёлая глыба, свалившаяся на него, прижимала к земле, не давала возможности оторвать ноги от песка. Он

упал. Его желанием было утонуть, но у него нет сил добраться к воде, нырнуть в волны, спрятаться от всех, никого не видеть. Никто не поймёт его боль. «Обмоем дочку!» Они меня приглашают обмыть мою смерть: с её рождением умерла моя надежда, и умер я сам. Никогда ничего подобного он не ощущал. Даже тогда, когда Тала сказала, что у неё есть другой. Тогда оставалась надежда. Сейчас её нет! Нет больше у него надежды! Зачем жить?

* * *

Глеб принёс в роддом телеграмму из Сумгаита: «Поздравляем дочь желаем здоровья долгих лет жизни. Чеглов и другие». Значит, Володя знает. Как он там? Как перенесёт это известие? Она так и не решилась ему сказать о том, что ждёт ребёнка. Не смогла, потому что представляла, какая боль будет в его глазах. Рождение ребёнка отодвинет их мечту соединиться на долгий срок. Ната, выросшая без отца, ещё ребёнком поклялась, что будет терпеть любого мужа только ради того, чтобы её дети росли с отцом. Не хотела раньше времени сообщать ещё и потому, что сначала надо родить. Родила преждевременно с маленьким весом и недоразвитым организмом. Он знает. Там, в далёком Сумгаите ему будет больно, но здесь было бы ещё больней. Пока вернётся с практики, боль немного утихнет.

* * *

Свадьба Светы и Чеглова состоялась сразу же после защиты им диплома. Собрались в кафе на пересечении улицы Артёма и пр. Титова. Свадьба есть свадьба. Веселились, пели, танцевали. Был и Клёсов, которого Ната теперь почти не видела. Дипломы писали по домам. Собирались только на очередную защиту, чтобы поддержать ребят. На свадьбу были приглашены девушки из пединститута. Они держались в стороне, и в той стороне был и Клёсов. Ната было подумала, что он завёл себе подружку, и так на душе стало больно. А чего болеть? Сама отвергла и надеялась, что он всю жизнь по ней вздыхать будет? И вдруг... идёт Клёсов с двумя огромными фужерами, а в них искрится шампанское. Протягивает один фужер ей со словами: «Я хочу выпить за то, чтобы повторилась последняя ночь в колхозе!» Пригласить на брудершафт он, конечно, не отважился. Выпили так, глядя друг другу в глаза. Но что это был за взгляд!

Начались танцы. Володя стоял в стороне и в танцах не принимал участия. Но на «Белый» танец, когда девушка приглашает кавалера, пошёл, потому что нельзя отказывать. Ната впервые увидела, как он танцует. Неплохо, элегантно, даже, можно сказать, деликатно. И, как же ей захотелось с ним станцевать. «Крышу» срывала мысль: «Приглашу на «Белый танец»! Один раз в жизни! Разъезжаемся ведь и, может, больше никогда не увидимся!» На следующий «Белый» танец к Клёсову ринулись одновременно Ната и та девушка, которая его уже приглашала. Но он видел только Натю. Девушка уже стояла возле него, приглашая на танец, а он ждал, когда подойдёт Ната и даже сделал шаг ей навстречу. Все обратили внимание на этот конфуз, но металлурги знали, почему он так поступил, а педики, так коротко звали студентов пединститута, не знали и возмущались. Приглашая, она посмотрела ему в глаза и, не выдержав их ошалелого взгляда, опустила свои. Они оба дрожали, но это была очень мелкая дрожь, не заметная для других, скорее, внутренняя, чем наружная.

– Посмотри на меня. Я хочу видеть твои глаза.

Ната подняла глаза.

– Я люблю тебя, – прошептал Володя.

– Я люблю тебя, – ответила Ната.

– На всю жизнь.

– На всю жизнь.

– Ты самая лучшая.

– Ты самый лучший.

Напряжение нарастало. Его рука, лежащая у неё на поясице, горела огнём, и зажигала всё внутри. Это был фокстрот, и Ната, сделав шаг в сторону, отчего соскользнула его рука с поясицы, подхватила её, оставляя вторую в его ладони, и начала отбивать степ. Держась, то за обе его руки, то за одну, выписывала вокруг него такие кренделя, что публика опять, как и тогда, когда она исполняла первое танго со Сныковым, расступилась. Володя же продолжал танцевать фокстрот, а она вписывалась в его ритм и рисунок. По окончании танца подошёл Глеб:

- Ты же обещал не делать первого шага навстречу!
- Не в танце – парировал Клёсов и поцеловал Нате руку. – Благодарю за чудесный танец.
- Bravo! Молодцы! Станцуйте ещё! – кричали со всех сторон.
- Пошли домой, дочка ждёт! – скомандовал Глеб.
- Не уходи, станцуй!

Ната пожала плечами: не могу, подчиняюсь мужу и семейным обстоятельствам. И они ушли.

* * *

После защиты дипломов все разъехались по направлениям. Глеб, защитивший диплом на отлично имел право выбирать направление. Он выбрал Донецк, и Ната, как его жена, тоже осталась в Донецке. Клёсов получил направление в Ворошиловград. Шли годы. Парень из параллельной группы часто бывал в командировке в Ворошиловграде и видел Клёсова. Совершенно случайно встречал и Нату. Он-то и сообщал ей, что Клёсов мотается на мотоцикле и ждёт, когда она разведётся с Глебом и придёт к нему. Ната, как и поклялась, терпела пьянку и скандалы. Она развелась только тогда, когда подросток дочь сама её попросила об этом. Как и обещала себе, поехала в Ворошиловград, чтобы сказать Клёсову, что жалеет о том, что не поехала с ним тогда в общежитие.

* * *

Так как она не знала ни телефона, ни его адреса, решила ехать прямо на завод. На проходной представилась сокурсницей и попросила пригласить Клёсова. Ему прозвонили и ей предложили подождать. И вот первые минуты встречи. Но в двери показался не викинг. Она удивилась разительной перемене в его облике, словно с него спало покрывало романтизма. Перед ней стоял не предводитель таких же отчаянно-благородных сорви-голов, как и он сам, а обыкновенный обыватель. Потух человек. Сник. Остался пепел. «Пойдём ко мне домой? У меня сыну скоро год».

Волновалась ли она, ведь прошло столько лет? Конечно, волновалась и радовалась, что, наконец-то, она будет с Володей. Ей и в голову не приходило, что он мог жениться. Как же? Он, ведь её ждал столько лет? 10 лет! Такого быть не может. И его слова: «У меня сыну скоро год» перечеркнули всё, что было до них и будет после них. Всё теряло смысл.

Он увидел, как в её глазах метнулись боль и отчаяние: «Как ты мог?» Но вопрос застрял в горле, сведённом судорогой. Больше всего на свете он боялся этого вопроса, потому что на него не было достойного ответа. Да, он предал свою любовь, и этому не было оправдания. Чтобы этот вопрос не прозвучал, он без умолку говорил. Говорил обо всех однокурсниках, о всяких мелочах, о которых не говорят при таких встречах. Он не так должен был встретить любовь своей жизни, не об этом говорить с ней. Ната была обескуражена. Они ехали на вокзал, потому что ей надо было взять обратный билет, чтобы располагать временем.

И когда она уже стояла в поезде, а он медленно отъезжал, в его глазах вдруг мелькнула догадка, и вдруг такое тепло излучилось из них:

– Ты зачем приезжала?

– Поезд уже ушёл! Это крылатое выражение соответствовало реальности. Поезд осторожно набирал скорость. Позади оставались постройки, платформа и те, кто на ней стоял. Отодвигался вдаль и Володя. Она не плакала. Глаза были сухие. Плакала её душа, изливалась горячими слезами, по несостоявшемуся объединению. Обычно говорят по несостоявшейся любви. В последний момент в его взгляде засияла любовь, и она поняла, что любима. Любовь то как раз у них состоялась, только не получалось быть вместе. Может, оно так и лучше, – пыталась себя убедить. Суждено, наверное, им любить на расстоянии: пронести чувство чистым, не запятанным грехами, обидами, проступками, которые сопровождают земную жизнь. Ни один человек не сможет прожить, не согрешив, вольно или невольно. И все-таки она надеялась, что он приедет, чтобы продолжить неоконченный разговор, чтобы услышать ответ на свой вопрос. Но это будет только встреча. У него растёт сын, и он, конечно, его не оставит. А это значит, что она потеряла его навсегда. А, может быть, они соединятся, когда вырастит сын? Тогда им будет уже за пятьдесят. Пройдут самые лучшие годы... мысли начали выстраиваться в строфы.

*Когда висков мазком коснулась старость
И ничего мне в жизни не осталось,
Совсем случайно, в суতোлке дня,
На повороте ты настиг меня.*

.....
*Теперь твой взгляд совсем-совсем потух,
И дрожь видна состарившихся рук...
Мой идеал! Ирония судьбы!
Подвластный ей, ко мне приходишь ты.*

Не зря в это стихотворение в рифмы впутались звёзды. В их первый вечер он так подарил ей все звёзды ночного неба от горизонта до горизонта. Она до сих пор их держит в ладонях и помнит кожей прикосновение его рук, раскрывающих её ладони и ссыпавших в них пригоршни звёзд. Это стихотворение оказалось пророчеством, а, может быть, тогда в поезде под мерный перестук колёс, она и предначертала их судьбу? Скорее, почувствовала. Ей было грустно и одиноко, в придачу ещё и в поезде было холодно и неудобно. Без него ей было и будет всегда неудобно. Но все эти годы согревала надежда на встречу. Это выбрала она сама, и пенять ей не на кого. Так сложилось.

* * *

Поезд медленно отъезжал, набирая скорость. И вдруг он осознал: «Она пришла! Конечно же, пришла к нему, а он уже не может её принять: у него – сын. И она это поняла! Он не мог поверить в то, что она пришла к нему. Он верил и не верил... ухоженная, элегантная, великосветская дама! И ни слова упрёка, только глаза, глаза, наполненные болью, хоть и видел он всего ничего, но запомнит на всю жизнь. Только мгновенье, когда, глядя на него, сказала: «Поезд уже ушёл». Он смотрел вслед поезду и понимал, что в нём уезжает его надежда, уезжает навсегда. Если он до сих пор жил надеждой на встречу, хотя и не часто об этом вспоминал, обременённый повседневными заботами, то теперь он её лишился. Он настолько свыкся с этим состоянием, состоянием ожидания встречи, – и не просто встречи, а её возвращения в их мир, в тот мир, который они создали много лет назад, что считал его неотделимой частью своего Я. Эту часть он сегодня потерял. Клёсов сжал кулаки от отчаяния и злости на самого себя за то, что не понял причины её появления, рассказывал всякую чушь. Да ещё и боялся её вопроса: «А как же твоя любовь на всю жизнь?» Боже, какой же он дурак! А она пришла, всё-таки пришла! И это теперь будет утешением его жизни. Догнать! Всё выяснить! Зачем? И так всё ясно, и изменить ничего нельзя. Сына он не оставит и не предаст.

* * *

На один из очередных юбилеев собралась группа в кафе «Калина». Ребята приехали из других городов. Ната ждала Володю. Но Жора сказал, что у него плохо с ногами, и он, скорее всего, не приедет. Так и получилось. Судьба им не подарила встречу, а без него вечер был тусклым, хотя все восхищались её красотой. Она прождала его весь вечер, надеясь, что он появится вот-вот, но... он так и не появился. Она очень изменилась за прошедшие годы. После того, как покинула студенческую скамью, много внимания уделяла своей внешности, поэтому, несмотря на прибавленные годы, изменилась в лучшую сторону. Желание увидеть его больше разгорелось после этого вечера. Кроме того, она думала о его ногах. Что с ними? Не может у такого спортивного парня, физически сильного «что-то» быть с ногами. Она взяла у Саши Потёмкина адрес и телефон Клёсова. Несколько раз звонила и по автомату, и через междугородку. Отвечали: «Квартира не Клёсовых». Пару раз писала письма – ответы не приходили. После сна в Затоке телефон искала через справку. Давали всё тот же номер. Номер опять отвечал: «Нет». Адрес искала через адресный стол, сообщали тот адрес, который у неё был. Она чувствовала, что нужна ему, но найти его не могла. Жила воспоминаниями, понимая, что он её любил так, как это редко бывает. Сожалела, что сама отпустила его, и вернуть уже невозможно. Но счастье тех дней, когда они были вместе, не исчезло. Оно приютилось в сердце и грело, когда околевала под стынью обстоятельств, оно скрашивало одиночество мыслью, что есть на свете человек, который любит её. И ждала, ждала, что он вот-вот появится.

* * *

У Володи, как и в жизни каждого мужчины, была женщина, которую он не мог забыть. Он вспоминал о ней каждый раз с нежностью и теплотой, с непонятной грустью. У него уже была семья, налаживались отношения с Алей, рос сынишка, но Талу он так и не мог забыть. Первую любовь забыть невозможно. У него она оказалась и последней. Не было в его сердце любви к жене. Уважал как мать сына, в котором души не чаял. Он и назвал его Сергеем, как Тала хотела назвать своего сына, но у неё родилась дочь. А вот ему подарили сына. Вся его жизнь, все его помыслы были сосредоточены на нём, но Тала имела особое место в его душе, вернее, чувство к ней. Она изменила всю его жизнь. Первое чувство – самое чистое и наивное. И пусть даже иллюзии и мечты не оправдали надежд, но именно она пробудила в его сердце первые чувства – самые светлые и чистые, самые нежные, и ради её улыбки, ради её лучистого взгляда он был готов горы свернуть и повернуть вспять реки. Она научила его любить по-настоящему.

Кем она для него была? Несомненно, королевой. Таких, как она – больше нет на всём белом свете. Она захватывающее существо из другого ошеломляющего мира. С первой же минуты покорила его, впечатлила, притянула к себе, и не отпускает вот уже сколько лет. Её независимая, свободолюбивая натура неподвластна никому: ни Глебу, ни ему, и жила она по собственным правилам. Плохи они или хороши, не ему судить. Он мог только их принимать и соглашаться со всем, что она делает. Он никогда не хотел её изменить в угоду своим интересам. Напротив, он желал, чтобы она оставалась такой, какой она есть, потому что она – потрясающая! В памяти остались чувства к этой маленькой необычной девочке, а действия со временем опустились в глубокие закрома памяти.

* * *

Когда Клёсов не смог ходить, он впал в панику. Жизнь кончилась. Кому я, инвалид, теперь нужен? Что я могу, лёжа в постели? Я не могу заработать для семьи деньги, я не могу помочь по хозяйству. Я – обуза! На мои лекарства надо больше денег, чем у меня пенсия. Теперь я могу думать только о смерти. Что полезного я сделал за свою жизнь? Воспитал сына. Этого достаточно, чтобы оправдать своё пребывание на Земле? Сомневаюсь.

Он годами лежал безучастный к тому, что происходило за окном. Он давно себя приучил ничего не вспоминать. Забыть! Всё забыть! Забыть тот цветущий, звучащий, полный движения, чувств и оптимизма мир! Всё оставить в прошлой жизни. Всего на миг он попал в тот мир и не смог в нём удержаться. Теперь всё по-другому. Теперь всё серо, монотонно. Не надо мучить себя воспоминаниями и страдать. Надо смириться и принять этот, который его окружает. Так будет всегда: бесцветный молчаливый день, бессонная ночь.

И вдруг – телефонный звонок! Звонила Тала! Он чуть не выпрыгнул из постели, но жена уже подносила ему телефон. Он не соображал, что говорит. Это было невероятно! Тот же голос, чуть низковатый, с несколько менторской интонацией, которая всегда сквозила в её разговорах. И это не потому, что она поучала или хотела показать своё превосходство. Эта интонация была дана ей от рождения, как отметина, что она над всеми. Это был взрыв Вселенной! Великая Революция! По-другому он не мог назвать этот звонок. Он сегодня снова живёт, снова дышит! Он даже уловил приятный аромат, разомлевшей под солнцем степи! Как же давно он там не был! Он снова переместился на Землю из того неприкаянного, серого, холодного, жуткого мира, в котором завис. Звонок! Всего навсего звонок! – смог вернуть его на Землю, пробудить чувства и воспоминания.

Когда она положила трубку, не мог даже вспомнить, о чём они говорили, всплывали в памяти только отдельные слова. Она нашла его! Непостижимо! Зачем? Чтобы увидеть калеку, дряхлого старика? Вот к ней бы он побежал, но уже поздно – не добежит. За 10 лет болезни он превратился в немощного старца. Она что-то говорила о встрече, но он испугался: предстать перед нею в таком виде... Нет! Никогда! А вот сайт, на котором он сможет её увидеть теперешнюю, записал. Он попросил сына найти этот сайт в интернете.

* * *

Когда Клёсов увидел Талу по интернету, ему не верилось, что эта почтенная дама в той далёкой молодости смотрела на него влюблёнными глазами. Он никак не мог представить тоненькую гибкую Талу в этой упитанной женщине. Накладывал на изображение на мониторе оставшийся в памя-

ти образ Талы, но они не совмещались. Они были разные. Но ведь эта женщина была той молодой и летящей. А ведь он первый слышал её стихи, и она ещё просила: «Никому не говори. Это и никакие совсем не стихи, а всплески моих эмоций». У неё ещё тогда получалось отлично, и он ей говорил об этом. Что заставило её сейчас позвонить? Хотя говорила, что много раз звонила, но ей отвечали мужским голосом... неужели сын? кто же ей отвечал? Да что теперь разбираться! И письма её к нему не доходили. Если звонила и писала – значит, любит до сих пор?!

Её морщинки горечью откликнулись в его сердце. Она была уже пожилая женщина... симпатичная. Просматривались те же азиатские черты. Эту женщину он не знал, но это была его Тала. Если бы встретил на улице, не узнал бы. На всём её облике лежала та же печать необычности, которая всегда отличала её от толпы. И эти морщинки – следы времени и мужских обид. Он тоже считал себя виноватым, потому что смалодушничал, не настоял на своём, ведь знал же, что в её сердце горит уголёк, предназначенный ему, засыпанный золою. Надо было раскопать ту золу, разбросать её по сторонам, чтобы язычки пламени вырвались наружу, осветили то, что скрывалось под золой, и взвились в самое поднебесье. Ведь чувствовал, что было что-то, что останавливало её. Почему не вызвал на откровенность, не докопался до её тайны? Конечно, если она была связана данным ею обещанием, и её порядочность и благородство мешали ей нарушить данное слово, он не мог заставить её поступить иначе, потому что сам был хозяином своего слова. Но он не хотел даже вида показывать, что догадывается о её тайне, не хотел ставить её в неловкое положение. Ждал. Ждал, когда она расторгнет брак. Он был уверен, что этот брак будет недолгим, и не дождался. И поезд его пошёл под откос. Как же казнил он себя, обращаясь мысленно к любимой: «Мне всю жизнь было холодно и неудобно, потому что не было тебя рядом со мной. Иногда мне удавалось скрыть мою тоску, загнать её под самый спуд, придавить суетой будней. Но стоило только немного ей притупиться, а мне чуть-чуть позабыть о ней, как она выскакивала, словно чёрт из табакерки, резанув острым лезвием сожаленья по сердцу. И оно сочилось кровью, давило в груди, не хватало воздуха, нечем было дышать, и слёзы подступали к глазам. Ну почему? Почему ты тогда не осталась со мной?»

* * *

Володя попросил сына распечатать реферат, и читал его несколько раз, возвращаясь к тем или другим поэтическим строкам и выводам автора реферата. Читал: «...она словно посвящена в высшую истину, знает определённо, что человек, распавшийся на атомы, нейтроны, протоны, понесёт новым поколениям знания об уже достигнутом в науке, что процесс этот бесконечен – и в этом, я думаю, оптимистическое начало в её поэзии, в отношении к жизни, к людям...» *Значит, не бессмысленна моя жизнь, и я принесу пользу человечеству, передам приобретённые знания и свой жизненный опыт.* У него изменилось настроение и отношение к своему состоянию. *Если я мог только предполагать, то Тала это знает наверняка. И всё это присутствует в её мыслях, разговорах, действиях. Смог ли бы я всё понять? Не мешал ли бы ей? Может, поэтому меня и не допустили к ней? Оставили её одну, чтобы никто не мешал ей творить? Спасибо ей. Главное мне сказала: что уходя из этой жизни, снимая с себя устаревшую оболочку, я сохраню свою личность.* И хотя он сомневался, но в памяти осталось, что они отлично ладили и понимали друг друга.

* * *

Клёсов любил свою жену, но как-то по-другому. Не было у него к жене той затопляющей нежности, способной поглотить его всего без остатка, не было того сумасшедшего желания обладать. А к Тале было и тогда, когда он только с ней познакомился, и теперь, когда состарился. Жизнь прошла, а чувство не прошло, и более того, не рассеялось по годам и невзгодам, а осталось таким же сильным, таким же жгучим, с тем же молодым накалом, как и много-много лет назад. Непреодолимое желание услышать её голос подтолкнуло руку к телефону.

– Чем занимаешься?

– Любуюсь садом и зимней ночью. Красиво. Фиолетовая ночь и белый снег, испещрённый чёрными штрихами ветвей. А между ними, кружась, медленно падают лапастые снежинки. Сугробы поднялись так, что покрыли прошлогоднюю стерню. Такое впечатление, что сад утопает в пушистой вате. Сколько же красоты Творец посылает на Землю, чтобы ею очистить наши души и подарить нам такие вот минуты наслаждения. Избушка в заснеженном лесу. И в очарование зимнего леса влива-

ется твой голос, твой тембр. Я всегда наслаждалась, слушая его. Как же мне его не хватало... а ты чего не спишь по ночам?

– Для меня сейчас день с ночью перепутался. Колнот обезболивающие, а они со снотворным. Ты перед окном сидишь? Просто так сидишь и любишься? А я давно уже не смотрю в окно.

– Да. Просто так сижу и люблюсь. Это бывшая маленькая спальня, а я из неё кабинет сделала. А когда-то в ней под трубой стояла моя детская кровать.

– А большая?

– В большой – библиотека.

– Это родительский дом?

– Да. Это дом бабушки и дедушки по маме. В нём прошло моё детство. Он мне очень дорог. Здесь мои чаяния, мечты. В этом дворе я познавала жизнь, приобретала первый жизненный опыт, росла с пяти лет и до семнадцати. Потом в институт поступила, а потом опять вернулась. Это ты уже знаешь.

– Понимаю тебя. Мне тоже очень дорог наш дом в Дебальцево. Как быстро пролетела жизнь. Мы состарились. Одна утеха – сын и внук, но я им давно уже не помощник... Я рад, что у тебя всё хорошо: красивый сад, любимый дом и любимая работа. Желаю тебе вдохновения. Спокойной ночи!

– И тебе спокойной ночи!

* * *

Когда в Затокe он явился к ней во сне и просил о помощи, шёл 2004-й год. У Наты было такое ощущение, что это и не сон был вовсе, а что они действительно с ним виделись. Она и во сне воспринимала это не как сон. Она присутствовала где-то вверху и сверху на него смотрела. Впечатление было такое, что она воочию его видела, словно они действительно встречались.

Как же он просил вытащить его из липкого тумана лжи и лицемерия, которые губят его. Его голос был полон отчаяния, когда он говорил: «Я долго так не проживу». Потом голос его стал мягким, в нём проступили те же интонации, которыми он окрашивал их разговоры. Это особые, ни с чем несравнимые нотки, обозначающие интимность отношений и близость душ. Это теперь она понимает, что голос его был наделён приятными мягкими модуляциями, присущими человеку, опьянённому любовью. «Тала, петелечка моя, спасительница! Спаси, вытащи меня из этого кошмара, который меня засасывает в пропасть». Он говорил, что хочет вернуться в ту искренность, что была между ними. Ната словно побывала в далёком прошлом, в своей счастливой молодости, когда они хотя и не были вместе, но были рядом. Декорацией к этому сну был мост и телефонная будка. Он в ней стоял и разговаривал по телефону. Лицо у него было молодое, такое, каким она его запомнила.

Вернувшись в город, она опять через справку стала искать его телефон и звонить, но ей отвечали, что это квартира не Клёсова. Но она периодически упрямо звонила.

И... только в 2011 году по тому же самому номеру телефона ей ответили, что это квартира Клёсова. От неожиданности и от радости подкосились ноги. Она бы упала, если бы рядом ни стоял стул. На том конце провода была его жена, и она сказала:

– Как хорошо, что вы позвонили. Он уже десять лет лежит в постели.

Было такое впечатление, что она рада этому звонку, что он ей надоел, и она не прочь кому-нибудь передать эстафету. После разговора Ната записала в дневнике впечатление.

13.02.2011 г. Боже мой! Я только что дозвонилась к Володе К.! Я слышала его голос! Прошла вся жизнь... сколько я мечтала об этой минуте! ... Я его ждала. Он инвалид 1-й группы. У него отказывают ноги, и он еле передвигается по квартире. Он вспомнил меня, как «маленькую девочку с азиатскими чертами лица». Я всю жизнь его искала, звонила по этому же телефону, писала по этому же адресу, но... и вдруг он отозвался...

Значит, такова судьба. Он сказал: «Твой звонок – как целая революция». Я сижу ошалевшая. Для меня это событие. Найти Володю! Так просто! Набрала номер – и его голос! Он уже 10 лет на инвалидности, а я всё его среди байкеров искала. Во мне всё взбаламутилось, наверное, это и есть «революция», о которой он сказал. Не верится, но я его нашла! На-а-шла! Я ведь всю жизнь знала, что найду его. Если будет всё хорошо, летом съезжу к нему.

А сейчас я жду завтрашнего дня, чтобы ему позвонить и опять услышать эти дорогие нотки голоса, его тембр, который хранила в памяти всю жизнь. Я бы, конечно, звонила каждый день, но боюсь, что меня сочтут ненормальной. Я ему дала адрес сайта, на котором он сможет увидеть меня во время презентации книги в Москве.

Значит, «с азиатскими чертами лица»! Не думала, что он меня так воспринимал. Когда я ему начала напоминать некоторые эпизоды, он сказал:

- У тебя хорошая профессиональная память.
- Да нет. Просто всё это в моей душе оставило более глубокий след.
- Напишешь когда-нибудь об этом.

Мой викинг! Несмотря ни на что, он всегда для меня останется викингом, таким, каким я его увидела впервые. Я помню все наши встречи и разговоры, а он едва вспоминает. Всё зависит от того, насколько оно отпечаталось в душе. И, наверное, от того, что я никогда не забывала этого. Я помню всё, как будто оно происходило вчера.

Через несколько дней в следующий свой звонок сказала, что хочет приехать, но он сказал: «Пусть мы лучше молодыми останемся в памяти друг друга». Так говорят только влюбленные, тем, кому дорог человек, к которому ты равнодушен. Она усомнилась в его забывчивости.

* * *

Ната позвонила Клёсову, чтобы поздравить с Днём Защитника отечества.

- Мне предстоит операция – ампутация ноги, – сообщил Володя.

Ната услышала обречённость в его голосе, поняла, что у него плохое предчувствие. Она пыталась поднять его дух, но он чувствовал, что это конец. Вспомнились её зелёные в оранжевую крапинку глаза, сопровождавшие его повсюду и в жизни, и в его экзотических снах, полных романтики и любви. Они не просто его сопровождали, они охраняли от беды. Она и сейчас пытается его утешить. Милая, родная девочка.

- Солнышко, ты моё... там в Донецке...

С каким достоинством она принимала все перемены в своей жизни, а они не несли ей блага. И несмотря на это, она никогда не отчаивалась, находила в себе силы перешагнуть и идти дальше. Вот и сейчас пыталась помочь ему, пыталась вытащить из этой дыры, но он-то знает...

Ната растерялась. Значит, он всё помнит, значит, он её любит?! Ведь это их заветное слово, которое обозначало «люблю». Она была так потрясена, что не знала, что сказать. – Нам принесли обед. Пора прощаться.

- Пока, – только и ответила она.
- Пока.

Сидела со слезами на глазах, вспоминая их романтическую любовь. Она не могла конкретно сказать, что она оплакивала и почему его нежное обращение к ней, которое она не слышала столько лет, вдруг вызвало слёзы. Как часто он говорил ей эти слова, когда они были ещё совсем молодыми, и, главное, с той же мягкой интонацией. Она должна поехать к нему, хоть он и не хочет, чтобы она видела его таким, каким он стал.

* * *

Володя давно не отвечал на звонки, и Ната решила поехать. Она подходила к дому. Отыскала подъезд. На лавочке сидели две старушки.

- Клёсовы в этом подъезде живут?
- Да. Если вы на похороны, то опоздали. Его только что повезли.
- Кого?
- А вы не знали? Володю.
- У Наты перехватило дыхание.
- Царство ему небесное.

Она села на скамейку. Значит, не зря он предчувствовал. Права оказалась цыганка.

* * *

Когда в Донецке начались обстрелы и объявили АТО, Натe приснился Володя. Он стоял у неё не за спиной, прикрывая сзади, а впереди – со скрещенными руками, и говорил: «Ничего не бойся, ты под моей защитой».

Берега Памяти

Лидия Довыденко

Лидия Довыденко – секретарь Союза писателей России, главный редактор художественно-публицистического журнала «Берега», автор 20 художественных, историко-краеведческих, публицистических книг, ряда телевизионных фильмов: 18 серий «Тайны Пиллау» и др., член Союза журналистов России, кандидат философских наук. Победитель множества литературных и журналистских конкурсов, фестивалей, премий. Медаль имени Героя Советского Союза писателя Владимира Карпова и другие, Почётный гражданин Балтийского городского округа Калининградской области

Животные в Великую Отечественную войну

Стёрлись в памяти клички.
Не вспомнить теперь и мордашку.
Мы, пришедшие позже,
Не знаем совсем ничего.
Лишь седой ветеран
Ещё помнит собачью упряжку,
В медсанбат дотащившую
С поля боя когда-то его!

Сергей Ерошенко

Животные и птицы на фронтах войны

Однажды во время приезда в Калининград Николай Фёдорович Иванов, председатель Союза писателей России, рассказал о том, что его отец во время Восточно-Прусской операции был тяжело ранен под Багратионовском (тогда Прейсиш-Эйлау), и его спасли собаки-санитары, которые вывезли его с поля боя на специальных волокушах. Реальный рассказ жителя Балтийской косы Владимира Смирнова о воспитании дельфинов в Чёрном море, когда его призвали в армию, – стал темой моего рассказа «Прыжок дельфинчиком». О памятнике гренландскому тюленю в Архангельске рассказывает повесть Павла Кренёва «Беляк и Пятнышко», опубликованная в журнале «Берега» – 5 (23) – 2017.

С давних пор я, заинтересовавшись темой участия животных в войне, собираю материал на эту тему. Всем хорошо известно, что несмотря на то что танки, самолёты и другое вооружение сыграли свою ведущую роль в Великой Отечественной войне, всё же там, где не могла пройти техника, использовалась конница. Мой отец, Щепов Владимир Алексеевич, уроженец деревни Хомичи Могилёвской области, вступивший в партизанский отряд в 16 лет, рассказывал, что лошади имели величайшее значение. И на фронте лошадей применяли как транспортную силу, особенно в артиллерии. Конные упряжки доставляли продовольствие, боеприпасы. Были санитарные повозки, запряжённые лошадьми, у полевых медиков.

Известны случаи применения лосей на войне для рейдов наших разведчиков в тыл противника, потому что следы лося не вызывали подозрений у врагов. И всё же лоси нелегко поддавались обучению. На южном фронте для перевозки боеприпасов использовались ослики.

Применение голубей во время войны имеет большую историю. Есть сведения, что голуби-почтальоны доставили около 15 тысяч записок с боевыми донесениями, вызовами подкрепления. В СССР в 1941 году были разработаны голубиные зажигательные снаряды (ГЗС-7). Голуби помогали там, где отказывалась работать техника. Поразителен тот случай с голубем под номером 48, который спас от уничтожения отряд разведчиков. Израненный, с перебитой лапкой голубь ушёл от натренированного немцами ястреба и доставил нужные сведения. В 2010 году на территории санатория им. В. П. Чкалова в Самаре появился памятник почтовым голубям, выполненный самарским скульптором Юрием Григорьевым.

После прорыва кольца блокады Ленинграда настоящим бедствием стало нашествие крыс, и в апреле 1943 года вышло постановление за подписью председателя Ленсовета о необходимости «выписать из Ярославской области и доставить в Ленинград четыре вагона дымчатых кошек» (считались лучшими крысоловами). Очевидцы рассказывали, что за кошками выстраивались очереди. Ярославские кошки сумели отогнать грызунов от продовольственных складов. Всего в Ленинград было направлено пять тысяч омских, тюменских, иркутских котов, которые с честью справились со своей задачей.

Памятник «Мы победили», который находится в городе Ахтубинск Астраханской области и посвящён 902-му Берлинскому стрелковому полку, формировавшемуся на территории Ахтубинска, и верблюдам, дошедшим до самого Берлина. Верблюды Машка и Мишка тащили своё орудие по фронтовым дорогам. Именно из этой пушки, которую они везли, были произведены первые выстрелы по рейхстагу.

Верблюды остались живы, после Победы, побыв около месяца в Берлинском зоопарке, переехали в Московский зоопарк. А ещё известна фронтовичка – верблюдица Тамара, тянувшая походную кухню, умела трубить, созывая бойцов на обед.

В мае 2010 года на площади Мира в Архангельске был открыт памятник Тюленю-спасителю. Мясо и жир тюленей, добываемых в Баренцевом и Белом морях, спасли от голодной смерти жителей Архангельска и Ленинграда. Автор – скульптор и архитектор Игорь Скрипкин.

О дельфинах следует тоже упомянуть, хотя их тренировки начались в 1967 году в Казачьей бухте Севастополя. Тогда был открыт первый советский военный океанариум. На довольствие было поставлено 50 дельфинов-афалин. В 1970-х к работам подключилось несколько десятков научных институтов СССР. Об этом в моём рассказе «Прыжок дельфинчиком».

Собаки – участники Великой Отечественной войны

За годы Великой Отечественной войны в армию было призвано около 68 тысяч собак, среди которых были не только овчарки, но и другие породы: например, крупные дворняжки. Из собак сформировано 168 отрядов, которые полноценно помогали людям в борьбе с противником.

Собаки-миноискатели – их было около 6 тысяч, обнаружили, а вожатые сапёры обезвредили 4 млн. мин, фугасов и других взрывчатых веществ.

Знаменитым стал ленинградский колли Дик. За годы войны обнаружил более 12 тысяч мин, принимал участие в разминировании Сталинграда, Лисичанска, Праги и других городов. Главный подвиг Дик совершил в Павловске. За час до взрыва Дик обнаружил в фундаменте дворца фугас в две с половиной тонны и часовым механизмом, поставленным отступающими гитлеровцами.

Собаки принимали участие в разминировании городов: Белгород, Киев, Одесса, Новгород, Витебск, Полоцк, Варшава, Прага, Вена, Будапешт, Берлин.

Собаки-связисты – в сложной боевой обстановке, порой в непроходимых для человека местах – доставили свыше 120 тысяч боевых донесений, для установления связи проложили 7883 километра проводов. Известна связная собака Альма, которой немецкий снайпер прострелил оба уха, вторым выстрелом – раздробил челюсть. И всё же Альма донесла пакет. Знаменита собака Норка:

за 1942–1943 годы доставила 2398 боевых донесений. Другой легендарный пёс Рекс доставил 1649 донесений.

Собаки-истребители танков. В битве под Сталинградом 28-й отдельный отряд служебных собак под командованием майора Л. Кунина истребил 42 танка и две бронемашины, за что командующий 62-й армией генерал В. И. Чуйков за стойкость и отвагу объявил всему личному составу отряда благодарность, а 47 воинов отметил орденами и медалями.

6 июля 1943 года на второй день Курской битвы на Воронежском фронте в полосах обороны 52-й и 67-й гвардейских стрелковых дивизий собаки подорвали три танка, остальные повернули назад. Всего в течение того дня подразделения собак – истребителей танков подорвали 12 фашистских танков.

Диверсионные собаки подрывали железнодорожные составы и мосты. Известны операции с их участием: «Рельсовая война» и её продолжение – «Концерт». В батальоне собак-миноискателей собака по кличке Дина обрела особую известность. В краткой сводке от 19 августа 1943 года сообщалось о том, что на перегоне Полоцк – Дрисса Диной подорван эшелон с живой силой противника. Уничтожены 10 вагонов, выведен из строя большой участок железной дороги, от взорвавшихся цистерн с горючим на всём участке распространился пожар. Пёс Джек и его проводник, ефрейтор Кисагулов, были разведчиками. На их счету более двух десятков захваченных языков, в том числе офицер, взятый в плен внутри тщательно охраняемой крепости Глогау. Сторожевая овчарка Агай, находясь в боевом охранении, 12 раз обнаруживала гитлеровских солдат, которые пытались незаметно подобраться к позициям наших войск.

Собаки-санитары

Собаки-санитары вывезли с поля боя в годы войны примерно 500 000, а по другим данным около 700 000 тяжелораненых бойцов Красной армии. Около 15 тысяч упряжек, зимой – на нартах, летом – на специальных тележках и волокушах под огнём и взрывами вывозили тяжелораненых. Собаками-санитарами были в основном кавказские овчарки. У них было седло с санитарной сумкой, и тащили они за собой лыжно-носилочные санки. Из воспоминаний участника Великой Отечественной войны из Тюмени Сергея Соловьева: «Из-за плотного огня мы, санитары, не могли пробраться к тяжело раненым однополчанам. Раненым нужна была срочная медицинская помощь, многие из них истекали кровью. Между жизнью и смертью оставались считанные минуты... На помощь приходили собаки. Они по-пластунски подползали к раненому и подставляли ему бок с медицинской сумкой. Терпеливо ждали, когда он перевяжет рану. Только потом отправлялись к другому. Они безошибочно могли отличить живого человека от погибшего, ведь многие раненые находились в бессознательном состоянии. Такому бойцу четвероногий санитар лизал лицо до тех пор, пока он не придёт в сознание. В Заполярье зимы суровые, не раз от лютых морозов раненых спасали собаки – они грели их своим дыханием. Вы мне можете не верить, но собаки плакали над умершими...»

Известно благодаря статьям и документальным фильмам о рядовом Дмитрие Трохове. За три года на собачьей упряжке во главе с лайкой Бобиком он вывез с передовой 1580 раненых. Он был награждён орденом Красной Звезды, тремя медалями «За отвагу».

Вот как описала работу собак-санитаров во время снятия блокады в 1944 году Тамара Овсяникова, служившая связисткой в 268-й стрелковой дивизии: «Я взяла катушку и побежала по полю около железной дороги. И вдруг вижу: две собаки, а рядом с раненым волокуша. Лохматые санитары вокруг раненого вертятся. Я подтащила им волокушу. Собака легла рядом с раненым, а у неё на боку санитарная сумка – раненый себе ногу перевязал, я им помогла его на волокушу погрузить, они впряглись и потащили. Вот так в первый раз увидела собак-санитаров. Это меня поразило очень.

С тех пор собак очень уважаю...». Фронтовой писатель Илья Эренбург отмечал: «На одном из участков Западного фронта отряд нартовых собак перевёз за месяц 1239 раненых и доставил на передний край 327 тонн боеприпасов. Передо мной записка, нацарапанная наспех карандашом: «Наша часть, наступая, несёт потери. В церкви скопилось много раненых. Вывезти не на чем. Если можно, сейчас же пришлите нартовых собак. Положение серьёзное. Командир медсанбата». Собаки успели вовремя. Вывезли. Я знаю лайку Мушку. Осколок мины оторвал у неё ухо, но она продолжала работать. Это обстрелянная собака. При сильном огне она не идёт, но ползёт.

Другие собаки явно уважают Мушку и следуют её примеру. Мушка вывезла много раненых. Недавно один боец отдал ей свой кусок мяса и задумчиво сказал: «Как будто она... А может, и не она, – похожая... Вот такая спасла меня возле Ржева...».

Памятники собакам-санитарам

Героям-медикам и санитарным собакам установлен памятник в городе Ессентуки, на территории санатория «Виктория». Из воспоминаний медсестры Елизаветы Александровны Ераниной (Самойлович): «Собаки минные поля снимали, доставляли донесения, разматывали связь и раненых вывозили на упряжках. Овчарок запрягали по четыре. Дворняжек, лаечек – по пять-семь. Раненые, тяжелораненые целовали собак и плакали. Мой Мигуля водил упряжку на передовую под огнём. Упряжка собак ползком подавала раненому нарты. Представьте только: сто – сто пятьдесят метров ползком. Туда и обратно – по рытвинам, по снегу, по земле. Один раз тяжелораненый, грузный мужчина кричит мне: «Стой, стой, сестра, стой!» Я думала, надо перевязать. А он из последних сил говорит мне: «Сестричка, у меня в вещмешке сахар, отдай собачкам. Сейчас, при мне отдай!» Моя упряжка вывезла на прорыве семьдесят два человека. И другие наши упряжки – не меньше...»

Открыта скульптура **«Военный инструктор с собакой»** в одном из уголков Москвы – Терлецкой дубраве. Это дань памяти нашим братьям меньшим, которые в годы Великой Отечественной войны вместе с бойцами на полях сражений приближали день Победы. Они совершали подвиги, не зная страха, делали то, чему их научили люди. За каждым подвигом животного стоял его инструктор.

Берега культуры и искусства

Людмила Семёнова, Елена Русакова

Песни со слезами на глазах

*Заметки о творчестве певицы и композитора
Надежды Колесниковой*

Во время недавнего Пленума Правления Союза писателей Союзного Государства России и Беларуси, который проходил в Могилеве, после важных речей и умных выступлений на сцену вышла хрупкая женщина, приехавшая на белорусскую землю вместе с российской делегацией. Вышла и... запела. Те самые патриотические советские песни, которые мальчишки и девчонки, родившиеся вскоре после Великой Отечественной, впитали с молоком матери... Которые их родители пели и на праздничных демонстрациях, и на домашних посиделках. И зал встал, потрясённый и песнями, и их исполнением...

Представлять искущённому зрителю певицу **Надежду Колесникову** особой нужды нет – её и без того знает каждый истинный ценитель русской песни и поэзии. На её концерты нужно приходиться, чтобы воочию увидеть вдохновенное лицо русской женщины, уловить красоту её природного голоса, наполненного отзвуками вольных ветров из окрестных деревень, ширью незасеянных теперь просторных полей, мелодичным скрипом половиц в доме бабушки, нежно-предупредительным дыханием матери у колыбели младенца, голоса, наполненного теплотой печурки и свежестью зимнего утра.

Ушла в прошлое эпоха великих «народниц» – Лидии Руслановой, Ирмы Яунзем и Марии Мордасовой, Людмилы Зыкиной и Ольги Воронец, Татьяны Синицыной и Александры Стрельченко.

Редко, как же редко радуют нас своим пением Елена Сапогова, Екатерина Шаврина, Любовь Анисова, Татьяна Петрова. Видимо, не вписываются они в шоу-рамки «голубого экрана».

И всё же, всё же, всё же... Жива, жива русская песня, пока мы её помним, поём и напеваем сами – себе и нашим детям.

Что же это за феномен, русская народная песня? Ведь каждая имела своего талантливого творца (бесталанных мы не запоем и не запоём). Наш выдающийся «песневед» Юрий Евгеньевич Бирюков обнаружил несколько сотен имён авторов так называемых «народных песен». Бирюков персонализировал тексты, но отнять дефиницию «народная» ему даже не пришло в голову: звание это песне присваивает народ, а уж автору остаётся лишь гордиться такой удачей.

Можно ли не считать народными ошанинскую «Течёт Волга», сурковскую «Землянку», фатьяновскую «Где же вы теперь, друзья-однополчане?», «Подмосковные вечера» Матусовского?

А сколько ещё не запетых стихов хранит наша поэтическая кладовая? Тем радостнее появление одарённых композиторов и исполнителей, которые, обнаружив строки, музыкально насыщенные, точно ложающиеся на слух (и душу) современника, дают жизнь новой песне. И счастье, коли в одном лице совпадёт дар певца и музыканта. Таким благодатным событием в истории отечественной песни стало творчество певицы и композитора Надежды КОЛЕСНИКОВОЙ.

Её вокализы завораживают. Инструментовки восхищают профессионалов. Рояль послушно благозвучен под её пальцами.

Велик и её репертуар. Кажется, весь «золотой фонд» русской и советской песни она держит в «боевой готовности» – как исполнитель, и в памяти – как педагог по вокалу и культуролог.

Каждый выход Колесниковой на сцену – и в сольнике, и в концерте – вызывает аплодисменты зала. Её знают, любят и, что особенно важно, уважают зрители.

В чём причина успеха певицы и композитора Надежды Колесниковой? Пленительное лирическое сопрано, яркая внешность, безупречно выдержанный стиль и благородная сдержанность – всё это сама певица относит к обязательным, неотъемлемым от её профессионального статуса качествам. И скромность её абсолютно искренняя. Девочка из воронежского села, из певучей многодетной семьи (все шестеро окончили музыкальную школу), Надежда отучилась в знаменитой Гнесинке (отделение «Сольное народное пение», класс проф. С. К. Игнатъевой), которую окончила с отличием, а позже ещё и защитила диссертацию по теме «Военная песня в духовной жизни российского общества».

Параллельно с гастрольной деятельностью по России и зарубежью Надежда Колесникова много лет преподавала вокал в педагогическом колледже. Она – лауреат Фатьяновской премии «Соловьи, соловьи...», премий имени Суворова и «Звезда Чернобыля», лауреат Всероссийского конкурса «Русский лад» и многих других.

Сравнительно недавно вышел долгожданный авторский диск Колесниковой, подготовленный при поддержке одного из самых компетентных и взыскательных пропагандистов российской песни, заслуженного артиста РФ, члена Союза писателей России Леонида Шумского.

Разумеется, это знаковое для певицы событие – лишь промежуточный итог её многолетнего сценического творчества.

Два десятка песен и романсов – по сути, это программа трёхчасового сольного концерта, каких у Колесниковой было немало, в том числе на лучших сценах Москвы.

К примеру, в Центральном Доме работников искусств прошёл творческий вечер Надежды Колесниковой «Вдруг ослепит на повороте», посвящённый выходу одноименного музыкального диска. Надежда Колесникова исполняла песни на стихи Николая Рубцова, Николая Тряпкина, Юрия Кузнецова, Алексея Фатьянова, Юрия Паркаева, Николая Дмитриева, Алексея Суркова, Петра Прокураина, Натальи Чистяковой, часто аккомпанируя сама себе на рояле. Звучали строки о детстве, о Родине, о матери, о любви – о «святых вещах», которые подпитывают и наполняют смыслом душу. На проекторе перед нашим взором проходили картины деревни и природы: пруд, затянувшийся ряской и заросший камышами; поля, поросшие осокой; дороги, то тоскливо сереющие, то призывно голубеющие; сказочно порхающие снежинки или снег, грустно укрывающий белым саваном погибающую деревню. Появлялись снимки людей, которых уже нет с нами, героев войны, поэтов, писателей, актеров. Зато их дети, внуки, родственники приехали на этот вечер, чтобы почтить память. Это вдова, сын и дочь поэта Николая Дмитриева, строкой из стихотворения которого назван диск. Это родные поэта Юрия Паркаева – Екатерина Казимирова и Лада. Это Алиса Серафимовна – дочка композитора Туликова. Внук композитора Мокроусова – Максим. Анна Китина-Фатьянова, внучка Алексея Фатьянова, чьё столетие мы недавно отпраздновали. Надежда Александровна является лауреатом Всероссийской литпремии им. Фатьянова «Соловьи, соловьи».

Возникало вневременное и внепространственное ощущение родства с людьми, живыми и покинувшими этот мир, происходило невидимое постижение прошлого и настоящего через картины природы, быта, кадры из военной хроники. И как следствие – впитывание не материальных, а духовных ценностей.

Трудный путь выбрала для себя Надежда, – полагает ведущая вечера, заслуженный работник культуры РФ, литературный критик Лариса Георгиевна Баранова-Гонченко, – поднять из забвения русскую поэзию. Здесь нужны талант и вкус, сила убеждений и мужественность». Но пойти более легкой дорогой – значит отказаться от жизненных принципов отцов и перечеркнуть судьбу матерей. А председатель Союза писателей России Николай Федорович Иванов, бывший боевой офицер, полковник, вообще высказался образно и эмоционально: «Как заблудившиеся идут «на голос», так и мы идём на голос Надежды, чтобы исцелиться и напитаться духовно»

Надежда Колесникова между исполнением песен вкрапляет рассказы о людях, которые в реальности или духовно повлияли на её жизнь, мировоззрение, на её выбор. Прежде всего, её слово о маме Галине Ивановне. Она живёт в селе Землянск под Воронежем. В 38 лет осталась без мужа, в одиночку воспитала шестерых детей – сына и пятерых дочек. Все получили образование и, главное, состоялись как люди. Цветами благодарит певицу её старший брат Сергей, который специально приехал издалека, чтобы поддержать сестру. Цветы приподносят актёры, поэты, писатели, бывшие студенты педагогического колледжа, где преподавала Надежда Александровна. Цветы в знак благо-

дарности несут и простые люди без особых званий. Их жизненный подвиг незаметен, потому что не на виду. Представляя 90-летнюю Нину Федоровну Харчевину, Надежда Колесникова рассказывает о её служении: встречается с молодёжью в школах, колледжах, чтобы донести до них правду войны на примере своего отца, служившего в Первой Гвардейской Краснознаменной танковой армии имени маршала М.Е. Катукова. В ЦДРИ Нина Фёдоровна пришла «с поломанной ножкой» – так нежно и ласково отозвалась Надежда о своей старшей подруге, сильной духом и верной долгу.

Отдельной частью звучали военные песни: «На безымянной высоте», «Прощайте, скалистые горы», «Последний бой», «Летят перелётные птицы». Невозможно молчать, души размягчились, стали тоньше и чутче, и зал запел, кое-кто даже стоя. Генерал армии 86-летний Борис Васильевич Тарасов, блокадник Ленинграда, в своей речи выразил уверенность, что русский народ никогда не растеряет волю и силу, раз среди него есть такие женщины, как Надежда, энергичные, талантливые, преданные.

А вот мнение рядового зрителя из Калуги Валерия Цветкова, впечатлившегося исполнением Надеждой песен на стихи Н. Рубцова: «Давно мне не доводилось слышать что-либо подобное. Широкий диапазон звучания, красивый тембр и сила голоса, лёгкость и душевность вокала просто завораживали! Недаром её называют «хрустальным голосом России» ... Какой огромный талант вмещает эта миниатюрная женщина! Уверен, Николай Михайлович был бы счастлив, услышав в таком исполнении свои стихи».

Певица неоднократно участвовала в меропрятиях, посвящённых памяти выдающегося русского поэта Николая Тряпкина, в Старице, в Лотошино и в Москве. Стала дипломантом во всероссийском конкурсе «Неизбывный Вертоград», организованном в рамках празднования 100-летнего юбилея поэта. Героиню вечера секретарь Союза писателей России Валерий Латынин называет «наше Чудушко» и резюмирует, что когда присутствует истинный талант, не нужны никакие спецэффекты, песня сама вливается в душу, невольно вызывая чистую слезу.

Запомнить бы эти слезы, чтобы, когда просят милостыню, не вздохнуть досадливо, а подать, чтобы, когда нуждаются в твоей поддержке, не отмахнуться, а протянуть руку помощи, чтобы, когда от тебя ждут совета, не ответить наобум, а направить верным словом. Чтобы, чтобы, чтобы... После таких концертов многие свидетельствуют, что у них появилось много внутренней силы, глубинной тоски, тихой радости и неподдельной гордости. С таким настроем они готовы дать отпор часто встречающимся грубости, циничности, пошлости, лжи.

Критика

Виталий Даренский

Даренский Виталий Юрьевич – родился в 1972 году в Луганске. Член Союза писателей России, доктор философских наук. С 1999 года преподаёт в университетах Луганска, в 2017 – в Дальневосточном Федеральном университете. Первый сборник стихотворений «Торопа у обрыва» вышел в 1999 году. Автор поэтического сборника «Притяжение неба» (Владивосток, 2017; Москва, 2019, 2-е изд.), монографии «Парадигма преобразования человека в русской философии XX века» (СПб. «Алетейя», 2017). Публиковался в журналах: «Подъём», «Москва», «Грани», «Родная Ладога», «Дон», «Голос эпохи», «Александръ». Лауреат конкурса к 60-летию журнала «Москва»

Живой космос русской культуры

О книге Лидии Довыденко

«Жертвенное сияние современной русской мысли»

«Солнце духа» зажигается в пробуждающейся России, ясно горит в бодрствующих сердцах.

Л. Довыденко

Книга очерков Лидии Владимировны Довыденко «Жертвенное сияние современной русской мысли», выпущенная издательством «Калининградская книга» в 2019 году, представляет собой неординарное явление в современной русской публицистике. Во-первых, тем, что она написана профессиональным философом и профессиональным литератором в одном лице, – а это для нашего времени достаточно редкое явление и возвращает нас уже к образцам людей Серебряного века русской культуры, большинство из которых были поэтами и мыслителями одновременно. Таким был, например, выдающийся, но до сих пор малоизвестный и мало оцененный философ русской эмиграции Николай Арсеньев (1888–1977), о котором была написана кандидатская диссертация Лидии Владимировны. Хотя творцов такого масштаба в наше время, кажется, нет, но сам факт существования и в наше время таких целостных личностей как автор этой книги, соединяющий в себе дар и философа, и литератора, воодушевляет. В наше время философы, как правило, пишут «деревянными» языком, который неприятен даже не по причине множества специальных терминов, а просто сам по себе, и поэтому их тексты читают только узкие специалисты. С другой стороны, современные литераторы, в основном, явно не мыслители, и отличаются большой легковесностью в суждениях. Обе эти беды преодолены в книге Лидии Довыденко, сочетающей художественность и философичность. Радует соединение двух этих амплуа в авторе книги, возродившей высокие традиции классической русской культуры, в которой мыслитель всегда был ярким писателем, а писатель – глубоким мыслителем.

Во-вторых, книга построена как собрание откликов автора на важные культурные события – новые книги, встречи, знакомства с замечательными личностями. Это позволяет соединить разные темы под углом зрения общих ценностей русской культуры. В наше время культурное пространство крайне разнообразно и не имеет каких-то общепризнанных центров и систем координат, и каждому приходится выстраивать их для себя самостоятельно. В этом смысле данная книга является как бы моделью того, как современный человек вообще ориентируется в культуре. Эта ориентирование складывается из поиска новоизданных книг, заслуживающих прочтения, поездок и встреч, а также поиска людей старших поколений – живых носителей тех традиций, на которых держится культура. Именно об этом книга Лидии Довыденко.

Автор предисловия к этой книге написал: «Лидия Владимировна, опираясь на произведения близких ей по духу авторов, обретает вместе с ними подлинное откровение истинных начал не-

истребимого русского духа». И такой «высокий стиль» данной формулировки вполне оправдан: во-первых, сказанное соответствует действительности; а во-вторых, в наше время очень мало кто решится на такой широко охватывающий взгляд, и поэтому он уже сам по себе требует столь высокой характеристики. Вместе с тем автор книги не высказывает претензии на большие обобщения, а просто пишет о том, что близко сердцу и даёт пищу для ума. И в результате как-то сама собой органически вырисовывается картина современной русской культуры в её частных, но символических моментах, ярко свидетельствующих о целом.

Книга Лидии Довыденко, рассмотренная как смысловое целое, даёт читателю яркую и глубокую философию Родины, художественного слова и путей преображения человеческой души. Разнообразие тем и сюжетов не мешает этой цельности, а наоборот, придаёт ей ясность, полнокровность и конкретность. В этом очерке мы выделим важнейшие из её размышлений на различные темы, чтобы увидеть главную ценность авторской философии.

Первая часть книги, имеющая название «Служители слова», посвящена значимым явлениям новейшей русской литературы. А говоря о творчестве отдельных авторов, Лидия Довыденко не только тонко схватывает их «лица необщее выражение», их творческую индивидуальность, но поднимается до важных философских обобщений о природе творчества как такового и о значимости русского художественного слова в нашу эпоху. В ярком эссе ««Для духа поражений нет». Размышления над поэтическим сборником Сэды Вермишевой «Преодоление»» автор сразу же задает *масштаб видения природы поэтического мира, необходимый нам для восприятия подлинной русской поэзии*. Она пишет: «Стихи Сэды Вермишевой и общение с ней как с личностью открывают горизонты вселенского масштаба. В них вечность и непознанная тайна души Поэта. Ей дано от природы или она в себе сумела развить этот талант – чувствовать глубину неба и близость солнца, поняв однажды, что «для духа поражений нет»». Метафора «чувствовать глубину неба и близость солнца» в данном случае должна пониматься и как символ: она означает умение проникать в «небо» – мир духовного бытия, и познавать Бога – Солнце этого мира. Поэзия понимается как высший вид познания.

Почему поэт к этому способен? Потому что Поэт – это тот, кто не подавляет в себе высшие потребности и способности души, а наоборот, позволяет им свободно развиваться – хотя это бывает подчас очень трудно в силу противодействия «среды» и господствующих сил материалистической цивилизации. Автор пишет об этой трагической и героической ситуации подлинного поэта так: «Обитатели Земли живут в основном в безразличии к настоящей поэзии, а может быть, графомания планктоном выстелила землю так, что плодоносящему дереву негде бросить семена, чтобы этому семечку приникнуть к почве и пустить росток. Талантливый поэт – именно это плодоносящее дерево, в то же время он часто ощущает себя инкогнито в мире, где уже давно не слышали о том, что поэты «вызывают дождь», поднимают «ввысь солнце и велят ему сиять», заклиная человека «не спать разумом». Подлинные поэты – это сыновья и дочери побед духа, они могут научить, «что делать», «как не бояться», потому что поняли свой удел – несение креста, изо всех сил любя и прорастая «желанием писать»».

Сущность подлинной Поэзии глубоко религиозна, ведь «любить и смаковать по капле каждый день жизни – это такая уверенность в бессмертии души, что захватывает тебя целиком и полностью, открывая жизнь не как замкнутый круг: дом – работа, а тыходишь в дом Поэта – это Мирозданье». Труд поэта подобен аскезе религиозного человека: «каждодневное узнавание новых смыслов, в которых отблеск каждодневного чтения, мыслительной работы, прозрений, интуиций» – именно из этого высокого труда рождается его Мирозданье. Но этого ещё недостаточно. Второй, и не менее тяжкий труд поэта – нести слово людям: «смысл Поэзии... – преодолеть рознь между поэтом, ставящим себе высокие задачи, и его, часто случайной, аудиторией».

Далее автор книги разворачивает свою философию поэзии в цельную концепцию, включающую в себя многие нюансы и парадоксы, часто не известные обычному читателю стихотворения. Вот об

особом трагизме судьбы поэта, которая не минует никого из них: «Поэт в России до времени живёт инкогнито. Найдётся у каждого свой Дантес и Мартынов». Не нужно это понимать буквально – так, что поэта кто-то в конце концов погубит (хотя часто бывает и так), – но в более глубоком смысле: речь здесь о том, что поэзия рождается только из жертвенности судьбы и жизненного подвига. Если этого нет, то сколь угодно мастерские и внешне красивые строчки не будут нести в себе поэзии и ничего не скажут нашему сердцу.

Да, поэзия – это жертвоприношение словом и великое служение Богу, Родине, народу и культуре. «Главная задача Поэта – спеть песню «о прошлом великом», передать услышанный «голос Бога», рассказать о пережитом», – так формулирует смысл и сущность поэзии Лидия Довыденко. Сказано точно, ёмко и как раз для нашего времени, когда большинство пишущих стихи делают это всего лишь для так называемого «самовыражения». На самом же деле, если стихотворец всего лишь «самовыражается», не думая ни о чём другом и почитая свою самость за столь драгоценный предмет, что о нём следует всем рассказывать – такой автор пуст и ничтожен.

Настоящий поэт никогда не занимается «самовыражением» и вообще не думает о себе. Если в его стихотворениях встречается слово «я», то это не потому, что он хочет всем себя показать, а потому, что через себя он переживает общечеловеческие смыслы, чувства и прозрения – другого пути просто нет. Но переживает для того, чтобы передать этот опыт другим, иначе он вообще не имеет смысла. И об этом автор книги сказала совершенно замечательно: «Истинный поэт – это целитель для общества, в которое прорвалось окаянство: «Мир без России не обойдётся». Благодаря таким Поэтам ослабленный организм государства медленно обретает глубокое дыхание, ясность ума, самосознание. Поэт... своей поэтической речью соединяет нити разорванных времён и поколений, пространств культуры и традиций, людей, знающих о победах духа, о совместном с Богом делании».

Удивительно, но это поэтическое усилие идёт в унисон с ростом самой страны: «Идёт эпоха веры в величие страны, в свет добра, справедливости... Духовным лидером, вождём может стать поэтическая личность». «Вакансия поэта» (Б. Пастернак) – быть голосом и совестью народа, ибо он способен ярко, ясно и мощно высказать то, что другими людьми обычно лишь смутно чувствуется. Это относится к «тем поэтам, которых относят к избранным, если не сказать великим, потому что Божий дар в них преобладает над рациональностью. Так называемое «цивилизованное общество» не видит таких поэтов, не замечает, называет какие-то другие имена, но русский народ, народная жизнь вбирает в себя творчество таких поэтов как Божественных посланников, насыщает свою жизнь их вселенской правдой». Последняя мысль очень важна. К сожалению, в наше время среди большей части «читающей публики» господствуют весьма низкопробные вкусы, при этом претендующие на «элитарность». Этот самообман возникает с силу отрыва от классической традиции русской культуры и увлечения бездумной модой, искусственно создаваемой отдельными авторами. мода создается вовсе не на самых талантливых и духовно ценных авторов, а как раз наоборот – на тех, кто следует «трендам» западной антикультуры. Делается это специально для разрушения высокой культурной традиции. И поэтому в настоящее время сложилась ситуация, при которой всё самое ценное менее всего известно, и его нужно искать на огромных русских просторах. Книга Лидии Довыденко – это в первую очередь плод таких подвижнических поисков духовных алмазов русской земли. Поисков, увенчавшихся успехом и нашедших сокровища!

В очерке ««Спас-на-любви». О знаменосной прозе Николая Иванова» автор даёт ёмкое определение того, что она ищет в каждом из персонажей своей книги. Это «автор, читать которого – счастье, потому что так забирает за душу, захватывает ум, что в тебе вдруг пробуждается собственная твоя глубина и сила и океанской глубины благодарность». Это определение того, зачем вообще нужно художественное слово, зачем писатель вкладывает всю свою душу и жизнь в заветные строки. Для того чтобы пробудить высокую жизнь в другом человеке – своём читателе, передать ему, а через него и всему народу и будущим поколениям эстафету священного огня одухотворенного бытия, идущую к нам и дальше через нас в будущее, в Вечность!

Проникновенный очерк «Мой светлый горячий Донбасс» о поездке к нам в Луганск и Донецк, о встречах со многими замечательными людьми, в своё время опубликованный в знаменитом журнале «Наш современник», неслучайно помещён почти в самом начале книги. Он задаёт ту эпическую тональность повествования, с которой автор говорит о нашем времени, на самом деле

весьма важном времени для русской истории, когда Русский мир вновь поднимается во всей своей силе и мировой значимости. Донбасс стал живым символом русского возрождения. Автор сделала личное наблюдение: «Луганск – это как Санкт-Петербург в России, очень интеллигентный, а Донецк – как Москва, деловитый. Но главное ощущение: люди живут, а не просто выживают». Я всю жизнь прожил в обоих этих городах и никогда не слышал такого сравнения – видимо, тут нужен взгляд со стороны. Да, Донецк более жёсткий и прагматичный, а в Луганске больше провинциальной тиши, но сравнивать их с Санкт-Петербургом и Москвой никому раньше даже не приходило в голову. Такое сравнение – это не комплимент, а просто живое ощущение того факта, что Русский мир един во всех своих уголках.

Среди многочисленных разговоров с людьми Донбасса, переданных автором, меня поразило одно случайное, казалось бы, наблюдение. «Многие уезжали из Луганска, – пишет она, – особенно те, у кого маленькие дети. Оказались брошенными породистые и обычные собаки и кошки. Оставшиеся в Луганске люди делились с ними последним куском хлеба и водой, за которой стояли в очереди у скважины или ходили к колодцу в частном секторе. Построили для них временные убежища и до сих пор продолжают их подкармливать. Нередко можно увидеть такую, например, надпись: «Помогите Кузе, он пережил войну». А вот и судьба другой собаки: «Собака приползла к ним, попав под обстрел. У неё перебиты задние лапы, нет одного глаза, и весь живот был стёрт до крови. Муж этой женщины сделал собаке возок, на котором лежат задние лапы, а передними она передвигается. Собака жалобно смотрит людям в глаза – только бы не бросили. Не бросили».

На самом-то деле таких *неброшенных* собак и котов было много. Мы с женой тоже спасли двух дворовых котов, которые живут с нами в квартире до сих пор, а летом 2014-го кормили брошенных котов во дворе, делясь с ними последней едой – и все они выжили. Это было в порядке вещей, но вот взгляд со стороны вдруг позволяет понять, что в этом так ярко проявился наш русский характер. В Испании и Франции, например, в годы недавних экономических кризисов на улицах появлялось множество брошенных породистых собак, которых выбрасывали хозяева из-за дороговизны. И в Луганске были в 2014-м году такие «хозяева» – из тех, кто ездит на дорогих машинах и первыми сбежал из города, ещё до начала обстрелов. А их несчастных питомцев, сбившихся в голодные стаи, потом спасали бедные пенсионеры на свои последние гроши, сами голодая. Кто из этих людей русские – очевидно всякому. И то, что Лидия Довыденко выбрала этот всего лишь бытовой сюжет, но как в капле воды отражающий всю нравственную суть происходящих событий – это говорит о её большой проникновенности как писателя и как человека. В своей рецензии на вышедший в Луганске в 2016 году литературный сборник «“Выбор Донбасса» – это художественное свидетельство единства русской цивилизации» она написала: «В литературе, созданной под огнём, появилась глубина, Русский мир получил конкретное содержание не для галочки, а по зову души». Я писал рецензию на первый, предшествующий ему сборник – «Время Донбасса» (2015), и тоже знаю, как непросто бывает подобрать слова, чтобы достойно сказать о произведениях, написанных о войне – теми, кто сам видел смерть своими глазами. Спасибо автору за эту точную и яркую рецензию, в которой сказано главное!

Лидия Довыденко очень точно формулирует и самую главную суть противостояния Донбасса и Украины – ведь она не только и даже не столько в языке, но в первую очередь в нравственной сфере, в области духа: «Украина принципиально не хочет видеть духовную линию, идущую из прошлого в будущее, приобретя ухватки мародёра, обирающего покойника, ссылая в мешок пластиковые полоски карточек американских банков, примеряя чужие одежды, намеренно отравленные». Точнее и ярче не скажешь!

А вот общий итог пути писателя-подвижника, собиравшего алмазные крупинки русского слова и духа на наших огромных просторах: «За семь дней за спиной около пяти тысяч километров: Калининград – Москва – Ростов-на-Дону – Луганск – Донецк – Ростов-на-Дону – Москва – Калининград».

К иным смысловым горизонтам автор обращается в очерке «“Земная философия» и национальная идея в прозе Александра Новосельцева» – к теме высшего предназначения художественного слова. Оно всегда неизменно: «Духовная позиция автора в русской традиции нашей литературы – вопрошать к Всевышнему за других». Эта русская соборность, для которой «все за всех во всём виноваты» (Ф. Достоевский) и спасаются тоже только вместе – духовное ядро русской культуры. Может ли оно

сохраниться в наше время? «Городским жителям, – пишет Лидия Довыденко, – возможно, кажется, что исчезло это трепетное ощущение соборности, взаимоподдержки, теплота сердец, а здесь – вот оно, никуда не уходило. Есть мир Божий, который больше самого широкого представления о нём и первичнее». Да, русская деревня – исток народа – ныне уже почти погибла и её уже не воскресить. Но дух народа продолжает жить в слове и в литературе, он не умрёт, пока живо наше великое наследие: «Возьму томик, прочту несколько страниц, задумаюсь благодаря книге, например, о той тайне мира, откуда яблоня берёт железо для яблок... Открываются тайны жизни и смерти, истории, находятся источники силы, возможности для расширения представлений о мире, и ничто для тебя не таит в себе никакой опасности». Русская литература – исток той тайной силы нашего народа, которая даёт ему силы для новой жизни.

Гибель русской деревни в кровавых коллизиях XX века тоже стала предметом осмысления в этой книге. В очерке ««Слово о родной деревне». О книге Людмилы Яцкевич» упоминаются эти страшные страницы: «бедность и голод, потери детей, жилища, репрессии, преждевременная смерть, когда, например, крестьянин отдаёт своего любимого, единственного коня в колхоз, а на следующий день умирает». А «к весне 1933 года разруха в северных русских деревнях дошла до края бездны. Но и заглянув в неё, не потеряли мужики головы и сохранили живую душу. Особенно яркой свечой горела душа у крестьянских детей, рождённых в годы войны, революции и разрухи. Через этих детей Русь выживала и снова воскресала, распятая на кресте двадцатого века». Вот вечный символ бессмертия выстоявшего народа!

Автор очень заинтересовала «трагическая страница в истории села Квасюнино – восстание крестьян в 1918 году на Шексне, описание которого принадлежит перу Владимира Антоновича Яцкевича. Он пишет, что это восстание, как и Ярославское, Тамбовское, закончилось разгромом, последующим расстрелом наиболее активных участников, массовыми репрессиями. Пронзительны строчки о любви и смерти «крестьянского генерала» Николая Шерстнева». (Речь здесь идет об антибольшевистских восстаниях, которые в период Гражданской войны были по всей России – они возникали как ответ на продразверстки, а фактически – грабёж крестьян продотрядами, часто обрекавшими их просто на голодную смерть). Однако, продолжает она, «какие бы трагические страницы жизни ни вставали перед читателем, какие бы бездны богоотступничества ни открывались, – нет ощущения ни сокрушённого ума, ни усталого сердца. Черпая в любви к своей земле, родной деревне надежду и веру, глубокое родовое чувство переполняет нашу общую память и память о собственной истории своей семьи, это чувство ведёт к соединению нас всех, выходцев из таких же небольших деревень или больших городов, ведёт от рассыпанности к невидимому единству, от обладания которым мы чувствуем победу света над тьмой». Да, именно этим и выжил наш народ в XX веке, и мы, наследники наших предков, переживших ужасы и голод коллективизации, несём в себе ту же самую жизненную силу, которая спасает нас и в новых испытаниях!

Это наследие – не только в жизненной силе, в способности выносить любые испытания, но в способности и видеть, и самим творить великую красоту. В очерке «Тепло родной речи. О книге Л. Г. Яцкевич «Квасюнинская поговорочка»» автор пишет о народной эстетике – том высоком и тонком чувстве прекрасного, которое умело выражаться в самых простых формах и поэтому столь ценное для нас как образец – в противовес современной показной «сложности», за которой стоит лишь претенциозная пустота. «Отец Павел Флоренский, – пишет Лидия Довыденко, – в своей работе показывал художественную значимость частушки, говорил о древности этого жанра, отмечал, что короткие поэтические произведения – это особое языковое и духовное явление в культуре многих народов, приводил в пример японские танки... Поэтическая особенность этого фольклорного жанра такова, что в лирическом сюжете частушек фиксируется лишь кульминационный момент событий, и поэтому большую роль играет подтекст и контекст».

Более того, как оказалось, этот жанр ныне вовсе не умер, он имеет современных продолжателей: «появились самородные поэты-частушечники, которые целыми тетрадями записывают свои авторские частушки. Но это уже иные частушки и по духу, и по поэтике, и по своему назначению... Что же, времена меняются, но творческий дух народа по-прежнему жив». Чем ценна нам частушка как древняя модель художественного слова? Совершенно справедливо указывается на её близость японским танкам, признанным во всём мире как образец поэтической глубины и лаконизма. Подобно танке, частушка умеет сказать «многое в немногом», она проста по форме и мудра по содержанию,

она хранит в себе самые чистые и возвышенные чувства любви к людям и любования природой, нежный юмор и пронзительно точную образность. Несомненно, что это та модель, которой следовала потом и великая русская поэзия – тот самый образ «пушкинской простоты». Она дала эстетическое воспитание нашим предкам, и она жива до сих пор!

Другая сторона народного эстетического воспитания – понимание слова как могучего оружия в борьбе за Правду. В очерке «“Милость сердца». О книге публицистики Геннадия Сазонова» сказано об этом: «Геннадий Сазонов, размышляя о делах милосердия и любви, создал образ... нашего современника, но также и самого автора можно отнести к народным духовным воинам, славящим Бога так, как позволяет сердце, открывая его в духовно-нравственном совершенстве». Ещё более развернуто эта идея дана автором в очерке «Метафизика Александра Проханова». Здесь говорится: «С 90-х годов прошлого века каждый из нас столкнулся с вещами, которые сложно объяснить с научной, философской, исторической, метафизической точек зрения, несмотря на то что уже свыше четверти века историки, политики, философы, учёные пытаются объяснить нам, что случилось с нами и страной. Мало кто прислушивается к писателям, или слишком много тех, кто не хотел бы, чтобы к ним прислушались, рекламными поделками и пустышками заслоняя попытки понять себя и окружающий мир». На этом фоне «Александр Проханов... – один из немногих, кто через своё творчество пытается найти обоснование нашей духовной жизни, нашего смысла существования, открыть нам брезжащий свет завтрашнего дня, который искали русские философы», поскольку «его творчество – это русский синтез, это актуальная традиция и философия русских космистов, вынужденная прорываться через планктон потребительства, чтобы напомнить или объяснить высшее предназначение человека». У каждого писателя за всем множеством отдельных сюжетов его произведений всегда просматривается один главный внутренний «магистральный» сюжет. Таким сюжетом у Александра Проханова является *мистическое видение потаённой России* – того, что в ней происходит за мишурой внешних событий. А происходит вот что: «поверх беснования нечисти тайными кодами вливается в кровь имперской России, всплывающей из тёмных вод распада, разложения, «торжество пасхальной литургии, мистерия воскрешения», мистический повтор Россией судьбы Христа». Именно за такое – тайное видение подлинной сущности России и всего ныне происходящего в ней – страстно ненавидят А. Проханова все ненавистники России. Его творчество и общественная деятельность – это «лакмусовая бумажка», своего рода проверка на русскость. Особая заслуга Лидии Довыденко – в том что она прямо написала об этом. Приведённая цитата из её книги является самым ёмким определением миссии этого писателя, уже при жизни признанного классиком, но ещё далеко не вполне понятого нашими современниками. Это писатель русского будущего.

Осмысление высокой миссии русского поэта как строителя русской цивилизации автор книги продолжает в очерке «Выбирая «общерусскую соборность». О славянском романе в стихах Владимира Подлужского». У этого поэта «образ народной славянской жизни воспринимается как золотое, волшебное время»; а его стихи «отсылают нас к пушкинской традиции живописания славянского быта, связывают с духовной строгостью». Сама способность к такому видению прошлого ценна и даже уникальна в наше время. В чем его ценность? В том, что благодаря такому видению мы имеем правильную оценку нашего главного богатства – богатства духа и памяти. Мы видим, как «тесен, мелок и немногосложен тот европейский мир... Разве не видно, как они односторонни, однообразны, скучны и пошлы?». И этот мелкий и пошлый мир потребительства и мёртвых душ наступает, грозя окончательно поглотить Русь, нашу уникальную цивилизацию православного духа: «Реальность делает нам вызовы: духовная безопасность русского мира, славянского мира или тёплое стойло? СМИ объявляют о конце истории, работают на принятие нами неизбежности, что мы все должны подчиниться тёмной власти тельца». Лидия Довыденко даёт свой развернутый ответ на этот вопрос: «Славянская цивилизация может быть универсальной, не потому что мы этого хотим, а потому что русский космизм обозначил широкую перспективу для любых решений, касающихся сути существования планеты и рода человеческого, а также нашу ответственность за ту роль, которую мы выполняем – освобождение от ложного, одностороннего развития и тупика, в который нас завёл Запад. Территория интегрированного сознания сместилась на Восток, включив знания и духовные ценности Востока и Запада, универсальность синтезированной стратегии для всего человеческого рода, отбросив ложные приоритеты, основанные на индивидуализме и губительном для планеты потребителе, вернув полное надежды ощущение значимости нашей жизни». Это один из основ-

ных тезисов всей книги, дающий ответ на главный вопрос, который перед нами сейчас ставит сама История.

Размышления продолжают и в следующем очерке ««Полнобите солнце». О книге стихов Ивана Кунцевича «Солнечная нить»». Здесь автор пишет: «В наше время, когда человечество вступило на жёсткий путь расчеловечивания, особенно тянет к поэзии, к философии, к Константину Бальмонту, знавшему секрет света в человеческой душе». Размышляя об одном конкретном поэте, мы приходим к важному пониманию природы самой поэзии вообще, её главного призвания во все времена: «Поэт не стремится к фотографической точности выражения своих переживаний, уходя от частности к обобщению болевой правды и узнавания постоянно изменяющегося мира, чтобы поэтически, творчески преобразовать, облагородить тёмное и ужасное в нём, направив на него солнечный свет». Именно такова цель поэзии – не «отражение» и не «воображение», а *свет преображения*, проникающий в душу и наполняющий жизнь.

Сама же поэзия бывает разной – не только по содержанию, но и по форме создаваемых текстов. Одна из таких оригинальных форм рассмотрена в ярком очерке «О сборнике метаквадропоз Сергея Воробьёва «Заполнение чёрного квадрата»». Сначала дадим слово самому автору: «Дело не в поисках новых форм выражения мысли или дань супрематизму, а в поисках мудрости и красоты, которые свойственны человеку, вне зависимости в какой точке планеты он живёт, вне зависимости оси времени. Подобно Платону, жившему примерно 400 лет до Рождества Христова, мы могли бы сказать: «Вино, мудрость и красота всё ещё дарят очарование, / Убирают все тени жизни и бодрят нас в пути». Отправимся же бодро в путь по двенадцати главам заполнения «абсолютно чёрного тела», благодаря которому физики догадались о существовании квантов, потому что после нагревания этого условного абсолютно чёрного тела оно начинает излучать тепло, и столько тепла (энергии), что получается бесконечная энергия. В метаквадропозах автор с вышеназванной бесконечной энергией предлагает читателю не искать рифмы, размера или знаков препинания, а «искать себя», и, что немаловажно, желает удачи, которая невозможна без вышеуказанной энергии тепла. Без теней жизни не было бы мудрости и красоты».

Мы сознательно опять дали слово автору и привели большую цитату. В ней хорошо видно, как движется авторская мысль, для которой характерно обращение к глубинным историческим слоям культуры, которые внезапно высвечивают смысл самых новых культурных явлений. Это называется «большой памятью культуры». В этой большой памяти обнаруживаются самые неожиданные переключки смыслов – между философией Платона и современной физикой, структурами языка и энергетикой души. И над всем этим встаёт сакральный сверхсмысл творчества, ибо «творчество, где автор пытается заполнить ночное окно «алым светом зари» принадлежит к области непознанного и непостижимого, но где нельзя игнорировать первоначальную природу реальности и бытия, при этом прибегая к Логосу, Слову, которое древние относили ко всё скрепляющему пятому элементу». В этой точке вся философия поэтического слова, развернутая в книге, восходит к своей вершине – здесь соприкасается слово человеческое с Логосом предвечным.

Но уже далее автор спускается «с небес на землю» в самом буквальном смысле слова, посвящая свой следующий очерк «Размышления над книгой Евгения Журавли «Озеро забвений»» книге странствий. Ведь есть «традиции классической русской литературы – пускаться герою в дальние странствия, обретая в сравнениях и сопоставлениях привычного, известного, понятого в жизни с тем, что увидел, кого встретил, обретая мудрость души». И тогда писатель обращается к своему «варианту «Одиссеи» – человека в пути по причине невозможности оставаться там, где ты живёшь, когда ощущаешь властный зов – хотя бы временно покинуть дом, чтобы отпустить то, что мучит и терзает. И когда лелеешь надежду – обрести нечто, что приводит к пониманию планеты как родного дома человечества, с которым сродняешься, встречая неожиданную помощь и привет». Но это лишь внешняя сторона сюжета, а главный сюжет его – внутренний: «цель далека, но с героем происходит внутреннее преображение, в современной русской душе человека соединяется родное и вселенское, вечное и мгновенное, любовь и жертва. В единое целое, в тесный узел связывается Божий замысел и свободная воля человека, когда преобразование души человека обретает единственно верное направление. Нравственная определенность автора приобретает высокую степень концентрации». Эти строки достойны того чтобы войти в самый хороший университетский учебник эстетики. Увы, в наше время философская эстетика часто очень далеко уходит в сторону от самого главного в искус-

стве – в глупой погоне за построением новомодных «дискурсов». Но чтобы дать понять, что такое настоящее искусство, нужно перечислить именно вот эти его самые главные сущностные элементы. Это *внутреннее преображение – посредством соединения в душе родного и вселенского, вечного и мгновенного, любви и жертвы, Божиего замысла и свободной воли человека*. Это – вечное и главное в искусстве.

Подлинные произведения искусства «ведут читателя действительно «на чистую волю» духа и наполнены «тайным благородством»» («О книге Сергея Пылева «На чистую волю»»). Иногда ощущение «чистой воли» выходит за рамки произведения и становится «аурой» человека, охватывая и его дом, и даже местность вокруг него. Об этом – очерк «О чём говорит полесский дуб... Встреча с писателем Вениамином Бычковским». Здесь автор пережила такое впечатление от Дома – хранителя древностей: «Душа обмирает, уходит в пятки от увиденного, чтобы снова возродиться. Тебя охватывают, обволакивают энергии и излучения икон, множества книг, камней и минералов, колоколов, колокольчиков, бубенцов, необъяснимого содержания тщательно отшлифованных древесных сучков и цельных кусочков дерева, отливающих тёплым блеском, рушников с вышитыми красными нитями белорусскими орнаментами, старинной полесской керамики, расставленной на полочках, картинами». А живущий в этом доме писатель так слышит само биение сердца бытия в самом себе и в мире: «Какая-то огромная мощь чудится мне на родине, какая-то животворная сила, которой надо коснуться, чтобы она проломила «стену» в моём сознании. Смотришь на старый дом, и он вдруг в какой-то миг останавливает ход времени, точно время провалилось в Вечность и утянуло твоё сознание за собой... И тут чудо! Свежесть и ясность во всём, что окружает тебя! Нет привычного времени, нет привычного порядка... Всё в безграничном пространстве!». Вот такое мироощущение рождает тот удивительный мир древнего «лада» (В.И. Белов) традиционной культуры, который мы утратили во внешней обстановке своей жизни, но ещё способны нести в своём сердце и передавать другим.

Следующий очерк «Вдохновенный образ истории. О книге Евгения Живоглода «Сказание о руссах»» – о том, как этот древний священный «лад» народного бытия может храниться в нашей памяти и передаваться вещам поэтическим словом. И вновь автор книги предстаёт и глубоким мыслителем, и вдохновенным поэтом в одном лице, написав такие строки: «Будучи не в силах что-то поменять в своём герое, поэт стоит на позициях соборности, отталкивается от мирового, совокупного, божественного, сердечно-тайного и принципиально безграничного видения роли своего героя, который удивительно связан с человеческими судьбами и увязан в одно целое с божеским миром. Теперь редко встретишь в художественной литературе такое обширное и высокое созерцание, она потеряла его или отвыкла от него. Само время стало как будто подменным, словно перестало быть временем вообще, справедливо иногда называемое безвременьем, а оно, безвременье, таким образом, легко становится духовным убийцей. В таких условиях подлинная художественная литература берёт на себя функцию удержания живого, преодолевая гибельную энтропию, тягостное отсутствие взлётов через духовный подвиг художника, что равно возврату к жизни».

Русский художник, совершающий духовный подвиг – не с этим миром корысти и пустоты, а с миром горним, но уже имеющим своё конкретное воплощение на земле – «с непостижимым для сухого, жёсткого ума, но понятным и принимаемым теми, кто знает о русском служении, покаянии, объединении во имя Бога понятии «Святая Русь»».

Ещё более пронзительно пишет об этом автор в очерке «О книге Андрея Растворцева «Тринадцатое полнолуние»»: «Обнажённо русская мысль с отчётливым указателем святости в Христовом «будьте, как дети» и понятие Земли как общего дома, святой соборности». И в очерке «О поэтических сборниках Сергея Зубарева» продолжает эту мысль: «Вечный «терновый венец», вечное и непоколебимое торжество веры. Ну почему мы вялые, растерянные, дремлющие, не видящие угрозы, почему такая удручающая пассивность, кругом пена и грязь, а сады обнесены колючей проволокой? Поэт мастерски чеканит ритмику стиха, как одно из средств создания образа-переживания. Эмоциональная напряжённость разрешается в заключительных строчках стихотворения гармонией божественного обещания, но где сам человек?». Вот для чего нужна поэзия: «Давайте услышим голос надежды, молитвы, отчаяния, боли – отзовёмся на эти трепетные звуки сердца, неужели мы так ожесточились борьбой за существование?» Ведь «поэзия и религия – две стороны одной и той же монеты», – писал Николай Гумилёв в статье «Читатель». Поэзия Сергея Зубарева требует от читателя веры и духовной работы, определения какой-то высшей цели, перерождая или преображая, как

записано в Евангелии. Его поэзия обращена к личности, не к народу, тем более не к толпе». И «пусть кто-то научился «уродство выдавать за красоту», но нам, поэтам и писателям, задача – седлать коней и быть Дон Кихотами».

Но не наивны ли эти романтические призывы? Нет и ещё раз нет. Они не наивны, и, по сути, даже вовсе и не «романтичны» в ходячем понимании этого слова, а скорее даже трагичны, и – глубоко реалистичны. «Как много потерял человек, погнавшись за цивилизацией, прогрессом, как много он обретает, возвращаясь в отчий дом, к своим корням, как много мудрости и тайн вселенной ему открывается. Чтение рассказов не предназначено для спешного пробегания наискосок страницы, а требует наслаждения, смакования и погружения в исцеляющие душу тексты, в завораживающие волнительные перемены настроения» («“Добрый, светлый лучик» прозы Юрия Жекотова»). Поэтому: «Книга – просторное и высокое пространство для развития души» («О книге Владимира Храмеева «Лики Балтии»»). А само «творчество – это напоминание о том, что есть настоящее в этой жизни. И как важно ценить то, что имеем мы» («Дороги творчества Ивана Привалова»). И поэтому, пишет автор, «как же радостно встретить автора, который говорит тебе своими произведениями, что ты не один, не одинок в любви к России, в своём оптимизме по поводу судеб Родины, по поводу пробивающихся свежих нежных ростков великой православной традиции» («Актуальный опыт русского мышления в творчестве Юрия Серба»). И хотя «многое утеряно в России за последние двадцать пять лет, вывезено, разграблено, разрушено, не счесть потерь, но сохранено главное – у нас есть Отечество, не покорённое, родной язык, и есть писатели, такие как Юрий Серб, крепко стоящие на родной почве, православной традиции, будящие в нас чувство единения с Родиной, с величием народа, давшего миру великую культуру». Только так преодолевается трагическое одиночество художника – ведь «Если тронет тебя рукою Несбывшееся, ты уже не можешь ничего с собой поделать, никому не доверяя свою тревогу, свою тайну, свою мечту» («О поэтическом сборнике Людмилы Свирской «Опоздавший Дон-Кихот»»).

В очерке «Судьбоносная встреча» Лидия Довыденко ещё и ещё раз формулирует такое важное для нашего «беспочвенного» времени понимание укорененности подлинного художественного слова в самой глубинной – православной – духовной традиции нашего народа: «особенностью русского, православного менталитета была невозможность удовлетвориться только законом, его душа всегда жаждала и страдала до сих пор справедливости, благодати. Это тонко чувствовали и Пушкин, и Лермонтов, и другие писатели России... В романе «Герой нашего времени» мы также можем заметить столкновение Закона и Благодати: с той существенной разницей, что Печорин не может найти себе применение ни в одной ячейке тогдашнего общественного социума, его не удовлетворяет ни одна роль в миропорядке. Иными словами, он не может удовлетвориться рамками Закона, но – потому и несчастен, что не способен к обретению Благодати».

В очерке о ещё одном своём важном путешествии по сердцу России – земле, родившей столько художественных гениев – «Литературное братство Калининградских берегов с Воронежскими, Липецкими и Елецкими» автор пишет: «Увидела я здесь явно просматривающуюся черту нового времени – духовное преодоление навязываемого индивидуализма, поняла, что русская идея никуда не уходила, несмотря на катастрофические вызовы времени сохранилась священная глубина духовного опыта, его почвенность и серьёзность ищущей мысли. Нравственный закон – это то, чем руководствуется художник слова, удержание себя в области света».

Во второй части книги «Художники-мыслители и меценаты» речь идёт уже не столько о произведениях, хотя и о них тоже, но в первую очередь о выдающихся личностях современной русской культуры. В очерке «“Событие в жизни человечества». О книге «Рюрикович в XXI веке. Князь Никита Дмитриевич Лобанов-Ростовский»» автор вновь возвращается к своей ключевой мысли о том, в какой духовной ситуации находится современное человечество и какой выбор оно должно сделать: «русская жизнь в России и Русская цивилизация на планете при историческом противоречии, нашедшем исход в 1917 году, придут и уже приходят к неизбежному единству. Это возможно, на мой взгляд, потому что Россия противопоставляет технократичности жизни свою органику, нравственный и душевный обычай, а размеренность жизни и огромность просторов соизмерима с пространствами русской души. Никита Лобанов-Ростовский говорит, что он знаком с несколькими культурами мира. «Но преклоняюсь я перед необычайным явлением, я бы сказал, событием в жизни человечества – русской культурой конца XIX – начала XX веков. Такого нигде в мире не было и

нет!» Художник, поэт, музыкант – фигура творческого человека – является посредствующим звеном между наступающим завтра с холодным металлическим блеском и такими же жёсткими звуками и уходящим образом земли со сверкающей росой на изумрудной траве и пением птиц».

Здесь автор находит пронзительно точное и глубокое выражение того, о чём, по сути, написана вся эта книга: «безбрежность Русской цивилизации на планете». Эту безбрежность столь ярко воплощает в себе и ныне живущий князь Рюрикович Никита Лобанов-Ростовский: «Божий дар преобладает в известном коллекционере и меценате над его рациональным мировоззрением, он соответствует здесь своему глубинному призванию, метафизическому Поручению, уходя от рабства Успеха, и этим вызывает к себе любовь беззаветную». Такая великая душа нашего современника была воспитана «кодексом чести представителей русского дворянства, кто сохранил любовь к Отечеству и веру в его историческую судьбу, кому не надо искать национальную идею, – она живёт в душе». Живые продолжатели великой династии, создавшей великую Россию – это достояние русского народа наравне с великими произведениями искусства: не менее чем последние, они способны быть для нас высшими образцами чести и благородства.

В этой части книги автор делает яркий обзор тех явлений современного русского искусства, которые в наибольшей степени сохраняют в себе дух и образ великой традиции. В очерке «Кому передать икону? Художник Борис Булгаков» автор рассуждает «о выборе: Преображение или Апокалипсис? Отказываясь от корней, от традиций своих предков, своего народа, не похож ли ты на реку, которая лишается своего истока?». И ещё – «о вечном и святом, что озаряет бытие, о «живом знании», одухотворённом переживаниями, передающемся из поколения в поколение, о трагедии духовной традиции, если она прерывается». В очерке «Как зажигать огонь... Художник Юрий Григуль» уже дан образ такого художника, который смог вернуться к живым истокам традиции и продолжить их в наше время: «Его взгляду на мир присуща свежесть и простота, порой даже ласковая кротость. Всякая жестокость, жёсткость, всё, вызывающее ужас и страдание чужды ему. В его работах нет мещанского довольства или страстного темперамента, он далёк от всяких крайностей. Но пытливая живая мысль удаляет его и зрителей его работ от скуки, потому что он несёт в себе великодушие. Он не боится отдаться большому, возвеличивающему».

Главная черта подлинно русского искусства сформулирована и в очерке «Русская Рига. Музей личных коллекций живописи Владимира Рыбакова в Юрмале»: это «ощущение счастья от царства Света, любви и пережитых страданий, в то же время свежести и остроты восприятия искусства»; и поэтому «Вселенский свет русских художников наполняет мою душу энергией всех стихий, четырёх сторон Света, тем, что есть прекрасного в цветах и травах, в глазах одухотворённых людей». Этот образ продолжен в очерке «Русские сны Георгия Шишкина», где автор пишет: «В сердце художника лежит какое-то сокровище, которое он щедро нам расточает, дарит гармонию, напоминает о нашей снисходительности, доброте, великодушии, храбрости, одарённости любовью. Своим искусством он создаёт сияние бытия, о котором в суете дней мы часто забываем, мелочась, дробясь на кусочки ускользающей повседневности. Герои его картин несут в себе образ Божий, внутреннюю сосредоточенность, духовную радость». И благодаря этому «постепенно смысл вещей начинает открываться тебе всё глубже. Сюжет для него – это всегда идея выражения какого-то состояния, это результат переживания случившегося: встречи, пусть даже мимолетной, прощания или предчувствия, ожидания, осознания их единственности, вероятной неповторимости»; «художник мне видится неустанно задающим сам себе вопросы, ведь, как писал Ф.М. Достоевский, «рассудок примолкает, как сирота, если кончаются вопросы». При нежности и трепетности его образов чувствуется огромная мыслительная работа, интеллектуальное постижение истории России, мощное осмысление её культуры, её традиций».

Личностный образ подлинно русского художника сформулирован в завершающем очерке «Фёдор Мунтян. Музыка моря и мира»: «Талантливые люди скромны. Они мало говорят о себе, потому что слишком много говорит их творчество. При общении они как бы немножко отстраняются, давая собеседнику раскрыться, зазвучать, как чудная и сильная мелодия, а художник чутко реагирует на свойства ума и тончайшие нюансы души собеседника, на его индивидуальность, чтобы, может быть, сверить свои ощущения мира с другими или отразить замеченную подробность в своём произведении. Они не усекают, не деформируют, не разбавляют собеседника, а дают ему быть, существовать во всей его целостности и объёме».

Мы сознательно приводим здесь обширные цитаты из книги – и не только для того чтобы «дать слово автору», но и для того чтобы показать их связь между собой, смысловую цельность авторской концепции. Вне всякого сомнения, Лидия Довыденко создала свою яркую и сильную эстетику, свою концепцию сущности художественного слова и русского культурного космоса. Она не цитирует классиков русской философии, но их дух и мысль живут в ней как в продолжательнице этой великой традиции миропонимания. Именно так и продолжается традиция мысли – не эпигономством (чем часто грешат профессиональные «историки философии»), а претворением нашей соборной традиции русской мысли в свою оригинальную философию.

Третья часть книги «Берега наследия янтарного края» посвящена уже не путешествиям и далеким встречам, а её родным краям, столь важным для живого ощущения и понимания большой Родины. И здесь мы вновь встречаем её размышления о самом главном: «Художнику чужда жизнь без доблести и смысла, где нет места трагедии и душе. За распахнутой дверью из мира с потрескавшейся, иссушённой, истощённой землёй на человека смотрят глаза – зеркало души. Чьей? Человека? Земли? Вселенной? В них мягкость и доброта, сострадание и милосердие. Пестрая бабочка на миг прижалась к падавшему, но зацепившемуся за тонкую паутинку золотистому, наполненному осенней влагой, кленовому листу. И прозрачная капля на лице человека страдающего, тоскующего по высокому. Он над – пошлостью, буржуазностью, тошнотворным сытеньким бытием».

Здесь нашлось место и для осмысления творчества поэта, лишь краем своей судьбы связанного с Калининградом – это очерк «“Вместо точки я поставлю солнце...”». «Кубинский дневник» Юрия Кузнецова». Описание перипетий Карибского кризиса в конце концов завершается раздумьями о призвании русского поэта: «Калининградская область, отделённая границами от большой России, может быть, глубже и острее чувствует слова о том, что «в наше прозаическое время остался один богатырь – русский народ», что один человек может быть «равен народу». Исполинской величины сознание Юрия Кузнецова вместило в себя вселенскую историю, живое единство предков и потомков». Продолжаются эти раздумья и в очерке «Николай Гумилёв в Восточной Пруссии в 1914 году», где автор отмечает: «Поэт взял с собой на войну, как потом и в тюрьму, Евангелие и книгу Гомера «Илиада»... Военные стихи Гумилёва – одно из наиболее ясных откровений духовного смысла войны». Об этой стороне творчества поэта – о духовном смысле войны и его укоренённости в его православном мировоззрении – до сих пор почти не писалось, и здесь автор стала первопроходцем.

Но кроме этой темы, автор книги даёт и общий духовный портрет поэта, который делает его нам ближе и понятнее – не только как поэта, но как подвижника духа. Она отмечает: «Гумилёв писал, что человеческому духу свойственно сводить всё к единому. Стихи и религия – одно, слово поэта обладает магической силой. Здесь мне думается, что эта мысль Гумилёва сближает его с Платоном, который мечтал, чтобы философы правили миром. Поэт для Гумилёва – человек, способный при помощи слова овладеть пространством и временем, прошлым и будущим. Величественный гимн «Слову», его таинству и чудотворству, его возвышению над «низкой жизнью» создал Гумилёв. Он всё в себе подчинил Слову, отсвет этого Слова лёг на его легендарную судьбу. Обречённости человека «идти всё мимо» прекрасного, непониманию и равнодушию к глубоким корням и причинам существования человека на земле поэт противопоставляет осознанность в желании идти глубже в познании природы, причин бытия, сущности живого».

А далее следует переключка с поэтом наших дней, воплощающим в своём мире те же черты, которые были у Гумилёва, и которые способны возрождаться и в поэтах нашего времени. В очерке «“Свободен каждый по правде жить...”». О творчестве поэта Виктора Сысоева» она пишет об этом самобытном авторе: «Его стихи цепляют за душу тех, кто хочет не просто выжить, а сохранить в себе человека. Казалось, что всё вокруг подталкивает к тому, чтобы лукавить, лгать, и тем не менее, сохранился слой жизни, может быть, очень тонкий, где есть место поэтическому слову, умному и честному». И далее о малой родине: «И тем более замечательно, что это умное и честное слово рождается в городе, где ты живёшь, что поэт жил совсем неподалеку, что он твой современник. Наше время трагично тем, что чувство гордости за свой народ отделилось от гордости за государство. Народ не так слаб, как государство. В народе живы и мысль, и достоинство, и душа». Почему мы можем быть в этом уверены? Потому что таков духовный закон жизни: «не прервётся духовная жизнь человека. Всегда будет кто-то, кто будет читать книги, кому дано будет не только здраво мыслить, чувствовать, улавливать малейшие вибрации души, а значит, понимать рядом живущего человека».

Наконец, завершающий очерк всей книги «Отец Софроний – первый православный священник в Калининградской области» возвращает нас к сакральному центру русской культуры – православной традиции. В каждом уголке русской земли есть свои святыни и памятные места, связанные с важными событиями церковной жизни. В них душа привязывается к тысячелетней традиции нашей веры самыми кровными и непосредственными узами – как к местам своего детства. Вот и у автора книги есть такое важное воспоминание, наполненное яркими природными символами: «Святейший патриарх благословил иконостас нашего храма, искусно выполненное настоящее произведение искусства резьбы по дереву в морской тематике. Он благословил перенесение в собор частицы мощей святого праведника Феодора Ушакова... Чудесные явления были на фоне праздника. При серой осенней дождливой погоде, когда пошли крестным ходом, выплянуло солнце и по-летнему осветило землю». Ещё более символично и то, что рассказано здесь о первом православном священнике на этой земле – и душа словно переносится во времена равноапостольных Кирилла и Мефодия, переживая рождение веры как части своей местной истории, совпадающей по своему священному смыслу с историей мировой. Такое чувство очень важно воспитывать в себе современному русскому человеку – чувство живой связи со своими великими предками не только на уровне эрудиции, но конкретно везде, в каждой родной местности, на своей незаменимой «малой родине».

Даже наш краткий обзор всех сюжетов и размышлений автора книги «Жертвенное сияние современной русской мысли» показывает удивительное богатство современной русской культуры, раскрытое благодаря уникальному авторскому взгляду. Несмотря на индивидуальный отбор тем и сюжетов, Лидия Довыденко сумела сделать очень ёмкий «срез» сущности процессов, явно свидетельствующих о мощном росте и возрождении русского духа в его художественных и личностных проявлениях. Ей действительно удалось показать живой космос современной русской культуры. Это невозможно было бы сделать рассмотрением одних лишь «громких» имён, за которыми часто не стоит ничего, кроме быстропроходящей моды. Но именно такой заинтересованный индивидуальный взгляд, позволяя нам узнать о сокрытых лишь до поры до времени ярких провинциальных талантах общерусского масштаба, вместе с тем оказывается и самой точной обобщающей картиной.

Что мы увидели на этой картине? Мы увидели, что русская культура сейчас, впрочем, как и всегда, хранит в себе огромные нерастраченные силы, особенно богатые в «тихой», на первый взгляд, провинции. В своё время знаменитый автор «Заката Европы» писал, что в эпоху цветения культуры большинство гениев выходит из провинции, а часто и живёт там всю жизнь; и только уже в эпоху упадка культуры и перехода к бездушной цивилизации все устремляются в столицы, надеясь найти там остатки бывшего творческого огня. О. Шпенглер был прав – и нам достаточно вспомнить одного лишь Пушкина, который лучшие годы прожил и сформировался в провинциях, никогда не был в Европе, а Петербург не любил и воспринимал как тяжкую повинность. И тот факт, что сейчас в русской провинции находится столько людей с яркими талантами, которые вызревают там в тиши, не гонясь за модой и известностью – факт чрезвычайно отрадней. Он показывает, что в России продолжается эпоха цветения культуры, и бездушная цивилизация и подражательство Западу до сих пор не смогли её поглотить и задушить.

Обозревая удивительное богатство талантов в современной русской литературе и культуре в целом, Лидия Довыденко получила от них и своё собственное – философское – вдохновение. Развернутая в её книге глубокая и богатая нюансами философия творчества, сущности художественного слова, смысла Родины и мирового призвания России – в конечном счёте вытекает из её главного смыслового «зерна» – *философии преобразования человека и мира*, которая и является самой «солью» и самой главной ценностью русской философской традиции, не имеющей аналогов на Западе. Мы рассмотрели здесь много ярких авторских размышлений и привели обширные цитаты именно с этой целью – сконцентрировать суть этой философии так, чтобы она предстала как целостное авторское мировоззрение. И действительно, обозревая отобранные и прокомментированные выше фрагменты, мы видим яркую и цельную философию – учение о преобразении человека и через творческое художественное слово, и через созерцание природы, и через историческую память, и через общение с выдающимися личностями. Таковы пути современного преобразования России, которыми идут миллионы людей – наш возрождающийся и побеждающий свои беды великий и мощный народ.

Книга Лидии Довыденко ярко показала нам *живой космос современной русской культуры во всём её многообразии и мощной новизне*. Другие авторы, естественно, также могут сделать свои интересные обзоры всего виденного и слышанного ими в своей литературной жизни, рассказать о других, не менее ярких людях. Но несомненно, что и они придут к такому же радостному выводу, к которому привела нас и эта книга: русская культура жива своими корнями, своей родной землей – Провинцией в высоком смысле этого слова – своей духовной самобытностью и своим жертвенным служением Правде.

Критика

Аркадий Польшин

Аркадий Олегович Польшин – член Союза писателей России, действительный член Петровской академии наук и искусств г. Санкт-Петербург и Академии литературной документалистики г. Москва. Автор четырёх поэтических книг.

Публиковался в альманахе «Родники липецкие», в газете «Литературная Россия», в сборнике «Липчане – Великой Победе», в журнале «Петровский мост». Аркадий Польшин – автор шести поэм: «Воля», «Настоящие волки», «Вечное Поле», «Князь Фёдор», «Монах», «Купец». На стихи поэта написаны песни в исполнении народного ансамбля «Казачий разъезд» город Данков, автор текста к песне «Граница» (исп. и ком. Игорь Дворников). Проживает в городе Лебедянь Липецкой области. Сайт: польшин.рф

К 30-летию издания романа Е. И. Замятина «МЫ» в России

Роман Замятина «Мы» был напечатан в России 30 лет назад, но сейчас меня поразила прежде всего концовка произведения. Откуда такой пессимизм? Ведь время написания романа «Мы» – 1920 год! Самое плодovitая пора для автора в русской литературе. Концовка произведения (как и сам роман) – это предупреждение человечеству,

что пора остановиться и где-то вернуться к истокам, что прогресс ведёт к гибели Земной цивилизации. Нумер Д-503, вокруг которого строится произведение, является конструктором «Интеграла» – звездолёта, огненного Тамерлана счастья, готового лететь в космос, завоёвывать другие планеты: Уран, Венеру... Для морального воздействия на аборигенов берут груз, а именно, стихи, написанные придворными поэтами во славу Единого Государства. Друзья, заметьте – стихи, а не прозу!!! Если стихи не подействуют – на борту ядерное оружие! В последний момент (в результате облавы) Д-503 попадает на операционный стол: у него удаляют из головы фантазию – остатки души. После этого он с чувством выполненного долга предаёт своих новых знакомых и любимую девушку номер I-330. Они были подвергнуты пыткам и уничтожению за стремление вернуться к истокам – быть людьми. После экзекуции он говорит: «Я уверен – мы победим, потому что разум должен победить». Получается, что Д-503 уже и не человек вовсе, а подопытный экземпляр (без души и сознания), им можно манипулировать как дважды два. А ведь совсем недавно (до проникновения в голову, в мозг!) дважды два для Д-503 выглядело так:

Вечно влюблённые дважды два.
Вечно слитые в страстном четыре,
Самые жаркие любовники в мире –
Неотрывающиеся дважды два...

Евгений Иванович Замятин был талантливым поэтом! Строки эти не слабее есенинских, и роман написан живым поэтическим языком (поэзия в прозе: метафоры, образы, виртуозная техника). Этот стиль характерен для всего творчества писателя. Ничего подобного в русской литературе не было и нет до сих пор.

Трудно просчитать и представить время действия романа, но определённые временные отрезки всё-таки можно найти. Роман как бы по касательной проходит и через наше время (есть некоторые точки соприкосновения, на мой взгляд). Есть такая отсечка – тысяча лет Единому Государству. К нам, конечно, эта дата отношения не имеет, но есть дополнение: до установления власти Единого

Государства на Земле была Двухсотлетняя Война. Получается, что началась она 1200 лет назад от описываемых событий. Уже горячее!!! Есть ещё одна интересная дата: 119 лет назад от времени повествования на Землю упал метеор. Может быть, пора задуматься и об этом – о постройке анти-метеоритного, противокометного щита на орбите Земли... пока не поздно?

Не напоминает ли вам, уважаемые читатели, термин Единое Государство – ЕС (Европейский Союз), блок НАТО, США. По-моему, очень даже похоже (по касательной, фрагментами, трассерами). Если взять историю человечества, то ни Русь, ни Российская Империя, ни Советский Союз, ни Российская Федерация никогда не стремились к мировому господству. Девизы на наших знамёнах во все времена были и остаются таковы: «Не в силе Бог, а в правде» (Александр Невский), «Кто к нам с мечом придёт, от меча и погибнет!» (Александр Невский), «Братья, Бог нам прибежище и сила!» (Дмитрий Донской). В 1943 году наши деды и прадеды вышвырнули фашистов и их приспешников (бандеровцев и власовцев) с Украины. Мой дед – Польшин Алексей Спиридонович и его друг Субботников Игорь Наумович (в настоящее время живой) участвовали в этих боях. Есть рассказ в интернете об их боевом пути (Рассказ ветерана ВОВ Субботникова Игоря Наумовича.). В нём он говорит об издевательствах бандеровцев над мирным населением: «Были хуже немцев!» Наши земляки в составе 8-й гвардейской армии (бывшей 62-й Сталинградской) освобождали Харьков, Одессу, Луганск (тогда Ворошиловград). Мы (ЧЕЛОВЕЧЕСТВО) думали, что с фашизмом в этих местах покончено, ан нет!!!

В 2014 году на Луганскую и Донецкую землю пришли новые фашисты – украинские националисты, и методы их по устрашению мирного населения остались прежними. Приведу некоторые примеры из рассказа жителя тех мест – жителя Славяносербского района: в селе Смелом расстреляны отец с сыном на огороде (сыну 40 лет, отец – председатель колхоза), в посёлке Славяносербск забита прикладами девушка-учитель, в посёлке имени Фрунзе повешен на яблоне местный житель – крестьянин. На ЯБЛОНЕ!!! Они (казнённые) хотели одного – жить по Правде! И таких примеров можно привести сотни по Луганской и Донецким областям. Что происходит? А может быть, Двухсотлетняя Война, о которой говорил Замятин в романе «Мы», уже началась?! По Замятину, исходя из романа «Мы», хорошей войны не бывает: война противоречит самой сущности существования жизни человека на планете Земля. И это правильно! Но реалии сегодняшнего дня таковы, что войны бывают захватнические и освободительные. Так было всегда, на всём пути человеческой цивилизации. Такова жизнь!

Или другая отсечка: за 35 лет до установления власти Единого Государства изобрели нефтяную пищу. Разве мы не близки к этому? Разве мы не употребляем химическую пищу? А разве нефть не становится пищей для жиреющих мировых звёздно-полосатых Скунсов-толстосумов? Из-за нефти убивают людей в Ираке, Ливии, Сирии, где наш контингент стоит на страже Земной цивилизации). Началось переселение народов. Разве нет? Люди садятся на утлые судёнышки, а бедняки хватаются за доски и плывут через Средиземное море за лучшей долей...

И всё потому, что заокеанским парням, корпорациям всего маловато: нефти, газа, воды...

Друзья, разве нет на планете Земля экологических проблем? Посмотрите за окно: во что превратились наши зимы. Течение Гольфстрим теплеет, от Антарктиды отрывается лёд, природные катаклизмы и др. Есть ещё один интересный момент в романе «Мы»: 300 лет назад от описываемых событий было упорядочено деторождение и создано Сексуальное Бюро. Мужчинам и женщинам (или во что они превратились) разрешалось общаться между собой на выбор (заявка!) по талонам розового цвета. Детей иметь было запрещено. Возникает вопрос: а как появлялись люди в Едином Государстве на протяжении 1000 лет? Ответ, друзья, вы знаете лучше меня. Правильно! Искусственным путём – из пробирок! Этого в романе нет, но вопрос и ответ просто лезут наружу. Разве у нас этого нет: нет детей из пробирок, нет операций по изменению пола, внешности?.. Сколько угодно! А разве нет стран, где рождаемость по тем или иным причинам регулируется правительством? О других позорных моментах для человечества говорить не хочется. Вы и так всё прекрасно знаете, уважаемые читатели...

Хотелось бы остановиться на политической составляющей романа «Мы».

Бытует мнение, что роман – пародия на советскую действительность, что Замятин Евгений – антисоветчик. Лично я, прочитав роман, этого не увидел и этого не увидеть даже под микроскопом – если внимательно читать. Кто первый написал этот бред, который кочует по интернету и отлетает от зубов экскурсоводов, трудно сказать: какой-нибудь критик-недотёпа, неудавшийся писатель-подхалим, мнящий себя пупом русской литературы – её оракулом? Такие специалисты отправили на расстрел

русского поэта Павла Васильева в 1937 году (состряпав ему ложное обвинение). Вместо крови у этих иуд текла ЗАВИСТЬ и ГНИЛЬ. Потомки этих борзописцев записали его (Евгения) в ряды настоящих революционеров в ряды РСДРП! Да, он увлекался революционными теориями, будучи студентом Политехнического института в Санкт-Петербурге, куда поступил в 1902 году, и был членом этой партии, но он вышел из её рядов в 1908 году – чему есть документальные подтверждения. В книге «Род Замятиных и Липецкий край» – её автор Замятина Нина Сергеевна (внучатая племянница писателя) – на стр. 54 об этом поведала, а на стр. 48 той же книги приведены выдержки из письма Е.И. Замятина к Людмиле Усовой (будущей жене) от 9–10 мая 1906 года, Лебединь: «...А там – может быть, подоспеет амнистия, «милостиво прощены будут» мои «заблуждения» – и я уеду – в Петербург». Эти данные Нина Сергеевна взяла из писем Е.И. Замятина, которые хранятся в Санкт-Петербурге – в Российской национальной библиотеке (рукописные памятники, выпуск 3, часть 1, 1997 г.). Об этом наши экскурсоводы и интернет молчат. Получается: с одной стороны – пламенный революционер, с другой – анти-советчик! Как такое возможно? Обратимся к фактам!

Евгений Иванович Замятин был арестован 20.12.1905 г. и провёл в тюрьме три месяца, после чего был выслан в Лебединь. А он, как мы знаем, был членом РСДРП, пусть и незначительным (вместе с Усовой). Нина Сергеевна Замятина считает, что Евгений Иванович вступил туда из-за этой женщины – будущей жены. Его выпустили через три месяца, но лишь 07.03.1913 дело было прекращено. Семь лет наш земляк был под подозрением (в той или иной мере). Понятно – никого не выдал и не предал (напоминает концовку романа – только наоборот). В 1908 году он вышел из партии (знать, не сильно погряз). Возможно... ему не стали чинить препятствий, потому что – тогда – в 1905-м он никого не выдал. Возможно? Вполне! РСДРП была серьёзная организация, обрушившая Российскую империю. Уж студента Замятина могла бы ликвидировать в два счёта, если б захотела. И потом можно рассмотреть ещё один штрих в биографии писателя: в 1916 году (в разгар мировой войны!) инженер Замятин был отправлен в Лондон для наблюдения за строительством ледоколов. Разве члена РСДРП могли туда откомандировать? В полиции и в то время не дилетанты сидели. А письмо Сталину, где он упомянул о своей принадлежности к партии в царское время, тюрьме и двукратной высылке. Сталин знал о выходе Замятина из РСДРП, но отпустил его за границу – не отправил в Магадан или ещё куда-то. Этот факт говорит о лояльности (или безразличии) властей к персоне Замятина.

Жизнь писателя Замятина в Советской России и в СССР была безоблачной, пока за границей – без ведома автора – не опубликовали роман «Мы» (1929 г.), началась травля (о чём я говорил выше), хотя время написания романа – 1920 год: критики и общественность в России о романе знали (проводились чтения, в том числе среди рабочих). В результате... 15 ноября 1931 года чета Замятиных выехала за границу, но связи с Россией Евгений Иванович не потерял: участвовал в антифашистском конгрессе, был принят в Союз писателей СССР заочно в 1935 году, собирался возвращаться домой. Но!.. Евгений Иванович Замятин был похоронен 10.03.1937 года на кладбище под Парижем. Вот отрывок из письма Сталину («Род Замятиных и Липецкий край» стр. 76): «Я знаю: мне очень нелегко будет и за границей, потому что быть там в реакционном лагере я не могу... – я знаю, что если здесь в силу моего обыкновения писать по совести, а не по команде – меня объявили правым, то там раньше или позже по той же причине меня, вероятно, объявят большевиком...»

Что за человек был писатель Е.И. Замятин? Это был русский патриот, человек Земли: ни красным, ни белым или ещё каким-то он не был. Был гуманистом! За границей о нём говорили: «Вы очень русский, Вас нельзя приспособить к нашей жизни».

Как я уже писал выше, «Мы» ничего не имеет общего с российской действительностью. Речь напрямую идёт о западных цивилизациях – Великобритании, США и т.д. Жилища героев романа срисованы с предместий Лондона – барачная система (видно из писем). На 58-59 стр.¹ романа читаем: «Так же, как и дикарь, европеец хотел «дождя», – дождя с прописной буквы, дождя алгебраического». Заметьте – Европеец! Или – на стр. 133: «Вы, ураниты, – суровые и чёрные, как древние испанцы, мудро умевшие сжигать на кострах, – вы молчите, мне кажется, вы – со мною». Заметьте – Испанцы! Здесь ничего не говорится о русских первопроходцах Ермаке или Дежнёве, например. На стр. 106 есть упоминание о глупцах, которые сравнили Операционное с древней инквизицией. В книге несколько раз упоминается фамилия Тейлор (американский специалист по организации труда – машинного балета, по выражению автора). Так, по методикам этого Тейлора американские корпорации работают до сего времени, упоминается шотландский математик Маклорен. В романе

ничего не говорится о наших учёных – Менделееве или Ломоносове... Где русские имена? Они есть! Пушкин, Скрябин и Достоевский в романе «Мы» – доисторические персонажи, только и всего. Так причём здесь Россия?

Друзья, лично у меня (после прочтения) возникло такое чувство, что где-то под землёй (под Детройтом или Лондоном, под Парижем или Берлином и т.д.) в бункерах сидят специальные люди, которые изобретают подлые формулы, смысл которых – сделать жизнь людей на планете Земля как можно хуже и тяжелее. Эти «умники» воспроизводят себе подобных, управляют системами (или системы ими – по Замятину), возвращают политические элиты, которые, сменяя друг друга, руководят ведущими мировыми державами, корпорациями (финансовыми и прочими), ратующими за передел мира, претендующие на мировое господство. Эти слуги дьявола проводят свои учения-эксперименты в том или ином уголке земного шара... Сегодня – Африка, Ближний Восток, Украина... Они добрались и до нас: забрасывают свои удочки-указки, логарифмическую паутину к нам в мозг, вонзают циркули в наши сердца. Через телевидение, чрез средства массовой информации добираются до нашей сути, до нашей Поэзии. Они изучили нас, как открытую книгу, знают нашу историю, литературу лучше нас самих. На каких-то участках мы начинаем давать сбой, наш иммунитет растворяется, высыхает. Давно пора сделать выбор (виртуально-глобальный), что для нас важнее – ПОЭЗИЯ или НЕФТЬ. Ведь поэзия и есть душа России – её суть, её кровь, её доспех!

Недавно был в одной школе на встрече, посвящённой М.Ю. Лермонтову, спросил у ребят: читал ли кто поэму Лермонтова «Измаил-Бей», стихотворение «Валерик»? В ответ – тишина... А до этого был в другой школе, задал пару вопросов по Есенину: «Анна Снегина», «Страна негодяев», «Пугачёв»... В ответ что? Правильно – тишина! Перед этим был ещё в нескольких, ответ тот же. Такое впечатление, что об этих произведениях даже не слышали. Молодёжь у нас хорошая, спору нет, – скоро они будут перемножать пятнадцатые цифры в голове и бегать быстрее ветра, но поэзия, друзья, настоящая поэзия, необходима молодому сердцу, как ритм. Они отлично могут представить поэтический подготовленный материал, могут прочитать что-то своё (есть таланты!), но глубины знаний нет. Кто виноват? Ответ прост, как ситцевый галстук: родители загружены на работе, а большинству лень вникать: думают, в школе научат, но в школе свои программы, в которые учителя, чтобы заработать, должны уложиться. Кто виноват? Никто! Начинаешь рассказывать ребятам наших классиках, читать – они смотрят с распахнутыми глазами, впитывают материал как губки, зажигаются. Поэтому, если и есть какие-то недостатки у нашей молодёжи, то в этом виноваты мы – взрослые!

Уверен – в каждом учебном заведении есть патриоты-бессребреники, готовые работать за идею. Необходимо дать им полномочия! Таким людям надо всячески помогать и поддерживать, а по возможности – поощрять. Их место на доске почёта, в газете, на телеэкране, в кино. Широкому кругу общественности, к сожалению, эти люди неизвестны. Обычно о некоторых из них вспоминают раз в год – в День учителя, что само по себе уже хорошо.

В нашем народе гуляет известная поговорка: «Пока гром не грянет, мужик не перекрестится». И вправду: грянул гром в семнадцатом, грянул в девяносто первом... Отчего над нами громыхает?.. Мы-то не знаем почему, а человечки в заокеанских бункерах знают всё, всё контролируют. Третьего раза не дано... Замятин в романе «Мы» показал, что нас ждёт, если дадим слабину. Время!.. Время!.. Время! Россия – остров на земле, где люди (несмотря на трудности) остаются людьми. Бог любит Россию! Когда-нибудь наши внуки или правнуки посмотрят на себя замятинским взглядом, посмотрят вглубь себя, вытряхнут из мозгов кибернетический хлам, вынут холодные циркули из сердец и вернутся к истокам – засядут за Пушкина, Лермонтова, Есенина, Замятина, Рубцова... И концовка наша, стремящаяся к бесконечности (судьба наша!), будет не замятинская по роману «Мы» (при всём моём к нему уважении), а рубцовская, которая выражена следующими строчками поэта:

Что-то девки стали заноситься!
 Что-то кудри стали завивать!
 Но когда погода прояснится,
 Все увидят: поле колосится!
 И начнут частушки запевать...

На том и стоим!

Мир без границ

Берега Беларуси

Людмила Кебич

Кебич (Войтулевич) Людмила Антоновна – поэтесса, прозаик, переводчик, музыкальный педагог. Почётный член СПБ. Член Союза писателей Беларуси и Союза писателей Союзного государства. С 2005 года – председатель Гродненского областного отделения СПБ.

Стихи переводились на русский, украинский, азербайджанский и польский языки. Автор восьми поэтических сборников, двух книг прозы, двух песенных сборников, трёх книг для детей. Лауреат премии им. А.И. Дубко Гродненского облисполкома «За творческие достижения в области культуры и искусства» в номинации «Писатель года», награждена нагрудным знаком Министерства культуры Беларуси «За вклад в развитие культуры Беларуси». Победитель республиканского литературного конкурса «Лучшее произведение 2009 года» в номинации «Песенный жанр» за цикл песенных стихов «Слова признания». Лауреат областной премии «Человек года Гродненщины» в социально-политической сфере. Награждена медалью Франциска Скорины, медалью Союза писателей Беларуси «За большой вклад в литературу». Живёт в Гродно

Перевод с белорусского языка автора и Владимира Сорочкина (Брянск)

О, БЕЛАРУСЬ

О, Беларусь моя –
рай для очей!
Звёздная радуга
тихих ночей.
Утро цветастое,
солнечный день,
души открытые
щедрых людей.

О, Беларусь моя –
дивная песнь,
счастье родиться
и вырасти здесь,
где васильковая
неба вуаль
кружит мечтами
ромашковый бал.

Где безмятежны
и мысли, и сны,
белые крылья
у птиц и весны;
где вековые
сосны в лесу,

где я свой крест
без сомнений несу.

Здесь, по-над Нёманом,
дом мой и кров,
жадно надежду
здесь пью и любовь.
Звонче язык здесь, родней
и звучней,
о, Беларусь моя,
рай для очей!

ТЕРЦИНА

Мелодия слетела с поднебесья
узорчатой снежинкой на ладонь,
проникла в сердце не холодной песней,
но воспылала в нём, зажгла огонь,
как миг любви, таинственный, заветный
и хрупкий, как снежинок белый фон.
Ты не услышал музыки миг чистый,
она во мне растаяла, пропала,
и жизни ты моей не стал солистом,
и я твоей мелодией не стала.

СБЕГАЮ В ДЕРЕВНЮ

Нет, в городе Отчизны не видать,
бегу за вдохновением в деревню
и падаю в объятия откровенью,
как росы на луга спешат упасть.

Написанные в городе стихи
тихонько вянут, как букеты в банках,
а здесь они – волошки-васильки,
бегут к реке в лазурных вышиванках.

Какой простор и густота небес!
Не охватить ни разумом, ни сердцем,
и горбится китом огромный лес –
за полем лёг на солнышке погреться.

Весёлой жизнью пёстрый луг живёт,
пахучей, бриллиантовой и звонкой,
не наступить бы на скрипичных «звёзд» –
кузнечиков, в шелках травы высокой.

Люблю бродить в лесу, грибы искать
иль сесть в овраг и любоваться высью,
и утопать глазами в цвете листьев,
ногами – в ласке тёплого песка.

Всю прожитую жизнь перелистать,
и воздухом целебным насладиться!..
А в город нужно – чтобы утомиться.
Нет, в городе Отчизны не видать.

ШАРЫ

Как хочется быть Музой, не обузой,
не только, чтоб любить, но вдохновлять.
Как шар бильярдный, закатиться в лузу
и на всю жизнь единственной стать.

Но в жизни, жаль, такого не бывает,
мечтаем под воздействием кино.
И шар сперва бока пообивает,
затем уж в лузу скатится, на дно.
Бильярдный стол зелёный, будто поле,
а мы, как те бесцельные шары,
качаемся по нашей, с виду, воле,
но, как известно, только до поры.

Придёт тот час – негаданный, печальный –
сквозь пальцев круг напрягшейся руки,
наткнёмся мы на (с виду так случайно!)
своей судьбы неотвратимый кий.

НА ПЕРЕХОДЕ

На переходе от зимы до лета
мы встретились с тобою тет-а-тет.
Звучала ты тоскливо-скромной флейтой,
а я басил осипло, как кларнет.

Совпали строи наших инструментов,
хоть разным был чуть-чуть диапазон.
Весна прощала нам все сантименты,
для вдохновенья создавала фон.

Не слышали чудеснее дуэта –
играли мы любовь ну просто с нот!
Пока не влился этот фат-фагот.
На переходе от зимы до лета
перехватил он партию кларнета,
и флейту соблазнил чужой фокстрот.

ВИРТУАЛЬНЫЙ МИЛЫЙ

Ты не стал мне ещё никем,
виртуальный мой собеседник.
Как-то раз по ночной реке
слов букет мне послал осенний.

Но слова меж закатных зорь
не пропали, не утонули,
разорвали небесный флёр,
и печаль мою в ночь вернули.

Может быть, Всемогущий Бог
дал нам шанс на своём портале,
твоим словом предостерёг
в мир иной моё сальто-мортале?

Гарантийных билетов нет
на любовь, жизнь, успех и счастье.
Твоих слов золотой букет
не сменю на земные страсти.

И как только ночной хорал
зазвучит во мне с новой силой,
я приду к тебе в наш астрал,
мой пока виртуальный милый.

ЗОЛОТАЯ ОСЕНЬ

Под осенней липой
сладко и медово.
Золотые листья,
золотое слово.

Дали златом полны,
тишина златая,
золотые волны
берега качают.

Золотые мысли
сердцем завладели,
золотые песни
в небо улетели.

И любви у Бога
золотой мы просим,
но в конце дороги –
золотая осень.

ВЕРА МОЯ

Вера моя – словно ниточка тонкая
из сундучка заветного,
она ещё слабая, скромная, ломкая,
но, словно зеркалаще, светлая.

Вера моя – как шкатулка бесценная
с дивною инкрустацией,
Прошлое с Будущим – правда нетленная,
нынешний мир – анимация.

Вера моя – как роса золотистая
на травах, что стелются скатертью.
Вера моя – ты слезинка лучистая
на лике святом Божьей Матери.

СЛОВО

Чёрное слово властвует миром.
Что ж вы, поэты?
Где ваша Лира?
Красным словцом либо хоть золотым
чёрному страху закройте вы рты.

Чёрное слово – от грязи, порока.
Где ж вы, пророки?
Что ж вы, пророки?!
Вещее слово, как грозный набат,
души взорвёт пусть,
как сотня гранат.

Чтобы очнулись от вечной дремоты
душ и сердец опустевшие дзоты,
им не укрыться за хлипкие груди,
бейте в них, люди!
Слышите, люди?!

Тёплое слово зовите в подмогу,
лейте по капле целебного грога
на всех лишённых и доли, и воли,
тёплого слова не знавших дотолё.

Тёплое слово, червонное слово –
и заиграет жизнь музыкой снова.
Час приближается, верую в то я –
мир воскресит наш
Слово Святое.

ЗАКАТ НА МОРЕ

Балтика, море, дюны,
сосны до Солнца аж...
Берег – седой и юный –
странной красы мираж.

Чувства спешат, как вестники,
в душу опять и опять.
Как же здесь близко до Вечности,
может, сходить погулять?!

Облако розово-бледное –
пухлый, волнистый зефир,
отблески солнца последние
на предвечерний эфир.

Безднами вспыхнет развёрстными
и, повторяясь точь-в-точь,
светлыми братьями-звёздами
скромно украсится ночь.

ЛУЧШИЙ ГОРОД

Перебираю в мыслях города,
куда бы я уехать захотела
от скуки, от унылого труда,
от изнурённости души моей и тела.

Так хочется сбежать, не чуя ног,
туда, где горьким опытом научен,
ты будешь, как и прежде, одинок
и никому, наверное, не нужен.

Венеция? – Но там одна вода.
Париж? – Обитель серого блаженства.
Рим – слишком вечный, мне зачем туда?
И Вене далеко до совершенства.

Себя на мысли вновь и вновь ловлю,
что уезжать едва ли соберусь я,
ведь только Гродно всей душой люблю –
частицу уникальной Беларуси.

Тут буду я считать свои года,
жить радостно, светло, певуче, гордо...
Зачем нужны другие города,
когда на карте мира есть мой Гродно!

АКСИОМЫ

Отчизну и свой род – не выбирают.
Счастливые в дороге умирают.
И то, что против лома нет приёма, –
известные нам с детства аксиомы.

Я с первою готова согласиться,
но не хочу в конце пути забыться,
упасть – в изнеможение и тревоге –
на испещрённой судьбами дороге.

Хочу я быть в свой час последний дома,
уйти за край, не думая об этом.
Пусть снизойдёт улыбка, как истома,
мне на уста прощальным тихим светом.

И против неуступчивого лома
я находила нужные приёмы:
мне доброты, терпения хватало.
В итоге, – лом мой поднимал забрало.

А Родина, родители – святое.
Пусть вам наобещают золотое
жизнь и счастье где-то за границей,
но всё ж чужбиной нечего гордиться.

Живите, дорожа родимым Краем,
а то, что мнится мёдом или раем –
обманчиво и мнимо. Всем знакомо,
что счастлив только тот, кто счастлив дома.
А, впрочем, это тоже аксиома.

Мир без границ

Берега Чехии

Яна Штроблова

Яна Штроблова – чешский поэт, публицист, переводчик, лауреат премий Франтишека Грубина и Яна Смрека. Она по праву считается лучшим переводчиком Марины Цветаевой на чешский язык. Яна Штроблова родилась в Праге в 1936 году и изучала русскую и чешскую филологии в Карловом университете. Ещё в 60-х литераторы указывали пани Штробловой на сходство её поэтики с цветаевской, поэтому советовали заняться переводами Марины Цветаевой. Но это случилось несколько позже. Вот как об этом вспоминает сама переводчица: «В один прекрасный день ко мне пришла Галина Ванечкова, поклонница и знаток творчества Цветаевой и передала мне Маринин сборник «Вёрсты». Помню, как в первую нашу встречу она замечательно читала по-русски стихи из этого сборника, и Цветаева сразу стала моей привязанностью.»

Перевод с чешского на русский Ольги Беловой-Далиной

ФОТОЭФФЕКТ

Занастальгировала вдруг
и прошлого гончарный круг
верчу, и деревá в движеньи,
и воздух, как в концертном зале
перед шквалом
оаций, тих... и в этот самый миг
чей взгляд всевидящий меня настиг?
Была ли мысль моя Его мишенью?
Чтоб память засветить,
Он молнию послал мне.

ПУСТÓТЫ

Картину я представила *пустóты* в ней
от облаков там череда теней
на озере и надрывала грудь скала
и лёд сошёл слезой под горным оком
и месяц молодой натужно упирал
бедовый глаз в лазейки Божьих окон
Исчезло всё осиновые листья
стволы озёра окна Променял
фрагмент картины той
на вечность кто-то близкий
какая часть исчезнет без меня

ЧЕРЕЗ КРАЙ

Пейзаж не ограничить рамой стеблем и
листочком – шалфей
а стихотворный образ – звуком
иерихонской розы существо её самой живеи
и чьим бы тело не было в нём тесно станет духу
уже короче стали дни безлунны ночи
и рады мы дарам или подачкам Божьим
и вдруг как весть благая
будто музыка пророчеств
сквозь щели в темноте *о т т у д а* глас:
«К вам можно?»

ГОРЫ

Пастушок там вместо трости флейту Пана
взял в поля
лето там орлам подобно
что над скалами парят
там утёсы не желают знать что время губит их
В рай не верим только вот он видишь кущи
для двоих

Кто мне дорог – с теми видно схож ты статью
и лицом
и меня наверно выбрал
вовсе неслучайно

там где голову дурманит запах иван-чая
высказать всё можно было лишь в тот час
на месте том

ЧАСЫ

Вдвоём у солнечных часов
а что ещё нам надо?
когда сочится как вино сквозь ветви
яркий свет
и гаснет ненадолго зной в тени густого
сада
там одуванчиков пыльца всё красит
в жёлтый цвет

как бледен ты лицо твоё – икона
в золочёной раме
прервать отважся милый часовщик
течение времени
(но прежде, чем случиться чуду, ранит
предвиденье что до полудня
краткий остаётся миг)

ТАНЕЦ

Взлетели птицы провод всё дрожит
так песня лета отступает с боем
но флейта вдруг расплакалась навзрыд
и спотыкаются гобой

На иглах танец не смотри лишь слушай
земля танцуя нажила мозоль
не догадаться ей – июлем заложило уши –
что если раны есть для них всегда
найдётся соль.

РУМЯНЕЦ

Розовый куст, глянь, кровью налился,
ветер качает могучий орех,
яблоня рядом – плоды среди листьев
знают, каков он – грех.

Лето рождалось, в тайне румянец
вызрел... О, как было зелено нам!
Короток дочери Ирода танец,
краток был твой обман.

Поберегись ножа гильотины
памяти – ты позабудешь меня
скоро ль? Не бойся, мы оба повинны.
Не Соломея я.

СНЕЖНАЯ СКАЗКА

– Рассказывай...
– Глаза слепит
снег, руки жжёт морозом.
А он, чудак, один в степи:
Идёт за зимней розой.

На лепестках синее тьма.
До новолуния снегом
её укроет, аромат
исчез, как будто не был.

Сомкнула веки, будто спит –
шипы густы, как брови.
Узнать бы, что её томит:
любовь ли, жажда ль крови.

– Хочу бутонами краснеть,
иди ко мне, отважный!
(...Не плачь по нём.
Всё – сон во сне –
в моей стране бумажной.

Трясём страну, легонько, днём –
надеждами и сплином.
Однажды бодро пропадём
под неподдельной глиной.)

ЛЁД

Согрей дыханьем дни промозглые.
Под строгим взглядом Боговым
речушка подо льдом, под воском ли.
И лебеди –

сугробами.

Меня согрей, держи под локоть, три
ладонь кругами нежными.
Тревожно, холод – до костей. Смотри:
там птицы

белоснежные!

Я знаю, лебеди накликали:
себе – забаву и жильё,
а мне – мою горячку скрытую.
Где птицы вместе,
тает лёд.

ОДЕРЖИМОСТЬ

Время торопишь

цвет не плоды – в горсти

в поиске верного места
ты пилигрим

неожиданно явится стих
неотвратимостью кровной мести

СЧИТАЛКА

О чём то словцо?
Как не быть овцой,
глупенькой овечкой
на мостках над бурной речкой,
о коняжкиной уздечке.
А что конь хотел?
В омут он глядел,
из омута воду пил,
сил на скачки накопил.
А омут...? Хочет – как слепых глаза –
помнить образá. Кто это сказал,
высОко пролетал
над холмом – гора не там.
А что хочет этот холм?
Хочет он греметь, как гром.
Непокой небесный хочет,
с треском, не промежду прочим,
разорвать простор.
Наперекор...
затишье подарком.
Радуги арка
что хочет? По грибы.
Жаркому утру – кабы
вьюга да стужа.
Смерти что нужно?
Сердце живое, чистую душу.

БЕЗДНА

Ну ж оторвись
Избавься от корней
Мучительны смирение и стыд
с которым обезличенных гостей

так щедро снова
угощаешь ты
Всё есть у них и каждый первый сыт
лишь бездны не найдётся в нажитом
Несчастливыми не могут быть?
А счастье
для счастливых – что?

ТЕТИВА

Сердцу ли не знать
как душа умеет уши
наострить когда услышит
как трепещет в теле страсть

Только
льдом по кромке вышит
горизонт всё уже
струйка света не весна – напасть

Март – но снега пух на ветках.
Пыл остудит холод зимний?
Лук взметнул Амур наметил
Цель запела тетива и – мимо

ВЫЖИДАНИЕ

С рифмой в подсознанье день хороший
у виска томится слово
а во снах упрямо сини рощи
вот пейзаж чего уж проще
получите холст готовый
думаю уже о новом

Наши друзья

Советуем почитать:

Журнальный мир: <http://xn--80alhdjhdcxhy5hl.xn--p1ai/vse-zhurnaly>
Союз писателей России: <http://www.rospisatel.ru/>
Союз писателей Беларуси: www.oo-spb.by/
День литературы: <http://denlit.ru/>
Сайт Международной славянской академии наук, образования, искусств и культуры: <http://slav-academ.ru/regions.html>
Дальневосточный журнал «Сихотэ-Алинь»: haos216@mail.ru Почтовый адрес: 690003, Владивосток, ул. Авраменко, д.17–65
Литературный журнал «Наш современник»: nash-sovremennik.ru
Журнал «Великоросс»: <http://www.velykoross.ru/>
Журнал «Экоград» Москва: <http://ekogradmoscow.ru/novosti/novosti-press-sluzhb/zhurnal-berega-pobedil-v-konkurse-zhurnalistskogo-masterstva-slava-rossii>
Виртуальный салон искусств «Преголя-арт»: <http://pregolia-art.com>
Международный пресс-клуб: <http://www.pr-club.com/>
Русский народный дом: <http://rusnardom.ru/russkaya-literatura/poeziya/intervyu-yunnyi-morits/>
Журнал «Воин России»: voin-rossii.ru
Журнал «Новая Немига литературная»: <https://zapadrus.su/partnery/novaya-nemiga-literaturnaya>
Портал Переправа: <http://pereprava.org/>
Московский журнал [//www.mosjour.ru](http://www.mosjour.ru)
Общество Русско-Американской дружбы «Добрая Воля» в Вашингтоне www.raga.org
Русская народная линия <http://www.ruskline.ru>
Журнал «Подъем»: <http://www.podiem.vsi.ru>
Культура в Вологодской области: <http://cultinfo.ru>
Журнал «Сибирь», гл. ред. Анатолий Байбородин, Иркутск
Журнал «Родная Ладога», гл. ред. Андрей Ребров, Санкт-Петербург – <http://rodnayaladoga.ru/index.php/onas?id=59>
Журнал «Петровский мост», гл. ред. Игорь Безбородов, Липецк
Журнал «Нижний Новгород», гл. ред. Олег Рябов
Альманах «Врата Сибири», гл.ред. Л.К. Иванов, Тюмень
Журнал «Белая вежа», гл.ред. Наталья Костюченко, Минск
Альманах «На нёманской хвали», гл. ред. Людмила Кебич, Гродно
«Эхо поэзии», руководитель проекта Эяна Суодене, Каунас: <http://ruspoetry.eu/>
Журнал «Корни», редактор Ольга Соколова, Рига: <http://www.korni.lv/>
Журнал «Настоящее время», гл.ред. Татьяна Житкова, Рига
Журнал «Территория слова», гл ред. Людмила Гонтарева, Донбасс
Журнал «Пражский Парнас», гл. ред. Ольга Белова, Прага
Международный альманах «Ступени», редактор Эльвира Поздняя, Вильнюс
Поэтический альманах «Письмена», редактор Юрий Касянич, Рига
Альманах «Резекне» – Almanah-rezekne.lv, редактор Ольга Орс, Латгалия
Литературный сборник «Светоч» (Общество литераторов «Светоч»), Рига
Литературный альманах «Океанус сарматикус», гл.ред. Альберт Снегирёв, Каунас
Литературный журнала «Аргмак», Татарстан, гл. ред. Николай Алешков
Литературный альманах «Крылья» (Луганск) <http://lugansk1.info/>
Литературный журнал «Жемчужина» (Австралия) <http://zhemchuzhina.yolasite.com>, гл. ред. Тамара Малеевская

О приобретении и подписке на журнал

Дорогие друзья! Помощь журналу, приобретение и подписка на журнал «Берега» осуществляется перечислением на карточку Сбербанка на счет: **2202 2009 0582 4080**.

Стоимость одного журнала — 500 руб. Подписка на год — 3000 рублей.

Свой почтовый адрес после оплаты выслать Лидии Владимировне Довыденко:
dovidenko_L@mail.ru